

ДАЛЬТО

4 (Чех)
P83

ОНИК

Стянислав

Рудольф

ДАЛЬТО

НИК

Stanislav Rudolf

Barvoslepy

Praha

v
Československý spisovatel
1978

Станислав
Рудольф

ДАЛЬТОНИК

РОМАН

Перевод с чешского
Веры Петровой

07

БИБЛИОТЕКА НГ
Инв. № 263716-11

(2)

Москва
«Прогресс»
1982

Предисловие *В. Александрова*
Редактор *Л. Новогрудская*

Р83 Рудольф С.

Дальтоник: Роман. Пер. с чешск. М.: «Прогресс», 1982. — 368 с.
И (Чехосл.)

Станислав Рудольф (род. в 1932 г.) — известный чешский прозаик, заявивший о себе в 70-е годы. Роман посвящен изображению жизни учительского коллектива одной из чешских школ в середине 60-х годов. Борьба с обмешанничеством и сопутствующим ему равнодушием — такова основная направленность романа С. Рудольфа.

© Stanislav Rudolf, 1978

© Предисловие и перевод на русский язык
издательство «Прогресс», 1982

Р 70304—713 104—82
006 (01)—82

470300000

БОЙТЕСЬ СТАТЬ РАВНОДУШНЫМИ

Роман Станислава Рудольфа «Дальтоник» можно было бы принять на первый взгляд за простое бытописание с заурядными любовными и служебными коллизиями, если бы он не был построен как многоплановое произведение, где за одним срезом событий открывается второй, третий...

Наряду с явными и достаточно ординарными действиями в книге вычерчиваются более сложные и тонкие композиции на некотором отдалении от авансены. Через какое-то время читатель обнаруживает метаморфозу: то, что первоначально представлялось лишь слегка намеченным, на самом деле оказывается главным содержанием произведения, и тогда становится очевидным его далеко не развлекательный смысл.

Эта неоднoplanовость романа обозначена уже в его названии. О каком дальтонизме идет речь? Главный герой — преподаватель школы-девятилетки в небольшом городке чехословацкой «глубинки» Губерт Влах — страдает дефектом зрения, он не может отличить один цвет от другого. Такой офтальмологический недостаток едва ли стоил бы разговора, если бы у литературного персонажа не было другой «болезни» — нарушения восприятия общественных интересов. Но именно в сфере общественных отношений в наши дни, как, впрочем, и всегда, чувствуется особая необходимость видеть мир во множестве красок, а не только в контрасте черного и белого.

В книге убедительно показано, сколь значительными издержками оборачиваются попытки замкнуться в скорлупе бытовых и собственнических интересов, какой урон несет человек, если он вместо активной позиции, вместо борьбы против пережитой им несправедливости, вместо отстаивания высоких общественных принципов, которым он внутренне предан, решает отгородиться от окружающего мира завесой равнодушия. На грань ду-

ховного опустошения и краха личных отношений выводит героя произведения ущербная концепция, которую можно было бы передать словами старой притчи: не вижу, не говорю, не слышу.

Когда читаешь книгу «Дальтоник» — не в начале, а больше к концу ее, когда сопереживаешь участникам бурного партийного собрания, о котором пишет Станислав Рудольф, — невольно вспоминаешь слова советского писателя Бруно Ясенского, относящиеся к далеким 30-м годам: бойтесь равнодушных! Правда, Станислав Рудольф идет дальше: он говорит не столько об опасности, исходящей от общественно анемичных людей, сколько об опасности стать равнодушным, поменять принципы на безразличие.

Роман «Дальтоник», изданный в Праге в 1978 г., вызвал интерес у общественности Чехословакии. Он получил премию издательства «Чехословацкий писатель», был отмечен критикой. Как писала газета «Руде право», орган ЦК КПЧ, книгу отличает смелый и взыскательный взгляд на развитие общества в конце шестидесятых годов. В печати Чехословакии отмечалось также, что критическое отношение к ряду пережитков, ироничный подтекст при описании отдельных ситуаций сочетаются в романе «Дальтоник» с оптимистическим видением мира.

Станислав Рудольф написал этот свой первый роман, когда ему было за 45 лет. Но как автор произведений для детей — повестей, пьес, сценариев — он известен давно. Его имя называлось в числе наиболее читаемых авторов при опросах пражских школьников.

Ко времени написания «Дальтоника» Станислав Рудольф имел солидный багаж знаний и жизненного опыта. Он жил и в провинции, и в столице, преподавал в сельской и городской школах, работал на педагогическом факультете Карлова университета, редактировал пионерскую газету и в 1970 году был назначен заместителем главного редактора одного из самых популярных общественно-художественных журналов в ЧССР — «Кветы».

«Хотя автор имеет немалый стаж профессионального школьного работника, — писал по поводу романа издающийся в Праге журнал «Златый май», — он не увяз в рутине школьной жизни, его взгляд не стал специфически учительским, он сохранил способность описывать с едкой

иронией и сарказмом явные и скрытые недуги». Станислав Рудольф, по мнению журнала, делает попытку понять причины отрицательных явлений, задумывается над тем, как бороться с формализмом, расхождением между словами и поступками, противоречием между активностью во имя личных выгод и бездеятельностью, когда дело касается общественных интересов.

Одна из литературных особенностей романа «Дальтоник» состоит в том, что он доступен самому широкому кругу читателей — от подростков до стариков. Каждый найдет в ней что-то примечательное и, можно сказать, не боясь этого слова, поучительное. Разнообразна тональность повествования. Некоторые ситуации вызовут улыбку, от знакомства с другими может и комок к горлу подступить.

Обращение ко многим адресатам и многим изобразительным средствам не мельчит книгу, ибо в конечном итоге оказывается, что разными средствами раскрывается одна проблема — человек и общество. Вместе с тем широкая палитра приемов позволяет высветить различные проблемы, то есть представить ситуацию в нескольких измерениях, в объемном изображении.

Возможно, это достоинство романа определено тем, что Станислав Рудольф как бы переносит свой опыт детского писателя и на взрослую аудиторию. Известны мудрые слова, что писать для детей надо так же, как и для взрослых, только лучше.

Юный читатель, к которому привык автор романа, как правило, не воспринимает дидактические длинноты. Ему нужны действия, а не рассуждения героев. Надо думать, что показать характер персонажей, их психологию, трансформацию взглядов через действие несравненно сложнее, чем через рассуждения. Зато эффект несомненен: поступки чаще всего запоминаются лучше проповедей.

В романе «Дальтоник» размышления героев сведены до минимума. Психология действующих лиц, их жизненные принципы, черты характера проявляются через поступки. Думается, такой подход — свидетельство добрых литературных качеств произведения.

Действие романа «Дальтоник» разворачивается в школьной среде. Но вряд ли следует считать, что книга посвящена лишь школьной жизни или учительской ра-

боте. Просто школа представляет для автора конкретную обстановку, где изображенные им персонажи полнее раскрывают себя, здесь происходит столкновение интересов, выявляются линии поведения и характеры в обострившейся конфликтной ситуации.

Описанная в романе коллизия может иметь и более широкое преломление. Такого же рода обстановка может сложиться и в учреждении, и на предприятии. Поэтому понятие «школа» можно вполне принять за один из символов, которыми, как отмечалось и в печати ЧССР, насыщен текст книги.

Символически не только недуг дальтонизма, но и пушистые зверьки — норки, разведением которых занялся Влаха, чтобы отключить себя от общественных интересов. В конце повествования он избавляется от тирании хищников, которые хотя и заперты в клетки, но сумели до предела сузить жизненное пространство своего хозяина-пленника. И опять символика, открывающая возможность для размышлений: зверьки ли пытаются кусать Влаха и над зверьками ли он чинит свой суд и приводит приговор в исполнение? Не подводит ли он черту и под своим недугом — дальтонизмом, только не в физическом, а в общественном его проявлении?

Хотя главным героем книги является Губерт Влаха, в центре общественного конфликта оказывается не только он, но и другой персонаж — преподаватель той же школы Йозеф Каплирж, фигура которого требует особого осмысления.

Если попытаться определить Каплиржа одним словом, то, пожалуй, больше всего подойдет — приспособленец. Это понятие для советской жизни представляет уходящее прошлое, так как сегодня у нас почти не осталось носителей идей дореволюционной формации. Но для Чехословакии такой человек мог быть частью реальности, поскольку далеко не все люди, сформировавшиеся при буржуазном строе, достигли хотя бы пенсионного возраста.

Каплирж живет замкнуто. Круг его интересов, раскрытый автором, ограничен. Мы знаем лишь, что он любит заграничные туристические путешествия и коллекционирует визитные карточки именитых людей. Писатель и здесь прибегает к символам. Визитные карточки, которые напоминают колоды карт, становятся своего ро-

да олицетворением живых людей, и Каплирж неустанно тасует их в своей игре.

Есть у Каплиржа и еще одно занятие вне рамок профессиональных интересов, это уже не «хобби», это страсть иного свойства: он собирает сведения, с помощью которых можно в нужный момент очернить, смешать с грязью любого из его коллег. Каплирж выискивает факты такого рода методично, не пропуская ни одной мелочи, и обстоятельно фиксирует все в своем кондуите с упоминанием дат и сопутствующих обстоятельств. Это, так сказать, бомбы замедленного действия. Они могут быть использованы, а могут и не сгодиться. Все зависит от обстановки.

Равным образом и сам Каплирж может обнажить свою натуру, а может прожить и с маской добродетели. Это также зависит от обстоятельств. Собственно говоря, как и собранное им досье, Каплирж представляет для общества не что иное, как заряд замедленного действия.

Когда же сработает это взрывное устройство?

Для этого нужно совпадение по крайней мере двух факторов. С одной стороны, должна вырваться субъективная готовность Каплиржа к действиям, которые в данном случае связаны со стремлением вскарабкаться по служебной лестнице. С другой стороны, нужны предпосылки общественного свойства, при которых корыстные действия Каплиржа могли бы выглядеть как защита общественных интересов.

Предпосылки складываются постепенно, по мере того как накапливаются факты нарушения дирекцией школы норм руководства коллективом, предаются забвению принципы коллегиальности и воцаряются самомнение и самоуправство. То есть деформация общественной жизни в школьном коллективе создает условия для того, чтобы пришли в движение силы, приспособившиеся к обстановке, но имеющие корыстные цели и готовые ради их достижения на деструктивные действия.

В романе «Дальтоник» Каплирж начинает действовать во имя карьеризма, иначе говоря, ради продвижения к должности директора школы. Достигнет он этого поста или нет, сказать трудно. Также невозможно определить линию его поведения на руководящем посту, поскольку Каплирж будет обладать и впредь тем же зарядом замедленного действия, грозящим вновь взорваться. При-

чем это может быть проделано не только ради карьеры, но и для достижения других целей, противоречащих интересам общества. Ведь приспособление тем и отличается от принципиального перехода на новые позиции, что сохраняются глубоко спрятанные связи с прошлым и даже тяготение к нему.

Поощрением к действиям Каплиржа служит общественное равнодушие таких людей, как Губерт Влах. Участники собрания, на котором Каплирж ринулся в бой с поднятым забралом, обращаются к Влаху с призывом определить свою позицию. Его слово, выступление человека опытного, наблюдательного, не лишенного остроты ума, не зависящего ни от начальства, ни от сослуживцев, может оказать существенное влияние на ход дискуссии.

Это понимают коллеги, понимает и сам Влах. Но он не в состоянии превозмочь личных обид, отрешиться от несправедливого решения администрации, определившего его судьбу. Влах уходит от обсуждения вопроса. И опять, в который раз, Станислав Рудольф вводит в повествование символ — ключи от автомашины, которыми беспрестанно поигрывает Влах, чем вызывает безотчетное раздражение окружающих. Эти ключи — свидетельство приверженности Влаха интересам, лежащим в стороне от интересов коллектива, да, возможно, и от общества в целом, ибо общество ждет от него, высококвалифицированного специалиста и члена партии, естественно, не шуток дефицитных норок, а прежде всего — полной отдачи сил на основной работе и проявления высокой гражданственности.

Видеть всю непорядочность действий карьериста Каплиржа, понимать ошибочность поведения резонерствующего директора Ракосника, чувствовать беспомощность товарищей, растерявшихся перед неожиданной ситуацией, и промолчать, прикрывшись маской равнодушия, — это все равно что нанести удар самому себе. Равнодушие, обращенное к обществу, оказывается в равной степени и равнодушием, обращенным к себе. При этом страдают обе стороны — и личность и коллектив, как непосредственный выразитель более широких общественных интересов.

Несомненно, равнодушие Влаха есть прежде всего результат сознательно выбранной им позиции. Но это

лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что на превращение активного в прошлом, принципиального человека в равнодушного обывателя имел существенное влияние произвол, перед которым Влаха как индивидуум оказался бессильным. Ведь именно по произволу администрации, как слишком строптивый, он был переведен с работы в гимназии в школу-девятилетку, да еще в маленький городок.

Этот произвол в определенной мере сродни той деформации общественной жизни, которая наблюдается и в самой школе, избранной Станиславом Рудольфом как место действия в повествовании. Таким образом, отступление от норм, определяющих социалистический образ жизни, может столкнуть одних с принципиальных позиций, отдать в плен равнодушию, и в то же время расчистить дорогу приспособившимся карьеристам, не имеющим высоких принципов.

Как вести себя перед лицом такой ситуации? Может быть, спасут безразличие и равнодушие? Но ведь равнодушие — это пассивность, которая превращает человека в объект воздействия других, не всегда добропорядочных сил. Более того, пассивность означает не сохранение каких-либо позиций, а сдачу их, процесс, финалом которого неминуемо становится потеря общественного лица. А поскольку личная и общественная жизнь людей тесно переплетены между собой, то производным углубления равнодушия может стать также крушение того, что принято называть личной жизнью.

Станислав Рудольф подводит своего героя к краю этой пропасти, дает возможность заглянуть в нее. Чувство иронии позволяет автору показать рядом грустное и смешное и вынести вместе с тем однозначное суждение: безразличие, отказ от принципиальности есть порочный путь, непригодный для общества.

В романе «Дальтоник» ответы даны не на все вопросы, да и не все вопросы четко поставлены. Скорее всего, это связано не только с тем, что затрагивается такая тонкая материя, как общественные проблемы, причины недосказанности, пожалуй, также и в стремлении автора пригласить читателя к размышлению.

Круг вопросов, о которых можно подумать, поспорить, включает и те, что связаны с окончательным решением Влаха «закрыть» свою ферму. Но есть и другие вопросы.

Окончательно ли выйдет из скорлупы личных обид Губерт Влах и не наступит ли некроз чувств, если их долго затягивать петлей равнодушия? Останется ли на месте директор Ракосник и что определяет шаткость его позиций — выпады внезапно появившегося изобличителя или собственные промахи? Сможет ли преуспеть карьерист Каплирж, который хоть и дискредитировал себя в коллективе, но сумел ловко замаскировать неблагоприятные действия демагогией борьбы за правду? Почему воздержался от слова старый, уважаемый всеми, принципиальный педагог Выдра? Что заставило его усомниться в кажущейся очевидности обстоятельств?

Однако эти вопросы сами по себе не имели бы большого значения, если бы автор всем своим повествованием не стремился сформировать у читателей активную позицию. Это, несомненно, одно из идейных достоинств произведения. Уродливые черты человеческой природы дискредитируются в глазах читателей поступками самих персонажей без того, чтобы навешивать на них какие-либо ярлыки.

Автор не дает модели поведения, могущей служить примером поведения в сложной обстановке общественного конфликта. Почему? Разве в жизни не было и нет примеров здорового и четкого разрешения споров?

Конечно, такие примеры есть. Да и в книге представлены люди, которые по своим моральным и интеллектуальным качествам могли бы все расставить по полочкам, дать оценку происходящему. Только нужно ли это делать?

Умудренные жизнью говорят, что чужой опыт не всему может научить.

Существеннее задаться вопросом: как бы я поступил в подобной ситуации? И если читателем такой вопрос будет задан, издательство, пожалуй, сможет поздравить себя с выпуском полезной книги, а читатель — выразить удовлетворение от того, что познакомился с интересным автором.

В создании книги принимают участие многие люди. Одни выполняют трудоемкую техническую и инженерную работу. На плечи других ложится художественная и политическая стороны дела, ибо печатная продукция всег-

да несет в себе идейный, воспитательный, пропагандистский заряд. Даже если это чисто беллетристическое произведение и автор его жил за тридевять земель в стародавние времена. Никакая публикация не бывает абстрагирована от актуальных интересов общества.

На долю нескольких людей из многочисленного коллектива, участвующего в выпуске книги, падает особая ответственность. Это — редакторы и переводчики, если издается переводная литература. Работа переводчика в таком случае не имеет ничего общего с механическим переключением слов с одного языка на другой. Он призван создать произведение, адекватное оригиналу по художественной ценности, передающее специфику авторской речи и учитывающее высшие литературные требования того языка, на который осуществляется перевод. Практически это значит, что переводчик становится со-автором писателя по тому или иному языковому варианту. Использование лингвокибернетических роботов при переводе по крайней мере беллетристики пока не предвидится.

Естественно, что переводчик наделяет героев книги своим пониманием проблем, хотя бы уже потому, что любое слово, любую фразу можно передать несколькими языковыми вариантами.

Отсюда вытекает необходимость, чтобы переводчик, редактор видели издаваемое произведение через призму современности, при этом сохранили возможный подтекст, делали его в переводе понятным и неоднозначным в той же степени, как и в оригинале.

Думается, что авторы русского перевода романа Станислава Рудольфа «Дальтоник» подошли с высокой мерой требовательности к своему делу. Их труд помогает советскому читателю лучше почувствовать проблемы, которые решают чехословацкие друзья, обогатить представление о труде и быте людей в братской социалистической Чехословакии, понять позицию писателя, активно выступившего против разрушающего душу равнодушия.

В. Александров

... Ибо, как и на службе военной, новобранцев отдают под опеку ветеранам, слабых — сильным, нерадивых — старательным, приказывая им воевать под одними знаменами и слушаться тех же приказов, покуда идет битва по всей линии фронта, так и в этой битве школьной быть должно...

Ян Амос Коменский, ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

Глава первая

Ровно в шесть взбесился будильник. Губерт Влах прихлопнул его ладонью, словно назойливую муху, и противные звуки тут же прекратились.

— Ну что там опять?.. — проворчала Дагмар, не поднимая головы с подушки. — Хоть в субботу дай поспать! — Спи, спи! Я иду к норкам...

На улице уже светало. Он одевался на ощупь. Для того чтобы достать из-под кровати носок, который сам же вечером туда забросил, ему пришлось опуститься на колени. Кое-как одевшись, Губерт отправился в ванную.

В шкафчике за дверью лежала сложенная спецовка, Губерт влез в нее и без завтрака — боясь потревожить Дагмар и детей — пробрался к дверям и отпер дом.

Он глотнул терпкого утреннего воздуха — ночной морозец, какие прихватывают землю в начале октября и тщетно осыпают серебром крыши и садовые ограды, был добрым предвестником наступающего ясного дня.

Губерт открыл двери прачечной и перетащил туда из сарая старый стол. Протерев его мокрой тряпкой, он аккуратно разложил на крышке инструменты, которые понадобятся при работе со шкурками. Два узких, опасно острых ножа, их для верности он всегда обматывал тряпкой перед тем, как спрятать в ящичек, деревянную колодку для растяжки шкурок, удивительно похожую на священные дощечки, покрытые письменами, — «когау ронго-ронго» с острова Пасхи, кожаные перчатки, вращающийся барабан, куда Губерт еще вчера насыпал буквых опилок, и, наконец, специальные тисочки. Тисочки Губерт плотно привернул к столу. Потом, взяв стоящий в углу деревянный ящичек со стеклянным глазком в крышке, отправился в сад, к своим норкам.

В клетках, расположенных в два ряда под навесом, сидели шестьдесят три зверька.

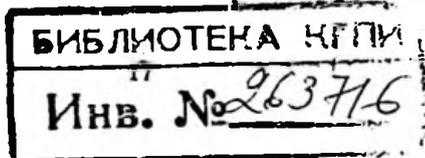
Сегодня одиннадцати из них придет конец. Вчера днем, тщательно отобрав и все обдумав и взвесив, Губерт решил забить девять самцов и двух самочек, тех, что весной принесли всего по два щенка. Работы хватит до самого вечера.

Приближаясь к клеткам, Губерт уже издали слышал, как норки топчут, возятся и дерутся, не признавая правил честной игры. Он знал, что зверьки коварны и поступки их неисповедимы. Впрочем, как и у людей.

Губерт Влах предпочитал общество норок, когда люди его обижали, да и занялся норками, в общем, по воле случая, неожиданно перевернувшего его жизнь. Судьба, как известно, играет человеком, она то ласкова, то немилосердна...

Еще три года назад Губерту порою казалось, что стрелку его жизни никто не в состоянии перевести на другие рельсы. Губерт Влах преподавал естествознание и химию в гимназии в Тынце, женат, жена моложе его на три года. (Не слишком ли мала такая разница между супругами? Иногда он считал, что Дагмар обращается с ним как с мальчишкой). Сын Яромир, с придурью, собственной его возрасту, восьмилетняя Романка, папина любимица, регулярная месячная зарплата, машина хоть и двадцатилетней давности, но абсолютно надежная — во время отпусков они исколесили на ней почти всю страну; домик на окраине Тынца, сад, до которого ни у кого из семьи не доходят руки, и лишь когда наезжают бабушка с дедом — родители Губерта, — то, поохав и поохав при виде непролазных дебрей, они расчищают те цветники, что видны с улицы.

У Губерта репутация человека весьма добросовестного, хотя излишне бескомпромиссного. Его настойчивость, правда, иной раз приносила добрые плоды. Именно благодаря упорству Губерта в старом здании гимназии удалось создать ультрасовременный кабинет химии, равно которому не было, пожалуй, во всем районе. Губерт руководил также педагогическим районным методобъединением. Все, кто знал Губерта Влаха, считали его принадлежность к компартии явлением само собой разумеющимся. Ни у кого не было причин усомниться в его взглядах.

Губерт сиживал и в приемной комиссии, которой предстояло решить, кто из оробевших мальчишек и девочек достоин после восьмилетки стать учеником гимназии и осчастливить ее на четыре года своим присутствием.

Именно с этого все и началось. В один из таких дней директор, продемонстрировав сорока будущим адептам науки невзломанные печати на конверте, вскрыл его и зачитал заключенные в нем четыре экзаменационных задания, после чего предложил Губерту написать условия на доске. Вскоре притихший было класс начал сосредоточенно работать.

Губерт остался с ребятами один. Он был настолько великодушен, что не замечал, когда какой-нибудь из дрожащих ребятшек заглядывал через плечо к соседу или шептал другому забытую теорему Пифагора. Он записал фамилию мальчишки, отпросившегося в уборную. Столь же аккуратно отметил его возвращение. Губерт несколько раз прошелся между рядами парт и заглянул в ребятские листки. В голову пришла мысль, что сейчас многие из них не просто решают задачи, определяется большее — их судьба.

Через полчаса Губерт пометил уход и возвращение еще нескольких учеников. Среди них снова оказался тот, кто отпросился первым. Бедняга или сильно волнуется, решил Губерт, или страдает почками.

Кое-кто из ребят уже приступил ко второму заданию.

Губерт уселся к столу, чтобы не отвлекать детей своей беготней. Он достал из кармана пиджака газету, нашел спортивную рубрику и углубился в чтение. Время, отпущенное на экзамен, как и положено, тянулось очень медленно. Иногда Губерт поднимал глаза и окидывал взглядом класс.

И вдруг он заметил, что тот самый мальчик, который зачастил в туалет, что-то списывает, заглядывая под парту. Губерт не стал ему мешать. Он спокойно выждал, укрытый газетой, а потом все так же спокойно поднялся, подошел к окну, поглядел на улицу и, поеживаясь, перешел к противоположной стене, затем вдруг, сделав несколько быстрых шагов, схватил с коленей нарушителя разложенный лист бумаги.

Если сидя за столом, Губерт предположил, что мальчишка подсматривает забытые математические форму-

лы, но теперь убедился, что тот переписывал с листка безукоризненно правильно решенные задачи, полчаса назад выведенные им, Губертом Влахом, мелом на доске.

Кое-кто из ребят оглянулся, но не заметил ничего подозрительного, настолько внезапным и быстрым было вмешательство учителя. Долгая практика, когда Губерту приходилось вытаскивать у ребят из-под парт запретное чтиво, выработала у него необходимые рефлексy. Губерт Влах смерил парня взглядом. Тот, побледнев, положил ручку перед собой.

Взяв у него листок с печатью школы, Губерт обнаружил, что мальчишка уже успел переписать начало второго задания.

— Можешь себя больше не утруждать! — сказал ему Губерт тихо, но весьма твердо и вернулся к своему столу. Мальчишка сидел, подперев голову рукой, и вид у него был достаточно вызывающий.

Губерт все понял: мальчишка вынес контрольную из класса, и в уборной кто-то ее решил, а через полчаса тот снова явился за нею, пользуясь своим правом на необходимые физиологические отправления.

Но вся неприглядность этой истории казалась очевидной одному только Губерту. Юный мошенник был сыном секретаря районного национального комитета.

— Ну и что из того? — спросил Губерт, когда директор гимназии, не скрывая замешательства, проинформировал его об этом.

— Досадно! Ах как нескладно получилось! Тебе, Губерт, просто следовало бы закрыть на все глаза! Другие ведь наверняка тоже списывали!

— Тогда зачем меня к ним приставили? — спросил Губерт.

Директор снисходительно усмехнулся:

— Таково предписание свыше. Ты и сам это знаешь...

Губерт прислонился спиной к дверям директорской.

— Ну и что вы собираетесь с этим делать? — показал он на два листка бумаги, которые, как вещественное доказательство, директор положил на свой стол.

— Оставь, Губерт! У мальчика одно задание выполнено, да еще часть второго! Этого достаточно, чтобы он прошел! Отнесись к случившемуся разумно...

— Но почему? Почему мы должны принять мальчишку, который жульничает, а кого-то другого, кто честно

трудится, думает, пот проливает, из-за такого вот оставить за бортом?

Директор в раздумье раз-другой прошелся по кабинету. Он не выносил неприятных ситуаций, был врагом конфликтов и старательно избегал любых недоразумений. Инструкции, которые в огромном множестве спускали осенью из района или области, он выполнял беспрекословно и даже перевыполнял. До пенсии директору оставалось всего два года, и он ждал ее с нетерпением.

— Послушай, Губерт! Его отец — общественный работник! Член компартии! Уже с политической точки зрения мы не можем позволить себе исключить мальчика из школы и предать эту историю огласке. Ты понимаешь, что будут говорить в городе?

Губерт сморщил лоб.

— Именно потому, что его отец — коммунист, сын не имел права унижать себя подобным мошенничеством! — сказал Губерт решительно. — Что скажут об этой истории беспартийные?

Директор засмеялся:

— Думаю, что его отец об этом и знать ничего не знал...

Пришла очередь рассмеяться Губерту:

— Надеюсь, ты не станешь вкручивать мне мозги, что мальчишка все это организовал сам! Я не такой дурак, как тебе кажется!

— Изволь говорить со мной уважительно!

— Я очень стараюсь! — проглотив подступивший к горлу комок, сказал Губерт и спросил: — Что ты намерен делать с этими бумажками?

— Это уж предоставь мне!

Директор вернулся к своему столу и аккуратно спрятал обе странички в ящик.

— Предупреждаю, товарищ директор, что я не подпишу протокола экзаменов, пока к нему не будет приложена эта шпаргалка! — выкрикнул Губерт Влаха.

— Силой я тебя, конечно, принуждать не стану! — ответил ему директор.

Губерт в бешенстве захлопнул за собой двери.

Протокол он не подписал. Впрочем, сие и не понадобилось. Среди учителей нашелся другой, более сговорчивый, который охотно это сделал, чтобы у школы и у директора не было неприятностей.

Мальчика в гимназию, разумеется, приняли.

Губерт всю эту историю выложил на ближайшем же партийном собрании.

Директор гимназии поднял руку и, когда старый Выдра дал ему слово, долго говорил о тактике партии в будничной, повседневной работе, о том, что эту историю со шпаргалкой следует рассматривать прежде всего с политической точки зрения. Кому пойдет на пользу, если мы разгласим, что мальчик списывал на экзаменах?

— Прежде всего на пользу самому мальчику! — перебил директора Губерт Влах.

— Нет, Губерт, это принесет всем нам один только вред: тебе, мне, школе! Нашей партии!

— Очковтиратели партии не нужны! — снова выкрикнул Губерт и посмотрел на председателя. Старый Выдра согласно кивнул головой.

— А впрочем, — вдруг улыбнулся директор, — как ты докажешь, что это был не черновик и что мальчик переписывал не с черновика?! Ты что, схватил его за руку, когда, как утверждаешь, он принес шпаргалку из уборной?

— Я не шпик! — отрезал Губерт Влах.

Директор, довольный тем, что нащупал слабое место в доводах Губерта, а следовательно, и во всей этой неприглядной истории, которую пытался раздуть упрямый естествовед, уверенно продолжал:

— У меня предложение: снять вопрос с повестки дня! Ваше мнение, товарищи?

Присутствовало пять человек. Директор, Выдра, негодующий, мечущий грома и молнии Губерт Влах и две перепуганные учительницы, которые немедленно вскинули руки в поддержку начальства. Трое против двоих. То, что старый Выдра голосовал против предложения директора гимназии, было для Губерта малым утешением.

К концу года отношения Губерта Влаха с директором приняли сугубо официальный характер. Каждый раз их беседы проходили с телеграфной краткостью. Раз-другой они обменялись еще мнениями на партийном собрании. В первом случае речь шла о характеристике Иржи Челиша, отец которого некогда отказался отдать часть своего сада под строительство автосервиса, чем выказал, по мнению некоторых, враждебность по отношению

И «Муниципалитету». Правда, впоследствии его отказ был признан разумным, ибо областной архитектор, которому этот участок был предложен, ни в коем случае не соглашался строить посреди города бензоколонку, отравляющую округу бензиновыми испарениями. Для нее потом нашлось более подходящее место под холмом Коштофранком. Но директор школы по-прежнему полагали отстаивал свое мнение, что подобное негативное отношение отца мальчика к официальным органам может проявиться в будущем и у сына, если тому придется заниматься общественными делами. К счастью, директора удалось переубедить и он дал рекомендацию юному Челишу в строительный институт, которую подкрепил своей каллиграфической подписью. В другой раз директор решительно выступил против приема молодой учительницы в ряды кандидатов в члены компартии, так как у нее, насколько ему стало известно, какое-то время были близкие отношения с женатым мужчиной.

— За два года своей работы в гимназии Конделикова сделала множество полезных дел! — возразил директору Губерт Влах.

— Тем не менее рекомендую не спешить! — настаивал директор.

На каникулы Губерт Влах с Дагмар и Романкой отправились в Южную Чехию. Яромир поехал в пионерский лагерь.

Они вернулись за десять дней до начала занятий. На почте Губерта ожидало заказное письмо из областного национального комитета. Инспектор облоно ставил Губерта Влаха в известность о том, что с первого сентября его переводят на работу в школу-девятилетку, находящуюся в Крушетицах. И все! Без каких-либо объяснений, без указания причин.

Губерт ринулся к директору гимназии. Тот был в своем саду, в одних трусах и в шляпе, он собирал богатый урожай клубники.

Сделав удивленное лицо, директор заявил, что ему известно не более, чем Губерту. Он получил только копию решения облоно, и ничего больше.

Губерт немедленно отправился в облоно.

Инспектор, подписавший письмо, был, как и следовало ожидать, в отпуске, его заместительнице причина пе-

ревода Губерта была известна довольно туманно. Вроде бы, сказала она, Крушетице сами затребовали его.

Губерт усмехнулся, выслушав совет в следующий раз справляться по всем вопросам по телефону и узнавать заранее, на месте ли товарищ инспектор. Ведь путь из Тынца сюда не близкий!

— Скорее наоборот! — заметил Губерт с иронией, — от вас до Тынца!

Намек она истолковала по-своему и удовлетворенно рассмеялась. Через несколько дней Губерт до инспектора дозвонился.

— Да, да, конечно, знаю, товарищ Влах! Это не наказание. У нас нет причин кого-либо наказывать, а тем более тебя! Пойми, мы не можем заниматься каждым отдельным переводом! Кроме того, ты уезжал в отпуск. Конечно, ты имеешь право на отпуск, как и всякий другой! Но нам необходимо укрепить кадры в Крушетицах, это запрос роно. Естествознание и химия там поставлены слабо, у тебя же высшее педагогическое образование, видишь, у меня имеется о тебе полная информация. Там ты сможешь применить свои знания и опыт, не так ли? Что? Ну, это предоставь нам! В Тынец придет молодая учительница, только что окончившая институт. Нет, нет, мы действительно пошли навстречу району в его просьбе об опытном квалифицированном педагоге. Более того — члене партии! Я убежден, товарищ Влах, что там тебе будет намного лучше, чем в Тынце, желаю успеха...

Губерт не стал слушать, что он там еще скажет, и в гневе хлопнул трубкой. И тут у него впервые за много лет появилось желание выпить до бесчувствия... За несколько дней до начала занятий он, как дисциплинированный человек, явился в Крушетице, в школу.

Губерт натянул кожаные перчатки и откинул крышку клетки. Вчера он пометил ее мелом, так же как других. В отсеке притаились две норки, обе перовые. На меньшую Губерт легонько дунул. С этичками нужно обходиться очень осторожно, ни-ее знаешь, чем их можно напугать, а в шоке они-т. Он выждал, пока та, большая, повернется к-инной, и тут же, быстро ухватив ее за шкурку у

самой головки, вытащил из клетки. Вторая мгновенно забилась в отсек.

Губерт отнес зверька к небольшому садовому столику под навесом, где стояли клетки с норками, укрепленные на высоких столбиках. Там был также ящичек со стеклянным окошком и баллон с пропан-бутаном. Переносная газовая камера. Губерт знал, что звероводы забивают своих питомцев различными способами. Из возможных трех-четырёх умерщвление газом казалось Губерту наименее жестоким, хотя смерть наступала, как правило, не сразу. Губерт умертвил одного за другим одиннадцать зверьков. Преобладали стандартные черно-коричневые, но были и три перламутрово-серых самца да парочка белых. Губерт в два приема перетащил их в прачечную и аккуратно разложил на полу, на разостланные газеты, внимательно следя, чтобы мех не пересыхал. Норка и после смерти остается очень нежным зверьком. Тот, кто взялся за их разведение, круглый год живет в неустанных заботах: хорошо ли прошло спаривание, сколько самка принесла щенков (надо не менее пяти-шести), не нагрянула ли хворь, не вывесили ли на бойне мясокомбината табличку с надписью «Карантин» и не остался ли ты без корма. Он беспокоится, чтобы у норок хорошо прошла линька, чтобы не порезать шкурки, когда станет их снимать, и, наконец, чтобы в этом году заготовители хорошо платили. Но несмотря на все, бывают и у «пушнарей» счастливые минуты полного блаженства. И не только когда заготовитель шуршит на столе зелеными стокронными бумажками. «Пушнарь» радуется, когда появляются на свет щенки, крохотные и беспомощные, когда, приближаясь к клеткам, он слышит жужжанье, словно в улье, — это бывает обычно перед спариванием — тогда за сезон прибывает не менее тридцати норок. Подобных коротких всплесков радости немало, забот, однако, во сто крат больше.

Губерт надрезал первому зверьку кожу на задней лапке и насадил тушку на крюк, повернутый тисочками к столу. Он пододвинул стул и начал очень медленно сдирать шкурку. Это была кропотливая работенка, дела хватит на час, не меньше, но игра стоит свеч. Потом он надел шкурку на «когау ронго-ронго», то есть на соответствующую колодку, и стал соскабливать сало в старый котелок. Когда котелок наполнится доверху, Губерт

вытопит сало и продаст. Косметическая промышленность охотно покупает норковый жир, потому что он обладает исключительными регенеративными свойствами. С тех пор как Губерт занимается норками, руки у него стали гладкими, как у девушки. Каждый раз Губерт оставляет пузырек и для Дагмар.

Сняв шкурку со второго зверька, Губерт отправился завтракать. Когда же на веревке заколыхалась пятая шкурка, явилась Романка и объявила, что обед на столе. Губерт торопливо поел и снова побежал в прачечную. Последнюю шкурку он обрабатывал, когда уже стемнело. Пришлось зажечь свет. Губерт вытер нож и удовлетворенно оглядел всю веревку. Ни одной шкурки не порезал, и если не будет усадки, то по меньшей мере девять из них могут пойти по первому сорту! Губерт затопил печку, ночью он встанет и подкинет топлива, шкуркам нужна постоянная равномерная температура. Тогда они останутся упругими и мех их будет отдавать металлическим блеском.

— Я заработал тебе пять тысяч, не меньше! — объявил он жене, когда вернулся в кухню. Дагмар гладила белье. На кухонном столе было расстелено одеяло — когда-то им укрывали Яромира, чтобы не озяб ночью, — на нем простыня — остатки приданого Дагмар. Кухня благоухает чистым бельем. Первый день уик-энда она всегда посвящает генеральной уборке, стирке и глажке. Яромир, наверно, занимается в своей комнате, Романка ушла с подружкой в кино.

Губерту вдруг захотелось есть, он полез в холодильник и стал рыскать в нем с энергией сыщика Скотленд-Ярда, напавшего на след.

— Ты что-то сказала? — Губерт повернулся к жене, ему показалось, что он не расслышал ответа. — Жутко есть хочется!

Дагмар перевернула рубаху и принялась уютить воротник.

— Не знаю... — произнесла она с подчеркнутым безразличием. — Там котлеты лежат, возьми!

Губерт, громыхнув сковородкой, захлопнул холодильник.

Подойдя к столу, он увидел вазу с тремя алыми гвоздиками.

— Это чьи же?

Дагмар взмахнула рубахой и ответила:

— Мои.

Губерт поставил сковородку прямо на скатерть.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы брал подставку? — возмущилась Дагмар.

— От кого?

— Одна от Романки, две от Миры!

Губерт вылез из-за стола и подошел к стене, где висел календарь, проехался пальцем по длинному ряду цифр и к своему ужасу обнаружил, что у Дагмар сегодня день рождения. Вот так штука!

Он снова уселся к столу. Есть сразу расхотелось.

— Прости меня, Дагмар! Совсем из головы вылетело с этими норками...

Дагмар повесила выглаженную рубаху на спинку стула.

— Ничего, — усмехнулась она горько, — ведь это же мой день рождения!

Губерт размышлял, чем бы ее задобрить. Начать приставать с поцелуями абсолютно бессмысленно. Кондитерские в такое время уже закрыты, а ведь достаточно было купить коробку конфет! И тут его осенило:

— Поехали куда-нибудь поужинаем...

— Я уже поела и голода не испытываю... — Дагмар разложила на столе полосатую майку сына и перевела на утюге колесико регулятора.

— Ну вот, обиделась!.. — сказал Губерт с упреком.

— Почему? Я к твоему вниманию уже привыкла.

Он в бешенстве стукнул кулаком по столу:

— Прошу тебя! Ведь ты же не ребенок, чтоб не понять — я целый день провозился с норками! Их надо было забить, ты же сама понимаешь, что это такое! А пользы мне от них ничуть не больше, чем тебе! Я на себя и кроны не потратил!

Он был не совсем прав. Он имел от норок много больше, чем его жена. Дело ведь не только в деньгах!

В те дни, когда решилась его судьба, прежде чем впервые войти в крушетицкую школу, Губерт до малейших подробностей продумал план своих будущих дней, месяцев, а быть может, и лет. Он остро переживал, и, конечно, не без оснований, что с ним обошлись несправедливо. Он не стал выяснять, кто был инициатором его перевода: перепуганный ли насмерть директор или сам

секретарь районного национального комитета. Если бы Губерт знал точно, то, возможно, стал бы бороться, но решение было прикрыто благовидным предлогом, а противник — аноним. В таких случаях трудно целиться, а тем более стрелять!

Итак, значит, Крушетице.

Каждый день двадцатиминутная тряска в автобусе. Что ж, можно пережить.

Губерта, скорее, коробило, что придется учить десятилетних сопляков. С ребятами, без пяти минут выпускниками, — разговор другой. Губерт старался научить их работать систематически и упорно, самостоятельно проводить опыты и уметь делать правильные выводы. Это у него получалось.

А это кто? Кого он будет учить? Перваки, улитки, червяки, гусеницы! Ты почему не стрижешь ногти? Что? А Коваржик обзывается!..

Впрочем, и это тоже кто-то должен выслушивать!

Но хватит! Теперь-то он станет строго следовать тому, что предписано. А что касается большего — дудки! Гори все огнем, он палец о палец не ударит. Раньше Губерт кипел на работе, глядя на него, активнее становились и другие преподаватели.

Теперь же, как только ему отведут кабинет, он станет там просиживать все переменки.

Предложенных, а тем более навязанных функций и общественных нагрузок брать на себя не станет! Все! Хватит!

Регулярно проводятся педсоветы, профсоюзные и партийные собрания. Губерт сидит позади, у самых дверей, и молчит.

В Крушетицах к нему постепенно привыкают.

Но Губерта Влаха вдруг начинает одолевать хандра, ощущение пустоты. Он в вакууме.

Не вышедший на пенсию пенсионер! Духовный инвалид, которому из милости дают работу, принимая во внимание его прошлые заслуги.

На него давит, пугая, обилие свободного времени, которого он прежде был лишен. Он слоняется по дому. Исправлены все замки, побелен погреб, он путается на кухне под ногами у Дагмар, целый день пилит на циркулярке три кубометра дров, которые сбросила у него во дворе машина лесничества, пытается читать, но не мо-

жет сосредоточиться. Тогда он начинает окапывать сад! И окапывает до вечера.

Он прикрепляет к столбу радиоприемник, передают музыку и разные сообщения, к саду давно пора приложить руки, женщина-диктор рассказывает о разведении норки в домашних условиях, коротко информирует о выгодных заготовительных ценах и о том, как разводят норку за рубежом. Вечером Губерт объявляет жене, что займется разведением норок. Дагмар не возражает, более того, едет вместе с ним километров за двадцать от Тынца, в деревню, посмотреть, как все это выглядит...

В тот раз Губерт повернул свою «октавию» с площади в боковой проулок. Найти новенькую, недавно отстроенную виллу оказалось не трудно. У ворот стоял голубой «сааб». Дагмар заговорщически улыбнулась мужу. Их старенький драндулет рядом с этим ландо выглядел словно бедная родственница.

Но уезжая вечером, они уже несколько не сомневались, что не пройдет и двух лет, как в их дворе будет блистать крикливой желтизной новенький «пежо» или «Р-5».

На субботу и воскресенье Губерт одалживает сварочный аппарат и сооружает восемь железных клеток. Его племянница Милена, что работает в Колине, в отеле, администратором, достает ему почти что даром списанный холодильник. Губерт привозит его и устанавливает в подвале под лестницей. Затем навещает всех мясников в округе, чтобы выяснить, нет ли у них большой мясорубки. Проходит почти три недели, пока во «Вторсырье» найдена подходящая — за пятьдесят крон мясорубка становится его собственностью. Остается лишь сменить моторчик. За это время Губерт успевает познакомиться с мясником Кучерой. Дагмар устраивает его сына на операцию в военный госпиталь в Стржешовицах. За эту услугу мясник согласен раз в неделю оставлять им мясо.

И только теперь можно наконец покупать норок. Губерт приобретает пятерых самочек и двух красавцев самцов.

Так Губерт Влах становится «норочником».

Он и в самом деле получает от норок больше, чем Дагмар. Возле них он заново обрел душевное равновесие и спокойствие. Норки заполнили все его свободное

время. На норок всегда можно сослаться, если его о чем-нибудь просят в школе. Губерт не располагает и часом, он занят, ему некогда. Наша легкая промышленность нуждается в норковых шкурках. Губерт обеспечивает государство твердой валютой. И его время поэтому тоже ценится на вес золота. Подготовка к урокам, однако, остается для него по-прежнему священной. Тут его никто ни в чем не может упрекнуть. Губерт скрупулезно учитывает все методические рекомендации. В его классах не бывает бессодержательных уроков. И это знают все.

Но сейчас Губерту все труднее справляться с норками. Они размножаются! И в соответствии с ростом популяции растут заботы. На бойню Губерт ездит теперь по пять раз в неделю. Ежегодно пропускает через мясорубку двадцать килограммов печенки или коровьей требухи. Добавляет в это месиво пшеничные зерна, сухую люцерну, горсть дрожжей и ложку извести с фосфором и эту гадость потом разносит по клеткам. Через день убирает экскременты. Вечером старательно вписывает в картошку сведения о переменах в «семействе» норок. И лишь после всего этого он может сесть и подготовиться к очередным занятиям в школе.

Но у Губерта и в самом деле теперь не остается времени на горькие экскурсии в прошлое.

Это, бесспорно, ему на пользу. И он об этом помнит.

Но забывает, что у жены сегодня день рождения.

Сегодня Дагмар стукнуло тридцать девять. На три года моложе Губерта. Не мало ли? Нет, он своей женой вполне доволен. Примерная мать, отменная хозяйка и сейчас, после почти двадцати лет супружества, темпераментная любовница. Чего еще желать? Дагмар взяла на себя и все заботы по хозяйству и о детях. Лишь иногда Губерту приходится понукать Яромира, чтоб готовил уроки, да отпускать ему авансом пару оплеух, и снова в семье наступает мир. Если отбросить три-четыре дня в месяц, когда Дагмар становится невыносимо раздражительной, они живут идеальной семейной жизнью.

Тем более Губерту совершенно непростительна забывчивость! Он знает, что подлизываться бессмысленно. Пропал субботний вечер. Теперь поесть, выкупаться, включить телевизор — может, покажут что-нибудь приличное, потом сбегать вниз, подбросить в печку и завести будильник на два, чтобы за ночь не заглох огонь.

Глава вторая

Директор Ян Ракосник пребывал в отличнейшем расположении духа. В школу он пришел, как обычно, немногим позже семи, и, несмотря на то что утро было дождливое, тротуары мокры, а дождь прибил к земле опавшие листья тополей и берез, чтобы ветер не смог их унести, директор чувствовал себя свежим и полным энергии. Вдыхая воздух, он ощущал в носу приятное щекотание одеколона, который употреблял нещадно, но не для того, чтобы окружающие считали его представителем фирмы «Шанель», а потому что не мог лишиться себя ничем не восполнимого, почти животного удовольствия от острой боли, которую испытывал, когда после бритья протирал лицо одеколоном. Это был заключительный акт утреннего ритуала. Сегодня к тому же он слышал, как его жена напевала, приготавливая завтрак для них троих, пока малышка Оленька старательно одевалась в своей комнате. Эти звуки не были в прямом смысле этого слова пением. Алена лишь присоединилась к певцу из радиоприемника, который старался убедить своих проснувшихся соотечественников, что полезней разводить дождевых червей, чем разгадывать кроссворды; такое мурлыканье и ля-ля-ля... не следует недооценивать или сбрасывать со счетов, когда один из партнеров — а именно супруг — старше на шестнадцать лет.

Директор Ракосник открыл ключом свой кабинет, аккуратно повесил пальто на плечики в шкаф, а увидев свое отражение, промелькнувшее в маленьком зеркальце, снова повернулся к нему и подтянул узел галстука, который во время ходьбы или при резких движениях у него обычно сбивался на сторону. Этот галстук директор Ракосник носил весьма охотно, он подходил к его желтой сорочке и пиджаку цвета меда. Одежда мужа была предметом забот Алены, а уж она точно знала, что мо-

жет себе позволить ее супруг при своих ста шестидесяти четырех сантиметрах роста, и принципиально заказывала ему костюмы у частного портного, словно бы брезгуя покупать готовую одежду. Она утверждала, что мужчины невысокого роста — Алена никогда не употребляла слово «маленькие» — обязаны быть очень внимательны к своей внешности, чтобы не прослыть неряшливыми. В этом вопросе Ян Ракосник охотно подчинялся своей жене.

Он сел к письменному столу, отпер ящики и достал из верхнего пачку сигарет. Закурил. Первую затяжку выпустил через нос и проследил за голубоватым дымком, который рваным парашютиком свободно воспарил вверх. Директор Ян Ракосник пытался снова вернуть себя в тот вчерашний сладкий переход от вечера к ночи. Алена способна из любой нудной, затасканной песенки сотворить совершенную симфоническую поэму, она была интеллигента и вместе с тем чуть простовата. Первая жена Ракосника позволяла брать себя, Алена же брала его. Это не была животная, дикая страсть, она это делала спокойно, как гурман, который у накрытого стола желает вкусить от каждого аппетитного блюда. Когда все кончалось, он возвращался из ванной с ощущением чистоты и легкости, и оба быстро засыпали.

До слуха директора Яна Ракосника донеслось детское хоровое пение. В классе рядом репетировал Камил Маржик со своим хором. Ракосник подчас восхищается этим длинноволосым парнем, который сумел заставить детей трижды в неделю вставать на час раньше и сломя голову мчаться в школу. Камил работает в крушетицкой школе второй год, и все это время из-за какой-то странной непоследовательности в его поведении у него случаются накладки — то мелкие, то покрупнее. Камил Маржик больше музыкант, чем учитель. Не успев появиться в школе, он в первые же две недели создал детский хор. Камил играет на рояле, на кларнете и на саксофоне, а если понадобится, сыграет и на скрипке. Правда, директора Ракосника слегка шокирует, что Камил выступает по ночам с местным молодежным ансамблем таких же, как он, любителей легкой музыки. В прошлом году этот ансамбль оказался на вечере, который устраивал комитет родителей и друзей школы. Естественно, директор Ракосник выпроводил их в соседний зал Дома культуры;

как известно, родители и друзья школы предпочитают приглашать духовой оркестр. При первом же удобном случае он, директор Ракосник, предложит Камилу подстричься и приобрести более приличный костюм! Что хорошего, если человек, да к тому же педагог, не видит разницы между школой и прериями! И такой случай представится директору очень скоро. Достаточно предложить учителям написать отчет об использовании на уроках наглядных пособий! Вот тогда Камил понесет такую околесницу, что не взбредет в голову и самому изощренному фантасту.

В соседней комнате скрипнула дверь. Это пришел заместитель директора Еглик. Ему осталось всего два года до пенсии, он — обладатель звания «Заслуженный учитель» и страдает *angina pectoris**. Капризную осеннюю погоду с внезапными перепадами давления и утренними туманами Еглик переносит неважно. Как педагог замдиректора Еглик выше всяких похвал и еще выше как административная единица. Много лет назад он был инспектором облоно. Учителя, те, что постарше, помнящие его в этой функции, дружно утверждают, что во время инспекционных проверок он держал себя весьма иронично. Потом его скинули. Злые языки утверждают, будто бы в то время поговаривали о каких-то взятках, хотя никто Еглика, как говорится, за руку не хватал. Но вот в один прекрасный день он вдруг объявился в Крушетицах, имея в кармане приказ занять место заместителя директора.

Ян Ракосник со спокойной душой вверил ему все школьное делопроизводство, а это уже немало. Еглик преодолевал административные трудности легко, никогда не забывал докладывать обо всем, о чем требуется доложить вышестоящим органам, и вовремя отсылал отчеты и сводки, из чего можно было заключить: Еглик всем доволен и административная деятельность — его страсть. Впрочем — приходило иногда в голову директору, — это происходит из ностальгии Еглика по былым временам. Ведь когда-то подобные отчеты и сводки приходили в облоно на его, Еглика, имя.

Директор Ян Ракосник стряхнул пепел в хрусталь-

* Грудная жаба (лат.).

ную пепельницу, подарок одной из выпускниц, которая теперь учится в школе стеклодувов, встал и подошел к окну. Из окна было видно серое небо, волнистая линия холмов за городом, блестящая черепица крыш и безжизненные окна опустевших на зиму дач. Если наклониться, касаясь лбом стекла, то можно увидеть тротуар, по которому тянутся в школу дети. Он узнает и молодую женщину, она ведет за руку кудрявую девчужку. Это Эва Мокра. Преподает в школе чешский язык и историю. Директор наблюдает за ней на совещаниях. Она никогда не поднимет руку, чтобы взять слово, не улыбнется, когда остальные хохочут, ей все понятно и все безразлично. Она кладет перед собой развернутые газеты — даже издали можно определить, что они иностранные: английские или немецкие, — читает, переворачивает листы в тот момент, когда ей кажется, что директор слишком углубился в проблемы и ничего не замечает. Ему не хочется делать ей при всех замечание, но сейчас он злится на себя за непоследовательность, хотя отлично понимает, что Эва не изменится и другой не станет. Зайдет Эва с дочкой в детский сад напротив? Сейчас они должны перейти улицу. Нет! Значит, туда они не пойдут, потому что в крушетицком детском саду нет мест и Эва должна ждать своей очереди, как ждут другие матери. Директор Ракосник вспомнил, что ее заявление рассматривалось на профкоме, но все пока безуспешно.

За его спиной послышался стук. Не успел он ответить «войдите», как в кабинет вошел Еглик, почему-то одетый в черное пальто. Он тоже курил, вставив сигарету в длинный мундштук, на лице заместителя играла приветливая улыбка.

— Доброе утро... — сказал Еглик.

— Здравствуй, Франтишек! — Ракосника поразила его необычная бледность, или это по контрасту с черным пальто? Директор подошел к своему заму и протянул ему руку. Такое случалось не каждый день, и он не смог бы объяснить себе, почему пожимает его руку именно сейчас. Быть может, потому, что они совсем одни в этом тихом пока кабинете?

— Пойдем ко мне, я тебе кое-что покажу! — сказал Еглик.

Ракосник последовал за ним. Они вошли в комнату рядом с директорской. Вдоль стен громоздились сло-

женные аккуратными штабелями новые учебники, стояло несколько пар лыж — седьмой класс поедет зимой с Прскавцем и Боженкой Кутнаеровой в Крконоше. На письменном столе лежали формуляры, бумаги и папки с каллиграфическими надписями, указывающими на их содержимое. Угловая комната с двумя окнами: одно выходит на улицу, как и окно директорской, второе — в школьный сад. Еглик подвел директора именно к этому окну, отшвырнув по дороге полуоткрытую картонную коробку с какими-то новыми учебными пособиями.

— Посмотри! Ты видишь его? — кивнул Еглик и, стиснув зубами мундштук, глубоко затянулся. В саду между рядами роз прохаживался мальчуган. Голова его была низко опущена, руки сложены за спиной. Десять шагов по дорожке в сторону теплицы, столько же — обратно.

— Ты про мальчишку?

: — Да!..

Он похож на директора зоопарка, к которому нагрязнуло стадо жирафов! — подумал директор, но вслух сказал:

— Ну и кто же это?

— Бенда-младший!

— Златко?

Мальчик внизу вдруг остановился. Подперев правой рукой подбородок, левой он подхватил себя под локоть и с минуту стоял замерев, потом дернулся и пробежал до теплицы, после чего размеренно зашагал обратно, словно лошадка, запряженная в карету.

— Что он там делает?

— Мыслит...

— Ему давно пора сидеть в классе, я спущусь за ним!

— Нет, подожди, — задержал директора Ракосника его заместитель. — Я лучше скажу его отцу, если он в учительской, пусть сам за ним сбегает.

— Нормален ли этот мальчишка? — засомневался вслух Ракосник. — За эти годы в школе я кое-что повидал, но этот — феномен!

Еглик распахнул дверь в учительскую, окинул взглядом присутствующих учителей, которые курили или грызли яблоки из корзинки, принесенные Лексой, но, обнаружив Бенды, поздоровался и опять прикрыл двери.

«О!» — Он, наверное, наверху, в классе, — сказал Еглик директору Ракоснику, — я сам схожу за парнишкой.

Еглик вытащил из замка ключ, который висел в общей связке — там же болталась картонная бирка и множество других ключей, — сунул его в карман и вышел в коридор. Директор Ракосник через другую дверь возвратился в свой кабинет.

Школьный сад напоминал пьянчугу, что, пробудившись утром в своей комнате, с ужасом обнаруживает погром, учиненный им ночью. Так выглядели к осени все пришкольные участки, которые повидал на своем веку Еглик, если, конечно, среди учителей не находился какой-нибудь энтузиаст, кто, понимая всю важность этого куска земли для воспитания ребят, не посвятил бы этому не только душу, но прежде всего свои руки и свободное время. На некоторых грядках из-под высохшего пырея пробивались усы клубники, в отчаянии взывающие к людям, чтоб их рассадили; помидоры, уродившиеся нынче в таком изобилии, что их не смог оборвать даже школьный сторож, валялись в грязи; стекла в теплице тут и там были выбиты, а за распахнутой дверью виднелись полуманья мотыги и ручки лопат. Лишь вдоль ограды горели всеми цветами радуги георгины, щедро расточая свою красоту и не обращая внимания на царящее вокруг разорение, да два ряда роз. Именно вдоль них и вышагивал Златко. Услыхав потрескивание веток и шелест яблоневых листьев под башмаками Еглика, он исподлобья глянул в ту сторону, откуда доносились шаги, и снова уперся взглядом в землю.

Еглик дожидался его возле теплицы. Сигарета давно погасла, но Еглик все еще держал в зубах прокуренный мундштук: к сигаретам с фильтром он никак не мог привыкнуть.

— Ты что здесь делаешь? — поинтересовался он, когда мальчик был в двух шагах от него.

— А пошел ты! — пробормотал Златко и, не останавливаясь, сделал «кру-у-гом!».

Замдиректору Еглику показалось, что он ослышался. Он сунул мундштук в карман пальто и громко спросил:

— Что ты сказал?

Ать-два, ать-два: Златко топал по дорожке, не обра-

щая на него никакого внимания, и, лишь повернувшись назад, с ненавистью глянул на седовласого учителя и бросил ему в лицо:

— Иди-ка ты, старикан, в ж...

Только теперь замдиректора Еглик осознал, что слух у него в порядке. Он стиснул зубы и бросился со всей возможной для него быстротой к мальчишке, схватил за ворот оранжевой курточки и принялся трясти.

— Ты как это со мной разговариваешь? — орал он.

Златко, обернувшись, бросил через плечо:

— Как-как! Грубо! Отвяжись! Чего прицепился!

Воротника оранжевой курточки Еглик не отпустил. С подобной дерзостью он уже давно не сталкивался, хотя через его руки прошли и не такие бунтари.

— Я тебе не мальчишка, свиненок, чтоб ты мне «тыкал»...

Замдиректора Еглик бешено трепал Златко из стороны в сторону. Златко подпрыгивал среди листвы, словно теннисный мячик, и голосил:

— И ты мне тоже не «тычь», старикашка несчастный! И не лезь ко мне и не мешай! Я ведь к тебе не лезу и не мешаю!

Ошеломленный Еглик опустил его с высоты на грешную землю:

— Ах, так! Значит, я тебе помешал... — ухмыльнулся он с иронией. — Позволь узнать, чем же ты так занят?

Мальчик одернул куртку и заправил рубашку в штанишки.

— Все равно ведь не поймешь...

Учитель сделал вид, будто не замечает больше, что ребенок продолжает обращаться к нему на «ты», его, пожалуй, теперь это даже забавляло.

— Ты так полагаешь?..

— Наша училка тоже глядит на меня, как динозавр на комбайн!

— Гм... а в чем, собственно, дело?

Златко уже успел застегнуть последнюю пуговку своих штанишек.

— Тебе понятна теория множеств? — поинтересовался он недоверчиво.

— Ну... — промолвил с улыбкой Еглик. — Кое-что мне, пожалуй, понятно. А что непонятно тебе?

— Я пришел и спрашиваю, не кажется ли ей, что при симметричном расположении двух множеств, если их пересечение не пусто... элементы из множества А принадлежат одновременно и множеству Б, и наоборот...

— И что же тебе ответила учительница?

Златко сморщил свой маленький носик:

— Что у меня в тетрадке не отчеркнуты поля!

Еглик ожидал чего-нибудь в этом роде. О профессиональных познаниях кое-кого из своих коллег он был не слишком высокого мнения.

— А как ты сам это представляешь?

Златко влез на грядку, из которой тут и там торчали кочерыжки цветной капусты, маленьким ботинком уграмбовал глину и принялся прутиком чертить два треугольника.

— Смотри, — сказал он заместителю директора Еглику уже немного спокойней, словно возраст того был порукой, что Златко наконец будет понят, — вот обычное пересечение двух множеств...

Еглик снова улыбнулся пустячному слову «обычное», но тут же наклонился над головенкой мальчика и стал следить за его маленькой рукой, не поспевающей за опережающими ее мыслями.

Когда стрелки часов перешагнули за половину восьмого, учительская стала наполняться «бездомными», то есть теми из педагогов, кто не являлся обладателем ключей от кабинетов или не дежурил сейчас в коридорах. Примчались также учительницы из младших классов, чтобы поклянчить у Еглика цветные мелки или звякнуть по служебному телефону мяснику, приятельнице, мужу и даже в другой город — естественно, за счет школы — или просто поздороваться друг с другом. Те, кто помоложе, доставали сигареты, постарше — перебивали косточки знакомых и знакомых своих знакомых, а в оставшиеся минуты выслушивали, хотя и без особого любопытства, что и где стряслось.

У вешалки стоял Бенда-отец и рассказывал Дане Марешевой, надевавшей халат в синий цветочек:

— Меня призвали на военную в пятьдесят первом и отправили в Вышне Ружбахи, что в Словакии. Это на самом востоке — сплошняком холмы да горы, ты мне не

поверишь, но однажды, кажется во вторник, когда уже дали отбой, является дежурный...

Бенда не договорил, потому что в приоткрывшуюся со скрипом дверь просунулись плечи и седая голова замдиректора Еглика, кроме того, он увидел директора Ракосника, прохаживающегося по кабинету в ожидании, когда его зам произнесет: «Франтишек, можно тебя на минутку?»

И все трое тщательно закрыли за собой дверь.

Само собой разумеется, все заметили поспешное исчезновение коллеги, но, не сочтя это чем-то из ряда вон выходящим, возвратились к прерванным разговорам.

Учительница Власта Пудилова взгромоздила на стол две хозяйственные сумки. Из одной она по порядку достала две стопки тетрадей, которые проверяла дома, из другой с превеликой осторожностью вынула сверток, аккуратно завернутый в бумагу.

— Что ты купила? — нагнулась к ней Адамцева.

— Рубашку нашему Стане.

— Покажи!

Пудилова развязала узелок на тонкой бечевке и зашелестела бумагой. Рубаха была в целлофановом пакете. Адамцева взяла ее в руки.

— Ему наверняка понравится! — сказала она и взглянула на цену, приклеенную на обороте. — За такие деньги можно было две купить! — ужаснулась она. — Я себе такого позволить не могу!

Власта Пудилова стала заворачивать покупки и складывать их обратно в сумку.

— Это для молодых! Муж такую уже не наденет, это факт! Он — и вдруг белая дедеронка...

Адамцева не глядя порылась в своей черной сумке и вскоре выловила двумя пальцами ломтик колбасы. Слегка откинув голову, она ловко опустила его в полуоткрытый рот.

— После обеда совещание, да? — вспомнила она, пережевывая жирный кусок вместе со словами. — Надеюсь, директор не станет его затягивать, иной раз такой треп разведет, а у меня...

— Идешь куда-нибудь?

— Хочу отнести заявление в автошколу, — прошептала Адамцева таинственно.

— Ты хочешь сдавать на права?

— А почему бы и нет? — произнесла Адамцева с вызовом. — А у тебя разве их нет?

— Есть, уже лет двадцать...

— Вот видишь, и у меня будут. Нигде не говорится, что пятидесятилетней бабе противопоказано сидеть за рулем. То, что сумел мой супруг, одолею и я. — Из коридора послышался звонок. — Ну пошли, что ли? — Адамцева поднялась со стула и засемила на своих коротких ножках к умывальнику, ополоснуть жирные руки и губы.

— Бедняжка! — вырвалось у Пудиловой, когда та находилась уже на таком расстоянии, что не могла услышать ее реплики. И, засовывая сверток в сумку, Пудилова снова ухмыльнулась.

Уходили не все сразу.

Камил Маржик, оставшийся на какое-то время у вешалки в одиночестве, перебрался к окошку, выходящему в сад, возле которого, слегка опершись о подоконник, стояла худенькая женщина. Камил двинулся к ней. Отсюда, от полок, где по первоначальному замыслу должна была лежать методическая литература и свежие газеты, а теперь громоздились лишь старые номера «Младого света» да растрепанные журналы, он мог хорошо разглядеть ее. Она стояла к нему в профиль: коротко подстриженные волосы — несколько лет назад это называлось «под мальчика», покатый лоб плавно переходил в коротенький носик. На неярких ее губах в прошлом году Камил припечатал поцелуй. Тогда это был всего лишь товарищеский поцелуй, не более того. У Ирены был день рождения, все скинулись по десятке и купили бутербродов и две бутылки вина, красного и белого. На ней было платье, зеленое, как трава, Камил это помнит точно. У него в руках гитара, он изобразил какую-то торжественную мелодию, остальные запели «многая лета, многая лета». Камил считает, что и сегодняшней красный цвет ей к лицу, кофточка наглухо застегнута. На все крохотные пуговки до самого горла. Кофточка плотно обтягивает ее фигуру, подчеркивая выпуклости маленьких грудей: его ладони бессознательно складываются ковшиком, он быстро разжимает пальцы, но Ирена и предположить не может, что его взгляд, вкрадчивый и ласковый, словно кошка, льнет сзади к ее юбке и ногам...

— Что ты там увидела? — окликнул ее Камил.

Ирена, вздрогнув от неожиданности, взглянула на Камилу отсутствующим взглядом.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего...

Камил прислонился спиной к стеклу. Бенда уже вернулся из директорской, весь красный: похоже, получил очередную взбучку. Уселся к столу, из ободранного портфеля достал грушу и начал сосредоточенно чистить ее маленьким перочинным ножиком. Шкурки мягко ложились на вырванный из тетради лист.

— Отпустишь вечером Мирека? — спросил Камил.

Ирена вздернула подбородок и раздраженно ответила:

— А я его и не держу!

— Ну так разок не встретитесь, подумаешь трагедия!

— Раз-о-о-ок?.. — протянула она, и губы ее на секунду вытянулись трубочкой.

— Нам репетировать надо. Такая конкуренция! Ты себе даже представить не можешь! Сколько нахалов хватает в руки инструменты и на глазах у ошеломленной публики принимается их истязать!

— Мирек у меня разрешения не спрашивает!

— Наверное, боится, — пошутил Камил.

— Он?.. — Ирена опять уставилась в окно. Утренний туман рассеялся, и опавшая листва заиграла свежими красками.

— Ты не должна его у нас отнимать! Такого трубача — поискать! Иначе мне за него работать придется. Послушай, Ирена, мы в субботу лабаем в Тынце, поехали с нами? А?..

— Нет.

— Но почему? — удивился Камил. — Разве мы так плохо играем?

— Не знаю...

Камил не отставал:

— Давай, давай выкладывай!..

Ирена резко повернулась к нему и заморгала ресницами.

— Потому что я все это ненавижу: и музыку, и ваши гастроли, и репетиции — ну просто все...

Камил собрался было возразить, сказав, что музыка возвышает, подчиняет, что музыка — это нежный тиран и тонкий врачеватель души! Он мог бы сразить Ирену

еще тысячей аргументов, но снова прозвенел звонок и пресек все дебаты. Ирена отделилась от окна, и Камилу оставалось лишь крикнуть ей вслед:

— Ты и сама знаешь, что неправа, сама ведь это знаешь!..

Как и все остальные, они двинулись через узкие двери в коридор. Ирена Гаспеклова свернула направо, в четвертый класс, он заспешил по лестнице на второй этаж. У него был урок музыкального воспитания в седьмом. Гамма соль мажор, песня «Хозяюшка, хозяйюшка»... и отрывок из лашских танцев.

В цокольном этаже Камил увидел коллегу Каплиржа, который что-то объяснял молоденькой учительнице. Одной рукой он придерживал у стены лист бумаги, а второй чертил на ней концентрические окружности. Каплирж, по-видимому, уже окончил свое объяснение, потому что в тот момент, когда мимо них промчался Камил, он отлепил лист бумаги от стены, протянул его учительнице и сказал:

— Теперь вам понятно?

Гелена Бобубликова, а это была она, вложила лист в учебник и благодарно улыбнулась Каплиржу.

— Теперь — да, — ответила она и засунула книгу вместе с тетрадью под мышку. — Я собралась объяснять это своим ребятам совсем по-другому...

— Поверьте, что такое объяснение поймет и самый отсталый ученик, у меня есть опыт. Попробуйте вызовите к доске Кратохвила! — засмеялся он идее, внезапно пришедшей ему в голову. Их голоса доносились все слабее, а вскоре Камил услышал, как в длинном коридоре одна за другой хлопнули две двери. Оба вошли в свои классы. Камил уже взялся было за ручку дверей в кабинет музыки, собираясь ворваться туда неожиданно для ребят, как вдруг вспомнил совет номер один, данный ему когда-то коллегой Прскавцем: «Последний взгляд учителя, входящего в класс, должен быть посвящен обозрению собственной ширины!»

Камил, последовав совету, опустил глаза вниз.

Урок музыкального воспитания в 7-м «Б» можно было начинать.

Глава третья

Лекса приоткрыл дверь своего кабинета и через образовавшуюся узкую щель оглядел коридор. Коридор был холоден и пуст, лишь на другом его конце оконные стекла, причудливо преломив лучи пополуденного солнца, игриво раскидали их по противоположной стене. Лекса опять закрыл дверь и вполголоса сказал: «Ну давай!» И прежде, чем нажать на ручку, обернулся и быстро поцеловал девушку, стоящую за его спиной. Она не ожидала поцелуя и уже сделала шаг вперед, его губы соскользнули со лба куда-то к волосам. Лекса ощутил легкий запах шампуня, хотя голову Нина мыла несколько дней назад. Лексу затрясло от аромата девичьих волос, так неожиданно пахнувшего на него, он жаждал целовать ее еще и еще, осыпать совсем иными поцелуями, но, взяв себя в руки, пропустил к дверям и напомнил:

- Завтра жду! В семь вечера. Придешь?
- Постараюсь. Не знаю точно...
- Приходи непременно!
- Может быть, если отпустят...
- Придумай что-нибудь, Нина.

Она не ответила. Лекса глядел через замочную скважину, как она идет по коридору к раздевалке. Цокот ее каблучков резко разлетался от плитки, и коридор, этот старый сплетник, ехидно подхватив звук; возвращал его обратно гулкой пулеметной очередью.

Лекса разогнулся и, лавируя между стендами, что рядами стояли вдоль стен по обе стороны кабинета, вернулся к небольшому столику у окна. Он был доволен, что Нина никого не встретила. Лекса открыл ящик стола, порывлся среди коробок с цветными карандашами, липучкой, обломками мела и прочим никому не нужным

реквизитом, разыскивая маленькое зеркальце. Оно валялось где-то здесь, но по закону подлости именно сейчас не попадалось под руку. Лекса приподнял пальцем рукав свитера на левой руке, чтобы лучше видеть часы. Обнаружив, что до трех осталась лишь одна минута, а его часы вполне могли отстать, он поспешно подскочил к окну, открыл одну раму и повернул ее так, чтобы в темном стекле увидеть свое отражение. Идеального зеркала не получилось, но причесаться по крайней мере можно.

Закончив процедуру, он взял в руки большой блокнот с золотым тиснением «Теплотехна» и вышел в коридор. Под его ногами отвратительно, с пушечными раскатами, стреляла плитка. Он оглянулся на первые двери справа, они были заперты. Боженка наверняка уже сидит наверху, в учительской, и покуривает. Не имело смысла проверять, пуст ли класс на самом деле, и Лекса продолжил свой тернистый путь. Простенки между классами были увешаны почетными дипломами и грамотами в золотых и серебряных рамочках: «Третье место на районном смотре самодеятельности завоевал ученик Йозеф Малат», «Второе место на математической олимпиаде и Почетный диплом принадлежат Яне Сладковой», «Диплом лучшего стрелка — Коукалу Ярославу — пятнадцать лет назад он выбил 76 очков из 100 возможных!» Вот, наверное, было шуму, если диплом висит до сих пор. Чего же добился в жизни этот Коукал Ярослав? — ухмыльнулся Лекса. Мне в жизни крупно повезло, что я являюсь преподавателем такой знаменитой школы! Дипломы и грамоты за ляпы и тяпы учеников и учителей, к счастью, не присуждают, хотя наша гордость и слава — наш школьный хор уже гремит далеко за пределами района! Брр... радости-то, радости, полные трусики! Розы без шипов! Не дети — цветы на могиле родителей!

На лестнице Лекса столкнулся с ребятами из девятого. Они вчетвером тащили тяжелую оконную раму и переругивались, кому поддерживать сзади.

— Куда несете? — спросил Лекса.

— Вниз, — ответил один из ребят и переместился, чтобы занять более удобное место.

— Зачем?

— Не знаем. Нам не сказали!

— Ну продолжайте, — поддержал сие непонятное начинание учитель.

Впрочем, Лекса просто не знал, что следует в таких случаях говорить. Спустившись десятью ступеньками ниже, на первый этаж, Лекса оставил без внимания красиво написанный лозунг: «Радостно вступим в новый, 1966/67 учебный год» — видимо, по той причине, что слева к нему приближался человек, одетый в серые лыжные брюки и порыжевшую нейлоновую куртку. Его лысина была великолепно загоревшей, а на шее болтался на шнурке судейский свисток.

— Ну как? — кивнул он коллеге вместо приветствия.

— Запаздываем, — ответил Лекса и переложил блокнот из одной руки в другую. Наверное, для того, чтобы удобнее было открывать дверь в учительскую. Физкультурник засунул свисток, висевший где-то под подбородком, в вырез куртки и подтолкнул Лексу к дверям.

— Ну, давай взгляни на это сафари!

Они явились последними, за что и были удостоены испепеляющего взгляда директора. Еще какое-то время они искали свободные места, наконец нашли два стула, разумеется не рядом. Женщины бросали реплики, прохаживаясь насчет тех, кто позволяет себе задерживать собрание. Прскавец огрызнулся: «Дабросьте вы!», уселся и тут же принял позу, удобную для сна, если это, конечно, удастся. «Привет!» — поздоровался он через стол с двумя молодыми учительницами и уставился исподлобья в стоящую перед ним пустую пепельницу.

— Совещание будет недолгим, — начал директор Ян Ракосник и разложил на столе бумажки разного цвета и размера.

— Светопреставление! Мы пропали! — вполголоса ужаснулся Прскавец. — И почему только я не захватил с собой пижаму.

Учительница справа прыснула, но сумела взять себя в руки и с серьезным видом посмотрела на директора.

— Прошу говорить коротко и только по существу. Итак, прежде всего...

Директор сделал паузу, так как где-то за спинами увидал воздетую вверх и раскачивающуюся руку.

— Что там у вас?.. — спросил он раздраженно. Ян Ракосник не любил, чтоб его перебивали. Потом приходится долго собираться с мыслями, чтобы найти потерянную нить.

— Я, товарищ директор, насчет того, чтобы здесь не курили! Духота невыносимая! — категорически потребовала пожилая учительница, сидевшая почти у самых дверей. В подтверждение сказанного она прижала к губам платочек и громко заперхала.

— Потерпи, товарищ Лиemanова. Совещание действительно будет недолгим. За час все обсудим.

— Деликатность никому не повредит, а только пойдет на пользу! — кашлянула она в платочек.

Директор опустил уголки губ и почти театрально раздавил в пепельнице сигарету, подавая остальным курильщикам пример, как уgomонить зануду. Из соседней комнаты слышались тяжелые удары, словно кто-то стремился во что бы то ни стало проникнуть в учительскую.

Заместитель директора Еглик, который сидел за двумя составленными столами, горько усмехнувшись, проговорил:

— Начали. Наконец-то...

Присутствующие смотрели на стену так, словно в ближайшие несколько секунд здесь появится танк. Один лишь Прскавец все ниже и ниже склонял свою голову.

Звучный голос директора Яна Ракосника вернул присутствующих к насущным проблемам школы.

— Меняют окна... — начал Ян Ракосник новую фразу, но его снова перебили.

— Только сейчас? — с иронией воскликнула брюнетка, до сих пор рисовавшая в раскрытой тетради какой-то ядерный орнамент то красными, то синими чернилами, попеременно. — Во время каникул времени не хватило?

Директор Ян Ракосник бросил в ее сторону выразительный взгляд, хотел было что-то ответить, но его глаза, бежав смуглое лицо с карими миндалевидными глазами, остановились на косом треугольнике декольте отню облегающей блузки, которое обнаруживало многообещающую ложбинку между грудями. «В постели ты, верно, роскошная баба, Боженка!» — подумал директор, вздохнул и машинально потянулся к окурку и зажег, но вслух спокойно сказал:

— Времени хватило. Но причина, почему не сделаны новые окна, всем вам хорошо известна.

Ракосник обрадовался, увидав, как некоторые согласившись головами. История с окнами была пренебрежительной, и ему иногда казалось, что в ней отчасти вино-

вен и он. Все работы еще около года назад были поручены районной строительной конторе. Явился инженер, измерил окна, потому что в старом здании, где ютилась крушетицкая школа, надо было рубить окна нетиповые. В конце мая стройконтора рамы доставила. Ребята из девярых классов разнесли их по этажам. Первого июля бригада каменщиков приступила к работе, и в тот же день обнаружилось, что рамы велики. Двадцать три сантиметра — лишние. То ли ошибся инженер, то ли метр у него был короче. «Какой дурак мерил, тот пускай и вставляет», — выругались каменщики и отправились решать сию проблему в ближайший трактир «У подковки», где, философствуя, уселись вокруг не слишком чистого стола. Оставшимся, то есть директору, его заму и срочно вызванному прорабу, представились три возможности. Первая — рамы укоротить. Эта возможность была незамедлительно отвергнута специалистом. Вторая — пробить нижнюю часть оконного проема — наталкивалась на сложную техническую проблему, выразившуюся также и в необходимости замены батарей центрального отопления во всей школе, а этим с точки зрения финансовой дисциплины пренебрегать не следовало бы. Единственное, что оказалось приемлемым, третья возможность — пробить оконный проем наверху, почти до самого потолка, что, несомненно, нарушит стиль модерн фасада всей школы. Переговоры с Управлением по охране памятников в период отпусков, разумеется, затягивались. И посему каменщики на два месяца покинули школу, храня тем не менее верность трактиру «У подковки». Разрешение от «охраны» пришло в середине августа. Впрочем, здание крушетицкой школы никогда не принадлежало к достопримечательностям архитектуры. Вечера каменщики явились снова. Они примчались на двух грузовиках, оснащенные всей необходимой техникой и открывашками для пивных бутылок.

Вот почему неизмеримому грохоту следовало бы только радоваться. Но лица учителей большого восторга не выражали. Либуше Лиemanова после долгого исследования своей сумки нашла наконец пакетик ваты, оторвала два комочка и заткнула уши.

— Так!.. — Директор Ян Ракосник придвинул поближе к себе лист бумаги, где пестрело несколько строчек тезисов, и надел очки, отчего сразу стал выглядеть стар-

ше лет на десять. Темная роговая оправка подчеркивала седину волос, падавших на лоб. Он прочел первую строчку и снова вскинул голову.

— Как обстоят дела в первых классах? Анечка!

Обращение относилось к немолодой учительнице, которая разложила перед собой странички со старательно заполненными таблицами, списком учеников и стопку тетрадей. Она посмотрела на густо исписанный лист плотной бумаги, уголок которого был заштрихован синим карандашом, и сказала:

— Почти все в полном порядке, начинаем читать «И», «А», «М», считаем до пяти... — Она хотела продолжить, но директор Ракосник перебил ее:

— Почему «почти»?

Учительница отложила листок с синим уголком к остальным.

— Чейдик все так же молчит.

— Молчит? — Директор, видимо, об этом знал. — Ты беседовала с родителями?

— Конечно. Дома он нормальный — в школе тупой как пень. Не могу выжать ни слова.

— Может, ты не в его вкусе! — заметил сосед, и все рассмеялись шутке.

Директор Ян Ракосник с неудовольствием махнул рукой, чтобы успокоить расходившуюся аудиторию.

— Возможно, тебе придется проконсультироваться с врачом.

— Ну нет, это преждевременно. Я думаю, на него можно воздействовать иначе...

— То есть?..

Она пожала плечами.

— Надеюсь, с ним будет все в порядке. — Она вполне правильно определила, что допрос близится к концу, и, тихо сложив свои бумаги аккуратной стопкой, засунула их в целлофановую папку.

— Первый «Б», — поискал директор Ракосник глазами Адамцеву. Она сидела рядом с той самой декольтированной брюнеткой. Непривлекательная, некрасивая, напоминающая фигурой тающего снеговика.

— Прошу, товарищ Адамцева!

Он старался произнести это как можно мягче. Черт побери, почему это с подобными заслуженными чертовками я принуждаю себя говорить тоном доброго дядюш-

вен и он. Все работы еще около года назад были поручены районной строительной конторе. Явился инженер, измерил окна, потому что в старом здании, где ютилась крушетицкая школа, надо было рубить окна нетиповые. В конце мая стройконтора рамы доставила. Ребята из девярых классов разнесли их по этажам. Первого июля бригада каменщиков приступила к работе, и в тот же день обнаружилось, что рамы велики. Двадцать три сантиметра — лишние. То ли ошибся инженер, то ли метр у него был короче. «Какой дурак мерил, тот пускай и вставляет», — выругались каменщики и отправились решать сию проблему в ближайший трактир «У подковки», где, философствуя, уселись вокруг не слишком чистого стола. Оставшимся, то есть директору, его заму и срочно вызванному прорабу, представились три возможности. Первая — рамы укоротить. Эта возможность была незамедлительно отвергнута специалистом. Вторая — пробить нижнюю часть оконного проема — наталкивалась на сложную техническую проблему, выразившуюся также и в необходимости замены батарей центрального отопления во всей школе, а этим с точки зрения финансовой дисциплины пренебрегать не следовало бы. Единственное, что оказалось приемлемым, третья возможность — пробить оконный проем наверху, почти до самого потолка, что, несомненно, нарушит стиль модерн фасада всей школы. Переговоры с Управлением по охране памятников в период отпусков, разумеется, затягивались. И посему каменщики на два месяца покинули школу, храня тем не менее верность трактиру «У подковки». Разрешение от «охраны» пришло в середине августа. Впрочем, здание крушетицкой школы никогда не принадлежало к достопримечательностям архитектуры. Вечера каменщики явились снова. Они примчались на двух грузовиках, оснащенные всей необходимой техникой и открывашками для пивных бутылок.

Вот почему неизмеримо грохоту следовало бы только радоваться. Но лица учителей большого восторга не выражали. Либуше Лиemanова после долгого исследования своей сумки нашла наконец пакетик ваты, оторвала два комочка и заткнула уши.

— Так!.. — Директор Ян Ракосник придвинул поближе к себе лист бумаги, где пестрело несколько строчек тезисов, и надел очки, отчего сразу стал выглядеть стар-

ше лет на десять. Темная роговая оправка подчеркивала седину волос, падавших на лоб. Он прочел первую строчку и снова вскинул голову.

— Как обстоят дела в первых классах? Анечка!

Обращение относилось к немолодой учительнице, которая разложила перед собой странички со старательно заполненными таблицами, списком учеников и стопку тетрадей. Она посмотрела на густо исписанный лист плотной бумаги, уголок которого был заштрихован синим карандашом, и сказала:

— Почти все в полном порядке, начинаем читать «И», «А», «М», считаем до пяти... — Она хотела продолжить, но директор Ракосник перебил ее:

— Почему «почти»?

Учительница отложила листок с синим уголком к остальным.

— Чейдик все так же молчит.

— Молчит? — Директор, видимо, об этом знал. — Ты беседовала с родителями?

— Конечно. Дома он нормальный — в школе тупой как пень. Не могу выжать ни слова.

— Может, ты не в его вкусе? — заметил сосед, и все рассмеялись шутке.

Директор Ян Ракосник с неудовольствием махнул рукой, чтобы успокоить расходившуюся аудиторию.

— Возможно, тебе придется проконсультироваться с врачом.

— Ну нет, это преждевременно. Я думаю, на него можно воздействовать иначе...

— То есть?..

Она пожала плечами.

— Надеюсь, с ним будет все в порядке. — Она вполне правильно определила, что допрос близится к концу, и, тихо сложив свои бумаги аккуратной стопкой, засунула их в целлофановую папку.

— Первый «Б», — поинтересовался директор Ракосник глазами Адамцеву. Она сидела рядом с той самой декольтированной брюнеткой. Непривлекательная, некрасивая, напоминая фигурой тающего снеговика.

— Прошу, товарищ Адамцева!

Он старался произнести это как можно мягче. Черт побери, почему это с подобными заслуженными чертовками я принуждаю себя говорить тоном доброго дядюш-

вен и он. Все работы еще около года назад были поручены районной строительной конторе. Явился инженер, измерил окна, потому что в старом здании, где ютилась крушетицкая школа, надо было рубить окна не типовые. В конце мая стройконтора рамы доставила. Ребята из девярых классов разнесли их по этажам. Первого июля бригада каменщиков приступила к работе, и в тот же день обнаружилось, что рамы велики. Двадцать три сантиметра — лишние. То ли ошибся инженер, то ли метр у него был короче. «Какой дурак мерил, тот пускай и вставляет», — выругались каменщики и отправились решать сию проблему в ближайший трактир «У подковки», где, философствуя, уселись вокруг не слишком чистого стола. Оставшимся, то есть директору, его заму и срочно вызванному прорабу, представились три возможности. Первая — рамы укоротить. Эта возможность была незамедлительно отвергнута специалистом. Вторая — пробить нижнюю часть оконного проема — наталкивалась на сложную техническую проблему, выразившуюся также и в необходимости замены батарей центрального отопления во всей школе, а этим с точки зрения финансовой дисциплины пренебрегать не следовало бы. Единственное, что оказалось приемлемым, третья возможность — пробить оконный проем наверху, почти до самого потолка, что, несомненно, нарушит стиль модерн фасада всей школы. Переговоры с Управлением по охране памятников в период отпусков, разумеется, затягивались. И посему каменщики на два месяца покинули школу, храня тем не менее верность трактиру «У подковки». Разрешение от «охраны» пришло в середине августа. Впрочем, здание крушетицкой школы никогда не принадлежало к достопримечательностям архитектуры. Вечера каменщики явились снова. Они примчались на двух грузовиках, оснащенные всей необходимой техникой и открывашками для пивных бутылок.

Вот почему невероятному грохоту следовало бы только радоваться. Но лица учителей большого восторга не выражали. Либуше Лиemanова после долгого исследования своей сумки нашла наконец пакетик ваты, оторвала два комочка и заткнула уши.

— Так!.. — Директор Ян Ракосник придвинул поближе к себе лист бумаги, где пестрело несколько строчек тезисов, и надел очки, отчего сразу стал выглядеть стар-

ше лет на десять. Темная роговая оправка подчеркивала седину волос, падавших на лоб. Он прочел первую строчку и снова вскинул голову.

— Как обстоят дела в первых классах? Анечка!

Обращение относилось к немолодой учительнице, которая разложила перед собой странички со старательно заполненными таблицами, списком учеников и стопку тетрадей. Она посмотрела на густо исписанный лист плотной бумаги, уголок которого был заштрихован синим карандашом, и сказала:

— Почти все в полном порядке, начинаем читать «И», «А», «М», считаем до пяти... — Она хотела продолжить, но директор Раκοςник перебил ее:

— Почему «почти»?

Учительница отложила листок с синим уголком к остальным.

— Чейдик все так же молчит.

— Молчит? — Директор, видимо, об этом знал. — Ты беседовала с родителями?

— Конечно. Дома он нормальный — в школе тупой как пень. Не могу выжать ни слова.

— Может, ты не в его вкусе! — заметил сосед, и все рассмеялись шутке.

Директор Ян Раκοςник с неудовольствием махнул рукой, чтобы успокоить расходившуюся аудиторию.

— Возможно, тебе придется проконсультироваться с врачом.

— Ну нет, это преждевременно. Я думаю, на него можно воздействовать иначе...

— То есть?..

Она пожала плечами.

— Надеюсь, с ним будет все в порядке. — Она вполне правильно определила, что допрос близится к концу, и, тихо сложив свои бумаги аккуратной стопкой, засунула их в целлофановую папку.

— Первый «Б», — поискал директор Раκοςник глазами Адамцеву. Она сидела рядом с той самой декольтированной брюнеткой. Непривлекательная, некрасивая, напоминающая фигурой тающего снеговика.

— Прошу, товарищ Адамцева!

Он старался произнести это как можно мягче. Черт побери, почему это с подобными заслуженными чертовками я принуждаю себя говорить тоном доброго дядюш-

ки, в то время как с Кутнаеровой разговариваю нормально? Ну а если б у Адамцевой вырез на платье был до полу? Я ведь оставался бы холоден, как планета Плутон! Ах, эта Кутнаерка, эта продувная бестия, знает, как одеться! Удочку закидывает, что ли?

Учительница Адамцева какое-то время сыпала общие слова — о классе, о школе, но директор Ракосник не слушал ее. Опомнившись, он отметил про себя, что Адамцева несет околесицу. Улыбка, которую директору удалось из себя выжать, стоила ему большого труда. Он перебил ее:

— Хорошо, отлично! А какие у тебя проблемы? Необходимо учитывать, что эксперимент с изучением множеств в обоих первых классах, который мы начинаем проводить, имеет важное значение, ему надо уделить особое внимание. Через несколько лет мы введем это во всех классах.

— Бедняжечки! — сухо заметила Бржизова, у которой уже был с этой теорией печальный опыт. Директор Ракосник, поглядев на нее укоризненно, снова перевел взгляд на Адамцеву.

Та, несколько
глотила послед
з пальцах кар
шевленным то

— У меня
множеств не г
обучение
тебе

Д

сия и вс
гласился. Самое главное, чтобы эксперимент, для проведения которого была избрана именно его школа, удался.

— У меня проблема только одна, — продолжала Адамцева и повернулась к своему соседу Бенде, — с вашим Златко.

Бенда-отец потупил голову, нервно нацарапал ногтем на обложке букву «Н» и посмотрел на директора.

— Я знал, я чувствовал, что с ним будет трудно, — сказал он, словно извиняясь. Потом достал из кармана носовой платок, расправил его на колене и трубно высморкался. Бенда-отец ощущал на себе взгляды товарищей, и ему это было решительно неприятно.

я таким оборотом дела, про
ядела сидящих, повертела
всем другим, менее воуду-

нету. Тех детей, которые
ела в соседний класс, где
грамме, — впрочем,

вой в знак согла-

, как перевод, он со-

В эту самую минуту Лекса, придвинув стул поближе к столу и вытянув ноги, пытался дотронуться до коленей Геленки Бубеликовой. Геленка сидела напротив него, и он видел ее сейчас в профиль, потому что она, как и все остальные, глядела на смущенного математика Бенду. Лекса, пошарив ногой, уперся во что-то мягкое. Он сполз со стула пониже и стал давить на эту приятную и заманчивую преграду еще настойчивее.

— Ты что, рехнулся? — накинулся на него молодой учитель, сидевший возле Геленки.

— Извини, — сказал Лекса кисло и сел нормально. Геленка непонимающе уставилась на них обоих.

— Он что, наш Златко, — шалит в классе? — спросил наконец Бенда-отец.

— Нет, ни в коем случае, чего нет, того нет. — Адамцева словно бы извинялась за свою бестактность, за то, что именно здесь, на педсовете, заговорила о ребенке одного из коллег. — Просто вашему Златко не подходит первый класс. Остальные дети во время урока играют под партами с машинками или в куклы. А Златко на уроке чешского языка, не стесняясь, читает какие-то математические пособия, кибернетику или что-то там еще, я в этом сама не разбираюсь.

Бенда низко опустил голову, спрятал в карман брюк платок и прошептал:

— Златко берет эти книги в моей библиотеке... Мне трудно ему запретить, читать он научился в три года, а когда отыскал на чердаке старый учебник высшей математики, то за неделю проглотил его целиком. Мы с ним совсем замучились...

Адамцева назидательно повысила голос:

— Но разговаривать вежливо со взрослыми он бы все-таки мог, Франтишек!

— Что он тебе сказал? — испугался Бенда-отец.

Учительница развела руками:

— Что моя пустая болтовня в классе ему неинтересна.

Все от души захохотали. Адамцева, побагровев, раздраженно захлопнула толстую тетрадь. Наконец до нее дошло, что подобным заявлением она в первую очередь унижает себя. Учитель должен уметь заинтересовать учеников, занять их внимание живым и доходчивым объяснением, наглядными пособиями, возбудить актив-

ность! Адамцева обдала холодным взглядом улыбающихся коллег. Тебе бы такой класс, Гаспеклици, или тебе, Пудилка! Да, да, смейся, противная баба, воображаешь, у тебя ума палата? Просто повезло, что директор Раκοςник посадил тебя в четвертый, тебе бы такого Златко! Трех часов не хватит, чтобы про него рассказать!

— А вдруг в нашей школе растет гений, который открывает теорию антиотносительности или что-то в этом роде? Откуда нам знать? — заметил заместитель директора Еглик с довольной улыбкой — он вспомнил свою утреннюю встречу и беседу с Бендой-младшим.

— Златко, как и все остальные дети, должен закончить первый класс. Так положено. В конце года ты, Франтишек, можешь просить, чтоб его проэкзаменовали по программе старших классов, — сказал директор Раκοςник и, вернувшись к основной теме сегодняшнего заседания, продолжал разбирать работу учителей. Он следил, чтоб его не перебивали, а вежливо отчитывались, если он кого-то называл. Он ставил карандашом галочки перед фамилиями учеников: сбор шиповника, дежурство в школьной столовой и т. д. Потом обратил внимание на расписание уроков в те две субботы месяца, когда в школе идут занятия. С нынешнего августа вводится такой порядок обучения. Это связано с общим сокращением рабочей недели. И он рекомендует прекратить все пустые дискуссии на тему о пользе или затруднениях, вызванных программой пятидневных занятий. Это — дело общегосударственное! В будущем предполагается сделать все четыре субботы нерабочими. Надо привыкать! Далее: закончить инвентаризацию кабинетов, организовать выступление хора. — Товарищ Маржик, — директор перевел взгляд на молодого учителя, которого только что по ошибке потревожил Лекса, — после собрания подойди ко мне! И еще: необходимо сменить в коридорах стенгазеты! Попрошу тебя, товарищ Каплирж, подготовить предложение.

— Можешь на меня положиться, товарищ директор, — ответил Каплирж, и лицо его стало еще более серьезным и значительным. Для верности он, обремененный сознанием долга, записал это задание в свой блокнот.

На листке у директора оставалась последняя неза-

черкнутая строка. Опершись на спинку стула, он выдержал театральную паузу, словно желая доказать, что и директору иногда приходится обдумывать и взвешивать слова, которые потом с легкостью польются из его уст, сложил очки, всунул их в футляр и, возвысив голос, произнес:

— Товарищи, мы проделали большую работу...

Он сказал это столь громко и со столь необычной официальностью, что Прскавец проснулся, испуганно огляделся вокруг и тихо спросил у соседки:

— Кого это мы опять обделали?..

Ирена Гаспеклова прикусила губу, чтобы не прыснуть, потом подперла рукой подбородок и тихонько объяснила:

— Проделали работу...

— Ах, вот оно что! — облегченно вздохнул Прскавец. — А я-то думал, опять наделали в штаны ... ну, прекрасно. — И, положив ногу на ногу, снова задремал.

Между тем директору Яну Ракоснику удалось продекламировать несколько отличных фраз. Большинство из них были чище дистиллированной воды и столь же безвкусны. Слова, слова, вода, вода...

— Недостаточно, — продолжал он свои рассуждения, — только обучать! Мы должны — и это наша вторая, не менее ответственная задача, — мы должны воспитывать! Но руку на сердце, дорогие товарищи, как мы справляемся с этой задачей? Наблюдаем, изучаем ли мы своих учеников? Воздействуем ли мы на их эстетическое развитие?

Пауза.

И голос его, словно миновав самый опасный поворот, загремел снова:

— Ступайте в мужской туалет, поглядите! Ужас! Всюду мокро. Стены мокрые, двери мокрые, а на втором этаже, куда ходят девятые классы, мокрый даже потолок. Писсуары по назначению не используются!

Последовал глубокий вздох.

— Я полагаю, что нам необходимо принять радикальные меры. Он закончил, обвел взглядом своих подчиненных и стал ждать, кто заговорит первым. Руку не поднял никто. Но из задних рядов вдруг послышалось:

— Что же это получается! Выходит, мы должны бегать к мальчишкам в уборную и... направлять... струю в унитаз?

Кто же, как не Кутнаерова! Кто, кроме нее, осмеял бы так высмеять его, директора!

— Я не шучу, товарищ Кутнаерова!

Она улыбнулась и подняла обе руки, будто сдаваясь.

— Я тоже, товарищ директор! Но, к сожалению, не знаю, как тому, о чем ты говоришь, воспрепятствовать!

Прскавец чуть приоткрыл веки.

— Очень просто, товарищ директор. Хорошо, что ты об этом заговорил. Послушайте-ка, мы с Гавелкой заглянем туда разок-другой, застукаем мальчишек во время этих... состязаний и так врежем, что цедить они будут исключительно в унитазаы, и так до самых каникул!

Анечка Бржизова подняла руку.

— Я думаю, Гонза, — она обратилась к директору фамильярно, — это самый верный путь. Нам, женщинам, а, к сожалению, нас здесь большинство, не очень-то удобно дежурить в мужских уборных.

Она не слишком обрадовала директора Ракосника. Видимо потому он прошелся языком по внешней стороне десен, словно искал там остатки обеда.

— Я имел в виду более деликатную методику. Но, — он торопливо пресек рассуждения о недостойном поведении учеников в уборных, — мы еще вернемся к этому вопросу! Если у кого-нибудь из вас возникнет деловое предложение, приходите, посоветуемся. — Ян Ракосник сложил все бумаги в одну кучу, потом постукал со всех сторон и получился аккуратный прямоугольник. — У меня, товарищи, все. Теперь давайте вы! Разное.

Директор предоставил коллегам возможность высказать свое мнение. Но не все захотели использовать ее. Несколько секунд шумного бездействия, и только потом, у стойки с радиоаппаратурой, взвилась вверх небольшая рука. Директор заметил ее:

— Товарищ Раухова, Иванка!

— Я хотела бы знать, утверждены ли планы строительства пионерского клуба, товарищ директор.

— Ах, Иванка, — с надрывом воскликнул директор, и лицо его стало почти таким же трагическим, как у Бетховена на известном бюсте. — Я выслушиваю это от тебя каждый понедельник! А тебе, конечно, известно, что я об этом не раз докладывал в районе! Имей же терпение.

— Я-то его имею, но не кажется ли тебе, что дело излишне затянулось. Детям негде собираться.

— В классах!.. — заметил Еглик.

Невзирая на значительную разницу в возрасте, молодая женщина огрызнулась:

— Они без памяти рады удрать из школы. Как, впрочем, и я тоже. Я, товарищ директор, пожалуй, сама съезжу в роно! — предложила она.

Иванка рассудила правильно: ее предложение директора в восторг не привело, и, видимо, понимая это, она слегка покраснела. Иванка Раухова была пионервожатой в школе и, обладая достаточным опытом, знала, как нелегко пробиться сквозь заслон равнодушия бюрократических инструкций с их плакатами и боевыми лозунгами о помощи пионерской организации. Но Иванка Раухова славилась своим упрямством, а если требовалось, могла себе позволить и откровенную дерзость, могла пойти и напролом. Она очень быстро поняла, что именно и в какой мере может себе позволить. Ведь все это она делала для ребятшек, которым в дождливую погоду негде проводить сборы. Школьное помещение и спортзал Иванка Раухова считала не подходящими для детского досуга. Более того, директора Ракосника раза два-три в году охватывало страстное желание повернуть деятельность пионерской организации совсем в иное русло. В таких случаях Иванка Раухова стояла насмерть. Вот и сейчас она была полна решимости заставить директора Ракосника заняться строительством клубного помещения познергичнее.

— Иванка, — уговаривал он ее, словно отец капризного ребенка, — успокойся, подожди, вот поеду в район и сделаю все, что в моих силах. Тебя это устраивает, ну?

Пионервожатая молчала. А директор все ждал с застывшей, глуповатой улыбкой. Между тем, наклонившись через стол, к нему потянулся преподаватель Каплирж и передал желтый прямоугольник бумаги размером в пол-листа.

— Это что? — директор Ракосник брезгливо взял его двумя пальцами.

— Пригласительный билет на совещание. Районный педагогический комитет... Ян, я должен... — Каплирж все еще стоял в той же позе, согнувшись над столом.

— Когда тебе туда надо?

— В среду, в четырнадцать ноль-ноль.

Замдиректора Еглик оглянулся назад. На магнитной доске были приклеены магнитные же щитки с наименованием предметов и инициалами педагогов. Еглик сделал в воздухе некоторое подобие креста, видимо, чтобы лучше сориентироваться, и, повернувшись ко всем спиной, пробормотал:

— Но у тебя в это время уроки. Два урока...

— Знаю... очень прошу, пусть меня кто-нибудь заметит.

— Тебе на это совещание обязательно? — мямлил директор Ракосник. Он обычно весьма неохотно давал разбредаться стаду своих подчиненных.

— Обязательно! Я и сам тому не рад! — Каплирж слегка дернул головой, словно воротник полосатой сорочки неприятно сдавил ему шею.

— Жизнь без собраний все равно что дальняя дорога без пивных! — пытался он пошутить, открывая в улыбке два ряда зубов, напоминающих слаломную дорогу после многочисленных спусков.

Директор Ракосник тоже оглянулся на магнитную доску с расписанием уроков.

— Кто свободен после обеда? — спросил он.

— Губерт Влах, — ответил его зам. — Ты заменишь коллегу Каплиржа?

— Нет.

— Почему? — поинтересовался директор Ракосник. — У тебя ведь в это время нет уроков.

— Я еду на мясокомбинат!

— Это можно и отложить, товарищ Влах, не так ли? — настаивал директор Ракосник, обращаясь к бородатому Губерту. Влах, единственный среди педагогов, носил коротко подстриженную бородку и усы. Директор обращался к Губерту по фамилии каждый раз, когда необходимость заставляла идти на него в атаку. — Ведь мясокомбинат — дело-то твое, сугубо личное.

— Не совсем, — ответил Губерт Влах, глядя директору прямо в глаза, словно давая понять, что от своего решения не отступит ни на полшага.

— А я потом заменю тебя... — вмешался Каплирж и только сейчас выпрямился. В кармане синего пиджака, словно символ учености, сверкнула шариковая ручка.

Губерт Влах молчал. Директор передвинул футляр с очками сантиметров на десять вправо, а потом обратно и снова оглянулся на красные, зеленые, оранжевые и желтые прямоугольники, прилипшие к магнитной доске.

— Единственно, что нам остается... — рассуждал он вслух, но фразы не окончил, потому что Еглик, ухватившись за мочку уха и слегка оттянув ее, бросил вполголоса, словно его слова предназначались одному лишь директору Ракоснику:

— Я! Я заменяю его!

— Ну что ж, будем продолжать!.. — с удовлетворением обратился директор к сидящим.

Власта Пудилова уже вертелась на своем стуле. Директор, заметив это, сказал:

— Мы слушаем тебя... Власта!

— Мы, товарищ директор, должны были до десятого октября сдать готовый план воспитательной работы! Я не знаю, собирал ли кто-нибудь, я весь день сидела в классе, если—да, так он у меня готов, вот... — И она, зашелестев исписанными страницами, передала их соседке, чтобы, переходя из рук в руки, план воспитательной работы незамедлительно оказался у директора Ракосника.

— О боже! — прошептал на другом конце стола Лекса. — Эта Пудилова — классический образец отвратной бабы. Такие называются... — Он не договорил и, совладав с собой, поддел локтем химическую блондинку слева: — Дана! Ты уже что-нибудь придумала?

— Пока ничего... я полагала, время еще есть!

Лекса облегченно вздохнул.

— По крайней мере не я один. — Он потянулся к Гаспекловой и шепнул, чтобы та разбудила дремлющего Прскавца.

— А у тебя как? — спросил он, увидав, что тот наконец разомкнул глаза.

— Никак! — ответил Прскавец коротко. Очевидно, для обдумывания годового плана воспитательной работы у Прскавца не нашлось времени. Прскавец взглянул на часы. — Еще пять минут — и я смоюсь. В полпятого у меня тренировки. Не могу же я заставлять девчонок ждать...

В это время Ракосник успел похвалить Пудилкову за подготовленный к сроку план и спросил, кто еще может

его сдать. Только Губерт Влах и Каплирж подали ему папки с какими-то бумагами. Остальным директор со всей решительностью заявил, что последний срок сдачи плана воспитательной работы — пятница, двенадцать часов.

— Все? — Директор Ракосник окинул взглядом столы, выждал, словно давая всем время на обдумывание, потом поднялся и, уже стоя, заявил: — Благодарю за внимание!

На этом заседание педсовета закончилось.

— Вы меня вызывали? — покорно склонив голову, спросил Камил Маржик.

— Заходи, заходи, Камилек! — поманил его ласково глава школы.

«Или благодарность в районном масштабе, — прикинул Камил, — или роскошный втык!» — и сделал два робких шага вперед.

— Иди же, иди, не бойся! — призывал его директор Ракосник.

Еще два шага, и отступать Камилу некуда. Теперь они стояли совсем рядом, глядя друг другу в лицо. Директор Ян Ракосник внимательно, почти влюбленно, разглядывал молодого педагога Камилу Маржика. Камил выдержал его взгляд не моргнув глазом.

— У меня к тебе два дела... — начал Ракосник и отошел к своему столу за сигаретами и зажигалкой.

«Старый финт: одно приятное, второе — наоборот. Что тебе сказать раньше?» — мелькнуло в голове у Камилы.

К счастью, директор Ракосник этого анекдота не знал. Он спрятал зажигалку в карман и заявил:

— Волосы к завтрашнему дню подстричь! Ясно?

Камил запустил пятерню в густую гриву, ниспадающую на воротник и свисающую до самых лопаток.

— Покороче и спереди и сзади! Пусть будут видны уши, как у всех порядочных людей! — Директор взял сигарету в рот, на ее конце вспыхнул оранжевый огонек, и, выпуская дым вместе со словами, продолжал: — Дальше. Ты не мог бы мне объяснить, что на тебе надето?

Камил наклонил голову, оглядел жилетку из цветастой ткани с вязанными рукавами, засунул оба указа-

тельных пальца в вырез, и, словно желая удостовериться, что правильно понял, спросил:

— Вы о чем? Об этом?

Директор подтвердил.

— Так это же самая мода... вопль, так сказать! Товарищ директор...

— Но у нас школа, а не дискотека, Камил, — перебил его директор Ракосник резко. — А ты не дискжокей, а учитель! Завтра явишься ко мне перед уроками, ровно в восемь, подстриженный и прилично одетый, ясно?

Молодой учитель замялся.

— Вы меня убиваете, товарищ директор! Поймите, у нас в ансамбле меня засмеют, уничтожат! У меня не уши, а лопухи, радары! Я могу, если хотите, справку от врача принести, что я инвалид от рождения! Поймите, товарищ директор, после этого нашему вокально-инструментальному и пикнуть нигде не дадут.

Директор Ракосник поднял руку, и по его лицу Камил Маржик определил, что все мольбы и уговоры напрасны.

— Это первое. Теперь второе — ну-ка, повернись!

Камил повернулся к нему спиной и увидел в углу кабинета три продолговатых объемистых свертка. Тщетно пытался Камил угадать, что это может быть, скорее всего, какие-нибудь ненужные запчасти или что-то вроде того.

— Ну, как, по-твоему, что это такое? — радостно пытал Камил директор Ян Ракосник.

Камил пожал плечами. Жилетка, поднявшись над штанами, обнажила пупок, и он привычным движением поправил ее.

— Это, — поднял палец директор Ян Ракосник, — подарок шефов. Сто пятьдесят метров ткани!

— Неплохо... — с видом знатока протянул Камил и, нагнувшись, прорвал бумажную обертку на одном из свертков, чтобы поглядеть на дареную ткань. Директор Ракосник терпеливо и снисходительно наблюдал за его, так сказать, смелым начинанием.

— Цвет подходящий, а?

Молодой учитель выпрямился. Он был на голову выше своего директора, что для подчиненного всегда минус.

— Тебе нравится?

— Сойдет...

— Она твоя, Камил!

Камил Маржик остолбенел.

— То есть как моя? Вся? Все три рулона?! Да на что она мне?.. — заикался он, выкрикивая бессмысленные слова.

Директор Ракосник остановил поток его красноречия.

— Да, твоя, но, естественно, не твоя лично. Это для твоего хора. У наших шефов в Центропале эта ткань почему-то осталась в излишке, кроме того, сорт не первый, видимо брак, но все же с их стороны очень мило, что они про нас вспомнили.

Камил с важным видом выпятил нижнюю губу.

— Сила! Девчатам пошьем блузки, а ребятам эдакие рубашечки! Кайф! Что скажете, товарищ директор?

— Пошьем?.. — перебил его Ракосник.

— Факт. Соберу мамаш и вкручу им мозги. И на следующий день все будет готово, как штык!

— После уроков приходи и забирай, да не забудь, что завтра жду тебя в восемь!

Директор не преминул капнуть дегтя в бочку меда.

— До свидания! — процедил Камил сквозь зубы, хотя ему хотелось поддать ногой эти злосчастные тюки, вместо того чтобы вежливо проститься.

Глава четвертая

Губерт Влах пришел на остановку автобуса без чего-то пять. Вокруг невысокого металлического столба с описанием движения автобусов бегали ребятишки, что приезжали в Крушетице, в школу, из окрестных деревень. Если идти пешком тропинкой через луга, мимо Обурки, а потом взять прямо на Простржедний млин — они уже часа два, как были бы дома. Но цивилизация изнежила их настолько, что мальчишки и девчонки предпочитали пользоваться этой железной коробкой, где нечем дышать. Возле скамейки нетерпеливо слонялись и взрослые. Дану Марешову Губерт увидел еще издали. Она вышла из учительской немного раньше его. Видимо, подготовилась заранее. Губерт же завернул в свой кабинет проверить, закрыты ли окна.

Он поздоровался кое с кем из знакомых, с которыми ежедневно добирался сюда из районного города, и подошел к Дане.

— Привет! — сказала она, хотя несколько минут назад они вместе томились на педсовете. Дана отступила на шаг, чтобы он мог пробиться сквозь толпу ожидающих поближе к ней.

— Придется, видно, брать с бою, — оглянулся Губерт. По обе стороны тротуара и через площадь, напомиравшую сплюснутую с боков коробку из-под обуви, к остановке валом валили люди.

Дана усмехнулась, не зная, что сказать. Она не выносила вопросов, которые уже заранее исключали возможность дальнейшего разговора, впрочем, Губерту эту манеру вести беседу она охотно прощала. По крайней мере сегодня. В виде исключения. Дана посмотрела на расшалившихся детей, не обращавших никакого внимания на педагогов и потому не выбиравших выражений, и, обернувшись к Губерту, спросила:

— Почему ты отказался заменить Каплиржа?

— Некогда... а если б даже было когда... — Губерт не окончил, поскреб пальцем бороду и отогнул рукав замшевого пиджака.

— Что значит — «даже»?..

— Это значит, что я не стал бы его заменять. Я, понимаешь, не обожаю таких, что только бегают по собраниям и заседаниям, а другие как идиоты вынуждены ишачить за них.

— Но Каплирж не сам придумал себе это совещание! — возразила Дана.

— Вот пускай и посылают кого-нибудь из района на замену, если Каплирж такой незаменимый! Меня уже давно воротит от этой его сверхсознательности!

Дана многозначительно кашлянула. Губерт, прищурив глаза, спросил раздраженно:

— Что такое?

Дана поправила светлые волосы, волной спускающиеся на воротник пальто, и Губерт отметил этот особенный, только ей присущий жест. В нем была какая-то грациозная, безыскусная женственность.

— Ты, Губерт, обратил внимание, кто из наших примерных коллег сдал сегодня план работы? — сказала она с иронией.

Он понял намек и почувствовал себя задетым.

— Надеюсь, тебе понятна разница между такими, как Пудилка, Пепа Каплирж или я. Они — могут, а я — должен!

Дана поняла, что замечание ее было бестактным.

— Дело твое! Я думала, ты оценишь это как шутку... — извинилась она.

И обрадовалась, что вместо ответа Губерт махнул рукой, как бы стирая сказанное.

— Брось, все это чепуха и не стоит разговора! — И, стряхнув с ее пальто жухлый тополиный лист, принесенный порывом ветра, стал наблюдать, как он, кружа спиралью, опускается на землю.

— Как дела у Павла? — спросил он наконец.

— Зубрит. По крайней мере иногда это демонстрирует и делает вид, будто усиленно занимается.

— Какой у него экзамен?

— Патология, — ответила Дана хмуро.

— Я думал, он ее уже давно сдал. Ты же говорила,

что где-то весной... — припомнил Губерт. Дана глубоко вздохнула, и ноздри ее тонкого носа вздрогнули.

— Его уже дважды прокатили...

— Неприятно. Дважды — это неприятно, — согласился Губерт. — С меня когда-то такого хватало единожды...

— Лучше бы вовсе бросил! — заявила Дана решительно.

— Наверное, теперь уже жалко, может, правда, не стоит, а?

Дана вдруг набросилась на Губерта, словно именно он был причиной всех их бед и неудач Павла.

— Пока что он еще ни одного экзамена не сдал с первого захода. Попробуй выдержи эти его вечные стоны! Вечные пролонгации! Торчит на третьем курсе, а те, кто с ним начинал, уже госэкзамены сдают! Он же при всем при том сохраняет олимпийское спокойствие. Сына родного не замечает, я вокруг него с утра до вечера танцую! А что? Чем у него не райская жизнь!

Губерт пытался утихомирить ее, люди вокруг начали оглядываться.

— Не злись, Дана, может, ты видишь все в чересчур черном свете, может, ты...

Она не дала ему закончить фразу, которая могла бы хоть успокоить, если не излечить ее душевные раны.

— Ты бы помолчал, Губерт. Не ты с ним живешь! Знаешь, сколько длятся мои мучения? Весь этот нерво-треп? Пять лет.

Из боковой улочки выехал автобус. Толпа, в которой стояли и они, пришла в волнение, каждый пытался занять такую позицию, чтобы было удобнее начать атаку дверей. У тех, кто находился впереди, теплилась слабая надежда захватить сидячие места. Напор на спину Губерта усилился, помимо его воли и желания толпа внесла его в автобус. Большого напряжения стоило удерживать в правой руке портфель. Когда Губерту удалось наконец повернуть голову к дверям, он обнаружил, что среди прочих пассажиров, набитых здесь словно сельди в бочке, стоит и полузадушенная Дана Маршова.

От автобусной станции в Тынце до микрорайона «Радость» — минут десять ходу. Большею частью Дана идет домой не сразу, а заходит сначала в магазин самообслуживания. Заведующая — ее добрая знакомая,

живет в их доме, двумя этажами выше, и потому время от времени, когда для остальных покупателей уже не остается молока, одна бутылка с фиолетовой крышечкой ожидает Дану. Дана в благодарность помогает заведующей тем, что занимается с ее «гениальным» сыночком, лучшая отметка которого за четвертый класс была четверка, и та по поведению. Через три корпуса от магазина стоит новое здание детского сада. Маленького Павлика обычно забирает Дана, приходится тратить много времени, и это ее раздражает. Мог бы, конечно, и Павел, ведь он сидит дома! Устало возвращается она обратно к магазину, а потом — вдоль площадки к своему дому.

Лифт второй день не работал. Дана с трудом поднялась на третий этаж, руки оттягивали сумки с продуктами и кипой тетрадей. Остановилась у своих дверей и стала рыться в сумочке в поисках ключей и тут услышала рвущуюся из квартиры громкую музыку. Она так мечтала о тишине, о покое, а тут этот грохот, раздражающий уши даже на лестнице. Сразу испортилось настроение.

Дана вошла в тесную переднюю. В комнате гремела канонада, рвались атомные бомбы... Она поставила обе сумки на калошницу, устало сняла пальто и повесила на вешалку, в зеркале промелькнуло ее лицо, она рукой убрала волосы, потом, взяв снова в руки покупки и тетради, нажала локтем на ручку двери и очутилась в эпицентре взрыва...

Все как обычно! Ее супруг в удобной позе возлежит на диване. На животе — вазочка с соленым печеньем, и он опускает маленькие сердечки одно за другим с высоты поднятой руки в открытый рот, покачивая в такт музыке ногой, покоящейся на спинке стула.

— Сейчас же выруби! — крикнула Дана.

Только теперь Павел заметил жену, улыбнулся, протянул руку к магнитофону и сбросил сколько-то децибелов. И только тогда Дана осознала, что на пленке записана музыка, а не пушечная канонада и не атомный взрыв.

— Супруге привет, о! — воскликнул Павел весело, не изменяя позы. Он набрал целую пригоршню соленых сердечек и сделал попытку поймать открытым ртом сразу два.

Р Дана прошла через комнату в кухню.

— Ну, что скажешь? — крикнул он вслед жене. — Я достал новые кассеты, сечешь, какой колорит? Вот куплю себе ящик, нет, лучше два, тогда сама поймешь, до чего же это здорово! Одно слово — сила!

Дана остановилась на пороге и, подняв руку над головой и опершись о косяк двери, спросила:

— Какое сегодня число, Павел?

Он взглянул на ручные часы:

— Двадцать третье... а что?

— Через месяц у тебя экзамен!

— Через месяц и два дня, Данушка! — поправил он и поставил вазу с печеньем на полку над головой, что с его стороны было чрезвычайно опрометчиво. Он знал, что за этим последуют упреки, поучения. У нее один разговор: занимайся, экзамен, занимайся, экзамен! Ну что за невозможная баба!

— Покажи, сколько ты сегодня выучил!

— Что это, проверка? Контроль?

— Я хочу, чтобы ты в конце концов сдал этот несчастный экзамен!

— Мне не нужны твои понукания!

Дана перелистывала конспекты лекций. На одной странице что-то привлекло ее внимание, она пробежала черные строчки, но тут же швырнула конспекты на пол к его ногам.

— Ты к ним даже не притронулся!

— У меня были другие дела, — отговаривался Павел, — сегодня просто руки не дошли!

— Чем же ты занимался?

— Мне необходимо было разобрать маг. Ты и представить себе не можешь, сколько я с ним провозился. Только что закончил...

Дана вздохнула и покачала головой:

— И для этого ты сидишь дома? Из-за подобной чепухи ребенка таскаем в детский сад?

Павел сел и умоляюще сложил руки.

— Дана, прошу, не трогай меня. Я сам знаю, когда зубрить и когда немного отдохнуть.

Дана насмешливо фыркнула:

— Это мне известно!..

Павел вскочил, на лбу вздулась жилка, он заорал:

— Не дрессируй меня, как мальчишку, ты не на уроке, а я не твой Бржихачек!

Дана, не сказав ни слова, резко повернулась и пошла в кухню.

Целый час, не меньше, они не обменялись ни словом. Павел лежал на диване, уставившись в угол комнаты пустым взглядом, Дана готовила белье для стирки. Она сняла с постелей пододеяльники и наволочки и надела чистые.

Розовые в зеленую полоску, ее любимые.

Дана слышала, как Павел встал и открыл шкаф — видимо, одевается, — но, не повернув головы, продолжала свое дело. Она любила менять белье. Белье приятно пахло. Стирая, Дана не жалела мыла и крахмала. Чувствовала, что он стоит за спиной, ожидая, что жена обернется и все ему простит...

— Я ухожу... — выдавил, наконец, он.

Дана резким движением надела на подушку наволочку и, наклонившись над кроватью, принялась застегивать пуговицы. Она молчала.

— Вечером придут наши! — заметил Павел мимоходом. — Мать звонила.

Дана распрямила спину. В левом боку кольнуло, она потерла согнутой рукой больное место и сказала металлическим голосом:

— Вот и купи для них что-нибудь к ужину!

— Я?.. — удивленно протянул Павел.

— Или дай мне денег! — еще жестче выкрикнула ему в лицо Дана.

— Я же тебе отдал всю стипендию... — пробормотал он заикаясь.

— И угрохал ее на свои бандуры! — кивнула она головой в сторону комнаты. Павел не сомневался, что Дана имеет в виду аппаратуру, которую он на прошлой неделе так выгодно купил у своего товарища по институту.

— Они такие же твои, как мои... — возразил он, отлично понимая, что эту битву уже проиграл.

— Мне они ни к чему! Если я не могу позволить купить себе новое пальто, то на эти деньги ты бы лучше купил Павлику лыжную куртку! Ты же, разумеется, покупаешь аппаратуру!

— Дана, денег у меня нет! — пытался он убедить жену.

— Тогда не зови гостей!

— Это мои родители! — Он уже начинал злиться.

Дана сложила вдвое вышитое покрывало и застелила кровать.

— Без денег ужина не приготовишь для кого бы то ни было!

Павел стиснул зубы и процедил с ненавистью:

— И тебе не совестно!..

Он с минуту стоял молча, словно готовился изо всех сил хлопнуть дверью, но, расслабив руку, будто боясь обжечься, выскочил вдруг в переднюю. Дважды щелкнул замок.

«Слабак, — подумала Дана и горько усмехнулась, — хоть бы дверью треснул! Даже этого не может!»

Адамцева успела вовремя подать заявление в автошколу. Ее включили в список начинающих где-то около пятнадцатого ноября. Она думала, что сделает мужу сюрприз, но тот, выслушав новость, лишь прогудел:

— Только деньги бросать на ветер! Ну скажи на милость, куда ты будешь ездить?

— За покупками, к нашей Кветушке до Пекловиц и, вообще, куда понадобится! — Адамцева попыталась ответить по существу.

Он сел и оперся на спинку кровати.

— Сколько раз ты сядешь за руль?.. Дороговатые выйдут поездки!..

— Ты тоже платил за автошколу, но я не сказала тебе ни слова.

Он развел руками.

— Я — это совсем другое дело!

— А именно?.. — удивленно протянула она.

— Никаких «а именно». Я просто не позволю тебе садиться за руль!

И тут Адамцева, повернувшись к нему, заявила:

— В таком случае, Ярошек, тебе придется припомнить, потому что ты, видимо, забывчив: деньги на машину накопила я, десять тысяч нам дали мои родители — таким образом, если бы не я, тебе еще долго пришлось бы топтать ножками!

— Ты упрекаешь меня, что я взял эти дурацкие десять тысяч? — Он шлепнул себя ладонью по лбу и про-

стонал: — Ах идиот, и почему я не одолжил у кого-нибудь другого, зачем только я взял у твоей мамаша эти несчастные пару сотен!

— Десять тысяч! — уточнила снова его супруга. Его атака захлебнулась. Он заговорил теперь несколько тише:

— Разобьешь машину вдребезги, и ее не удастся собрать!

— Машина застрахована!

— Хотелось бы мне знать, какой черт тебя подначил? — он фыркнул и в бешенстве завертел головой. — Твоя мамаша, конечно! Кто же еще?

Она внимательно разглядывала мужа. В июле ему исполнилось пятьдесят пять, но по сравнению с бывшими соучениками он выглядел намного старше. Несколько лет подряд его мучила язва желудка, по ночам случались тяжелые приступы, дважды вызывали неотложку и клали в райбольницу, однако курить он так и не бросил. В последнее время стал нервным и раздражительным, проблемы, на которые он мог раньше запросто махнуть рукой, казались ему теперь непреодолимыми и устрашающими.

Губерт Влах, захлопнув дверцу своей «октавии-универсал», включил зажигание.

Сколько же раз он ездил по этой дороге на бойни мясокомбината за те два года, что разводит норок! Поначалу два раза в неделю, но потом, когда самочки принесли потомство, пришлось брать мясо почти каждый день. Всякий раз он кладет в кузов машины две большие канистры и старый молочный бидон, что когда-то нашел в пещере под Велишем. Теперь бидон пригодился. Губерт выехал из ворот на шоссе и, сделав несколько поворотов, добрался до первого перекрестка. Он ехал, не замечая ничего вокруг, канистры позвякивали о бидон, словно дырявые колокольцы. Губерт взглянул на часы, скоро половина четвертого, в это время улицы уже полны народа. Люди торопятся с работы кто куда, мамаша, с трудом оттаскивая детей от витрин с игрушками, спешат домой, чтобы немного прибраться, приготовить ужин — или сегодня ограничимся бутербродами? — на парапетах вокруг площади восседают молодые ребята. Они непре-

менно когда-нибудь, насвершив славных дел, покорят мир, а пока что сидят, мусолят во рту сигареты да болтают ногами.

Посуда в машине у Губерта начинает вдруг гроыхать — он въехал на булыжную мостовую, — грохот стихает лишь на холме за площадью. Теперь один поворот у часовенки, включаем вторую скорость — ведь впереди у нас еще крутой поворот — и отсюда, уже издалека, увидим белые стены боен. Вообще-то Губерт и сегодня, как обычно, мог бы преспокойно въехать во двор. Это, конечно, запрещено, но Губерт Влах здесь со всеми знаком, и никто ему и слова не скажет. Однако Губерт все-таки ставит машину возле нового магазина самообслуживания. Заходит туда и покупает бутылочку вина. Через несколько дней именинники Михалы. Мясник Кучера тоже Михал, чего забывать не следует. Да, через несколько дней! Но вдруг он будет работать в утренней смене и Губерт с ним разминется? Не так-то просто развести норок: они жрут только мясо, от них не отделаешься охалкой сена или лоханкой вареной картошки, потому-то каждый, кто разводит норок, должен холить и лелеять своего мясника. Только мясник с боен может припрятать для тебя жестяной ящик со свежей свиной требухой и налить бидон говяжьей крови. И не время от времени, а регулярно, изо дня в день. Потому-то «норочник» не смеет забывать про его именины, хорошо бы еще узнать, когда тот справляет и день рождения, не мешало бы иногда подсунуть ему фирменную авторучку или красивый набор рюмок, ибо от щедрости мясника зависит и твое, «норочник», благополучие. А так как разводишь сих драгоценных зверьков не один только ты, то тебе необходимо иметь своего мясника. Личным поставщиком Губерта был мясник пан Михал Кучера.

Губерт притормозил у ворот и, увидав за приподнятым окошком вахтера, дружески помахал ему рукой, потом круто вывернул руль вправо и запарковал у стены так, чтобы никому не мешать. Ключи из замка вынимать не стал, здесь, будь уверен, на твой драндулет никто не позарится, мясники ставят свои «саабы» и «симки» на улице, перед въездом на бойни.

Губерт огляделся, нет ли поблизости Кучеры.

На противоположной стороне два молодых парня гна-

ли по проходу, огороженному железными трубами — их можно легко сложить и по мере надобности удлинить, — стадо визжащих свиней. Последние минуты жизни! — подумал Губерт, шагая вслед за ними вдоль загородки ко входу в цех — отсюда начинался конвейер смерти.

Сколько раз Губерт Влах проходил здесь, и его всегда охватывало ощущение, будто он здесь впервые.

На земле громоздились зловонные свиные желудки; Губерт перешагивал через них и кивал головой тем рабочим, кто оборачивался. Воздух был влажный, насыщенный густым запахом свежего мяса. Справа, за стенкой из железных шестов, стоял мясник, держа обеими руками огромные щипцы. В углу испуганно визжали и корчились штук пять свиней. Мясник был в высоких резиновых сапогах, в фартуке, забрызганном кровью, и короткой куртке неопределенного цвета. Точно так же были одеты и остальные рабочие, которые стояли чуть поодаль, у гремящей ленты конвейера. От щипцов тянулся к розетке электрошнур. Мясник подошел к одному из животных и обхватил щипцами его затылок. Животное мгновенно рухнуло на землю. Еще несколько секунд, и он, ухватив его, уже совсем недвижимое, за заднюю ногу, подтащил к ближайшему крюку транспортера, который подтянул тушу к самому потолку и повлек по рельсам, проходящим над длинным желобом. В желоб спускали кровь. Здесь другой мясник рассек мертвому животному под горлом вену и, ловко увернувшись от хлынувшей струи крови, направился обратно к другим тушам, висящим уже без единого признака жизни. Теперь вдвоем с еще одним рабочим мясник опустит их в гигантскую кадь с кипящей водой, а затем подтолкнет к механической мойке. Здесь тушу обработают и выкинут на площадку, чтобы следующий рабочий из бригады мясников горелкой мог очистить ее от щетины, отсечь уши и ловким движением ножа вырезать глаза.

В процессе не было ничего страшного и жестокого. И, увидав это в первый раз, Губерт не был потрясен, весь процесс, от начала до конца, проходил с профессиональным спокойствием, технично и, даже можно сказать, гуманно. Губерт не любил приезжать сюда в те дни, когда забивали рогатый скот. Электрошок коров не берет, поэтому к ним применялся иной метод — корову коротким канатом привязывали к железному кольцу, вмонтирован-

ному в бетонный пол, и, оглушив двумя-тремя ударами железного лома, рассекали ножом горло — это делал не тот, который оглушал, он пока отдыхал, а другой мясник, — и, не дожидаясь, пока животное перестанет биться в конвульсиях, мясники набрасывались на него, зная по опыту, что оно уже мертво, и принимались вырезать глаза и отсекал мягие ноздри. К этой тяжелой сцене Губерт привыкнуть так и не смог.

Впрочем, у мясников нет времени на эмоции, у них время действительно деньги: им платят сдельно — с головы, а у ворот уже ждут своего часа другие животные.

Под транспортером, густо увешанным свинными тушами, Губерт прошел в следующее помещение. Увидел врача в белом халате и в клеенчатом фартуке, надетом поверх халата, — он проверял внутренности забитых животных. Мясники подносили ему ливер за ливером и вешали на крючья, вбитые в стену. Ветеринар надрезал печень, внимательно изучал доли легкого и в некоторых обнаруживал следы перенесенного заболевания. Отхватив ножом большой кусок; он швырял его в жестяной ящик. Это и была пища для норок.

Губерт поздоровался с врачом и подождал, когда в ящик шлепнется еще часть печенки в желтоватых пятнах: давай, давай, добавляй! — и спросил, где найти Кучеру. Ветеринар ткнул пальцем в гущу висящих туш, уже распиленных вдоль, на две половины. Они раскачивались высоко, под самым потолком, на железных коромыслах. Где-то там, позади, должен находиться мясник пан Кучера.

Вскоре пан Кучера действительно появился. Он походил на всех, кто работал здесь, только фартук на нем был почище, не так сильно забрызган кровью. Конечно же, у него совсем иное лицо: не такая улыбка, ямочка на подбородке, и брови словно два вороньих пера, и пепельные волосы, но руки, как у всех тут, — с коротко остриженными ногтями. Он походил на всех походкой и, пожалуй, еще тем, что носил наброшенную на плечи куртку.

— У вас найдется что-нибудь для меня, пан Кучера? — Губерт должен говорить именно так, не может же он сразу явиться с бидоном и канистрами. Каждый раз нужно разыгрывать из себя просителя и благодарного

получателя. И лишь когда мясник великодушно кивнет головой, Губерту надлежит возвратиться к машине и подъехать поближе к дверям этого ангара. Летом здесь стоит невыносимая вонь, кишки и сейчас извергают зловонную жижу, она устремляется через порог, а осклизлые узловатые мотки лопаются, потому что в них уже несколько дней бродит кал, — но как же еще может Губерт спасти своих норок от голодной смерти?

Губерт Влах вытаскивает из машины канистру, набирает полными пригоршнями остекленевшие легкие и большие печенки, он уже давно преодолел брезгливость и набивает обе посуды до краев, сожалея, что не захватил еще что-нибудь или не взял по крайней мере целлофановый пакет. Оставшиеся внутренности Губерт сбрасывает в кучу, обтирает руки ветошью, которую возит с собой, и возвращается назад к мяснику. Те обычно не возражают, если под взрезанное горло свиньи он подставит молочный бидон. Губерт добавляет кровь норкам в пищу. Жаль, что мясники иногда скушаются.

Когда все емкости наполнены, Губерт подъезжает к проходной. Кучера уже там.

— Вот бутылочка вина! Всего вам наилучшего, пан Кучера.

Руки липки, и рукопожатие липкое. Естественно, что знак внимания пану мяснику Михалу Кучере приятен:

— Спасибо, пан учитель!

— Дед, — говорит Кучера вахтеру, — у тебя не найдется стакашка?

За рулем-не за рулем — Губерт должен с ними выпить. До дому тут недалеко, пожалуй, доберется, не проблема. Разнокалиберные рюмки звякнули, вахтер наливает еще по одной, Губерту уже пора, надо успеть накормить норок. До свидания, до послезавтра!

Губерт возвращается домой, вполне довольный жизнью. Бидон с кровью он оставил во дворе под водосточной трубой, канистры занес в подвал, где стоит большой холодильник. Открыв двери в коридор, он сразу же оглох от громяющей музыки. Значит, сын Яромир дома! Дагмар, наверное, тоже. В такое время она обычно приходит с работы.

Губерт умылся, переделся, музыка гремела все громче, он кинулся в комнату сына.

Яромир сидел за пианино, играл, но рядом с ним ревел магнитофон. Губерт понял: его семнадцатилетний отпрыск играет в сопровождении оркестра. Ничего страшного! Отца лишь удивило, что на носу у мальчишки нацеплены очки в проволочной оправе.

Губерт опустил руку на клавиши. Яромир тут же перестал играть и убавил громкость мага.

— Привет тебе, отец!

— Не называй меня так, — сказал Губерт, — ты же знаешь — я этого терпеть не могу!

— Ну, о'кей, прошу прощения!.. — извинился сын. На верхней губе у него торчали черные волосинки, щеки были усеяны угрями. Он тщательно умывается серным мылом, протирает мелкие ранки одеколоном, чистым спиртом, лосьоном и прочей ерундой. Ничто не помогает. Возрастное явление.

— С каких это пор ты носишь очки?

— С сегодняшнего дня.

— Плохо со зрением?

Сын самодовольно ухмыльнулся.

— Зрение как у ястреба. — Он снял очки и протянул отцу. — Я их на чердаке нашел. Дедушкины, наверное. За двадцать монет мне вставили новые стекла, здорово, а?

Губерт посмотрел сквозь очки — обычное стекло.

— В том-то все и дело! — подтвердил Яромир, не отрицая справедливости отцовского открытия.

— Зачем же тогда нужны очки?

Мальчишка снова надел очки и заиграл какую-то тяготную мелодию. Он играл совсем неплохо, учиться музыке начал в шесть лет, а когда стукнуло пятнадцать, распрощался с музыкальной школой и преподавательницей пани Матейковой, которую чуть не хватил инфаркт, когда Яромир объявил ей, что уже больше к ней никогда не придет. Он играл для себя, потому что музыка жила в нем, сопровождал себя магнитофоном, сам себя слушал, когда чертил — Яромир учился на втором курсе строительного техникума. Поставив учебник по геологии на пианино, он озвучивал, импровизируя, названия камней, переводя в си минор шкалу твердости.

«Яромир, вернись в музыкальную!» — просили родители, им было жаль его таланта, но он ломающимся бас-

ком вопил: «Никогда!» — и наяривал бессмысленные, за-
тасканные песенки. Он увлекался поп-музыкой.

— Потому, папа, что это мне нравится! — прозвуча-
ло в ответ.

Губерт колебался, не знал, как ему реагировать, а по-
том, словно вспомнив, сказал:

— У тебя завтра во второй половине дня есть время?

Яромир, продолжая играть, утвердительно кивнул.

— А что?..

— Тебе следует сходить в поликлинику проверить го-
лову! — И отец многозначительно постучал пальцем по
его лбу.

Сын не оскорбился. Наоборот, невинно улыбнулся,
и его пальцы еще быстрее забегали по клавишам.

Губерт ушел. Пусть парень лучше побудет один. Не
имеет смысла терять с ним время. Завтра у Губерта
шесть уроков, а час уже поздний. Он плотно закрыл
дверь и к порогу комнаты, где сын продолжал извлекать
из инструмента громкие звуки, придвинул короткий
коврик.

— Тебе нравится? — Власта Пудилова развернула
рубашку на кухонном столе и несколько раз проехала
ладонью по тем местам, где примятости сложились в по-
добие больших клеток. Кончики пальцев ощутили прият-
ное прикосновение дорогой ткани. Станя должен сейчас
же ее примерить. Сын пересек кухню и исчез в распах-
нутой настезь ванной комнате.

— Ты меня слышишь? — Власта Пудилова хотела
знать его мнение и, само собой, вкусить слова благодар-
ности, пусть самые незначительные, хотя отлично знала,
что понятие «благодарность» современной молодежи аб-
солютно чуждо. Она слышала, как сын включил электро-
бритву и начал бриться. Перекинув рубашку через руку,
Пудилова медленно пошла вслед за ним, остановилась
на пороге ванной и так и стояла, наблюдая, как он длин-
ными пальцами натягивает на подбородке кожу, чтобы
почище выбриться. Сын стоял перед зеркалом в бежевых
брюках, которые она, мать, подарила ему на прошлое
рождество, и в майке. Можно было не сомневаться, что он
собирается уходить.

Власта дождалась, пока на блестящей плоскости зеркала встретятся их взгляды, и лишь тогда задала вопрос:

— Ты куда-нибудь уходишь?

— Угу! — промычал он коротко и перетащил урчащую машинку на другую щеку.

— Утром ты ничего не говорил...

— Утром я не знал, что у Милады сегодня нет ночного дежурства...

— Она звонила?

И только тут сын, обернувшись на мгновение, выключил бритву и посмотрел матери прямо в глаза.

— Звонила, — сказал он сухо. — Тебе это не нравится?

— Я полагала, что ты сядешь заниматься, — ответила Пудилова уклончиво.

Рубаху она все еще держала на руке, чтобы не помять. Станя снова включил зажужжавшую сразу машинку и опять усталился в зеркало на свое лицо. У него, у Станислава, глаза карие, как у матери, и отцовский твердый рот. Нос, правда, великоват, но придает ему солидность и уверенность в себе. Такое впечатление по крайней мере Станя вызывает у всех, кто его знает.

— Сыт зубрежкой по горло. С утра сижу не разгибаюсь. Могу я немного отдохнуть? Как ты думаешь?

— Конечно, — тихо сказала мать и вернулась в кухню. Она аккуратно надела рубашку на плечики из пластмассы, которые были вложены в тот же пакет, и повесила на ручку распахнутой двери. Услышав, что Станя выключил бритву и убирает ее в футляр, Пудилова тихо произнесла:

— Когда пойдешь к себе, захвати и повесь в шкаф.

— Что? — спросил Станя, стоя в дверях.

Из квадратного флакончика он налил на ладонь одеколona и протер лицо.

Мать показала на дверь. Она молча разбирала содержимое сумки, раскладывая на столе пакеты, бутылки с фруктовым соком, банки с горчицей и промасленные мешочки с майонезом.

— Хороша! — похвалил он мамин вкус. — Дорогая?

— Сто двадцать...

Станя удивленно свистнул и, закрутив крышку на флаконе, отнес его в ванную.

— Я ее сейчас надену! — сказал Станя по дороге.

— Нет!.. — крикнула мать.

Станя вернулся обратно в кухню. Насупив брови, он стоял, засунув руки в карманы брюк. На левой скуле, вдруг порозовев, четко обозначился небольшой шрам. Память еще детсадовских времен: в первый же день, когда мать привела его туда, Станя почему-то не понравился одной девочке. Без всякой видимой причины она швырнула в него деревянной игрушкой. Доктор Шебеста в поликлинике сразу же наложил на рану шов. Бесспорно, Шебеста был отличный хирург, но эту рану зашивал не иначе как сапожной дратвой. Шрам, похожий на охромевшую стоножку, не исчез и через двенадцать лет и четко проявлялся, чаще всего зимой, в мороз, или когда его обладатель волновался.

— Почему, мама?

— Не сегодня! — отрезала она, словно отрубила кусок льда от своего оскорбленного сердца.

Станя попробовал применить к ней свой испытанный метод. Подошел совсем близко и, нежно обняв ее сзади за плечи, прижался лицом к материнской шее.

— Мамуля... — попросил он. — Ну не сердись на меня! Не надо!

Пудилова легко высвободилась из его объятий, открыла ящик буфета и поставила вниз баночку горчицы и суловую зелень.

— Я сержусь не на тебя!

Он стоял посреди кухни опустив руки, беззащитный и растерянный.

— Мама, если ты не любишь Миладу, значит, не любишь и меня! — с трудом выдавил он. Стоножка ожила, она становилась все явственней.

Мать повернулась к нему и сложила руки на тяжелых грудях:

— Ты и Милада — эти два имени я не желаю и никогда не пожелаю услышать вместе. Я тебе уже много раз об этом говорила!

— Но мы любим друг друга, мама!

Пудилова надменно усмехнулась:

— Эту?.. — одним только словом она, как ничтожную пушинку, сдунула самую мысль о его девушке. — Она отлично знает, зачем морочит тебе голову: будущий инженер, единственный сын, получит в наследство дом!

Не думай, Станя, она и ее мамаша очень хорошо все подсчитали!

Сын взорвался:

— Это неправда, мама! — И сам испугался своего голоса. — Ты их оскорбляешь! Намеренно и систематически! Почему ты это делаешь?

...В ящик рядом пойдет кусковой сахар. Пудилова переложила его из картонной коробки в квадратную из плексигласа.

— Потому, дорогой мой Станя, что не хочу, чтобы ты с ней связался. Хочу, чтобы спокойно закончил институт. Чтобы стал человеком, Станя... — Только сейчас он обнаружил в голосе матери нотки понимания и сочувствия. — Пойми, она тебе не пара! Ну что ты в ней нашел?...

— А что нашел в тебе отец? Почему ты не вышла за десять других? Просто потому, что он тебя любил, а остальным ты просто нравилась.

— Наивный!.. — пожалела его мать, словно неразумное дитяtko. — Ты действительно так думаешь? — И захохотала, словно разбросала пригоршню фальшивых монет.

Станю пронзила какая-то острая боль. Но у него не было ни сил, ни смелости продолжить эту неравную дуэль с эгоизмом матери, он знал, что в любом случае проиграет, потому что не сможет нанести противнику ответный удар. Станя кинулся в свою комнату, поспешно оделся — рубашка, куртка, — торопливо натянул на руку часы, из ящика стола выхватил связку ключей и, не сказав больше ни слова, выбежал из дома.

Власта Пудилова притворилась, будто слишком занята стряпней, чтобы обращать на него внимание. Не прошло и минуты, как со двора послышался шум автомобильного мотора. Потом кто-то, наверное отец, открыл ворота, чтобы Станя мог выехать на улицу.

Глава пятая

— Потрясно! Фантастика! Вот это да!..

Все разглядывали Камила Маржика, а он вышагивал по учительской, словно манекенщица на подиуме во время демонстрации новинок моды. На нем был строгий черный костюм, в котором он наверняка два года назад сдавал госэкзамены, на шее, под самым подбородком, нацеплена сиреневая бабочка, сорочка с мелким рисунком, а на ногах — лакировки. Они скрипели с неизменной регулярностью, при каждом шаге. Камил подстригся. Парикмахер, как видно, получил партию новых, свеженаточенных ножниц, больше подходящих для стрижки овец. На уши было страшно смотреть.

— Если бы ты жил в Голландии, туристы принимали бы тебя за ветряную мельницу. — Прскавец разошелся вовсю, он хохотал как сумасшедший. — И у тебя хватает смелости явиться в школу с эдакими лопухами?

— Ну, ну, перестаньте! Ему так идет... — вступилась за Камила Кутнаерова. — По крайней мере теперь он выглядит как настоящий мужчина — Она подошла и поправила на Камиле галстук-бабочку. Камил терпеливо ждал, задрал подбородок. Он, как истинный провокатор, выполнил приказ директора буквально, не утруждая себя мыслями о возможных последствиях. Именно поэтому все с любопытством ждали прихода Яна Ракосника, высказывая всевозможные предположения о том, как он к этому отнесется: как к хорошей шутке или поднимет крик? Пошлет Камила переодеваться или начнет выяснять, кто дал ему право вести себя подобным образом?

— И ты в таком виде пойдешь в класс? — ужаснулась Лиemanова, разглядывая его смокинг, и приняла таблетку от головной боли, потому что через пятнадцать минут должен был прозвенеть звонок.

— А почему бы и нет? — вмешался Гавелка. — Может, с завтрашнего дня мы все будем так ходить!

— А женщины, Либушка, наденут мини-юбки! — Прскавец оскалил зубы и, глядя на Лиemanову, снова захохотал, представив себе, как некоторые дамы вплывут в класс в коротеньких юбочках. Ну что ж, Геленка могла бы надеть и супермини, и Гаспеклице тоже стесняться нечего, но Лиemanка или Адамцева! Страшно подумать!

— Слышь-ка, Прскавче, знаешь, какая разница между счетной электронной машиной и мини-юбкой? — спросил Гавелка.

Прскавец отрицательно замотал головой, а все остальные притихли, желая узнать, в чем соль вопроса. Гавелка засунул длинные руки в карманы халата и, раскинув его полы, словно крылья уродливой птицы, сказал медленно и отчетливо:

— Мини-юбка предоставляет максимум информации с минимальными затратами. Счетная машина — наоборот!

Постепенно, по мере того как до них доходило, они, один за другим, начинали смеяться. Губерт с Камилом расхохотались, как только Гавелка закончил. Когда все отсмеялись, Каплирж преувеличенно громко заметил, что это отличный анекдот и он его непременно запишет, и действительно, достав из кармана блокнот, весьма кратко записал игру слов на внутренней стороне обложки. Женщины тоже засмеялись, Анечка Бржизова спокойным, легким смехом, Кутнаерова громко и от всей души, за ними и все остальные. Это уже был неопиcуемый, неуправляемый хор смеха и голосов, сквозь который прорывался голос Лиemanовой, вычитывавшей Гавелке:

— Ну, то, что ты, Прскавец, — старый нахалугоа, нам известно давно, — как всякий педагог, она старательно выговаривала окончание каждого слова — но Вацлав?

Гавелка пропустил ее упреки мимо ушей. Успех переполнял его радостью. Он смаковал мелкие подробности улыбок и реплик, одним ухом слушая Бенду, рассказывающего Эве Мокрой, как он служил в Вышних Ружбах в армии и там был старшина по фамилии, кажется, Белоглавок или что-то в этом роде, столько лет прошло, так вот он тоже...

Бенда не успел досказать.

В учительскую вошел директор Ян Ракосник. Все разом смолкли и отступили к стене, снова уставившись на Камила. А тот, вытянувшись по-солдатски в струнку, набрал в легкие воздуха, собираясь доложить.

Ракосник скользнул по Камилу рассеянным взглядом, вернее, лишь коснулся его краешком глаз и повернулся к остальным. Большинство сдерживалось, чтобы не прыснуть со смеху, но уже не над Бендой и его пресловутыми Вышними Ружбахами, а над комизмом ситуации. Но директор, серьезный до противоположного, вдруг остановился перед Властой Пудиловой и тихо, словно обращаясь к ней одной, сказал:

— Сегодня ночью скончался Франтишек Еглик.

Первым пришел в себя Прскавец.

— Пусть земля тебе будет пухом, Франта! — выдал он. Его голос было трудно узнать. Он собрал свои таблички, разложенные на столе, и вышел из учительской. Его понимали: он знал Франтишека Еглика дольше всех, еще со студенческой скамьи, когда они вместе учились в ичинском педагогическом. Как давно это было! Прскавец ушел, чтобы скрыть свои чувства. Остальные не тронулись с мест. Стояла растерянная тишина, слышался лишь грохот молотов, крушивших подоконники.

— Отчего? Что с ним стряслось? — спросила Власта Иудилова.

Директор Ракосник передал им содержание разговора с женой покойного. Ночью Франтишеку стало плохо, она решила, что это обычный приступ многолетней *angip'ы rectoris*, но на всякий случай все-таки вызвала врача. Тот предложил немедленную госпитализацию. Франтишек Еглик умер в машине по дороге в больницу. Тихо, без больших страданий. Слишком рано он ушел из жизни, к искреннему сожалению большинства тех, кто его знал.

Директор Ракосник, уставившись взглядом в пустоту, усиленно размышлял о том, что теперь будет. Говоря по правде, он быстро смирился со смертью своего зама, хотя в глубине души понимал, что какое-то время его будет не хватать. Пока район не назначит нового зама, директору Яну Ракоснику придется самому тянуть административную лямку, а он ее ненавидит. Но уже и теперь Ракосника ужасала мысль, что, как директор шко-

лы и ближайший сотрудник Еглика, он должен, он просто обязан, держать речь над гробом усопшего. Да, он, Ян Ракосник, может написать искреннюю и, более того, трогательную траурную речь, в которой напомним и обо всех заслугах Франтишека, и о его бесценном характере, но в столь непривычной обстановке у него, у Ракосника, может дрогнуть голос, и все увидят его растерянность и слабость. Это не педсовет, где он способен указывать, руководить и распекать. Над гробом он может чересчур обнажить себя. Как мало надо, чтоб возникла неприятная ситуация, последствия которой Ракосник долго будет ощущать в тонких намеках своих подчиненных.

Но кто же еще мог бы произнести надгробную речь?

Заговорили о Франтишеке Еглике. Все сразу посерьезнели.

Камил, попросив Геленку расстегнуть ему бабочку, аккуратно снял ее и спрятал в свой ящик. Воротник белой рубашки он выпустил на пиджак.

Лекса наблюдал за ним от дверей, он уже уходил. Сейчас нажмет на ручку и исчезнет, слегка разочарованный, что спектакля не получилось. Он был не прочь услышать, как Камилу достанется от директора: Лекса завидовал его музыкальным и прочим успехам, ведь и он пытался создать хор, ребята приходили, пели на праздниках, не то чтобы очень здорово, но их все же пригласили Восьмого марта на фабрику к шефам приветствовать лучших работников. Однако на этом все кончилось. Ребята разбежались. Потом в школе появился Камил Маржик. Его личное дело было испещрено всевозможными замечаниями. Но он был музыкант! И к тому же страшный тиран. Он не давал спуска ни себе, ни детям. «Жаль, очень жаль, — говорил на собраниях директор Ракосник, — что ты не можешь проявлять такую же требовательность на обычных занятиях в классе». Камил, засмутившись, обещал, что следующий отчет о выполнении норм по сбору желудей и каштанов сдаст абсолютно точно в срок, более того, проставит возле фамилии каждого ученика, трудится ли его мама на производстве, в сельском хозяйстве или в сфере обслуживания. Так или иначе, но дальше обещаний дело не шло. Камил был из другого теста, чем, скажем, Еглик или Власта Пудилова. Отчеты этих педагогов было просто приятно взять в руки ...

По классам разошлись до звонка.

Адамцева ползла на первый этаж вместе с Эвой Мокрой, рассуждая вслух, когда может состояться кремация. Предполагали, что в пятницу. Адамцеву волновала проблема «что надеть». Темно-серое платье, пожалуй, подойдет, если она, конечно, еще сможет в него влезть. Так или иначе, в крематории пальто снимать не придется, но надо надеть что-нибудь такое, в чем в школу ходишь не каждый день.

У дверей ее класса стояли две женщины в белых халатах.

— Прививки, — пояснила Адамцева Мокрой и подошла, чтобы поприветствовать медичек.

В первый класс они вошли вместе.

Дети поздоровались с вошедшими дружным вставанием. Это было то небольшое, что Адамцевой удалось вбить им в головы. Давно у меня не было такого разболтанного класса, часто думала она, или работа стала меня утомлять? Больше всего ей досаждал эксперимент с теорией множеств...

Медсестры разложили на столике инструменты. Обе молоденькие, а одна из них к тому же удивительно хороша собой. Адамцева предложила им список учеников, но та, дурнушка, похвалилась, что у них есть своя картотека. Тогда учительница, повернувшись к классу, стала втолковывать детишкам, что сейчас их ужалит пчелка. Мальчишки и девчонки смотрели с любопытством и решительно без всякого страха. Прививки были для них обычной процедурой. Сколько за шесть лет своей жизни они их успели повидать!

Адамцева выкликала по алфавиту:

— Аугуста, ну-ка иди сюда, Миланек! Раз — и готово!

— Балкова!

— Беднарова, ты храбрая девочка, получишь картинку!

— Бенда, ну, Златко, теперь твоя очередь!

Бенда-младший замотал головой:

— Не пойду...

— Иди, иди, — звала его сестричка и сладко улыбалась.

— Нет!..

Адамцева подошла к мальчику и ласково взяла за руку.

— Почему, Златко? Всем детям делают прививку. Это совсем не больно, правда, дети? — обратилась она к тем, кто уже сидел, придерживая на руке квадратик марли. Ребята дружно подтвердили, что прививка — это совсем не больно.

— Не пойду. Мне это противопоказано! — заявил мальчуган и повернулся к учительнице спиной. Сестры рассмеялись над тем, как он сказал «мне это противопоказано!».

— Ах, значит, тебе противопоказано? — с иронией повторила та, красивая, и, встав, тоже подошла к третьей парте. — Идем, я дам тебе красивую картинку.

— Можешь ее засунуть себе кой-куда, — отрезал мальчишка.

— Златко! — пыталась уговорить его Адамцева, она уже привыкла к подобным ответам и размышляла, как бы выманить Златко к столу.

— А ты, оказывается, грубиян! — рассердившись, заметила сестра, махнула подружке, и они вместе, общими усилиями попытались вытащить Златко из-за парты.

— Оставьте меня, — вопил он, словно его собирались резать.

— Пустите его! — сказала им в конце концов Адамцева. Они неохотно послушались, охваченные неукротимым желанием отдубасить мальчика и потирая искусанные руки.

— Фашисты! — облегчил свою душеньку запыхавшийся Златко и, поглядев им прямо в глаза, прошипел: — Я вас ненавижу!

Учительница ласково положила руку на его плечо.

— Златко, ты ведь умный мальчик, почему ты так поступаешь?

Он, все еще настороженный, сбросил ее руку и заявил:

— Потому что все это — дерьмо!

Адамцева закричала:

— Ну-ну! Владей собой! — Ей было стыдно перед чужими. Крушетице не так велики, чтобы тут же по всему городу не разнеслась молва о том, что себе позволяют ученики их школы.

— Я такого безобразника еще в жизни не встречала! — закричала та, у которой были искусаны руки, и, лизнув красное пятнышко, вдруг с потемневшими глаза-

ми накинулась на Златко и стала вырывать его из-за парты. Но Златко, ухватившись за скамейку, уперся в нее ногами и руками, и ей так и не удалось сдвинуть его с места.

— Подождите, сестричка! — Адамцеву осенило. — Я позову его отца, уж он-то с ним как-нибудь справится. Займитесь пока другими детьми.

Сестра отпустила мальчугана и возвратилась к столу. Взглянув в картотеку, недовольно крикнула:

— Винцибусова!

Иренка, с двумя косичками за ушами, послушно засеменила к доске, поглядывая на остальных ребятшек. Ну, что вы скажете о моей отваге?

А Златко в это время что-то читал под партой.

Адамцева сначала заглянула в учительскую, узнать, в каком классе сейчас занимается Бенда-отец, потом, громко постучавшись в кабинет физики, дождалась, когда он вышел, и потребовала, чтобы Бенда немедленно пошел и объяснил своему сыну, как важно для здоровья человека вовремя сделать прививки.

Бенда-отец молча подсел к сыну. Они долго смотрели один другому в глаза, пока наконец старший сказал:

— Что ты со мной делаешь?

Златко не ответил.

— Дай ввести тебе сыворотку!

— Не дам!

— Причина? — Они разговаривали на равных, как два взрослых партнера, а не как отец и сын, которому несколько месяцев назад исполнилось шесть лет.

— Ты же знаешь, что у меня ко всем прививкам аллергия.

Сестры переглянулись.

— Это неправда! — Отец повысил голос. — Крапивница у тебя была в последний раз, когда тебе было три года.

Златко снова твердо взглянул в его глаза и сказал печально, без всякой строптивости:

— Папа, я очень боюсь!

Отец улыбнулся:

— Идем, Златко! — Он протянул сыну руку. — И не бойся! Он вел мальчика к столу в полной тишине. Сестра выдвинула стул. Бенда-отец сел и посадил ребенка на колени. Сестра завернула рукав его рубашонки.

— Я все еще боюсь, папа! — в слезах выкрикивал Златко. Бенда-старший прижал его голову к своему плечу и свободной рукой гладил по светлым волосам. Сестра протерла ребенку руку, та, красивая, посмотрела на стеклянный шприц против света, подождала, пока с иглы капнет выдавленная ею серебристая жемчужинка, прицелилась и привычным движением с силой вонзила иглу.

Златко вскрикнул, резко дернулся, и кончик иглы обломился!

— Видишь, — сказала сестра укоризненно, — если бы ты сидел спокойно, тебе не пришлось бы терпеть боль дважды!

Златко громко рыдал. Процедуру пришлось повторить. На сей раз она прошла удачно.

Отцовские объятия распахнулись, и Златко вернулся за свою парту.

— Вот! — Все три женщины и отец улыбались ему. — Столько реву и крику, а ведь совсем не больно?

— Больно! И даже очень! — ответил он, и в глазах его опять блеснули слезы.

— Через две недели придем проверить! — заметила одна из сестер, прощаясь с учительницей. — Какой все-таки странный ребенок! — повернулась она к третьей парте.

Кремация Франтишека Еглика действительно состоялась в пятницу, четырнадцатого октября. Тот факт, что начало процедуры было назначено на одиннадцать часов, приняли с чувством удовлетворения как ученики, так и учителя. Это означало, что будут проведены только два первых урока — да и то какие уж тут занятия, — а в десять все должны собраться перед школой, где будет стоять автобус, чтобы отвезти их в семьильский крематорий. Поехали, как и положено, все, кроме Либуши Лиemanовой, которая извинилась, сославшись на невыносимую головную боль. Больше всего она боялась, чтобы после печального акта погребения у нее не началась ее хроническая многодневная мигрень.

Директор Ян Ракосник влез в автобус последним, следом за Гавелкой, который тащил большой венок. По лентам сбегала вниз надпись золотом. Коллектив учителей заверял усопшего, что никогда не забудет сго. Учи-

теля собрали по десять крон, и венок выглядел вполне пристойно.

Директор Ян Ракосник, убедившись, что все в сборе, уселся на последнее сиденье и сказал водителю, что можно трогаться. Он старался держаться так, чтобы выглядеть спокойным, уравновешенным и сдержанным соответственно предстоящей траурной церемонии.

Тяжелый камень свалился с его души. Речь ему прозносить уже не надо.

— Ты просто-напросто не можешь! — заявила его пронизательная жена. — Разволнуешься, у тебя снова подскочит давление, и придется брать больничный. Сошлись на здоровье, люди тебя поймут, простят. Подумай лучше, кто может сделать это вместо тебя!

Совет был мудрый. Перебирая в уме одного подчиненного за другим, он остановился на Йозефе Каплирже. Каплирж отвечает всем требованиям: давний член партии, кроме того, знал покойного коллегу еще по работе в районе, когда тот был инспектором.

Директор пригласил Каплиржа в свой кабинет и объяснил, что очень правильно, более того — совершенно необходимо, чтобы именно он от имени коллектива учителей и, естественно, также от своего имени произнес надгробную речь.

Каплирж, как ни странно, не отказался, хотя директор этого ожидал. Он лишь спросил, сколько времени отпущено на речь.

— Я полагаю, минуты три-четыре! — ответил директор Ян Ракосник и с трудом подавил в себе радость, вызванную столь легким избавлением от неприятной обязанности. Ракосник не сомневался, что Каплирж и здесь блеснет эрудицией. Настолько-то уж он знал его! Таким образом, директору Яну Ракоснику оставались лишь мелкие организационные проблемы, как-то: отдать напечатать и разослать некрологи — текст сочинил он сам и полагал, что неплохо. Он назначил представителя от учащихся; Божене Кутнаеровой поручил купить черные муаровые ленты, такую ленту директор, как и некоторые другие учителя, просунул в петлицу на лацкане пиджака. Он отправил личное соболезнование вдове, кроме того, после окончания процедуры в его обязанность входило подойти и пожать ей руку. Вот, пожалуй, и все!

В отличие от других директор Ян Ракосник надел еще и черный галстук.

Его жена тоже поехала, она сидела в автобусе рядом с Анечкой Бржизовой, и, хотя сорокалетие, словно назойливая кошка, уже скреблось у ее дверей, она выглядела очень, очень молодо. Позже, когда она стояла перед крематорием рядом со своим мужем — он седеющий, с темной шляпой в руке, она в модном пальто, — смотреть на них было приятно.

Без чего-то одиннадцать их впустили в ритуальный зал.

В центре его на катафалке стоял гроб со множеством венков и цветов, на фоне зеленой хвои преобладал желтый цвет. Первые два ряда занимали родственники усопшего, остальные свободные стулья — друзья, соседи и бывшие ученики, отпросившиеся с работы, чтобы приехать проститься со своим учителем. Сидели главным образом женщины; учителя-мужчины опирались о спинки стульев или о стенку.

Губерт Влах занял выгодную позицию поближе к тяжелым дверям. Отсюда хорошо проглядывался весь зал. Рядом с Губертом стояли несколько незнакомых людей и Геленка Боубеликова. Она не стала садиться, предложив свое место пожилой учительнице. Возле нее — Камил Маржик, слева Гавелка и Анечка Бржизова. Откуда только силы берутся? Решила, что и после пятидесяти может еще выйти замуж, поправ статус старой девы! Сейчас она о чем-то спрашивает Дану. Когда бы Губерт ни взглянул на Дану, он отмечает про себя, что она красива, но что-то мешает ему утверждать это, словно Дане для красоты не хватает тех необходимых миллиграммов, которые многие женщины пытаются подменить тоннами косметики или дорогими тряпками. Впрочем, как правило, безуспешно...

Послышалась тихая музыка, и все взгляды устремились на катафалк. Лишь Губерт чуть опоздал, а когда повернул голову, то обратил внимание на Камилу, пристально глядящего на гроб.

Губерт невольно вспомнил сына.

Вчера, когда Губерт вернулся домой от норок — перламутровые начинают линять и жрут, точно взбесен-

лись, — он, как обычно, отправился сперва в ванную помыться и переодеться, а потом на кухню, приготовить что-нибудь к ужину. Дагмар в четверг приходит позже — какие-то собрания-заседания. Губерт ввалился в кухню, питая слабую надежду на то, что, закрыв плотно дверь, избежит грохота музыки, и вдруг перед распахнутым холодильником обнаружил рыжеволосую красотку — лет эдак шестнадцать. Она вытащила из холодильника батон салями, от которого он, Губерт, глава семьи, смел отрезать ломтик лишь с разрешения Дагмар, ибо она держала эту колбасу на всякий случай, если кто заглянет, — впрочем, в последнее время к ним никто не заглядывал. В другой руке рыжеволосая держала кухонный нож и собиралась резать колбасу дальше. Бросив неопределенное «брывечер», она положила салями на дощечку и отхватывала ломоть за ломтем, по толщине равные Дагмариным четырем.

— Ты что здесь делаешь? — недоуменно спросил Губерт, оперев руки в бока.

Девушка всунула в рот толстый кусок колбасы и, пережевывая слова вместе с колбасой, ответила с достоинством:

— Я — девчонка Богомола! — Она продолжала отравлять в рот кусок за куском. — Если не знаете, кто такой Богомол, объясняю — это ваш Яромир! Мы его так прозвали — Богомол. Вам не кажется, что он смотрит из-под своих очков совсем как жук-богомол?

— А я и не предполагал, что у него есть прозвище, — ответил Губерт со вздохом. — Значит, Богомол, гм...

— А вы его предок, да? Мне Лилина говорила, она вроде бы вас знает...

— Да, я его отец... — Эта рыжая все больше поражала Губерта Влаха. — А где же... Богомол? — поинтересовался он.

Несколько лет назад, когда Губерт был на экскурсии в госбанке, им показали машину, которая перемальвала бракованные банкноты. Сейчас ему почему-то пришла на ум эта ненасытная машина — видимо, ее напоминала девушка, столь энергично поглощающая колбасу.

Рыжая мотнула головой.

— Он у себя!..

— А тебя отправил сюда?

— Не-а ... ему сейчас не до меня. Он занят!

Губерт вошел в комнату сына. Тот лежал на диване, впившись взглядом в ткань, обтягивающую стереоколонку, и не заметил пришедшего отца.

Губерт Влах перевел ручку проигрывателя на нуль и в тишине, еще отдававшей эхом последних звуков рвущей уши мелодии, сказал:

— Эй, Богомол, что это там за девчонка?

Сын, видимо, не осознавая того факта, что отец не знал раньше его прозвища, продолжал спокойно лежать на своем диване, не двигаясь с места:

— А-а, Габина. Она где-то там болтается, а что?

— Ты что же, только сейчас о ней вспомнил? Зачем тогда приглашаешь, если не уделяешь ей никакого внимания?

Яромир указательным пальцем поправил очки. Вид у него был действительно какой-то странный. «Как же это я до сих пор не заметил, — мелькнула у отца мысль, — какое у него наивное выражение лица? Да, парень действительно похож на жука-богомол».

— Я обещал ей врубить новый диск! Мне Саша достал. Что и говорить — кайф! Разве я виноват, что модерняга мне через минуту надоедает! — И вдруг встрепенулся. — А где она?

— В кухне, где же еще?! — с иронией сообщил отец. — Совершает налет на холодильник!

Только это и могло заставить Яромира поднять свое брэнное тело и отправиться искать девчонку. По дороге он все-таки задержался у пианино и воспроизвел мелодию, которую Губерт только что слышал. Когда Губерт вернулся в кухню, здесь находился уже один Яромир.

— А где же Габина?.. — поинтересовался отец.

— Да я ее вышвырнул! — ответил обозленный сын.

— Почему такая немилость?

Яромир махнул рукой и разметал по столу обгрызенные шкурки колбасы и обрывки шпагата, которыми она была когда-то оплетена.

— Все сожрала! Не осталось ни кусочка... А я-то берег колбаску на завтраки...

Нет, Яромир положительно еще ребенок. Колбаса ему дороже всех прелестей женского тела...

После ужина Губерт поговорил с Дагмар насчет Яромира. Она вернулась после шести, была довольна, что

Губерт начистил картошки и присмотрел за Романкой — уроки у девочки были написаны каллиграфическим почерком. Впрочем, неожиданный визит опасной красотки вызвал у Дагмар лишь снисходительную улыбку. Сколько их еще будет!

— Не волнуйся, у нашего Яромира, к счастью, в голове совсем другое, слышишь? — Яромир в своей комнате извлекал из пианино какой-то дикий рев джунглей.

Губерта порадовало, что и Дагмар разделяет его точку зрения.

— Поедем в театр. У нас профком организует экскурсию. Дешево, со скидкой, — сообщила ему Дагмар еще перед ужином.

— Куда?

— В Прагу... Поедем, Губерт! Мы так давно нигде не были!

— Когда?

— Через две недели, все наши мадамочки едут... — Она почти умоляла.

— Поезжай, Дагмар, одна. Я не могу, ты же сама знаешь, мне надо присмотреть за норками.

— Один раз их покормит Яромир!

— Яромир? — Губерт рассмеялся. — Да он про девочку забывает, не то что про норок. Нет, Дагмар, поезжай-ка ты спокойненько одна!

На лбу у Дагмар прорезались три морщинки.

— Но я не хочу ехать одна. Всегда и всюду одна! Как будто у меня нет мужа! Все наши едут со своими мужьями, только я потащусь одна!

— Пойми, я не могу оставить норок без еды и без присмотра.

— Ты уже два года отговариваешься норками. За это время мы ни разу из дому не вышли. Не ходим на балы! Ты ни разу не пригласил меня хоть вечерок посидеть в кафе, никуда не ездим в отпуск. Разве это жизнь? — Дагмар чуть не плакала. Губерт подошел к ней, обнял, логонько прижал к себе.

— Ну, ну, глупышка, разве стоит из-за этого реветь? Молчи, еще два года — и мы купим себе чужую машину и махнем в отпуск куда-нибудь за границу. Вдвоем, без детей. Яромир поедет в стройотряд, Романку отправим к бабушке. Ну, Дагмар, не станешь же ты из-за этого плакать?!

Она немного успокоилась, но остаток вечера был вконец испорчен. Когда, залезая под ее одеяло, Губерт тронул ее коленом (это было их ключом к расшифровке вековой загадки грядущего двуединства), Дагмар оттолкнула его, хотя и не грубо, но довольно однозначно. Он отодвинулся и повернулся к ней спиной.

— Обиделся? — спросила она его через минуту.

— Нет... — ответил он и не солгал. Но какой-то осадок остался. Дагмар должна бы понимать: соглашаясь на покупку первых семи норок, она сама приняла на себя суровую монашескую схиму.

— Мне бы это сегодня не доставило радости, — словно извиняясь, продолжала она. Потом, высунув из-под одеяла руку, растрепала ему волосы на затылке и заняла: — Ну скажи, что поедешь со мной?!

— Посмотрим... — ответил он неуверенно, лишь бы она отцепилась...

Последние звуки траурной музыки.

На возвышение рядом с катафалком поднялся пожилой мужчина в твидовом демисезонном пальто, давно вышедшем из моды, и произнес слова прощания. Он читал свою речь, то и дело заглядывая в блокнот. Все понимали, что провожать крушетицких граждан в тот последний путь, откуда не возвращаются, — его должностная обязанность. Текст подготовлен и утвержден вышестоящей организацией. Окончив, он с облегчением вздохнул, что не совершил ни одной ошибки. Однако у присутствующих не возникло и тени сомнения, что с покойным Франтишеком Егликом он никогда прежде не встречался.

Человека в демисезонном сменил инспектор роно. Этого знали все. Перед государственными праздниками и общегражданскими акциями он обычно появлялся и в крушетицкой школе. О нем было известно, что он страдает манией стенных газет. И потому в определенное время, когда инспектор роно должен был осчастливить своим визитом школу, все развивали по части газет такую бешеную деятельность, что после его нашествия в городке невозможно было купить ни одной кнопки. Инспектор роно хвалил газеты Божены Кутнаеровой и Каплиржа, целенаправленные и с фантазией! Результаты,

достигнутые ими, не были случайными — и Кутнаерова и Каплирж вели уроки эстетического воспитания.

Каждый раз, или почти каждый раз, доставалось бедняжке Дане за ее фантасмагорическую пестрятину и за тот винегрет из газетных и журнальных вырезок, который в раздевалке перед спортзалом сооружал на листе гофрированной бумаги Прскавец. Инспектор роно Милош Гладил неоднократно заносил их фамилии в толстую тетрадь.

В данный момент этой тетради у него при себе не было. Свою речь он читал по маленьким листочкам бумаги. Речь состояла из высокопарных фраз о предназначении учителя и о недовспаханной Франтишекком Егликом ниве, о том, что покойный навсегда оставил след в сердцах своих учеников. Инспектор припел к этому панегирику еще и партизанскую борьбу в окрестностях Крушетиц, в которой якобы отличился Еглик. Прскавец тщетно ломал голову, пытаясь припомнить, участвовал ли Франтишек в партизанской борьбе вообще и в какой группе Сопротивления в частности, но так и не припомнил. Значит, этот товарищ из роно позволил себе немного фантазировать, усугубив известную заповедь: «О мертвых — или хорошее, или ничего» Инспектор добрался наконец до политической и общественной деятельности усопшего. А когда, к облегчению присутствующих, закончил свою речь, то, сделав многозначительную паузу, поклонился по направлению к гробу и, спускаясь с возвышения с чувством хорошо исполненного долга, бросил взгляд туда, где сидела супруга директора Яна Ракосника.

Отделившись от группки стоящих мужчин, вперед протиснулся Йозеф Каплирж. Он тоже отвесил поклон в том направлении, где стоял гроб с покойником, а потом стал говорить о том, как жил усопший. Каплирж говорил тихо, с расстановкой и без лишнего пафоса. Речь свою Каплирж подготовил отлично. Все с интересом слушали. Он говорил о времени вообще и о том, что современный человек живет в вечной спешке. О его стремлении ужать часы, минуты и секунды до более кратких мер времени, чтобы успеть пережить все то, что предыдущие поколения смогли одолеть за долгий век.

— Мы неустанно твердим, — рассуждал Йозеф Каплирж, — что у нас нет времени, что нам его не хватает,

как не хватает чистого воздуха и воды. А потом наступает момент, когда умирает друг, отец, коллега, и время словно бы останавливается! И вдруг оказывается, что мы можем найти для человека не только минуту или секунду, но даже часы и дни. И нас охватывает чувство, что наша щедрость уже ни к чему! Она запоздала. Мы рады бы вместе с тем, кто покинул нас, вернуться назад к счастливым временам, когда человек в каждом видит друга, влюбляется чуть ли не в каждую женщину и готов всем и каждому предложить свою руку и сердце. Увы, этого шанса жизнь нам уже не даст. И мы должны смириться с допущенными нами ошибками и постараться завершить все то прекрасное, что задумал и начал ушедший от нас, связывая с этим его имя, лицо и голос.

«А ведь не глупо, — мелькнуло в голове директора Яна Ракосника, — напротив, очень даже умно, что именно Каплиржу я доверил сказать надгробную речь. Я бы так не смог!»

У директора Яна Ракосника возникло желание немедленно обнять и погладить свою умную жену, так прямо-таки сидевшую с ним рядом, закинув ногу на ногу, что не лишало ее, однако, истинного достоинства. Ракосника радовало сознание, что жена создает ему прочный тыл и столь великолепно представляет его. Алена взвешивала каждую свою улыбку, каждый свой жест: она знала, как подать руку, как сесть, как встать — словно в ней срабатывал некий механизм, дозированно отмеривающий совершенство, непосредственность, веселье, робкий флирт и высокомерный холод. Она безошибочно знала, когда и как следует поступить.

Яну Ракоснику захотелось даже поаплодировать Каплиржу. Но конечно же, не здесь, не сейчас!

Закончив, оратор присоединился к остальным. Гавелка благодарно пожал ему руку выше кисти. Каплирж улыбался. В его извиняющейся улыбке таились слова: то, что я только что произнес у гроба, было не безукоризненно, но поверьте, вполне искренне...

Коллектив учителей, посоветовавшись, направился выразить соболезнование членам семьи усопшего. Опухшую от слез вдову поддерживали с двух сторон сыновья. Коллектив всем по очереди пожал руку.

На улице ярко светило солнце, землю покрывала опавшая яркая листва.

Мужчины шарили в карманах в поисках сигарет, Анечка Бржизова все еще утирала слезы, инспектор Гладил прощался у распахнутой дверцы «волги» с директором Яном Ракосником и его супругой. Легкий ветерок уносил слова, и нельзя было разобрать, о чем они говорят. Когда бежевая «волга» уехала, супруги Ракосниковы вернулись к автобусу, который подошел к площадке перед крематорием.

Милош Лекса, отшвырнув окурочек на землю, собирался уже забраться в автобус. Большинство женщин заняли свои места. Он видел, что Каплирж задержал на минуту директора, извинившись перед его женой, и та кивнула с понимающей улыбкой (все еще хороша!). Каплирж отвел Ракосника в сторону и сказал не слишком громко, но так, что Милош услышал:

— Если тебе потребуется помощь, Гонзик, теперь, когда Фаноуша с нами больше нет, скажи, и я сделаю все, что смогу.

— Благодарю тебя, Йозеф! — Директор, заикаясь от удивления, пожал протянутую руку. И поскорее влез в автобус.

— Фью-ююю!.. — присвистнул Лекса громко и прикинул, что может стать свидетелем прелюбопытной драчки за освободившееся место заместителя директора.

Как известно, кроме всех прочих падежей, существует, увы, еще и «урвательный», и теперь кто-нибудь непременно станет склонять местоимение «я» или «мне» в этом самом «урвательном»! Главное теперь — урвать!

О преемнике Франтишека Еглика Лекса размышлял еще в автобусе. Он задержался, и единственное место, оставшееся свободным, оказалось рядом с Адамцевой. Хорошо, что ему надо не более трети сиденья. Лекса уселся — не слишком, правда, удобно, — оглядел присутствующих и принялся прикидывать, кто же из них может быть претендентом? Первым изъясил себя. Иногда он сравнивал себя с крынкой молока. Белый, как первозданный снег, но сверху — пенка. Итак, кто следующий? Прскавец. Человек твердого характера, но грубиян. Следует, однако, признать, что, если б у кормила школы вместе с Ракоской встал Прскавец, то хоть и остался бы прежний бордель, но все-таки было бы повеселее. Гавелка. Робок и невыразителен. Нуль без палочки. Серая

старательная посредственность. Губерт Влах — об этом не может быть и речи! Его грехи не забыты. Бенда? Нет. Этот хоть и мировой мужик, но, увы, не личность. А заместитель директора должен быть в определенном смысле величина! А вы как думали?

Женщины. Или слишком молоды, или тупые бабы. Разве что Андула Бржизова или Пудилка. Но ни одна из них не захочет маяться с бумажками. Камилек в счет не идет.

Итак?.. Все шансы у Каплиржа. У этого заслуги, каких я не добьюсь и в семьдесят, умеет и речь держать. Только что мы были этому свидетелями. Успехи его преподавательской деятельности часто ставятся более молодым коллегам в пример.

Сто против одного: замом будет Каплирж! Или кто-нибудь со стороны?!

Острый локоть уперся в его ребра. Повернув голову, он увидал, что Адамцева сует ему какую-то раскрытую книжечку с картинками.

— У тебя есть водительские права? — спросила она и, когда Лекса ответил утвердительно, ткнув пальцем в цветную схему перекрестка, произнесла: — Тогда скажи, кто из этих психов имеет преимущество в езде? Я уже троих сшибла насмерть. Теоретически, конечно.

Милош Лекса наклонился над брошюрой.

— Пахнет жареным! — Либуше Лиemanова мотнула головой в сторону директорских дверей. — Инспектор рон торчит там уже добрых полчаса. Я из своего класса видела, как он примчался.

Эва Мокра перевернула газету и, погрузившись в какой-то репортаж, заметила:

— Все уже давным-давно решено, уважаемые коллеги!

— Думаешь? — засомневался Бенда и разложил на столе салфетку с обедом. В школьную столовую он не ходил принципиально. — Это вам не фигли-мигли — решить, кто будет после Еглика...

Прскавец надел очки, достал из ящика маленькую отверточку и принялся ковыряться в испорченном секундомере.

— Разговоров-то, разговоров — подумаешь, дело!

— Но ведь, как ни говори, все-таки должность! — заметила Власта Пудилова. Она тоже не выносила школьного питания и регулярно таскала из дому то ломтик ветчины, то сыр, то крутое яйцо. — Да кроме того, на две сотни больше.

— Да кроме того, на тот свет без пересадки от переутомления! — задумчиво промолвил Прскавец.

Пудилова собралась было возразить, но дверь раскрылась, в учительскую вошел директор Ян Ракосник и сказал, обращаясь к Гавелке:

— Зайди ко мне, товарищ Гавелка! — и, дождав-шись, когда тот войдет, тихо притворил за собой дверь.

Все, кроме Прскавца, уставились на белый прямоугольник дверей, за которым исчез их коллега.

— Ясенько. Местечко зама получил Гавелка! — воскликнула Кутнаерова и впилась зубами в желтое яблоко, аппетитно хрустя сочной мякотью.

— Не думаю!.. — неуверенно произнес Каплирж и, взяв связку ключей, коробку с цветными мелками и деревянный треугольник, покинул учительскую.

— Гавелка? — размышляла вслух Пудилова. — Назряд ли. Хотя бы из-за дочери... Нет, не назначат.

Губерт Влах достал с полки тяжелый том словаря, ашел букву «Э», проехался пальцем по странице и остановился на слове «эвкалипт».

— Я считала, — Геленка вместе со стулом повернулась к нему, — что назначат вас!

Губерт оторвал взгляд от книги и весело засмеялся.

— Меня?.. Да ты что? — Она говорила ему «вы», а он ей, по праву старшего, «ты».

— У вас опыт. Высшее образование. Скажите, почему вы преподаете не в гимназии?

Губерт захлопнул словарь с таким шумом, будто с чердака грохнулся мешок ячменя, поставил книгу обратно на полку и, покидая учительскую, сказал в наступившей вдруг тишине:

— Потому что это зависит, увы, не только от моего желания!

Когда он исчез за дверью, Кутнаерова, перегнувшись через стол к Геленке, шепнула:

— Ну и угораздило же тебя ляпнуть!..

На столике возле окна зазвенел телефон. Бенда направился к нему, но, прежде чем снять трубку, вступил за молодую учительницу:

— Геленка ничего не знает, Божена. Алло! Школа!.. — сказал он. С минуту слушал, а потом крикнул Марешовой: — Тебя, Дана! — и держал в руке трубку, пока Дана не подбежала к столику.

Звонила свекровь. В магазин на площади завезли прекрасные зимние шубки. Пусть Дана купит маленькому Павлику, зима на носу, там за ними драка.

— Ты, Дана, забеги туда сразу же после обеда! Качество отличное и недорого, слышишь?..

— Да, — ответила Дана, — но я не могу купить, бабуля!

— Это еще почему? — удивились на другом конце провода. — У тебя после обеда занятия?

— Нет... У меня нет денег.

Свекровь вздохнула.

— Не пойму: и куда это вы, молодые, деньги девааете? Зарабатываешь ты прилично, тебе недавно прибавили. Я в газете читала, что учителям прибавили зарплату! У Павла — стипендия...

Дана в ярости швырнула трубку.

— Чертова баба!.. — облегчила она душеньку и, вся красная, вернулась на место.

— Что случилось?.. — спросила Лнеманова.

— Свекруха!.. — только и сказала Дана, и всем стало ясно, почему у нее изменился цвет лица. Дана собрала тетради и молча ринулась из учительской в свой класс. Это надо же! Ну и нахальство — говорить мне такое! Будто я без ее иудежа не целуюсь с каждой кронкой! Конечно, мне бы хватало и еще оставалось, особенно сейчас, когда учителям прибавили! Это ее сыночку Павлу нужно умерить свои аппетиты. Одна только магнитофонная лента стоит кучу денег! А на той неделе он купил целых две. Упросил Дану взять в кредит новую стереоустановку! Она согласилась и в тот же день отправилась за чеком в сберкассу. И теперь у нее из зарплаты выдирают каждый месяц по две сотни! Зато колонки, что Павел оборудовал в квартире, не у каждого найдешь! У Павла — вид как у мальчишки, которому мамочка положила под рождественскую елочку новенький автомобильчик. Ладно! Но во всем остальном мог

быть и поскромнее. Например, не есть сладкого. Дана не допускается готовить ни дрожжевые кнедлики, ни шарлотку, ни блинчики, а печет она, только если остается с сыном вдвоем. Павел, видите ли, не ест риса, кнедликов. Что и говорить — капризный супруг.

Павел...

Почему, собственно, Дана живет с этим взрослым ребенком? Их свел странный случай. Когда Дана еще училась в институте на последнем курсе, за два дня до экзамена по дидактике ее вдруг пронзила острая боль в области аппендикса. Девчонки, что жили с ней в общежитии, посоветовали прикладывать мокрое полотенце. Боль немного утихла, но ночью пришлось вызывать неотложку. Врач, к счастью приехавший очень быстро, велел немедленно везти ее в больницу. Дану осторожно положили на белый топчан в углу кабинета. Так она и лежала, пока не пришел дежурный врач и с ним высокий черноволосый юноша, тоже одетый в белый халат. Старший велел ей раздеться. У молодого врача глаза были зеленые, с мелкими точечками вокруг зрачка. Дана разделась, главный велел молодому коллеге ее осмотреть. Тот, осматривая, старался не причинить боли. Да, действительно, острый приступ аппендицита, немедленно на стол!

Дана проснулась после наркоза лишь на другой день утром. Она лежала одна в послеоперационной палате, вторая койка пустовала, она вновь погрузилась в полусон, потом вошел черноволосый врач с пестрыми, словно спинка форели, глазами. Дана очнулась и попыталась улыбнуться. У доктора в руках была папка с какими-то бумагами, он сел рядом на свободную койку и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Уже хорошо, пан доктор.

Черноволосый улыбнулся, блеснули два ряда белоснежных зубов.

— Я пока еще не доктор! Я студент, мы здесь в больнице на практике!

Дану это ничуть не огорчило. Он открыл папку, достал из кармана ручку, вытащил зеленый бланк и начал задавать вопросы. Узнав, что она тоже студентка, перешел на ты.

— Тебе надо перейти в палату! — сказал он, когда заполнил карточку.

— Мне не дойти...

— Ходить не надо, я тебя перевезу. — Он привез из коридора высокую каталку, плотно придвинул ее к койке, а потом, легко подняв, осторожно перенес Дану на холодную клеенку передвижного ложа. Клеенка неприятно холодила ее спину, но это компенсировало тепло его рук. Она близко видела его лицо. После ночного дежурства он не успел еще побриться, шея заросла коротким черным волосом, от халата пахло дезинфекцией. Он поправил на ней послеоперационную рубашку, которая надевалась совсем как смирительная, и улыбнулся:

— Такие тяжести я с удовольствием носил бы почаще, хоть каждый день...

Шов у Даны заживал хорошо: через неделю ее выписали. За эти несколько дней черноволосый раза два подходил к ней. Потом его, очевидно, перевели в другое отделение. Дана вернулась в общежитие. Домой не поехала, не хотела тревожить родителей. Девчонки носили ей из столовой еду, вечером стряпали на плитке что-нибудь эдакое, ей хватало. Через десять дней Дана отправилась в больницу. Показать.

Опять тот же кабинет, белый топчан, но сейчас здесь царил предобеденная суета, суетились медсестры, врач и какой-то лаборант, который брал у пациентов кровь на анализы. «Раздевайтесь», — сказал дежурный врач и показал на топчан, продолжая прерванный разговор с двумя сестричками о каких-то несуразностях в историях болезни. Дана сняла юбку и, вешая ее на крючок, заметила, что лаборант наблюдает за ней в зеркале на противоположной стене. Дана обозлилась: взять бы да швырнуть в него чем-нибудь! Врач поднялся, подошел к топчану, и Дана, уже лежа, немножко опустила трусики, чтоб он мог прощупать живот. Дежурный врач объявил, что все в полном порядке, и порекомендовал еще недельку отдохнуть, а потом можно приступить к занятиям.

На третий день после визита к врачу Дана обнаружила в ящичке, где висели ключи от их комнаты, письмо. Вскрыв конверт, она, растерявшись, прочла на бланке для рецепта: «В пятницу в 15.00 жду у входа в Вальдштейнский сад. Павел».

Дана сияла от счастья. Значит, не забыл ее тот студент — черноволосый медик, дал о себе знать. Наконец-то! Может быть, он хочет носить Дану на руках под цветущими деревьями! Ведь говорил же он, что с удовольствием делал бы это хоть каждый день! Дана не могла дожждаться пятницы, не пошла на две последние лекции, потратив это время с большей для себя пользой — девочки оставили ей утром свои коробочки с косметикой, которые обычно старательно прятали: косметика стоит недешево. Дана вымыла голову шампунем, внизу у сторожихи взяла фен, долго выбирала, что надеть, после нескольких неудачных попыток натянула все-таки брюки и Бланкину блузочку и около трех часов пополудни влезла в двадцать второй трамвай.

Черноволосого медика в условленном месте не оказалось. Вдоль входа в Вальдштейнский сад прохаживался какой-то юноша. Дана прислонилась к ограде и стала ждать, откуда вынырнет ее доктор? Придет пешком? Приедет на машине или на трамвае?

— Дана Вранова? — окликнул ее кто-то. Она повернулась налево и снова увидела молодого человека, который уже давно здесь прогуливался.

— Да... — ответила она осторожно, — а что? Я вас не знаю.

— Знаете! — убеждал он Дану. — Мы с вами виделись позавчера в больнице.

Дана туманно припомнила: да, там действительно кто-то возился со стеклышками, с размазанными каплями крови.

— Меня зовут Павел, — представился он.

Дана, опустив голову, вздохнула, сразу же сообразив, что розовый воздушный шарик ее мечты лопнул. Значит, вовсе не черноволосый медик, а этот...

— Как вы узнали мой адрес? — спросила Дана после долгого молчания. Молодой человек все улыбался, приписывая Данино удивление тому, каким способом он пригласил ее на свидание.

— Это было нетрудно. Просто заглянул в вашу историю болезни.

— Что же вам угодно? — холодно поинтересовалась Дана.

— Видеть вас!

Она хотела уйти. Он удержал ее.

— Подождите. Ведь не возвращаться же домой в такую чудесную погоду! Погуляем.

Дана и сегодня не может понять, почему тогда не убежала. Он был неплохой собеседник, хотя до того черноволосого студента, который хотел бы носить ее на руках, ему далеко. Они договорились встретиться на следующий день. Она пришла из жалости и еще от скуки. Начали встречаться. Через два месяца Дана сдала госэкзамены, уже ожидая ребенка. В каникулы они расписались. Мать Павла давно решила, что ее сын должен стать врачом. После гимназии Павел в институт не попал, засыпался на вступительных. Два года ходил на подготовительные курсы и сделал новую попытку. На этот раз она увенчалась успехом. После каникул Дана с Павлом переехали в Крушетице. Его родители отдали им квартиру в многоэтажном доме, а сами перебрались в домик в Есенице. Мама Даны приехала недели за две до родов. Павел ездил на лекции в Прагу, целую неделю жил в общежитии, возвращался в пятницу вечером. Родился Павлик, он был радостью для всех, лишь новоиспеченный отец постанывал, что из-за ребенка не может заниматься.

Экзамен по анатомии Павел завалил. Ему назначили пересдачу. Опять завалил и попросил академический отпуск. Когда он вернулся из Праги, Дана уже в дверях поняла, что в зачетке снова нуль. Сначала она верила всем его объяснениям, что просто не повезло или что экзаменатор попался вредный, злой: наверное, не выпался. С ней тоже такое случалось, но, когда Павел на следующий год не смог одолеть уже пройденного курса, Дана решила, что готовиться к экзаменам он будет дома. Маленького Павлика определили в ясли, а когда ему исполнилось три годика — в детский сад, чтобы днем у отца были полный покой и тишина. Павел никак не мог вгрызться в учебники и конспекты, не в силах был вбить в свою голову то, что его однокашники, сдав экзамены, уже успели позабыть. Время текло, словно песок сквозь пальцы. Павел слушал пластинки, мечтал о чем-то своем, под новые записи, которые покупал или брал у товарщицы, срок экзамена приближался, а его ничто не могло вывести из прежнего состояния. Он верил, что на этот раз ему повезет, и действительно несколько экзаменов, как ни странно, ему все-таки удалось спихнуть.

А остальные? Павел, не слушая упреков Даны, потерпев денек-другой, пообещал исправиться и наверстать — в конце концов, все видят, я делаю, что могу, правда мама? — он кидался за помощью к матери, если Дана жаловалась его родителям. Мать была к нему добра и терпелива. Не суть важно, каково начало, вот конец, тот и делу венец! Все равно Павел будет врачом, говорила она и уже видела, как ее сын вышагивает в Каролину-ме* в мантии и шапочке.

Чертова баба, хоть бы раз его как следует отчитала! Хоть бы поняла наконец, что не выйдет из ее Павла пана доктора! Хоть бы разок пришла и задала ему по первое число! Ведь вместо занятий он валяется на диване и читает объявления о продаже старых автомобилей! Могла бы позвонить: «Дана, я купила Павлику зимнюю шубку, как ты думаешь, она не будет ему велика?» Вместо этого одни попреки! Наверняка Павел ни словом не обмолвился, что Данино платье — подарок ее матери! Что ей позарез нужно новое пальто!

Дану все чаще одолевает теперь мысль, что еще немного, и у нее не станет больше сил вставать вот так по утрам и снова окунаться в эту жизнь, из которой, она уже знает теперь наверняка, нет никакого выхода.

* Каролинум — Карлов университет в Праге. — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

Глава шестая

Вокально-инструментальный ансамбль «Метафора» на вечере в интернате сельхозтехникума имел неожиданный успех. В одиннадцать часов музыкантам предложили заканчивать, но по горячей просьбе студентов Камил сыграл еще три вещи: «Сотри поцелуй», «Аромат, который возвращается» и «Слышу шаги твои», а потом, не обращая внимания на неумолкающий свист и аплодисменты, сказал своим ребятам: «Пошабашили!»— и убрал мундштук от саксофона в футляр. Если поднажать, можно еще до двенадцати поспеть домой. Гитары — Матеичек, Фландерка и ударник Лойза Адаму поедут в одной машине, они с Миреком и с аппаратурой — в другой. Так «Метафора» отправляется на выступления всегда, и за два года ребята приобрели навыки в сборах и передвижении.

— Ну что ты там?— накинулся он на Мирека, который все еще сидел на стуле и наблюдал за ребятами, неохотно покидающими зал, под сводами которого зажглись-засверкали наконец две тяжелые хрустальные люстры. Сельхозтехникум размещался в старом замке, что было не слишком удобно. Прежде всего — плохое отопление и темноватые комнатки на третьем этаже, где жили учащиеся, — обо всем этом музыканты узнали от директора, который пришел поприветствовать их. Но имелись также и свои преимущества. Одно из них — отличный зал с огромным камином.

— Ничего... просто наблюдаю!— ответил Мирек, глядя на двух воспитательниц, выпроваживающих ребят к дверям. С одной из них Мирек танцевал вальс. Она сказала, что ее зовут Надя. Весь вечер Надю приглашали ее подопечные, но каждый раз, когда ее взгляд встречался со взглядом Мирека, она чуть заметно, скорее самой себе, улыбалась. Черные гладкие волосы были собраны

сзади высоким узлом, подчеркивая красоту осанки и походки. Вторая воспитательница была менее привлекательна, зато ее свитерок обтягивал многообещающие формы...

Камил окинул девушек оценивающим взглядом и сказал:

— Кончай травить баланду, тронулись! Тебя уже ждет Иренка!

Теперь поднялся и Мирек, отвинтил мундштук от своего саксофона, продул, чтобы освободить от остатков слюны, но все еще разглядывал богиню, которая словно бы сошла с фрески, украшающей потолок аванзала замка. Он видел ее покатые плечи, освещенное розовыми бликами угасающего в камине огня лицо, и ему было абсолютно ясно, что спешить незачем.

— погоди, Камил! Еще десять минут! Не погрём. Девчонки от нас чего-то хотят!

Надя, повернувшись, действительно смотрела на музыкантов, которые укладывали в черные ящики свои инструменты. Мирек многозначительно мотнул головой, что должно было обозначать «подожди где-нибудь в коридоре». Ему показалось, что Надя ему кивнула.

— Ну, ты даешь! Если сейчас же не сядешь в машину — имей в виду, все доложу Ирене! — угрожал Камил, подталкивая приятеля попитром. Мирек вроде и не очень-то упирался.

Они помогли дотащить ребятам инструменты, Флайдерка едва успел вскочить в машину. Камил с Миреком вернулись за усилителем. Они уже волокли его через арку, когда увидели в темноте женскую фигуру.

— Уезжаете?

Мирек узнал свою сегодняшнюю партнершу по ганцам.

— Ага... уезжаем... — подтвердил Камил и, не держиваясь, потащил Мирека вместе с усилителем к машине. Тщательно укутав ящик с инструментами старым одеялом, он начал пристраивать рядом с ним свой саксофон. Камил захлопнул дверцы машины и хотел уже садиться за руль, когда обнаружил, что Мирека в машине нет, что Мирек стоит рядом с девушкой у выхода. Камил кинулся за ним, громко выкрикивая на бегу:

— Ну, нам пора, до свидания!

— Вам действительно пора?..

— Увы... Увы...— И Камил, крепко схватив упирающегося Мирека за локоть, потащил его к машине.

— Я думала...— Девушка явно подыскивала слова.— Мы с Миленой хотели пригласить вас на чашечку кофе... если вы, разумеется, не против,— выдавила она наконец.

Камил собрался было заявить, что принципиально не пьет кофе на ночь, так как потом плохо спит, но Мирек опередил его:

— Кто бы знал, до чего же мне хочется кофе!

Девушка, коротко хохотнув, крикнула в сторону освещенной арки: «Милен!»— и стала терпеливо ждать, пока из темноты вынырнет подружка. Назвав свои имена и узнав, как зовут молодых людей, они отправили Камилу запереть автомобиль. С досады тот изо всех сил хлопнул дверцей и загредел в темноте связкой ключей.

Камил направился в сторону замка, но девушки задержали его: нет, нет, не туда— и повели куда-то по дорожкам через парк. Ночь расточала ароматы опавшей листвы, звезд на небе не было. Еще несколько шагов во тьме, и на помощь пришла теплая девичья рука. Она вела Камилу рядом с собой, и он шел не сопротивляясь, ощупывая на ее пальце тоненькое колечко.

У девушек была небольшая комнатка на втором этаже дома— видимо, бывшей хозяйственной пристройки. Милену, тут же у дверей, чиркнула зажигалкой, нашла подсвечник и зажгла свечи. Свет, затрепетав, разбежался по сторонам, все ожило: и стол, и два стула, и полупустые книжные шкафы; пламя свечки осветило две картины на стене и наконец широкий двуспальный диван-кровать с раскиданными на нем пестрыми подушечками.

— Присаживайтесь!— предложила темноволосая богиня. Камил и Мирек двинулись было к стульям, но она, усмехнувшись, показала на уютный диван. Они послушно сели и стали наблюдать, как хозяйка достает рюмки, ставит их на маленький подносик, потом початую бутылку коньяка и ловко разливает его по рюмкам.

Та, вторая, сбросив короткий жакетик, повернула ручку радиоприемника, послышалась тихая музыка. Камил тут же узнал автора.

— Гайди!— заявил он тоном знатока и, потянувшись к предложенной рюмке, неуклюже взял ее в темноте двумя пальцами.

сзади высоким узлом, подчеркивая красоту осанки и походки. Вторая воспитательница была менее привлекательна, зато ее свитерок обтягивал многообещающие формы...

Камил окинул девушек оценивающим взглядом и сказал:

— Кончай травить баланду, тронулись! Тебя уже ждет Иренка!

Теперь поднялся и Мирек, отвинтил мундштук от своего саксофона, продул, чтобы освободить от остатков слюны, но все еще разглядывал богиню, которая словно бы сошла с фрески, украшающей потолок аванзала замка. Он видел ее покатые плечи, освещенное розовыми бликами угасающего в камине огня лицо, и ему было абсолютно ясно, что спешить незачем.

— погоди, Камил! Еще десять минут! Не помрем. Девчонки от нас чего-то хотят!

Надя, повернувшись, действительно смотрела на музыкантов, которые укладывали в черные ящики свои инструменты. Мирек многозначительно мотнул головой, что должно было обозначать «подожди где-нибудь в коридоре». Ему показалось, что Надя ему кивнула.

— Ну, ты даешь! Если сейчас же не сядешь в машину — имей в виду, все доложу Ирене! — угрожал Камил, подталкивая приятеля пюпитром. Мирек вроде и не очень-то упирался.

Они помогли дотащить ребятам инструменты, Фландерка едва успел вскочить в машину. Камил с Миреком вернулись за усилителем. Они уже волокли его через арку, когда увидели в темноте женскую фигуру.

— Уезжаете?

Мирек узнал свою сегодняшнюю партнершу по танцам.

— Ага... уезжаем... — подтвердил Камил и, не задерживаясь, потащил Мирека вместе с усилителем к машине. Тщательно укутав ящик с инструментами старым одеялом, он начал пристраивать рядом с ним свой саксофон. Камил захлопнул дверцы машины и хотел уже садиться за руль, когда обнаружил, что Мирека в машине нет, что Мирек стоит рядом с девушкой у выхода. Камил кинулся за ним, громко выкрикивая на бегу:

— Ну, нам пора, до свидания!

— Вам действительно пора?..

— Убы... Увы...— И Камил, крепко схватив упирающегося Мирека за локоть, потащил его к машине.

— Я думала...— Девушка явно подыскивала слова.— Мы с Миленой хотели пригласить вас на чашечку кофе... если вы, разумеется, не против,— выдавила она наконец.

Камил собрался было заявить, что принципиально не пьет кофе на ночь, так как потом плохо спит, но Мирек опередил его:

— Кто бы знал, до чего же мне хочется кофе!

Девушка, коротко хохотнув, крикнула в сторону освещенной арки: «Миленка!»— и стала терпеливо ждать, пока из темноты вынырнет подружка. Назвав свои имена и узнав, как зовут молодых людей, они отправили Камилу запереть автомобиль. С досады тот изо всех сил хлопнул дверцей и загремел в темноте связкой ключей.

Камил направился в сторону замка, но девушки задержали его: нет, нет, не туда— и повели куда-то по дорожкам через парк. Ночь расточала ароматы опавшей листвы, звезд на небе не было. Еще несколько шагов во тьме, и на помощь пришла теплая девичья рука. Она вела Камилу рядом с собой, и он шел не сопротивляясь, ошупывая на ее пальце тоненькое колечко.

У девушек была небольшая комнатка на втором этаже дома— видимо, бывшей хозяйственной пристройки. Миленка, тут же у дверей, чиркнула зажигалкой, нашла подсвечник и зажгла свечи. Свет, затрепетав, разбежался по сторонам, все ожило: и стол, и два стула, и полупустые книжные шкафы; пламя свечи осветило две картины на стене и наконец широкий двуспальный диван-кровать с раскиданными на нем пестрыми подушечками.

— Присаживайтесь!— предложила темноволосая богиня. Камил и Мирек двинулись было к стульям, но она, усмехнувшись, показала на уютный диван. Они послушно сели и стали наблюдать, как хозяйка достает рюмки, ставит их на маленький подносик, потом початую бутылку коньяка и ловко разливает его по рюмкам.

Та, вторая, сбросив короткий жакетик, повернула ручку радиоприемника, послышалась тихая музыка. Камил тут же узнал автора.

— Гайди!— заявил он тоном знатока и, потянувшись к предложенной рюмке, неуклюже взял ее в темноте двумя пальцами.

— Гайдн? Нет, грузинский!— самым серьезным тоном поправила она его и расхохоталась.

— Хорошо!..— похвалил ее шутку Мирек и полез чокаться.

— Тебе нельзя!— сказал Камил, вспомнив, что Мирек за рулем.— Тебе еще меня домой везти!

Мирек опрокинул рюмку в рот и, поставив ее рядом с собой на пол, изрек:

— Теперь уже не везти, баста!

Девушки захихикали. Мирек сбросил с себя пиджак, швырнул его на книжный шкафчик, налил всем по новой и предложил выпить на брудершафт. Никто не возражал.

Все выпили. За этим, естественно, последовал неизбежный в таких случаях поцелуй.

Так, значит, эту зовут Надя!

А эту — Миленка (от нее пахло земляникой)!

— Я — Мирек...

— А я — Камил!..

Началась общая болтовня на тему: как прошел сегодняшний вечер, о музыке, о том, до чего же скучно живется девчонкам здесь в замке.

— Так вот почему вы пригласили нас к себе на кофе!— заметил Мирек.

Черноволосая не возражала.

— Возможно, именно потому. Нам так хотелось поговорить с нормальными людьми.

— А ребята из интерната что — ненормальные, что ли?

— Сопляки!

Предложенную сигарету взяла только Надя, и в полумраке комнаты, кроме пламени свечи, вспыхнули еще три красные точки. Миленка не курила.

Скинув обувь, все устроились с ногами на диване, занимавшем целый угол комнаты. Привалившись спиной к стене, они молча слушали музыку.

— А ты недурственно лабаешь на своем саксике,— сказала вдруг Миленка и, усевшись поудобнее, подтянула коленки к самому подбородку.

Камил с преувеличенной скромностью стал отнекиваться: что на этом, мол, инструменте он играет редко, все больше на фоно, но им неохота таскать с собой электроорганы из-за каких-то двух часов. Танцевать

можно и не под орган! Потом Камил вспомнил случай, когда Фландерка вел машину, груженную инструментами, и заблудился! С истинным комизмом он живописал, как у Фландерки кончился бензин, а денег не было, и ему пришлось оставить на бензоколонке в залог микрофон. Милена от души смеялась. Камил, оглянувшись, увидел, что Надя и Мирек давно бросили свои сигареты и вовсю целуются — долгими, бесстыдными поцелуями. Теперь он уже точно знал, чем кончится сегодняшний вечер.

Камил пробормотал несколько ничего не значащих фраз и нежно привлек к себе Милену.

Холмики и росистая земляника в траве.

Он лег рядом с девушкой и принялся целовать ее волосы и мочку маленького уха. От шеи пахло дорогими духами. Камил попытался угадать фирму.

Рядом опрокинулись Надя с Миреком. Послюнявив кончик пальцев, кто-то потушил пламя свечи...

Камил вспомнил вдруг Еглика, кремацию и школу.

К всеобщему удивлению, Гавелка был действительно назначен замом. Он освободил свой столик в учительской и перетащил вещи в комнату рядом. Его поздравляли, старательно скрывая смущение.

Никто против Гавелки ничего не имел, просто не могли взять в толк, почему через десять дней после похорон Еглика заместителем директора назначен именно он? Почему, скажем, не Андула Бржизова, не Каплирж? Впрочем, даже Власта Пудилова и та не осмелилась спросить об этом директора Ракосника.

Время унесло ненужные вопросы. Гавелка работал столь же добросовестно, как и его предшественник.

Камил выступал с детским хором, облаченным уже в новые костюмы. По предложению Божены Кутнаеровой, за несколько дней их пошили заботливые мамы. Костюмы детям были очень к лицу, и аплодисменты долго не умолкали.

Метров сорок дареной ткани еще осталось. Камил притащил ее в учительскую и спросил: «А это куда?» Директор Ян Ракосник беспомощно пожал плечами. Убрать? Вернуть шефам? Они сочли бы это за оскорбительную бестактность. И он согласился на предложение Бенды — разделить ткань между учителями. Почему бы им не получить от шефов подарка! Разве не таскают они

— Гайдн? Нет, грузинский!— самым серьезным тоном поправила она его и расхохоталась.

— Хорошо!..— похвалил ее шутку Мирек и полез чокаться.

— Тебе нельзя!— сказал Камил, вспомнив, что Мирек за рулем.— Тебе еще меня домой везти!

Мирек опрокинул рюмку в рот и, поставив ее рядом с собой на пол, изрек:

— Теперь уже не везти, баста!

Девушки захихикали. Мирек сбросил с себя пиджак, швырнул его на книжный шкафчик, налил всем по новой и предложил выпить на брудершафт. Никто не возражал.

Все выпили. За этим, естественно, последовал неизбежный в таких случаях поцелуй.

Так, значит, эту зовут Надя!

А эту — Миленка (от нее пахло земляникой)!

— Я — Мирек...

— А я — Камил!..

Началась общая болтовня на тему: как прошел сегодняшний вечер, о музыке, о том, до чего же скучно живетя девчонкам здесь в замке.

— Так вот почему вы пригласили нас к себе на кофе!— заметил Мирек.

Черноволосая не возражала.

— Возможно, именно потому. Нам так хотелось поговорить с нормальными людьми.

— А ребята из интерната что — ненормальные, что ли?

— Сопляки!

Предложенную сигарету взяла только Надя, и в полумраке комнаты, кроме пламени свечи, вспыхнули еще три красные точки. Милена не курила.

Скинув обувь, все устроились с ногами на диване, занимавшем целый угол комнаты. Привалившись спиной к стене, они молча слушали музыку.

— А ты недурственно лабаешь на своем саксике,— сказала вдруг Милена и, усевшись поудобнее, подтянула коленки к самому подбородку.

Камил с преувеличенной скромностью стал отнекиваться: что на этом, мол, инструменте он играет редко, все больше на фоно, но им неохота таскать с собой электроорганы из-за каких-то двух часов. Танцевать

можно и не под орган! Потом Камил вспомнил случай, когда Фландерка вел машину, груженную инструментами, и заблудился! С истинным комизмом он живописал, как у Фландерки кончился бензин, а денег не было, и ему пришлось оставить на бензоколонке в залог микрофон. Милена от души смеялась. Камил, оглянувшись, увидел, что Надя и Мирек давно бросили свои сигареты и вовсю целуются — долгими, бесстыдными поцелуями.

Теперь он уже точно знал, чем кончится сегодняшний вечер.

Камил пробормотал несколько ничего не значащих фраз и нежно привлек к себе Милену.

Холмики и росистая земляника в траве.

Он лег рядом с девушкой и принялся целовать ее волосы и мочку маленького уха. От шеи пахло дорогими духами. Камил попытался угадать фирму.

Рядом опрокинулись Надя с Миреком. Послунявив кончик пальцев, кто-то потушил пламя свечи ...

Камил вспомнил вдруг Еглика, кремацию и школу.

К всеобщему удивлению, Гавелка был действительно назначен замом. Он освободил свой столик в учительской и перетасил вещи в комнату рядом. Его поздравляли, старательно скрывая смущение.

Никто против Гавелки ничего не имел, просто не могли взять в толк, почему через десять дней после похорон Еглика заместителем директора назначен именно он? Почему, скажем, не Андула Бржизова, не Каплирж? Впрочем, даже Власта Пудилова и та не осмелилась спросить об этом директора Ракосника.

Время унесло ненужные вопросы. Гавелка работал столь же добросовестно, как и его предшественник.

Камил выступал с детским хором, облаченным уже в новые костюмы. По предложению Божены Кутнаеровой, за несколько дней их пошили заботливые мамы. Костюмы детям были очень к лицу, и аплодисменты долго не умолкали.

Метров сорок дареной ткани еще осталось. Камил притащил ее в учительскую и спросил: «А это куда?» Директор Ян Ракосник беспомощно пожал плечами. Убрать? Вернуть шефам? Они сочли бы это за оскорбительную бестактность. И он согласился на предложение Бенды — разделить ткань между учителями. Почему бы им не получить от шефов подарка! Разве не таскают они

ребят на всякие их мероприятия? Если подарок предназначен школе, то ведь школа — это не только ученики, но и учителя, уборщицы, школьный сторож! Итак, тому, кто хочет, выделить по три метра. Божена Кутнаерова сбегала в кабинет за большими ножницами и разрежала ткань на куски. Кто отказывается? Камил! Он холостой, на что ему? Каплирж! Этот бездетен, а его жена навряд ли наденет на себя такую пестрятину. Губерт, естественно, тоже отказался. Он никогда и ничего не хочет, одинокий бегун на дистанции строптивости! Остальные возьмут. И товарищ директор Ян Ракосник тоже отказываться не станет.

Адамцева накинулась на Эву Мокру:

— Скажи на милость, тебе-то зачем? Ты меня просто удивляешь, на что тебе эта тряпка? Ты ведь все покупаешь на валюту!

Эва, удивленно взглянув на нее, не стала торопиться с ответом.

— Я... с чего ты это взяла?

Адамцева уже записывала свой сверток в хозяйственную сумку: она сошьет обоим внучатам рубашки, выкройку возьмет у Божены.

— Не станешь же ты убеждать нас, что Омар не посылает тебе долларов! Или чего-то там еще!

Эва с вымученной улыбкой ответила:

— Прикажете поклясться, что я действительно ничего от него не получаю? Ведь я даже не знаю, где он и что с ним!

У Эвы было огромное желание швырнуть эту несчастную тряпку, но она просто не вправе сделать этого. Мать что-нибудь сошьет из нее маленькой Радке. Если освободится наконец место в детском садике, девочке понадобится новая юбка и блузочка. И Эва проглотила бестактный упрек. Камил наблюдал за ней от дверей и видел, как она старается взять себя в руки, чтобы не сказать Адамцевой что-нибудь язвительное.

На следующий день разразился скандал. Забыли Либуше Лиemanову. Она была у врача, когда Кутнаерова делила пеструю ткань.

Либуше стала упрекать Пудилову в неискренности и коварстве. Чуть что доброе — о ней и не вспомнит. Все наперебой стали предлагать ей свои отрезы.

— Нет! — оскорбленно заявила она и засемила в свой класс на первый этаж.

— Когда же ты нам покажешься в новом туалете?— спросила на переменке Кутнаерова у директора Яна Ракосника.

— Я... вероятно, после рождества, если ты имеешь в виду дареную женой рождественскую рубашку. А ту ткань я разрезал на три части. Понадобилась для музея — подложить что-нибудь яркое под экспонаты.

Присутствующие при этом женщины застонали: какая, мол, жалость! Но директор Ракосник настаивал, доказывал, что именно эта ткань будет в музее на месте. Конечно, все для музея! Он и всю школу охотно бы переселил туда и сам перебрался! Никак в толк не возьмут, почему его, одетого всегда с такой элегантностью, занимает старое барахло и грязные тряпки, которые таскает в его кабинет детвора из окольных деревень...

Камил наклонился над Миленой и там, где угадывал ямку на ее шее, нащупал пуговку обтягивающего свитерка. Милена легко приподнялась на локтях, помогая раздеть себя. Он целовал ее обнаженные плечи, потом его губы поползли ниже и ниже... Камил ощутил плотную кожу живота и холодный металл молнии на ее джинсах. Он поднял голову и одним движением расстегнул ее...

Рядом с ним тихонько всхлипывала черноволосая богиня.

Вечерний скорый прибыл в Тынец с пятнадцатиминутным опозданием. Перед вокзалом он дал короткий гудок, потом послышалось шипение пневматических тормозов и сбивчивое постукивание колес. Поезд подъехал к перрону. Власта Пудилова тут же вылезла из автомобиля и, дрожа от холода и напряженного ожидания, вошла в зал, обходя скамьи, поставленные посредине в два ряда. Остановилась она только на перроне. Ее муж немного повозился, запирая машину, и добрался туда минутой позже. Оба следили за открытыми дверями вагонов, в которых тут и там уже мелькали пассажиры.

— Вот он!— воскликнул Пудил, тыча пальцем в направлении идущего поезда и заторопился, чтобы встретить сына. Но не успели они добежать до первого вагона, как Станя уже сам шел им навстречу. Он приблизился, освещенный холодным светом вокзальных ламп,

в своей короткой спортивной куртке с меховым воротником и бежевых модных брюках, с небольшим чемоданчиком в руках, застегнутым на две красивые пряжки, и Власта Пудилова отметила про себя, что ее сын весьма импозантен и все ему чрезвычайно идет. Выскажи кто-нибудь из посторонних подобное мнение, Пудилова восприняла бы его с еще большим удовольствием.

— Ну как?—спросили оба родителя, обнимая сына.— Как ты сдал?

— Не знаю...— ответил Станя, и по его тону можно было безошибочно догадаться, что он не слушает странного рассказа отца. У перекрестка, где освещенные указатели делили улицу на три потока, Станя попросил:

— Сверни направо, папа!

— Ты куда это собрался?..

— В больницу, к Миладе!

— Тебе что, необходимо видеть ее прямо сейчас? До завтра не дотерпишь?

Пудил обернулся к жене. Нерешительный, как обычно, увидав, что Власта не реагирует, он включил указатель и свернул направо.

До самой больницы Пудиловы ехали молча. И только когда машина затормозила у проходной, окна которой светились в темноте, Станя спросил у родителей:

— Может быть, зайдете со мной?

Пудил повернул ключ зажигания, мотор тут же умолк, он оперся локтем о руль и добродушно заметил, что времени у них много, до дома рукой подать, пускай Станя бежит один.

Мать задумчиво смотрела в окно.

Станя не стал дожидаться, выскочив из машины, на секунду остановился у открытого окошка, за которым возникла шапка вахтера, что-то ему сказал и побежал по дорожке, ведущей через парк к корпусу «В», где сегодня у Милады было ночное дежурство.

— Ты что, мать, надулась, как мышь на крупу? — заговорил Пудил. — Радуйся, что парень экзамен сдал.

— Не лезь, куда тебя не просят!— отрезала Власта.

— Ты только сейчас узнала, что у сына есть девушка?

Пудилова не отвечала, давая понять, что не станет тратить на его выпады ни одного слова. Она подняла воротник пальто. Ночной холод давал себя знать,

— Включи печку!..— приказным тоном бросила она.

Пудил крутанул ключ и включил печку, и сразу же ноги обласкал теплый ветерок.

— Ты все еще надеешься, что парень будет держаться за твою юбку до самой пенсии! И в армию с ним пойдешь, что ли?— Эта мысль, видимо, совсем вывела его из равновесия. Он включил радио, слышался сильный треск, но он все время вертел и вертел ручку, пока не нашел станцию, которая передавала репортаж с хоккейного матча. Папаша Пудил сосредоточенно слушал. Когда Станя возвратился, он доложил:

— Та-а-к, «Слован» ведет три — один, два гола забил при численном преимуществе! Я вообще удивляюсь, что у нас на такое способны...

— Можно ехать!..— бросил сын. Отец опомнился и врубил скорость.

На площадке перед больницей он сделал круг и, вывернув обратно на перекресток, помчался дальше по магистральной — на Крушетице.

— Как Милада? — спохватился вдруг Пудил, когда они уже миновали последние тынецкие дачки, прятавшиеся в садах.

— Ничего...— неопределенно ответил Станя.

— Ты сказал ей про горы? Я уже записал вас в наш заводской пансионат. Можете ехать на Бенецко на праздники...

— Мы не можем ехать...— ответил Станя, внимательно наблюдая за двумя рядами белых столбиков, бегущих им навстречу по освещенному шоссе.

Пудил перешел на четвертую скорость. Машина удовлетворенно заурчала, стрелка спидометра качалась на ста двадцати. Пудил-старший, как и каждый мужчина, хорошо себя чувствовал за рулем. Как каждый, кто может обуздать лошадиные силы и овладеть скоростью. Впрочем, машина — это единственное, что, как правило, не бывает строптивым и не отказывает в послушании. Пудил был втайне рад, что Станя не захотел садиться за руль. Пристегнув ремень, он принялся рассуждать вслух:

— Что-то не пойму, почему бы вам не поехать?..

Вдалеке загорелась предупреждающая надпись «Опасный поворот». Отец притормозил. Красная стрелка кинулась к сорока, они проехали вдоль каменной

стены замка, где размещался небольшой военный гарнизон, и, миновав его, снова выбрались на прямую дорогу, ведущую домой.

— Потому что я женюсь!

Пудил бросил короткий взгляд на сына и опять перевел глаза на дорогу.

— С чего это вдруг такая поспешность? — удивился он. — Я полагал, что еще несколько месяцев вы подождете. И мама наверняка тоже так думала. Ты как, мать? — спросил он жену, сидящую за его спиной.

— Я должен жениться сейчас...

Отец присвистнул, а потом произнес мудрые слова:

— Такое иногда случается и в приличных семьях! — Но вид у него был спокойный, никакого испуга.

Власта Пудилова молчала. Уже на вокзале, увидев две морщинки в уголках губ своего сына, она поняла, что дело вовсе не в бессонных ночах перед экзаменом.

Плохой бы она была матерью, если б не сумела сразу же разглядеть озабоченность на лице Стани! Сложностей прибавляется. Однако она, вне всякого сомнения, справится и с ними.

— Почему же «должен»? — прервав молчание, спросила она. Мужчины оглянулись. — Ведь Милада может избавиться... от этого. Конечно, если разрешит медкомиссия. А ты спокойно окончишь институт! — продолжала она, и в ее твердом голосе не было и намека на волнение.

— Но я этого не хочу! — крикнул Станя. — И Милада не хочет, — добавил он уже тише.

Мать иронически усмехнулась.

— Еще бы... такая!.. — Она сумела вложить в эти слова всю ненависть к хрупкой, некрасивой и неприметной девчонке, которая может вот так сразу стать ее невесткой. — А ты уверен, что она... что это от тебя?

Станя вздрогнул и гневно бросил:

— Ты оскорбляешь ее, мама!

Мать снова как-то странно усмехнулась.

— Даже если ты тому виной, — допустила она возможность, что отцом еще не родившегося ребенка может быть ее сын, — где вы будете жить? Об этом вы подумали?

— Я пока останусь дома, а потом... когда окончу институт, мы... все... переедем к нам.

— Ну уж нет! На это, Станя, не рассчитывай! — заявила мать. Ловко, однако же, Милада с мамашей обстряпали дельце! Заполучат парня да еще дом в придачу! Ни гроша не вложив! Три года встречались — и пока все обходилось! Ведь не воображала же ее мамаша, что они наедине богу молятся? А тут за каких-то пару месяцев до госэкзаменов Милада вдруг... Ну нет, этому не бывать! Пусть и не мечтают!

— Мама, но у нас места хватит — весь верх свободен!

— А мы его сдали, разве я тебе не говорила?

— Нет, мама, не говорила, — тихо произнес Станя и снова уставился взглядом на дорогу. Семья Пудиловых уже въезжала в Крушетице.

— Я тоже об этом ничего не слыхал... — удивился Пудил.

— Потому что никогда не слушаешь, когда я что-нибудь говорю!

— И мою комнату? Тоже?.. — спросил Станя.

Власта Пудилова поняла, что теперь победа прочно на ее стороне. Счастье, что Станя все рассказал вовремя. После рождества было бы поздно что-либо предпринимать.

— Конечно...

— А куда же денусь я? — растерянно спросил Станя.

Мысль, что придется вот так вдруг расстаться со своей комнатой, где благодаря матери он прожил двадцать четыре баззаботных года, его ужаснула. Учился он хорошо, полностью сосредоточившись на одних занятиях, и единственным его товарищем долгое время была мать. До того самого дня, когда, отдыхая зимой в горах, он не познакомился с Миладой.

— В большую комнату! Там свободно!

Машина кружила по узким улочкам.

Пудиловой показалось, что Станя немного успокоился.

— Я съезжу в Тынец и сама поговорю с Миладой и ее мамашей...

Власта Пудилова считала, что в трудную минуту дала сыну добрый совет, протянула руку помощи.

— Это ничего не изменит, мама!

— Почему? Если Милада мыслит здраво, она поймет, что прежде всего ты должен закончить институт!

Станя молчал, и мать сочла его молчание за согласие. Но Станя вдруг заявил:

— Миладе нельзя делать аборт. Она ходила к врачу...

Власта Пудилова была сражена наповал. Такого поворота она, естественно, не ожидала. Теперь, лихорадочно обдумывая создавшуюся ситуацию, она искала новое решение. В голове у Пудиловой бродили разные варианты, но ни один из них, по ее мнению, не подходил. Поэтому единственное, что ей оставалось, — это твердо заявить:

— Ну нет! Поехать к ним я так или иначе поеду!

Станя повернулся к ней и, коснувшись ее руки, попросил:

— Не делай этого, мама, очень тебя прошу!..

Мать, оттолкнув его, схватилась за сумку. Семья Пудиловых уже подъезжала к воротам своего дома.

— Скажи на милость, что ты все время ищешь в газетах?— спросила у Эвы Лиеманова, увидав, что она сидит, склонившись над рубрикой сообщений из-за рубежа. Скоро половина пятого, вот-вот учителя разойдутся по своим классам, чтобы довести до сведения счастливых родителей, сколь преуспели их отпрыски. Все собрались в учительской в надежде спокойно посидеть здесь несколько минут, оставшихся до начала собрания, отдохнуть и сосредоточиться.

Эва Мокра сложила газету и подтолкнула ее к Прскавцу, который уже давно тянул к ней руку.

— Дела там все еще плохи!

— Где?— не поняла Лиеманова.

— На Ближнем Востоке.— Эва задумалась.

— Ты что-нибудь знаешь об Омаре?— заинтересовалась Анечка Бржизова.

— Ничего... уже скоро год, как от него ни строчки. Я пыталась дозвониться, но мне каждый раз отвечают, что с этой страной нет связи, — ума не приложу, что делать...

Анечка кивнула головой.

— А ты пробовала через Министерство иностранных дел?

— Пробовала! И не раз! Там сказали, что у нас нет с ними дипломатических отношений. Порвали три года назад. Поначалу хоть почта приходила, а сейчас даже не знаю, жив ли Омар...

— Ты должна надеяться, Эва!— утешала ее Бржилова.

— Сколько времени прошло...

— Что мне им говорить?— испуганно шепнула Геленка Боубеликова Каплиржу. Прскавец продолжал просматривать столбцы объявлений.

— Кому?— с любезной улыбкой повернулся к Геленке Каплирж.

— Родителям!.. Я их боюсь!

— Оценки в журнале у вас выставлены? Ну хоть какие-нибудь?

— Я их вызывала, но у мальчиков все время уважительные причины. Тренировки или болезни! У некоторых учеников нет еще ни одной оценки в четверти.

Каплирж стряхнул пепел с сигареты и снисходительно усмехнулся:

— Вам, уважаемая коллега, не следовало бы им так слепо доверять!

— Но у них записки с подписью родителей,— возразила молодая учительница.

— А вы попросите родителей этих негодников поставить свою подпись на чистом листе бумаги и сверьте с подписями на записках.

— Вы полагаете... что они... могут меня обманывать?

Каплирж поднял руки вверх.

— Не полагаю. Знаю! Они испытывают вас, как уже испытали каждого учителя. Не бойтесь, Геленка, я закончу со своими пораньше и зайду к вам.

— Очень, очень прошу вас!— Геленка заморгала длинными ресницами, обрамляющими ее миндалевидные глаза.

В учительскую вошла Ивана Раухова. Следом за ней — Бенда.

Пионервожатая хромала — результат неудачной операции после тяжелой автомобильной аварии. Припадая на ногу, она тащила, прижав к груди, коробку, в которой что-то погромыхивало. Бенда сразу направился к своему столу, открыл ящик и стал складывать тетради

и листки с какими-то записями, сделанными красными чернилами.

Иванка, помахав рукой Губерту Влаху, направилась к нему:

— Губерт!— кричала она еще издали.

Он поднял глаза от книги. Дома не считаешь, не хватает времени: норки занимают каждую свободную минуту. Иногда удается прочесть страничку-другую в автобусе, если, конечно, едет один, а не с Даной. Или здесь, в учительской. Губерт ждал, пока подойдет Иванка.

— Губерт! Ты нам, конечно, поможешь!— кричала она так, будто ни секунды не сомневалась, что усатый-бородатый коллега не сможет отказать.

— А в чем дело?

— Ты поведешь один из кружков? Природоведение!.. Столько ребят записалось! Двумя кружками будут руководить военные. Возьмешься, Губерт?!

Губерт заложил книгу узенькой бумажной закладкой и только тогда захлопнул ее.

— Нет.

Губы Иванки растянулись в удивленную, почти детскую улыбку.

— Ты шутишь! Кружок всего раз в неделю. Время назначишь сам. Ребята к тебе приспособятся...

— У меня его нету, этого самого времени!

Иванка, став вдруг серьезной, положила коробку на стол рядом с собой.

— Ты, я полагаю, несколько преувеличиваешь свою занятость?

Губерт Влах, нащупав в кармане сигареты, вынул одну из пачки и сунул в рот. Потом, хлопая себя по карманам, в поисках зажигалки, сказал:

— Для тебя, Иванка, если понадобится тебе лично, я сделаю все, абсолютно все. Но для мероприятий такого рода у меня времени нет!— Он поднес зажигалку к кончику сигареты, чиркнул и прикурил от ярко вспыхнувшего язычка.

— Уговаривать не стану!— отрезала Иванка и с коробкой, гроыхающей, словно пасхальные колотушки, прохромала к окну, где о чем-то беседовали Камил и Божена Кутнаерова. Губерт выпустил ей вслед тяжелое облако дыма.

Адамцева, расстелив бумажную салфетку, клевала, как цыпленок, крохи завтрака. Ее взгляд упал на взволнованного Бенду, который рылся в своем столе.

— Ты что-нибудь ищешь, Франтишек?

— Угу,— прогудел тот, выкладывая на стол обложки тетрадей, две коробочки пастели, остатки мела и клубок силовых ниток.— Пистолет. Отобрал на прошлой неделе у Куделки из седьмого «А». Собирался сейчас вернуть его отцу.

— Куделка-отец, кажется, сотрудник СНБ*? — вспомнила Адамцева.

— Нет. Но дома у них такого баракла хватает — так по крайней мере утверждает мальчишка.— Бенда оторопело упер обе руки в бока:— Ага!— вспомнил он.— Да ведь эта пушка у меня в кабинете.— Он торопливо сбрасывал свое имущество обратно в ящик. Адамцева тем временем отыскала в салфетке кусочек ветчины и, положив его в рот, стала тщательно пережевывать.

— Как дела у Златко?— вспомнила она.— Скоро придет в школу?

Бенда отрицательно покачал головой:

— Все еще температурит.

— У некоторых детей к прививкам — аллергия...

— Позавчера пришлось вызывать неотложку. Температура поднялась выше сорока, начал бредить, врач сделал укол, и только после укола он успокоился...

Учительница ободряюще сказала Бенде-отцу:

— Через несколько дней будет опять как огурчик. А что он делает, читает?

Бенда огляделся, словно не желая, чтобы его услышал кто-нибудь еще.

— Читает и считает...

— Не страшно, если он немножко обгонит остальных по математике! Ему ведь придется догонять по письму. У него плохо получается буква «у».

— Я боюсь, что он намного опережает остальных...

— Неделя-две — и сравняется, не волнуйся, Франтишек.

Директор Ян Ракосник появился в учительской вместе со звонком. Он легонько стукнул в ладоши и провозгласил:

* СНБ — корпус национальной безопасности.

— Итак, уважаемые, по классам!

Милош Лекса поглядел на часы. Да, ровно половина пятого. Собрание в своем классе он проведет самое большее за час. В шесть его будет ждать Нина. Они уже договорились. Девчонка наверняка что-нибудь придумает и удерет из дому. Мысль о светловолосой девушке приятно волновала его.

По лестнице в поисках нужных классов все еще то-ропливо сновали родители. Камил посоветовал какому-то растерянному папаше искать Анечку Бржизову на первом этаже.

— Настоящая психбольница!— улыбнулся он Ирене. Их классы находились по соседству, на третьем.

— Вы когда вернулись из той общаги?— спросила она.

— Где-то сразу после двенадцати!— быстро ответил Камил и замолол без остановки, не давая Ирине вставить ни слова:— До того умотались! Микрофон барахлил целый вечер! Можно сказать, работали совсем без техники, представляешь? Ведь надо, чтоб громко, на полную катушку...

Ирена перебила его:

— Мирек ехал с тобой?

— Ага,— подтвердил Камил,— он тоже дошел до ручки! Рад был до смерти, что отыграли и смотались! Послушай, Ирена, эти собрания родительского комитета— чистый цирк, да и только, тебе не кажется?

— Значит, потом Мирек отправился домой?..

— А то куда же?.. Постой! В котором же это было часу! Максимум — в половине первого!

До третьего этажа оставалось еще две ступеньки.

— Странно! Как это ты не заметил, что он ночевал у тебя...

Камил бросил на нее быстрый недоверчивый взгляд и, облизав пересохшие губы, забормотал:

— В общем, ты, конечно, права... Мирек потом вернулся ко мне, сказал.. вроде бы ключи посеял или.. что-то в этом роде... ты что на меня уставилась?

— Хоть ты, Камил, не лги!— громким шепотом сказала Ирена, теребя блокнот с оценками.

Камил долго смотрел на ее длинные пальцы, И вдруг крикнул:

— Что? Засыпался?! Да? Значит, во всем виноват я! Такого дурака только поискать!

Камилу казалось, что он, и только он, продал товарища.

— Не мучайся и ни в чем себя не упрекай,— сказала Ирена.— Я уже на другой день знала, что вы остались там ночевать... с этими... с воспитательницами! — Она постаралась произнести эти слова со всей возможной иронией.— Вас видела старая Беркова. Она работает там поварихой.

— Черт бы ее взял... — Камил с трудом удержался, чтоб не сплунуть.

— У меня с Миреком — все! Он мне не нужен! — продолжала Ирена холодно.— Это уже не в первый раз. Я думала, он наконец уgomонится... Обойдусь и без него!

— Гм... Все вокруг уверены, что вы скоро поженитесь! Весь город!

— И все вокруг обрадуются, что мы разошлись!

— Нет!.. — крикнул Камил.— Ты ему что-нибудь говорила?

— То же самое, что и тебе.

Камил поскреб в затылке.

— Мне неприятно, если ты думаешь, будто это я Мирека...

— Можешь не беспокоиться. Я слишком хорошо его знаю.

Ирена, с трудом преодолев последние две ступеньки, направилась к своему классу. Камил — следом за ней. Ему казалось, что он должен, даже обязан сказать что-то важное в защиту Мирека. Он просто представить себе не мог, что эти двое разойдутся. Конечно, Ирена в чем-то права: Мирек отлично знает, нет, он просто уверен, что девчонки будут липнуть к нему на каждом выступлении, где бы ни играл их оркестрик! Не всегда, правда, бывает *harrou end*, как той ночью в замке, но ведь и там не случилось, по сути дела, ничего серьезного. Ни Мирек, ни Камил туда больше в жизни не поедут! Бывают ситуации, когда такие девушки, как Ирена, должны уметь на все закрыть глаза.

— Ты понимаешь, чем это кончится для нашего ансамбля? — сказал Камил. Они уже подходили к родителям, сбившимся в кучку у классов.

— Ну, это меня уже не касается. Это ваше дело,— холодно усмехнулась она и вошла в свой класс.

— Пан учитель!— обратилась к Камилу женщина в платочке.— Что будет с нашим-то? Мы с ним дома не справляемся!

Камил мгновенно пришел в себя.

Этажом ниже Йозеф Каплирж втолковывал родителям ученика Сегнала:

— Мальчик не только плохо занимается, но и грубит учителям. Ведет себя скверно, все время лжет.— Вам следует его кое в чем ограничить, в удовольствиях например. Побольше держать дома! Загрузить работой и все время контролировать, контролировать, проверять...

Отец незадачливого ученика сидел за второй партой у окна, низко опустив голову и пряча лицо в воротник теплой куртки. Он не осмеливался поднять на учителя глаза. Его жена нервно сморкалась: ей, конечно, было тяжело слышать, что говорит о их сыне Каплирж, — но вдруг совершенно неожиданно она замахала руками и закричала:

— Все это куда как распрекрасно, пан учитель. Но только вы бы лучше у себя в школе порядок навели!

— Что вы имеете в виду, пани Сегналова?— возмутился Каплирж и окинул взглядом насторожившихся родителей.

— А то и имею, что говорю!— громко продолжала женщина, и сразу стало ясно, что, осмелев от своих слов, она станет кричать и дальше и ее теперь будет не так просто уговорить. Такого рода родителей Каплирж не любил. Впрочем, не он один. В школе существует непреложный закон, что правда всегда на стороне учителя. Стычки с родителями заканчиваются, обычно, победой педагога. Он уже заранее взвесил, что должен ответить матери ученика Сегнала.

— И наш мальчик вел бы себя по-другому, будь у него товарищи получше! Вот, к примеру, Кутнаер. Они в один класс ходят. Только про Кутнаера почему-то ничего не говорят! Хотя доложу я вам — это типчик! И все потому, что его матушка в вашей же школе учителька!

— Это ничего не меняет, пани Сегналова!..— возразил Каплирж.

— Да замолчи ты!— подтолкнул ее локтем муж. Казалось, он еще больше скорчился за партой и теперь напоминал огромного ежа.

— А чего это я стану молчать!— обрушилась на него жена.— Пускай пан учитель тоже знает! Все родители об этом говорят, а школа что? Школа ничего. Потому как стыд и срам на весь город, если вслух скажут, что учителькин сын ворует!

— Ну, ну, тут что-то не так! Вы ошибаетесь!— удивленно протянул Каплирж и машинально взял со стола коробочку с обломками мела, которые ребята не успели после уроков растащить.

— Да нет уж! Все так! Он ворует, спросите в классе! Он то ручку ребятам даст! То копирку! Наш даже новый календарь на будущий год притащил!.. Но я его вместе с этим календарем вытурила! Вот оно как дело-то оборачивается, пан учитель! Почему наших ребят такая учителька воспитывает? Мне это чудно что-то! Я лично ничего против пани Кутнаеровой не имею, только все в толк не возьму, как же она сможет наших воспитать, если со своим не справляется! Разве я не права?— повернулась разъяренная женщина к родителям.

Но никто не поддержал ее. Может, из осторожности, может, от неловкости. То, что они сейчас услышали, было куда как неприятно. Но зачем совать нос не в свое дело? У них тоже дочери и сыновья в девятом классе, классный руководитель скоро должен давать им характеристику, зачем же привлекать к себе внимание!

Именно по этой причине в классе надолго воцарилась тишина. Выдержав паузу, пан учитель Каплирж чрезвычайно спокойно произнес:

— Заверяю вас, пани Сегналова, что я этим вопросом займусь лично!

Женщина завертелась на лавке.

— Очень буду рада!— сказала она.

Учитель перешел к родителям, сидящим за следующей партой. У Ганки Длаболовой, к счастью, все в порядке, нет никаких проблем. И все-таки пан учитель Каплирж подробно говорил с ее отцом и матерью о приближающихся приемных экзаменах в гимназию. Столь же обстоятельно Каплирж побеседовал с остальными.

Около шести вечера Власта Пудилова встретила в учительской с Лексой. Он надевал короткое пальто, очень похожее на то, которое носит Станя.

— Могу подбросить тебя на машине, если хочешь!— предложила она.

— Нет-нет... у меня еще кой-какие дела в городе,— отказался тот.

Пудилова взяла со стула две продуктовые сумки.

— Ну, желаю!— попрощалась она.

— Привет!..— крикнул Лекса и распахнул двери, чтобы выпустить ее.

Он постоял несколько минут в пустой учительской, не желая снова столкнуться с ней где-нибудь возле школы, и обошел раз-другой столы. К счастью, никто больше не явился. Видимо, все еще отвечают на вопросы родителей, дают им всевозможные рекомендации, внушают, растолковывают, делая все это охотно, но совершенно без толку...

Решив, что Пудилова уже далеко, Лекса выскочил из учительской.

На улице уже стемнело. Машины, что изредка проезжали мимо, бросали перед собой узкие мигающие снопики света.

Под аркой, у почты, он заметил темную фигурку и еще издали узнал Нину.

— Умница!— сказал он, подойдя, и взял ее за руку. — Куда пойдешь?

— Не знаю...— тихо ответила Нина.

Лексе казалось, что сейчас рядом с ним не Нина, а лишь ее маленькая рука да ароматные волосы. Он мог вдыхать нежный запах, потому что Нина на голову ниже его.

Лекса повел ее по пустынной улице в парк.

Глава седьмая

Короткие собрания по вторникам, во время большой перемены, директор Ян Ракосник именовал с исключительной меткостью «летучками» (Прскавец же обзывал нецензурными словами). Директор Ракосник появлялся в учительской с небольшим листком, вырванным из блокнота, где были записаны важнейшие задачи на неделю. Летучки проходили большей частью стоя.

Притихшие учителя пытались между глотком кефира, куском хлеба с салом или сигаретой вслушаться в необходимую информацию.

Всей школе надлежит заняться сбором шиповника. Ответственная Дана Марешова. Проследите, чтобы каждый ученик принес не менее полукилограмма плодов.

Трое педагогов к концу года получают премии. Он предлагает товарищ Кутнаерову — за образцовую работу в кружке прикладного искусства, Йозефа Каплиржу — за проявленную инициативу в создании учебных кабинетов и Иванку Раухову — освобожденную пионервожатую. Каждому по 300 крон. Большими средствами он, директор, не располагает.

— Везет же тебе, Йозеф! Опять надерешься! — бросил Каплиржу через стол Прскавец.

Каплирж смущенно улыбался. Он бы с радостью отказался от этих трех сотен в пользу создания курсов повышения квалификации для инспекторов роно. Теперь же человек десять, не менее, из школьного коллектива затаят на него злобу.

До конца недели каждый педагог обязан представить отчет, какое участие он и его ученики принимают в борьбе за охрану окружающей среды. В районе требуют сдать отчеты до двадцатого. Товарищ Гавелка назначается ответственным за сводный отчет о работе всей школы.

— Это что, новый всплеск кретинизма? — крикнул директору Прскавец.

Ян Ракосник не выносил такого тона, но попытался объяснить задачу подробнее.

— Видимо, в районе хотят знать, как мы воспитываем в учениках бережливое отношение к школьному имуществу, к природе, как ученики должны вести себя в общественном транспорте, экономить электроэнергию...

— И мы действительно должны во всем этом отчитаться? — удивилась Анечка Бржизова.

— Да, и в этом тоже. Район требует... — защищался директор Ян Ракосник и чувствовал себя при этом очень неловко. — Напишите максимально кратко, что и как у вас проделано!

— Послушай-ка, Гонзик, — снова подал голос Прскавец, — что касается моих, то если мы в кои веки на природу выбираемся, поверь — мои воды не замутят, не то я им таких чертей покажу, целый месяц в лес ходить побоятся, не то что окружающую среду уничтожать! И это тоже надо писать, да?

Директор улыбнулся.

— Конечно, нет. Нужно найти соответствующую форму!

Он заглянул в свой листок.

— Далее: нам необходимо создать и оборудовать зал революционных традиций...

— О боже, но где?.. — взмолилась Божена Кутнаерова. — Классы битком набиты ребятами, кабинеты переполнены, не можем же мы создавать и оборудовать его в каком-нибудь закутке?

— Безусловно, нет, — согласился директор Ян Ракосник, — но надо подумать — и прошу вас, подумайте, — как выйти из положения самым достойным образом. Я, Боженка, не сам это решил, уверяю тебя!

— А наш уголок традиций, разве этого мало? Чем он плох, скажи? — воскликнула Власта Пудилова.

— Нам необходим зал традиций! — упрямо твердил директор Ракосник.

— Из-за этого зала нам придется перейти на обучение в две смены, — безапелляционно заявила Пудилова.

К ней присоединились и другие учителя, утверждая, что это значительно осложнит жизнь школы.

— Вполне достаточно уголка традиций!— крикнула Ирена Гаспеклова.

Директор Ракосник покачал головой.

— Нет! Недостаточно! Если мы создадим зал традиций, мы сможем проводить там вечера воспоминаний, уроки истории, всевозможные беседы. Вот в чем его главное назначение. Сама обстановка будет воздействовать на учеников больше, чем привычная обстановка класса!

— С этим я, конечно, согласна,— снова заговорила Бржизова.— Но не уверена, что есть необходимость выполиять, слепо следовать указаниям в ущерб здравому смыслу!

Неожиданно поднял руку Губерт Влах. Все удивленно оглянулись. Директор Ракосник дал ему слово.

— Мы ищем свободный класс, которого у нас, увы, нету! А совсем рядом со школой находится городской музей с отличным интерьером.— Губерт чуть усмехнулся.— Товарищ директор лучше нас знает, сколь высок уровень той части экспозиции, которая посвящена революционным традициям наших мест. Если ребята за время перемены успевают добраться через весь город на стадион, так почему же не смогут перейти в музей, в двух шагах отсюда?

Пожалуй, впервые за время своей работы в круше-тицкой школе Губерт произнес такую длинную речь. Коллеги не могли не признать, что это предложение дельное и его следует обдумать.

Директору Яну Ракоснику предложение тоже понравилось. Он тут же сообразил, что таким образом возрастет и годовая посещаемость музея.

— Но зимой музей не отапливается!— заметил он.

Опять подала голос Анечка Бржизова:

— Проще, вне всякого сомнения, утеплить одно помеще-ние в музее, чем перевести школу на две смены!

— Хорошо, хорошо, мы это еще обсудим!— Директор Ракосник перешел к следующему вопросу.

— Франтишек,— обратился он к Бенде,— тебе снова придется застеклить окна в теплице! Я заглянул туда утром — положение катастрофическое!

— Я этим непременно займусь,— ответил Бенда глухо, вид у него был отсутствующий.

Ивана Раухова тронула коленом Адамцву и шепнула:

— Что с ним? Я его таким никогда не видела. Он совсем забыл сказать, что, когда он служил в армии, в Вышних Ружбах, там была такая теплица...

— У них с мальчиком беда. Златко оперировали плечо...

Пионервожатая посерьезнела.

— Да что ты! Значит, Златко все еще не ходит в школу?

— Нет, и мне сказали в молочной...— Тут Адамцева наклонилась к Иванкиному уху и зашептала:— ...что кто-то видел, как Бендова выходила из церкви. А сам Бенда как будто окаменел.

— Значит, у Златко действительно плохи дела...— рассудила Иванка и спросила, была ли у мальчика Адамцева.

— Собираюсь на этих днях, если что-нибудь не помешает. У меня теперь два раза в неделю автошкола, мой просто бесится! А я жду не дождусь, когда выйду на пенсию... Никаких тебе ни собраний, никаких совещаний, не надо повышать квалификацию, живи — не хочу!

— Тш-шш-ш!..— зашипела на нее Лиemanова и кивнула головой в сторону директора, который, как оказалось, уже заканчивал свое выступление.

Через несколько секунд должен был прозвенеть звонок.

— Товарищ Кутнаерова,— вспомнил директор Ракосник,— зайди пожалуйста ко мне!— И он поблагодарил всех за внимание.

На сегодня все!

Божена Кутнаерова поднялась со своего места и направилась к дверям, где ее ожидал директор. Она так призывно покачивала бедрами, что Милош Лекса, не удержавшись, присвистнул. Ее округлый задик, плотно охваченный юбкой, притягивал взгляды мужчин как магнит.

— Садись, пожалуйста!— Ракосник показал ей на кресло у журнального столика.

Кутнаерова села и, закинув ногу на ногу, терпеливо ждала, пока директор Ян Ракосник закурит и наконец усядется. Они знали друг друга давно, какое-то время вместе преподавали в девятилетке в Свойшицах: Ян Ракосник — опытный педагог, она — ролеющая молодая

учительница, с глазами, бездонными, как колодец в Чичен-Ица, куда индейские священнослужители из племени майя бросали девственниц в дар своим богам. Молодая учительница очень быстро поняла, что намного приятнее принимать восторги в отношении своего тела, нежели одних только глаз, ибо число утопленников вскоре стало прямо пропорционально безжалостному утопленнию девственниц священнослужителями из племени майя. Года через два ее похождение пресек, по крайней мере официально, некий Ярослав Кутнаер, мотогонщик, который в промежутках между соревнованиями и участием в различных аттракционах возглавлял крушетицкий автосервис и занимался ремонтом «шкод» и «вартбургов». Он женился на Боженке с излишней поспешностью. Сделал ей ребенка, чего другим никак не удавалось, и стерег ее, как динго, австралийский дикий пес. И вот через тринадцать лет Ян Ракосник снова встретился с Боженкой в школе, в Крушетицах. Она все еще была опасно хороша собой.

Ян Ракосник опустил наконец на стул визави, оценив строгость ее кофточки, закрывающей шею. Можно, не отвлекаясь, сосредоточить свое внимание на этой неприятной истории с ее мальчишкой.

— Ты, вероятно, догадываешься, зачем я тебя вызвал,— начал Рокосник, подумав, что следует, видимо, предложить ей сигарету.

Боженка опустила глаза, уставившись на свои узкие колени, слегка выглядывающие из-под юбки.

— Ты должна что-то делать с Робертом,— продолжал Ракосник, глубоко затянувшись,— на него очень жалуются. Ты знаешь, что произошло в писчебумажном магазине?

Божена кивнула.

— Ведь это же твой сын! Люди возмущаются, что его мать — учительница. Тебе известно, что сказала некая мамаша Каплиржу на родительском собрании?

Кутнаерова подняла на Ракосника взгляд.

Да, что и говорить, колодец в Чичен-Ица в сравнении с ее глазами, право же, не более чем грязная лужа.

— Ну посоветуй, что мне с ним делать? Уж я луплю его с утра до ночи! Ты думаешь, мне самой приятно слышать жалобы? Одна я с ним не справляюсь! Знаешь, что недавно заявил мне его папаша? Что и он в его воз-

расте был не лучше. После этого мальчишка просто смеется мне в лицо.— Она достала из кармана голубенький платочек и, вытерев сухие, без слез, глаза, посморкала.— Руки у мальчика хорошие. За какое бы дело ни взялся — все у него горит в руках...

— Есть в кого! — заметил Ян Ракосник и ободряюще улыбнулся.

— Ты думаешь — в меня?.. — спросила она скептически.

— По крайней мере, что касается твоей работы в школе, безусловно! («А уж в постели, — мелькнуло у него в голове, — там тебе нет равных! Я завидую твоему Ярде, но и жалею его. Плохо, ох, как плохо, если жена красавица! Пусть лучше у наших друзей будут красивые жены».) После каникул переведешь парня в ремесленное?

— Нет. В военную. Может, хоть там его доведут до ума!

— Ну а сам Роберт — как он на это смотрит?

— В общем, доволен. Ему нравится возиться с автомобилями. Пускай идет, а я хоть немного отдохну. На моих руках останется Ярда, с меня хватит.

— Как у него дела?

Поняв, что разговор подошел к концу, Божена красивым движением переменяла позу.

— Все так же. Велели лежать. Счастье еще, что добирается до туалета и может сам поесть...

— Передавай ему мой привет!

— Спасибо.

Божена поднялась.

— Роберту будет объявлен выговор, а все, что взял, пусть вернет назад. Если чего-то не хватит, придется тебе оплатить. Знаешь, Божена, мы, в сущности, должны бы поставить ему двойку по поведению, но я этого делать не хочу. Тут же в городе все станет известно, и люди будут говорить: своего воспитать не сумела, а наших детей воспитывает! Я понимаю: это, конечно, чепуха, но пойми, учитель, к сожалению, на виду и должен быть всегда на высоте...

— Я все понимаю, Гонза... — тихо произнесла она и взялась за ручку двери. Ян Ракосник отметил про себя, что Божена назвала его по имени, чего уже давно не делала.

— Да, вот еще что!— вспомнил он и достал из кучи официальных бумаг листок.— Нужно сообщить в район имена педагогов, которые помогают начинающим учителям. У нас начинающая — Бобеликова. Может, заглянешь к ней разок-другой?

— Нет, лучше кто-нибудь другой. Пиши Пепика Каплиржа, все равно они с Геленой вечно что-то обсуждают в коридоре. Она то и дело бегают к нему на уроки. Каплирж будет очень доволен...

Директор Ян Ракосник распахнул перед Боженкой дверь. И в коридоре добавил:

— Ты прекрасно сделала, что сказала мне об этом. Не люблю отдавать официальных приказов, используя свою власть!— засмеялся он столь непривычному повороту мыслей; он хотел уже попрощаться, и Кутнаерова к нему повернулась, вероятно собираясь протянуть руку, но дверь распахнулась, и в комнату вбежала Ирена Гаспеклова. Они сразу же поняли: что-то стряслось. Учительница была бледна как мел и смотрела перед собой ничего не видящим взглядом.

— Что с тобой, Иренка?— подошел к ней Ракосник.

— Тебе плохо?— спросила Кутнаерова, хватая ее за руку.— Да говори же, что случилось?!

Ирена Гаспеклова облизнула сухие губы.

— Мирек... Мирек разбился на машине!— прошептала она.

— Откуда ты знаешь?

— Позвонили из больницы...

— Где это произошло?

— Не знаю.— Ирена немного распрямилась.

Кутнаерова обняла ее за плечи и принялась ласково успокаивать:

— Главное, что он жив! В больнице его приведут в порядок! Соберут и отдадут тебе целенького.

Ирена резко отодвинулась:

— Мне? Почему мне?..

Ракосник и Кутнаерова удивленно переглянулись. Директор спросил:

— Может быть, ты поедешь домой? Я тебя заменю!

— Зачем?— крикнула Ирена с угрозой. Она вдруг стала неузнаваемой. Грубовато протиснувшись между ними — они стояли на ее пути,— она побежала бегом по длинному коридору в свой класс.

— Ты что-нибудь понимаешь?— спросил Ян Ракосник.— В арбуз и в женщину — не заглянешь! А баб в школе становится все больше и больше!

Бендовы жили неподалеку от вокзала, в первом из трех многоэтажных домов, которые вносили хоть какое-то разнообразие в скучную панораму городка. Ивана читала поблекшие визитки в нише, где находились квартирные звонки, найдя нужный номер, она перебросила палку, на которую опиралась, в левую руку и нажала на кнопку звонка. Вскоре из маленького микрофончика послышался хриплый голос. Она узнала Бенду и назвала себя. Бенда сказал, что сейчас к ней спустится, и сразу же за стеклянной дверью послышалось гудение лифта.

— Хочу проведать Златко!— извинилась Ивана за свой неожиданный визит.

— Очень мило с твоей стороны, Иванка!— Бенда откинул свисающую на глаза прядь прямых волос.

— Как он?— спросила Раухова еще в лифте.

— Его оперировали. Когда делали прививку, вероятно, повредили надкостницу. Рука никак не заживает. Он все время температурит. Каждый вечер приходит медсестра, делает какие-то уколы, чтоб был поспокойнее. Когда ты позвонила, я думал — это пришла она...

Ивана и Бенда вошли в тесный коридорчик. Ивана поискала глазами шлепанцы, собираясь переобуться, но Бенда потащил ее дальше, в большую комнату, и познакомил со своей женой. Это была хрупкая женщина с измученными глазами, еще не старая, хотя на висках уже проступала седина. На ней было коричневое платье, казалось, она ждет гостей. Раухова извинилась за свое неожиданное вторжение.

— Мы рады, когда к нему кто-нибудь приходит,— сказала мать Златко.

— Адамцева у вас уже была?— спросила Ивана.

— Нет, наверное, тоже со временем туго. В первом классе так много хлопот с детьми. Но она непременно зайдет. Идемте к нашему больному. Златко, угадай, кто к тебе пришел?— спросила она у сына, стоя в дверях детской комнаты.

Бендова прошла вперед, Ивана поставила палку к стене и двинулась следом.

Златко лежал в постели в пижаме, левая рука по самое плечо была забинтована. На белом одеяле валялось несколько книг и обертка от шоколада.

— А, так это вы?— не слишком любезно встретил Ивану Златко.— А я думал, что та тетка с уколами. Ух, как я ее ненавижу!

Иванка дохромала до постели. Бенда-отец придвинул стул, чтоб она могла сесть. Ей так хотелось приласкать ребенка! Но, овладев собой, Ивана лишь сказала:

— Как ты себя чувствуешь, Златко?

Ребенок бросил взгляд на родителей и с раздражением крикнул:

— Ну! Ты к кому пришла? Я полагаю, ко мне, да?!

Родители покорно удалились, и отец тихо притворил за собой двери. Ивана повторила вопрос.

Златко испытующе смотрел на нее.

— А разве ты ничего не знаешь?

— Нет!..— ответила Ивана, стараясь не отводить взгляда.

— Плохо. Они тебе говорили?..— Златко имел в виду родителей.— Никак не заживает. Придется опять резать.

Ивана осторожно дотронулась до его маленькой руки, которой он придерживал раскрытую книгу.

— Переплывешь, Златко! Ты же не баба какая-нибудь!— подбодрила она мальчика.

Он задумался, а потом спросил:

— Ты ведь хромаешь, не так ли?

— Да,— призналась она в замешательстве.

— Ну и как?

— Иногда приходится туго...

Златко низко опустил кудрявую головку и задумался.

— Против увечья человек бессилён, правда?

— Я бы этого не сказала. Не совсем...

— Что же надо делать?

— Побольше думать о других, чтобы на собственные болячки не оставалось времени!— сказала Ивана просто и поймала себя на мысли, что разговаривает с ним как со взрослым.

— А ты пробовала?— продолжал он выпрашивать.

— Случалось.— Ивана засмеялась и стала разглядывать комнату: вдоль стен застекленные полки с игрушками, модели самолетов и гоночных автомобильчиков, несколько книг со сказками, конструктор «Меркурий», ракетка от бадминтона и коробка с мячиками.— Играешь, Златко?

— Нет... у меня на это времени не хватает.

— А что же ты целый день делаешь?

— Читаю...

Ивана взяла в руки одну из книг, лежащих на постели, и раскрыла. Это был учебник математики для вузов. Она с удивлением посмотрела на мальчика.

— Это?

— А почему бы и нет? Написано ведь по-чешски!

Полистав учебник, Ивана с отвращением пробежала глазами сложные формулы и положила книгу обратно на постель.

— И ты все понимаешь?

— Почти...— Златко оперся на локоть здоровой руки и сморщил лоб.

— Но они тоже здорово завирают! И воображают, будто я им просто так поверю.— Из тайничка, в щели между кроватью и стеной, он достал целую кипу исписанной бумаги, оглянулся на дверь и понизил голос:— Они отнимают у меня карандаши и бумагу, не хотят, чтобы я делал расчеты, но ты на меня не нажалуешься, правда?

Ивана молча кивнула. Златко разложил перед собой на одеяле листки.

— Слушай! — Он взял одну страничку в руку. — Эти дураки утверждают, будто в каждом бесконечном множестве логических или математических утверждений S можно построить в рамках правил указанного множества такое утверждение T , что его истинность или ложность нельзя ни доказать, ни опровергнуть с помощью правил этого множества S .

Он нервно схватил другой листок.

— Я сначала попробовал, всегда ли можно дополнить множество S определенным множеством утверждений U так, чтобы — посмотри — это новое расширенное множество S' было бы равно $S+U$ и при этом давало бы возможность доказать или опровергнуть истинность или соответственно ложность всех выражений T . Они

рассчитали, что множество S не противоречиво и из него невозможно одновременно дедуктивно вывести утверждение « P — истинно», « P — ложно», или что единица равна нулю, поняла? Но вчера я разбил градусник. Когда я держал на ладони ртуть и она распадалась на мелкие шарики и снова соединялась в один большой, то один плюс один давали не два, а опять один шарик, следовательно $1+1=0$, я знаю, что соединил два разных приема, но когда я применил это к множеству утверждений S , то истинность была ложностью, я — был и не был.

Златко смотрел на нее, ожидая ответа. Ивана видела, что его лихорадит.

— Ты поняла? — спросил он еще раз.

Ивана погладила ребенка по голове и взбила за его спиной подушку.

— Нет, Златко. Честное слово, и тебе тоже не следует ломать над этим голову! Оставь, не мучайся!

Он трудно дышал и, откинувшись назад на подушку, сунул листки обратно за кровать. Ивана подхватила один и спросила, можно ли взять с собой. Златко согласился, и она, сложив его вдвое, спрятала в свою сумку. Обнаружив позабытую шоколадку с орехами, протянула мальчику и сказала:

— Вот видишь, чуть не забыла. Хочешь?

Он поблагодарил и ответил, что хочет спать.

— Ну ладно, тогда я пойду! — Ивана поднялась со стула, наклонилась и поцеловала его в горящий лоб. — До свидания, Златко, поправляйся! — И медленно пошла к дверям.

Златко глядел ей вслед и, когда Ивана уже взялась за ручку двери, вдруг сказал:

— А ты ведь не очень сильно хромаешь!

Глава восьмая

От предложенного кофе Власта Пудилова отказалась. Она приехала в Тынец отнюдь не с визитом вежливости, а для того, чтобы весьма серьезно переговорить с Миладой и ее матерью о Миладиной беременности. Пудиловой предложили кресло в комнате, где стояла мебель по меньшей мере тридцатилетней давности. На серванте поблескивали несколько хрустальных вещей. В маленьких рамках разместились семейные фотографии. Покрывало на диване под окном, хоть и чистое, скорее походило на поблекшую карту мира.

Милада и ее мать расположились напротив. Уже когда Милада прибежала, чтобы открыть калитку, Пудилова, внимательно оглядев девушку, с удовлетворением отметила про себя, что по ее фигуре пока еще ничего нельзя определить. Милада была, пожалуй, несколько бледнее, чем в последний раз, когда ее видела Пудилова.

Власта окинула Миладу презрительным взглядом — что-что, а это ей удавалось в совершенстве. Она, Пудилова, выступать здесь в роли просительницы не намерена, наоборот, требования ее будут вполне определены. Даже муж не мог предположить, куда она отправилась! Еще заведет никому не нужный разговор, более того, поднимет перебранку из-за машины! Станя тоже ничего не знает, он сидит, закрывшись в своей комнате, и делает вид, будто занимается. С того дня, как Станя вернулся из Праги, мать с ним ни разу не заговорила. Тогда в машине она обдумывала план его спасения: что надо предпринять, чтобы помочь ему выйти из этой сложной ситуации и вернуть былое спокойствие, так необходимое сейчас, на последнем курсе. Но в таком случае сын обязан беспрекословно подчиниться ей, своей матери, а не девчонке, которая встречается с ним ис-

ключительно из корыстных побуждений. Станя, конечно, будет возражать, но она, мать, сделает все для его благополучия. Свой план Власта Пудилова начала приводить в исполнение, не мешкая ни минуты. Она теперь все больше молчала, делая вид, что сын перестал для нее существовать, и демонстрировала это множеством мелких уколов его самолюбию. К ужину накрывала стол лишь для себя и мужа, в корзине с грязным бельем прибавлялось белье Стани, сын, с детства привыкший прямо-таки к хирургической чистоте в доме, доставал из ящика последние трусы, майки, рубахи и носки и, сменив, кидал ношеное в грязное. В воскресенье вечером Власта сделала вид, что забыла дать ему обычные карманные деньги. В его комнате она не убирала, не вытирала пыль. Отец вскоре заметил ее манипуляции и спросил, что должен означать весь этот идиотизм. Власта огрызнулась, закричала, чтоб не совал нос не в свое дело. Пудил положил в карман сыну две сотни. На десятый день она услышала, что сын в ванной комнате включил стиральную машину. Воспользовавшись моментом, когда Станя на минутку вышел, Власта спрятала стиральный порошок и мыло. Станя пошел и купил в магазине какую-то негодную дрянь. Но когда Власта заперла кладовку с продуктами и стала уносить ключи с собой, Станя, дождавшись ее, спросил:

— Зачем ты это делаешь, мама?

— Что? — сделала Власта вид, будто не понимает.

— Все наперекор...

Власта поняла, что уже наступил момент, когда первая линия обороны может пасть. Теперь у нее была сто-процентная уверенность в успехе.

— Не понимаю, о чем ты...

— Разве ты не видишь, что я не могу так жить?

— А тебя здесь никто не держит... — Она поняла, что рубаху он гладил сам, на воротничке было несколько темных морщинок. Раньше это, вероятно, тронуло бы ее, сейчас же физиономия была холодна, как лед на вершине айсберга.

— Но ты мне нужна, мама, и тебе это известно!

— Нет, Станя, — только теперь она назвала его по имени. — С тебя хватит и Милады. Все, что я говорю, тебе не по вкусу.

Он, побледнев, вдруг воскликнул:

— Нет, мама, ты сама понимаешь, что говоришь неправду. Но я, я не могу... не могу быть подонком! И кроме того, еще раз повторяю: я Миладу люблю! — Он резко повернулся и побежал наверх, в свою комнату.

Пудилова услышала, как Станя запер за собой дверь, и усмехнулась. Должен же он понимать, что она за ним не пойдет. Исключено. Вот дурачок...

Несколько дней Станя избегал ее. Когда мать была в школе, он, по-видимому, покупал себе какую-то еду, вечером садился на велосипед и уезжал к Миладе. Кто дольше выдержит? — посмеивалась Пудилова над упрямством сына. Конечно же, я. Меньше хлопот — и все дела.

Однако Власта Пудилова просчиталась. Не поняла, что время, подгоняемое этими томительными короткими осенними вечерами, работает против нее. У Пудиловой была надежда, что Станя убедит Миладу и та сделает аборт: ведь через месяц, два уже будет поздно!

Именно потому она, Пудилова, и сидит сейчас здесь.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивает она у Милады.

— Видимо, Станя сказал вам: мы поженимся! — В голосе девушки было что-то теплое, успокаивающее, наверное, именно это и покорило Станю — не лицо же, такое мелкое, невыразительное! Подобных девчонок вертится вокруг него в Праге не меньше сотни!

— Ну конечно! А то, что в этом году у Стани госэкзамены, для вас, вероятно, не имеет значения!

Милада свободным движением положила на стол вытянутую руку.

— Конечно, будет трудно, но Станя трудности преодолет. Он серьезный человек и учится хорошо...

Пудилова ухмыльнулась.

— Что ж, девочка, вы полагаете — это ваша заслуга?

— Нет! Конечно, нет! Эти качества он унаследовал от своих родителей! — элегантно хлестнула ее наотмашь Милада за «девочку».

— Почему бы вам не подождать? Почему не сделать аборт? Ведь у вас есть знакомые врачи!

Робко вмешалась мать Милады:

— Ей нельзя! Сын, наверное, уже говорил вам об этом. Она не сможет больше иметь детей...

— Ну, это еще неизвестно!.. — отрезала Пудилова.

— Рисковать я не стану!

Выражение лица Пудиловой стало таким, будто кто-то пощекотал у нее в носу. По тону, каким это было сказано, она поняла, что Милада не уступит. Понятно! Эта молодая особа из того же теста, что и сама Пудилова. Может быть, подобные качества привлекают в Миладе ее сына. То, чего у него самого и нищенской горстки не наберется.

Власта уставилась в пол, изображая тяжкое раздумье. Ковер тоже старый, вытертый. О боже, почему из такой бедности, такого убожества должен ее сын взять себе жену?

— Что ж, хорошо! — заявила Власта Пудилова, помолчав и переводя взгляд с матери на дочь и обратно, и продиктовала свой категорический ультиматум:

Свадьба будет 14 января.

До окончания института молодые будут жить у Пудиловых.

После вручения диплома Станя получает от родителей ключ от нового «фиата».

Ну а что же принесет в дом Милада?

— Я дала поровну обоим детям, — сказала Миладина мать и, тяжело поднявшись, медленно подошла к серванту. Она открыла нижнюю дверцу, и Власта Пудилова увидела аккуратно сложенные наволочки, полотенца и простыни. Скучный свет маленькой люстры осветил складки нескольких оранжевых махровых простынь.

— Гм... — Пудилова отметила про себя, что Миладина мать гордится приданым. — И это все?

— На Миладу записана четвертая часть дома. Когда был жив отец, он разделил его на четыре части.

Власта быстренько подсчитала. У Милады есть еще старший брат, тот, к счастью, женился и живет где-то в Праге, вместе с тещей, это — трое..

— Кто же получил половину?

— Я, — ответила женщина.

— Вам бы следовало передать Миладе и свою часть! На что она вам?

— Мне хотелось бы дожить свой век здесь...

— Учеба Стани влетела нам в копеечку! Пять лет в Праге — за эти деньги мы могли поставить новый дом!

! — Милада говорила, что живете вы прилично...

У Пудиловой вытянулась физиономия, и она пропела:

— Ах, во-о-от ка-а-ак?!

Да, Власта не ошиблась: Миладина мамаша заранее все подсчитала! Как знать, возможно, Милада лазила по шкафам, когда в одно из воскресений они остались со Станей дома наедине — Пудиловой пришлось идти со своим классом на какое-то торжество. Ну и ну! Эти бабы уже все обмозговали, а Станя, молодой растяпа, просто-напросто влип. Что же теперь делать? Пудилова вернулась к разговору о четвертой части дома. Дом оказался вовсе не развалюхой. Коттедж. Две комнаты наверху, в мезонине. Палисадник вдоль фасада, а сад — до самого поля. Подремонтировать — и дом будет как новый. Стане пришлось бы провести центральное отопление, не будет же он весь свой век таскать ведра с углем.

— А вы не передадите Миладе свою часть дома?

Миладина мать снова опустилась в мягкое кресло.

— Почему же? Передам!

— Вашему сыну мы выплатили бы за его часть. Но, разумеется, по государственной цене. Национальные комитеты в таких делах ведут себя вполне логично. Вы переехали бы жить в мезонин, а молодым останется весь низ.

Милада вдруг резко поднялась и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Обе женщины внимательно смотрели ей вслед.

— Ее тошнит, что ли? — поинтересовалась Власта.

— Видимо... — Мать упорно смотрела на дверь, словно ожидая, что дочь вот-вот вернется.

— Рановато. Некоторых, правда, тошнит все девять месяцев. Я тоже, пока Станей ходила, намучилась! — Настроение у Пудиловой заметно улучшилось. Ведь эти двое согласились на все ее требования! Нет, поправила она себя: приняли все условия капитуляции.

— Да, вот еще что: до рождества надо сходить к адвокату, чтобы он переоформил вашу часть дома!

— Хорошо. Время у меня есть. Выберу день после Миладиного дежурства!

— Я хотела бы поехать вместе с вами!

— Пожалуйста. Ведь это недалеко, здесь, в городе.

Договоримся заранее с адвокатом Коларжем — он был знаком с моим покойным мужем...

— Дайте мне знать! — Пудилова поднялась, ей уже незачем было здесь оставаться. Битва выиграна!

— Я позову Миладу, — сказала седая женщина. — Попрощаться.

Пудилова неторопливо и тщательно застегнула пальто на все пуговицы.

— Не обязательно, мы наверняка скоро увидимся. Прощайте!

В коридоре на стенах висели оленьи рога и несколько гравюр на сюжет охоты. «Это старое барахло, — мелькнула у Пудиловой мысль, — надо будет выкинуть, не забыть поговорить обо всем со Станей».

Дана вывела своих ребят из раздевалки на улицу, попрощалась, велела осторожнее переходить улицу, к завтрашнему дню всем дошить перчатку, и вернулась в опустевший класс. Сейчас явится нянечка Поливкова и начнет уборку, надо уходить, не то до вечера не попадешь домой. Нянечка Поливкова про всех знает все — она ходячий отдел кадров городка Крушетице и всех близлежащих деревень.

Дана поставила большую сумку на столик и стала укладывать в нее непроверенные тетради. Сегодня к ней на урок заходил директор Ракосник. Урок математики прошел вполне прилично, но на перемене директор занимался разбором ее урока, и потому домашнее задание, которое она обычно проверяла на перемене, осталось непроверенным. Еще кожаный чехольчик с карандашами и ручкой и конверт с деньгами, которые ей утром принесла почтальонша. Тысяча двести пятьдесят крон за сданный шиповник. Если будет время, то дома она спокойно распределит деньги по классам, список Дана берет с собой. Она взглянула на часы: уже половина третьего. Автобус отходит в три. Следующий будет только в пять. Зачем торопиться? Иногда ей кажется, что слово «дом» действует на нее не сильнее спитого чая.

Вчера вечером вернулся из Праги Павел. Экзамен по патологии, как она и предполагала, он засыпал. Расплачивается не только за глупость, но и за леность, Дана

не сказала Павлу ни слова, молча подала ужин и убежала в ванную ополоснуть под душем маленького Павлика. «Это — конец», — мелькнула у нее мысль, пока она открытой ладонью пробовала, теплая ли вода. Павлик уже стоял голенький в ванне и нетерпеливо хлопал ручками. Конец никому не нужным занятиям. Что Павел станет делать теперь? Пусть сам решает. Он не лишен способностей, но только не к учебе: ненавидит книги, его чуть не рвет, когда открывает конспекты лекций. Однако после стольких тщетных попыток сдать очередной экзамен вновь и вновь возвращается к ним. Вот сейчас он сидит в кухне, перед тарелкой с сегединским гуляшом — любимое его блюдо, — и решает, как быть дальше. Орел или решка. Диплом где-то там, в туманном далеке, или будничная серая жизнь? Будничная? Но почему же? Может, для него в этом счастье?

Дана пустила на мальчика струю теплой воды, а когда начала намыливать, услышала, что Павел с кем-то говорит по телефону. Вероятно, со своими родителями. Через какое-то время он пришел в ванную и, глядя на голое тельце сына, заявил:

— Поеду попрошу академический отпуск...

Дана не ответила. Взяла в руки мягкий шланг и смыла со спинки мальчика мыльную пену.

— Слышишь?.. — повторил он.

— Да... — У ее четырехлетнего сына фигурка — копия отцовской. Он тоже будет невысоким, широкоплечим, зато характером пойдет в нее. Ей захотелось прикоснуться губами к блестящей от воды попке малыша.

— Что ты на это скажешь? — настаивал Павел.

Он прислонился к стенке, выложенной розовым кафелем, и сзади наблюдал за женой. Материнство не испортило ее фигуры, разве что бедра стали пошире. Ноги остались такими же стройными, как и раньше.

Дана потянулась к махровой простыне, Павел подал ее.

— Ну?.. — снова спросил он.

Дана укутала голову Павлика и принялась вытирать ему волосы.

— Делай что хочешь. Мое мнение тебе давно известно. Но жить так дальше я не могу!

— Как это понимать?

— Так понимать, что нам надо разъехаться.

Он оскорбленно усмехнулся и сказал:

— Меня тебе уже мало?

Дана дала ребенку чистую пижаму. Павлик умел одеваться сам. Простыню развесила над батареей.

— Ты, Павел, никогда не сможешь понять, что супружеская жизнь — это не только постель.

— Но, между прочим, в постели ты об этом почему-то не говоришь! — судорожно хохотнул он.

Дана взяла ребенка на руки и понесла в комнату, рядом с их спальней. Павел как побитый плелся вслед за ними.

— У тебя кто-нибудь есть? — спросил он вдруг. — Губерт или тот подонок Лекса, а может, еще кто, кого я не знаю?

— Тебе самому не противно? — Дана повернулась к мужу и в упор строго смотрела на него. От такого взгляда Павел обычно отводил глаза. Иногда ему казалось, что он женился на женщине, лет на двадцать старше его. Дана обращалась с ним как с ребенком, и это его задевало.

— Павел, — Дана почти умоляла, — уйди от нас. Переезжай в Прагу, у тебя есть где жить! Дай нам с Павликом пожить нормально.

— Что значит «нормально»?

Дана глубоко вздохнула.

— Без тебя, без этого бесконечного нервного стресса. Разойдемся. Я о Павлике позабочусь, а ты спокойно займешься учебой и своими «хобби».

Павел вцепился в спинку детской кровати.

— Я думал, что ты способна понять меня!

— Да! Я пыталась дать тебе все, что было в моих силах! Больше их у меня нет! Уезжай, Павел...

— Это что — расчет без выходного пособия? — спросил он с иронией.

Дана укрыла сына, поцеловала в щечку и вернулась в кухню мыть посуду. Больше они ни о чем не говорили. Павел выкупался. До половины десятого смотрел телевизор. Дана вымыла в кухне и в коридоре полы, легла в постель и взялась за книгу, пытаясь сосредоточиться. Павел вошел в спальню.

Вот такая пошла у них жизнь.

Сегодня у них, кажется, состоится очередное выяснение отношений.

А ей еще надо написать планы уроков на завтра, разделить ребячьи деньги за шиповник, сострять хотя бы один конспект по рекомендованной методической литературе, потом доглядить белье... За что хвататься раньше?!

Послышался энергичный стук в дверь. В класс заглянула Эва Мокра. На ней уже надето теплое пальто, на голове шапочка из того же меха, что и воротник.

— Идем? — улыбнулась она Дане. — Я-то думала, что ты давно ушла. Я занималась с отстающими — этого мальчишку Моудрого, наверно, так и не научу твердым гласным. До того тупой! — Она подождала, пока Дана оденется, и продолжала болтать: — Заявись ко мне кто-нибудь на урок и вызови этого Моудрого к доске — мне конец: этот вундер такое ляпнет, хоть стой, хоть падай! — Она помогла Дане натянуть пальто.

— У тебя хорошее настроение! — Дана отметила про себя ее необычную разговорчивость.

— Мою малышку Радку взяли в детский садик!

— Наконец-то!..

— Теперь мама сможет пойти работать. А мне не придется таскать ребенка на другой конец города.

— С сегодняшнего дня? — поинтересовалась Дана, запирая класс.

Эва кивнула и стала рассуждать вслух, что они с Радкой смогут теперь себе купить. Ведь больше не придется платить той бабе шесть сотен в месяц за ребенка!

— А он? — спросила Дана об отце Радки.

— Не пишет. Поеду в Прагу, может, в министерстве чего-нибудь добьюсь?

— Возьмешь отгул?

— У меня в среду уроков — всего ничего. Я их потом отработаю.

Эва с Даной осторожно спустились по главной лестнице, еще мокрой после мытья, и вышли на улицу.

Шел мелкий снег.

— Ирена, ты непременно должна его навестить!

— Не поеду. Не хочу его видеть!

— Говорят — его дела плохи!

— Для меня он — чужой человек. Мы разошлись!

Мать была непоколебима.

— Что люди скажут? Что бросила человека, когда ему плохо! Ты этого добиваешься?

— Мы разошлись еще до аварии. И тебе это известно, мама!

— Неужели ты считаешь, что из-за одной ссоры?..

— Это не ссора, мама!

— Тем не менее, Ирена, ты должна поехать!

С того момента когда Мирек пренебрег обязательными для всех водителей правилами преимущества, уже прошла неделя. Мать не прекращала одних и тех же разговоров. «Должна, обязана, что скажут люди?» К ним приезжали родители Мирека, печальные, преисполненные опасениями за жизнь сына. Ирена успела скрыться в задней комнате. Но и через закрытые двери она услышала достаточно, чтобы иметь представление о его состоянии. Состояние Мирека было, несомненно, тяжелое, переломы — сложные. Но все это не могло испугать измены. Ночь, проведенная в замке, была, безусловно, не первая. И вполне вероятно — не последняя.

Потому-то Ирена упорно отказывалась навестить Мирека. Пока с ней не поговорил отец. Он нашел Ирену в своей мастерской, где та готовила колышки для субботней пионерской игры. Ирена обещала Иване, что наметит маршрут, поставит на контрольные пункты старших ребят, а сама с группой хронометристов и несколькими родителями-энтузиастами будет стоять на финише. Заметив, как неловко дочь обтачивает острие колышка, отец отодвинул ее от верстака и взялся за рубанок. Теперь она уже во все глаза смотрела на его ловкие руки. Палки сразу превратились в колышки, словно выточенные на токарном станке.

— Поезжай к Миреку, — сказал вдруг отец, не прерывая работы.

В мастерской пахло свежераспиленными сосновыми досками. В детстве Ирена часто сидела здесь и ждала, пока отец выключит электрическую пилу и она сможет выбрать из опилок чурбачки и тонкие дощечки и соорудить из них кроватку, столик, шкаф — целое приданое для своей куклы.

Ирена хотела возразить, но отец назидательно поднял рашпиль, которым обрабатывал колышек.

— Человек и животному поможет подняться, если

оно упадет. Не бери грех на душу: могла помочь, но не помогла. Хотя, как ты заявила маме, он тебе и чужой человек.

Ирена скрепя сердце согласилась. В воскресенье полудни за ней заехали на машине родители Мирека. Одно место на заднем сиденье было свободно. Рядом лежали букет гвоздики в шуршащей бумаге, пирожные со взбитыми сливками и какие-то книжки.

Отец Мирека перед каждым перекрестком убирал газ и сбавлял скорость. Язык его жены работал без устали, словно циркулярная пила. Через минуту Ирена уже не пыталась уловить ход ее мыслей.

В больнице они встретились с Камиллом и еще тремя ребятами из ансамбля. Разувшись, в одних носках, они стояли возле двери двести одиннадцатой палаты и смущенно поздоровались, пожав по очереди руки вновь прибывшим.

В светлой комнате стояла одна койка.

На ней лежал Мирек.

Мучительная сцена поцелуев. Ребята один за другим пожали ему ту руку, что была без гипса, и деликатно выстроились рядком вдоль стены. Сесть было некуда. Мать придвинула к изножию постели единственный имеющийся в палате стул. И опять слова, опять слова...

Ирена стояла, прижавшись спиной к двери, и смотрела на больного.

Войдя, она лишь бросила ему издали: «Привет!»

Узнать Мирека было трудно, голова плотно забинтована, широкая повязка перекрывает глаз, левая рука и нога — в гипсе. Откуда же он ехал? Считается — рабочая травма. Но ведь он мог ехать на служебной машине и к той девице из замка.

— Ну, мы пошли! — стал прощаться Камилл, и ребята опять по очереди пожали товарищу здоровую руку. При родителях и при Ирене говорить с ним было решительно не о чем. Ребята простились с ними тоже. Когда они уже были в коридоре, мать Мирека вдруг вспомнила, что собиралась купить лимонада. Схватив полотняную сумку, она выскочила из палаты, отец — за ней.

Ирена и Мирек остались наедине. И почему она не догадалась сказать, что сама пойдет за водой! Спину холодили больничные двери. Ирена старалась не отводить глаз под его взглядом.

Она молчала, молчал и он, не зная, что сказать.

— Когда меня сюда привезли, — начал он задыхаясь, — я все время думал о тебе, придешь ли...

Мирек знал, что он лжет и если в его словах есть доля правды, то незначительная. Признаться честно, он боялся Ирены. Стыдился и боялся. Когда он очнулся от наркоза и понял, что будет жить, несмотря на адские боли, его вдруг охватило властное желание снова почувствовать рядом с собой тот огонь, ту страсть, однажды ночью названную им: «Надя!» Он жаждал обладать ею, доказать самому себе, что, несмотря ни на что, жизнь прекрасна. Об Ирене он вспомнил намного позже.

Мирек оглянулся на дверь.

— Что они говорят? — прошептал он. — Я не останусь калекой?

Мирек ждал ответа.

— Нет, конечно, нет... — сказала Ирена, хотя и без большой уверенности.

Мирек протянул руку, всю в синяках и ссадинах, темных от йода.

— Подойди ко мне, Ирена!

Жалость, предательская жалость, подтолкнула ее. Ирена сделала два шага к кровати и коснулась его руки. Он подождал, пока Ирена сделает еще один шаг, и дернул ее к себе.

Ирена чуть не вскрикнула. От Мирека сильно пахло лекарствами, сквозь повязку на голове просочилась кровь, губы обметаны. Приподнявшись на здоровой руке, Мирек осыпал ее поцелуями.

Йозеф Каплирж взял шефство над начинающей преподавательницей Геленкой Бобеликовой. Директор объявил об этом на десятиминутке, и все, включая Гелену, согласились. Каплирж ободряюще улыбнулся и сказал так, чтобы остальные слышали, что постарается исполнять эту функцию неформально.

— Ох, Геленка, доверили бы мне это дело!.. — выкрикнул Милош Лекса и, обернувшись к молодой учительнице, увидя, что и директор Ракосник тоже улыбается шутке, продолжил: — Я бы над тобой неплохо пошефствовал!

— Нахал! — рывкнула Лиemanова и налила в чашку воды, чтобы запить какое-то лекарство.

Директор Ракосник пригласил Геленку и Каплиржа на минутку к себе, уточнить некоторые детали. Решили, что Геленка зайдет как-нибудь вечерком к Каплиржу — познакомитесь по крайней мере с моей женой, — и он покажет ей и объяснит, как надо составлять годовой план, вести личные дела учеников, и даст массу других полезных советов.

— Можно, скажем, в четверг, в семь! — уточнил Каплирж время и место встречи, когда они покидали кабинет директора. — Мы живем на площади, в доме, где аптека. Позвоните снизу, и я спущусь вам открыть. И не вздумайте ужинать! — снова улыбнулся он, и часть его шутки была как бы адресована и директору тоже, стоящему в ожидании, когда они наконец выйдут и он сможет закрыть дверь.

Их встреча чуть было не расстроилась. В четверг после обеда посыпал мелкий снег, на не промерзшей еще земле белые пушинки мгновенно таяли. Когда стемнело, романтический снегопад превратился в противную слякотную погоду, которая загоняла людей в теплые квартиры. Гелена колебалась, идти с визитом или нет? Наверняка промокнет до костей! Но в конце концов надела пальто с остроконечным капюшоном, обула высокие сапоги и взяла в руки зонтик, который, впрочем, никак не мог уберечь ее от мокрого снега. Ветер рвал зонтик из стороны в сторону, едва не сбрасывая Гелену с тротуара. Даже сидя в удобном кресле в обществе Йозефа Каплиржа и его жены, она все еще ощущала, как бисеринки воды стекают с ее волос на лоб и за воротник.

Каплиржи встретили ее радушно. На нем была короткая домашняя куртка, которая вполне могла сойти за халат. Свежайшая рубашка, извлеченная из шкафа не более получаса назад, даже на расстоянии благоухала хорошим мылом, вокруг шеи игриво повязан платочек. Его жена надела на себя темно-синее платье, но была еще в белом фартуке: она, видимо, заканчивала приготовление ужина. Каплиржова была явно старше своего мужа и со своими седыми волосами походила скорее на его мать.

Поначалу они все втроем сидели вокруг круглого

столика в углу просторной комнаты. Каплиржи расспрашивали Гелену о ее личной жизни. Спрашивал, собственно, только Йозеф Каплирж, его жена сопровождала каждый ее ответ улыбкой и доброжелательным кивком. Хозяин поднялся, достал из застекленного серванта три хрустальных бокала и початую бутылку вина и осторожно разлил его по бокалам.

— Папа любит розовое! — заметила его супруга.

Каплирж поставил бутылку на середину стола и поднял бокал против света. Обе женщины последовали его примеру.

— Во Франции,— снова заметила жена Каплиржа, — вот где ты его попил вволю, правда?

Каплирж потянулся, чтобы чокнуться.

— Давно это было! Наверное, уже и неправда, — сказал он. — Ваше здоровье!

Вино было с приятной кислинкой.

— А как ты в Ницце забыл заплатить за устрицы!.. — Жена побуждала его память. Гелена ожидала, что Каплирж разговорится, но тот опять выпил и попросил жену подавать ужин. Когда Геленка с Каплиржем остались одни, он взял с низенького комодика папку, развязал тесемки и показал ей свои планы занятий, планы подготовки к занятиям, заранее отпечатанные во множестве экземпляров тесты, картотеку с характеристиками на всех учеников, у которых он преподает в этом году, раздвижную хронологическую таблицу для занятий по истории и другие учебные пособия. Молодой учительнице не нужно было изображать на лице восхищение. Она была искренне восхищена. Все на самом деле было выше всяких похвал.

Каплиржу было приятно, что Гелена не скрывает своих эмоций.

— Я, конечно, мог бы делать и больше, — как-то неопределенно заметил Каплирж, терпеливо ожидая, пока Гелена наиграется с передвижной хронологической осью таблицы, — впрочем, вы и сами знаете, у нас подобных вещей не ценят!

Гелена подняла на него глаза:

— Почему вы так думаете?

Таблица очень заинтересовала ее. Чрезвычайно простое пособие, каждый ученик может сделать ее сам. Это очень облегчает ориентацию в исторических датах, уче-

ники перестанут утверждать, будто Гай Юлий Цезарь и Ян Амос Коменский жили в эпоху Возрождения и воевали с Виндигретцем на крепостных валах.

— Вы у нас, Геленка, сравнительно недавно, всего несколько месяцев, но наверняка заметили — я не хочу навязывать вам своего мнения, — что нам прежде всего не хватает последовательности в работе. У нас, в нашей школе, это я имею в виду. Поставили галочку о проделанной работе, заполнили анкету — и мчимся дальше. Нам недостает концепции. Я полагал, что се поможет создать Гавелка, но и он — увы — всего-навсего лишь правоверный чиновник.

Геленка не понимала. Ей казалось, что Каплирж высказывается не слишком конкретно, что он и определил по выражению ее лица.

— Послушайте, Геленка, вы помните разговор о зале революционных традиций? Я преподаю историю в восьмом классе. Стараюсь тот материал, что мы проходим, обобщить и подать, связав с событиями, происходившими в нашем крае. Не стану вам повторять все эти прописные истины, но на создании зала традиций благодаря товарищу Влаху, как вы знаете, теперь, увы, поставлен крест, хотя я убежден, что при доброй воле и желании в школе нашлось бы свободное помещение, даже если бы мы стали вводить сменное обучение. Ну что ж, ладно! Но когда я пошел к директору с просьбой, чтоб он дал мне возможность дважды в неделю проводить с восьмыми классами уроки истории в музее, как было договорено, директор Ракосник только пожал плечами, ссылаясь на то, что у него нет средств на покупку электропечи. — Брови у Каплиржа полезли вверх. — Если б хоть Гавелка был познергичней! Чем он, собственно, занят? Перепиской приказов, объявлений, перебранкой с уборщицами — вот и все... И таких примеров... — Каплирж горько усмехнулся и поскреб лоб с большими залысинами. — Сколько раз, скажем, он присутствовал на ваших уроках?

— Еще ни разу!.. — призналась Гелена.

— Я, естественно, против него ничего не имею. Мы давно знакомы, и мне трудно говорить о некоторых его ошибках, чтобы он, боже упаси, не подумал, будто я намерен занять его место. Все это — чрезвычайно деликатные вопросы. Я заговорил о них лишь в связи с необхо-

димой перестройкой работы нашей школы, чтобы и мы могли идти в ногу со временем — я подчеркиваю, хотя и весьма неохотно: но, увы, на самом деле этого нет. Мы учим детей, как учили сто лет назад. — Йозеф Каплирж сделал многозначительную паузу и допил свое вино.

В комнату вошла его жена и с приятной улыбкой на блеклых, бесцветных губах пригласила их к столу.

Она накрыла на три персоны большой стол в столовой.

— У вас прекрасная квартира! — похвалила Гелена просторные комнаты, через которые они шли. Для двоих, подумала она, излишняя роскошь! Мебель напоминала ей старые чешские фильмы, в которых играл еще Теодор Пиштик, где добродушные фабриканты курили неизменные сигары.

На закуску была подана рыба под маринадом, с салатом из сельдерея. Жаркое напоминало китайскую кухню. Очень, очень вкусно! Пани Каплиржова, бесспорно, отличная кулинарка. Гелена, оценив ужин, спросила хозяйку, где она работает.

— Тонка уже на пенсии! — пояснил Каплирж. Гелена охотно дала бы себе две оплеухи за такой бестактный вопрос. Если быть чуть повнимательней, то нетрудно вычислить, что хозяйке уже давно за шестьдесят.

— Она работала в нашем же доме, внизу, в аптеке, — продолжал Каплирж. — Ее отец был магистром фармакологии, аптека принадлежала ему, как и весь этот дом. Тонке, естественно, тоже пришлось изучать фармакологию — она, единственная из троих детей, пошла по стопам своего отца. Ну а теперь сидит дома, не так ли? — Он попытался изобразить на лице некое подобие улыбки, и женщина взглянула на него с благодарностью.

Вскоре она убежала в кухню и возвратилась с яблочным струделем. Гелене пришлось положить себе и пирога, хотя она сопротивлялась.

— Я вам сейчас кое-что покажу! — спохватился Каплирж.

— Да-да! — Его жена уже знала, о чем речь, и заговорщически посмотрела на Гелену.

Каплирж вернулся в комнату, держа в руках коробку, обтянутую темно-красным полотном.

— Это гордость Пепы, — заворковала женщина, и было видно, что она радуется моменту, когда он откроет крышку коробки.

Каплирж откинул крышку, и Гелена наклонилась, чтобы лучше видеть. Коробка была почти полна маленькими картонками, поставленными в отсеках по алфавиту. Гелена поняла, что это визитные карточки. Каплирж прикрыл их ладонью, словно желая приласкать.

— Вот собираю уже двадцать лет! — медленно произнес он. — И сам теперь не помню, с чего это началось... Знаете, сколько их у меня на сегодняшний день?

Молодая учительница уставилась на него любопытными карими глазами.

— Пять тысяч?.. — попыталась она угадать.

Хозяева с улыбкой обменялись взглядами.

— Пятнадцать тысяч двести двадцать восемь! — ответил Каплирж, наблюдая, какое впечатление произвели на Гелену его слова.

Гелена ужаснулась.

— Сколько?..

Хозяин коллекции склонился к визитным карточкам и стал доставать лучшие экземпляры. Он выкладывал их на стол, одну за другой. Перед Геленой дефилировали министры, футболисты из «Реал-Мадрид», певцы и актеры, политики, чьи имена ей ничего не говорили, японский посол и какой-то бразильский торговый советник, она насчитала у него семь имен. Визитные карточки были напечатаны по-латыни и кириллицей, но были и такие, на которые словно прилипли рассыпанные впопыхах чайники, а на двух пестрели загадочные китайские иероглифы.

— А это!.. — Каплирж, со всевозможными предосторожностями отодвинув чашку с недопитым кофе, положил на стол большую визитную карточку. — Это мой «Голубой Маврикий»!

Перед Геленой лежала визитная карточка Уинстона Черчилля.

— Любопытно, — сказала Гелена скорее про себя, не решаясь взять в руки столь ценную вещь. В конце концов она отважилась. — Это действительно оригинал? — спросила она.

Каплирж заверил, что о фальсификации не может

быть и речи. Карточку Гелена вернула, и Каплирж аккуратно вложил ее под букву «Ч».

У него хватило деликатности не демонстрировать гостю все свои 15 228 визитных карточек. Закрыв коробку, Каплирж провозгласил:

— У этой коллекции имеется и практическое назначение. Никогда не известно, понадобится ли вам влиятельное лицо! И когда вы скажете таковому, что у вас имеется визитная карточка с его адресом и телефоном, то вы для него уже не аноним! Его визитная карточка проложит вам путь к нему, хотя подчас и длинный. Могу вас, Геленка, заверить, что мне, — тут Каплирж многозначительно повысил голос, — мне моя коллекция помогала, и не однажды!

— Например, когда ты был в Египте!.. — подыграла ему жена. Египет, видимо, был подходящий и наглядный пример. Каплирж на сей раз использовал его, и было очевидно, что жену его внимание радует: Каплирж начал излагать издали, в какой неприятной ситуации он очутился в каирском аэропорту, когда обнаружил, что у него исчезли все документы.

— Хорошо, что у тебя в кармане оказалась визитка того студента! — подсказала ему снова Каплиржова.

Он продолжал, но она через минуту опять перебила его:

— Расскажи, что вытворял тот полицейский!

Гелена повернулась к ней.

— Вы там были вместе? — Ей показалось странным, сколь подробно известны пани Каплиржовой все перипетии заграничных путешествий ее мужа.

— Нет... — ответила женщина. — Пепа всюду ездит один, я бы такой дороги не перенесла. — Ну, рассказывай!.. — И она опять подтолкнула мужа.

Каплирж продолжал живописать свои египетские приключения. Гелена уже не вслушивалась. Она думала о странных отношениях этой пары. Они жили одни, без детей, без родителей, совершенно одни в огромной квартире. У Гелены было такое ощущение, что им на двоих вполне хватало жизни одного из них, и пани Каплиржова подтверждала это каждым своим взглядом.

— Как только пробило девять, Гелена позволила проводить себя до дверей. Она уносила планы работы всех классов, собранные в папке с черными завязками.

Губерт Влах провертывал в подвале через мясорубку мясо, когда к нему примчалась Романка, передать, чтобы он поднялся наверх. К ним приехали гости. Губерт выключил мотор и кисло поинтересовался, кого это опять принесло.

— Тетя Милена с каким-то паном! — сообщила дочь.

— С дядей Карелом? — Милена, его племянница, и зять Карел обычно приезжали в сопровождении жены Карела и ее одышки. В таких случаях Влахи запирали кладовку и убирали расшатанные стулья.

— Нет! — ответила Романка и отломил кусочек ореховой шоколадки. — Это какой-то другой дядя! — Девочка всунула шоколад отцу в рот.

— Скажи, что я уже иду! — отправил Губерт дочку наверх. Он опять включил мотор и пропустил через мясорубку оставшееся на дне канистры мясо. Потом ополоснул вымазанные в крови руки, захлопнул холодильник, куда поставил красную кашу из легких и печенки, повесил на вешалку халат и, согнувшись, чтоб не стукнуться о притолоку, отправился по крутой лестнице приветствовать гостей.

В комнате сидели Дагмар с Миленой и какой-то мужчина. Губерт решил, что ему уже за пятьдесят. На диване, в простенке между окон, развалился Яромир — их невоспитанный, заросший волосами отпрыск.

— Приветик, дядя! — вскочила Милена, едва Губерт появился в дверях, и поспешила с поцелуями. Встал и незнакомец. Милена, указав на него, объявила:

— Это — Арношт...

Мужчины представились друг другу. Одетый в спортивный свитер, закрывающий шею, и отлично сшитые брюки, Арношт произвел на Губерта хорошее впечатление. В коротко подстриженных волосах поблескивает серебро, лицо выразительное, словно составленное из сегментов, с улыбчивым красивым ртом. Он мог быть альпинистом, так же как и хирургом или юристом и даже физиком-атомщиком. Губерту он почему-то показался похожим на Роберта Оппенгеймера в молодые годы. Фамилии его он, к сожалению, не расслышал. Губерт предложил гостям сесть.

— Мы, дядя, едем в горы, — объяснила Милена, — я уговорила Арношта завернуть к вам — и вот мы здесь.

— Очень хорошо сделали, — сказала Дагмар.

— Дядя, — Милена умоляюще сложила руки, — ты ведь покажешь Арношту своих норок!

Губерт взял предложенную сигарету.

— Если они его интересуют...

«Оппенгеймер» пачкой двадцатикронных сигарет сделал многозначительный жест и предложил закурить остальным. Дагмар покачала головой, Милена закурила. По тому, как она держала сигарету, сразу было видно, что она заядлая курильщица. Милена с наслаждением затянулась.

Арношт в сером свитере положил пачку «Кента» на стол.

— А мне? — завопил с дивана Яромир и протянул руку.

Все засмеялись.

— А тебе — пара подзатыльников, сынок! — угрожающе заявил отец.

Милена оглянулась на брата.

— До чего же возмужал! — Она смотрела на его длинные руки и ноги, которые с дивана тянулись почти до самой двери.

— И столь же основательно поглупел! — добавил Губерт, дружески подмигнув Яромиру. Тот, с трудом изменив позу, перевернулся на живот и подпер обеими руками подбородок. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, он начал теревить и тискать зреющий возле ноздри прыщ.

Губерт Влах встал и, пока Милена отвечала его жене на вопрос: «Как ваши?» — отправился в соседнюю комнату и вскоре вернулся с несколькими выделанными норковыми шкурками. Шкурки болтались на кольце из медной проволоки. Он поднял их. Все, не отрываясь, глядели на это великолепие. Шкурок было шесть, две голубые — «сапфир», остальные темно-коричневые — «стандарт».

— Роскошно! — похвалил гость и прошелся рукой по темной полосе на спинке одной из шкурок. — За сколько вы их продадите?

— Эти... — Губерт мотнул головой в направлении скромных результатов своего самоотречения — ...эти я оставляю себе. Каждый, кто разводит норок, оставляет себе лучшие экземпляры. Я отдавал их выделывать, Даг-

мар делает себе шапочку и воротник, Романке накоплю голубых — на шубку.

— А мне что? — опять вмешался сын.

— А тебе приготовлен ремень. Но, конечно, не норковый...

— Сколько ты их в этом году забил? — поинтересовалась Милена и свободную руку, ту, что не была занята сигаретой, положила «Оппенгеймеру» на плечо, словно желая этим жестом подчеркнуть их близость. Ей было двадцать шесть, она успела окончить училище гостиничных работников, выйти замуж за джазового музыканта, родить ребенка, который, к счастью, остался у ее родителей, развестись и поменять несколько загадочных родов занятий и скоропалительных связей. «Оппенгеймер», видимо, одна из последних. Разница в тридцать лет, естественно, в счет не идет.

Сегодня пятница, два дня Милена может не появляться в отеле, где она сейчас работает, вот они и отправились в горы.

Губерт накинул кольцо со шкурками на спинку свободного кресла.

— Тридцать три норки... — ответил он с некоторой гордостью, потому что вспомнил свою первую триумфальную поездку прошлой зимой, когда в первый раз повез сдавать шкурки. Их было шестнадцать, Дагмар ехала с ним. Всю дорогу до самого Брно они строили планы, что купят на первые деньги. Уж шесть-семь тысяч они выручат! Нет, они не станут сразу тратить деньги. Купят какую-нибудь мелочь детям. Ведь тебе, Дагмар, необходимо новое пальто! (В старом ты у меня больше ходить не будешь!) После долгих поисков они нашли скупку. Губерт взял сверток и отправился в лавочку. Один. Жена терпеливо ждала в машине. За прилавком суетился маленький человечек с серыми недоверчивыми глазами.

— Ну что? — рявкнул он на Губерта.

— Пятница! — невозмутимо ответил Губерт и положил сверток на прилавок. Человечек накинулся на сверток, суетливо развернул бумагу и стал хватать одну шкурку за другой. Он встряхивал их, чтобы распушить примятый мех, и отбрасывал в сторону, выкрикивая: *iv*

— Ноль, восемь! Двенадцать! Двенадцать! Опять двенадцать! У вас они все съезжились, как дохлые! Ноль,

восемь! Это же мыши, а не норки... — Брезгливо отшвырнув последнюю, человечек схватил карандаш, быстро перемножил четыре цифры и на бумаге, в которой были завернуты шкурки, написал сумму. Девятьсот восемьдесят четыре кроны!!!

Губерт Влах с минуту остолбенело смотрел на эти три цифры, потом, раскинув руки, сгреб шкурки в охапку и, не сказав ни слова, ринулся вон из лавки. Бумагу он оставил на память коротышке.

— А в чем дело? — завопил ему вслед человечек. — Ведь все они четвертого сорта!

Девятьсот восемьдесят четыре кроны! Год труда и лишения. У Губерта больше ушло на бензин.

Всю обратную дорогу домой Дагмар плакала. Но Губерт не сдался. Он взял шкурки и поехал к тому человеку, который давал ему первые уроки и ценные советы.

— Абсолютно все ни к черту не гоже! — сказал ему коллега по разведению норок, взяв шкурки в руки. И стал терпеливо показывать и объяснять, как надо натягивать, сушить и обихаживать шкурки, чтобы они были упругими, с совершенным по красоте подшерстком и волосом. Он дал совет, как можно еще спасти тот кошмар, что привез ему Губерт. Они достали буковые опилки, шкурки распарили и три дня держали их в теплых опилках, чтобы они стали мягкими, Губерт смастерил колодки, точно соответствующие государственному стандарту, на которые потом натянул шкурки. Он опять высушил их, потом опять распаривал, на сей раз в газетной бумаге, и парил до тех пор, пока они не стали блестящими и пушистыми, так и маня погладить. В трутновской «Карже» Губерту выплатили пять тысяч двадцать две кроны. Домой он вернулся победителем.

Как обстоят дела сейчас? Наверное, не стоит называть ту пятизначную сумму, что он выручил. Когда Губерт вычел годовые расходы на мясо, пластик, бензин, который извел в поездках за мясом, стоимость нескольких новых поилок, рыбьего жира и растительного масла (их необходимо подмешивать норкам в пищу), то получилось, что он заработал за год чистыми без малого тринадцать тысяч. К чему об этом говорить? Эти двое, Милена и Арношт, наверняка имеют больше.

— Очень хотелось бы на них взглянуть! — попросил его «Оппенгеймер».

— Это можно, — ответил Губерт и повел его в сад. Дагмар с Миленой отказались. Они смотрели вслед уходящим мужчинам, и вдруг Дагмар воскликнула:

— Губерт!..

Губерт обернулся.

— Что у тебя на ногах?

Губерт поглядел на свои ноги.

— Ничего такого... шлепанцы! — объявил он громко о результатах своего обследования.

— А еще?

— Носки!.. — Губерт скинул тапочки. — И даже не дырявые! — сказал он торжественно.

Дагмар улыбнулась, словно желая пожурить малое дитя.

— Не дырявые, это точно, а только разные, один коричневый, другой зеленый!

Все уставились Губерту на ноги.

— О боже!.. — воскликнул он и поскорее всунул ноги в башмаки.

— Что и говорить — последний крик! Вопль моды! — комментировал сын с дивана.

— И вечно-то вы цепляетесь! — парировал Губерт и зыскачил в переднюю, сопровождаемый гостем.

«Оппенгеймера» интересовала каждая мелочь, и Губерту даже показалось, что тот тоже хочет заняться разведением норок. Но разъяснял он охотно и не утаивал теневых сторон своего капризного хобби. Новый приятель его племянницы спустился с ним в подвал, осмотрел холодильник и окровавленную мясорубку, которую Губерт не успел вымыть.

Через полчаса или около того они вернулись и присоединились к остальным.

— Ну как?.. — крикнула Милена Арношту, стряхивая в пепельницу пепел с сигареты. — Понравилось?

— Очень, — признался «отец атомной бомбы» и взял в руки кольцо с норковыми шкурками. — Это необычно и оригинально!

— А мы тут пока договорились, — сказала Дагмар Губерту, — что съездим с Миленой на будущей неделе в Прагу. Хочу купить для вас подарки. У меня еще ничего нету. А ты, Губерт, купи себе приличную зимнюю шапку!

— Поезжай!.. — не возражал Губерт.

— Поехали вместе! — подчеркнуто предложила Дагмар, а Милена добавила:

— Приедете вечером, переночуем у Арношта и куда-нибудь завалимся...

— Пвиобветем пузывек и свавганим себе мивовой ужин! — ухмыльнулся Яромир.

— Помалкивай! — Отец не выносил его диких выходов, приписываемых переходному возрасту, особенно если при этом присутствовал кто-нибудь из посторонних. Одной лишь фразой мальчишка мог доказать, что отец-педагог не сумел воспитать собственного сына. Хотя бы не делал такого идиотского лица! И голос скрипит, как сломанный орган. А главное — так похож на Губерта студенческих лет! Поразительное, до отвращения, сходство! Впрочем, таким обалдуем, убеждал себя Губерт, я, пожалуй, все-таки не был.

Губерт сделал попытку объяснить жене проблему, сущность которой ей была отлично известна:

— Ты же знаешь, отлучиться на два дня я никак не могу.

Дагмар горько усмехнулась. И, пытаясь скрыть огорчение категорическим отказом Губерта, сразу же перечеркнувшим ее желание сделать в Праге покупки к рождеству и совершить небольшой, так сказать, зигзаг, отход от ее будничной серой жизни, Дагмар предложила всем еще кофе. Они снова уселись вокруг столика, тонкие ножки которого начинали разъезжаться в стороны, стоило кому-нибудь хоть слегка опереться на крышку.

— Норки прекрасны... — Арношт умел с изяществом светского человека пресечь любое супружеское недоразумение.

— Мне приятно, что они тебе понравились! — сказала Милена.

— ...прекрасны, — продолжал «Роберт Оппенгеймер», он же Арношт, помешивая свой кофе, — но вместе с тем в них заложена грусть.

— Ты имеешь в виду... — изобразила она ладонью в воздухе падающий нож гильотины, — но ведь это нормально?

— Нет, я о другом... о том, что у нас человеку с высшим образованием приходится подрабатывать таким вот манером!

Губерт снисходительно улыбнулся.

— Знаю, знаю, — «Оппенгеймер» отхлебнул кофе и облизал губы, — Милена говорила, что в этом заключено ваше отрицание и неприятие системы...

— Я вас не понимаю... — перебил его Губерт, — отрицание и неприятие какой системы?

— Политической, естественно! После того что с вами сделали, вы — я в этом глубоко убежден — избрали единственно правильную методу: пассивное сопротивление и полная изоляция. Это безопасно и вместе с тем позволяет... Я удивляюсь только одному! — «Роберт О.» сделал паузу, и никто не осмелился заговорить. — Тому, что вас еще не исключили из партии!

— Мое пребывание в партии и перевод в Крушетнице, если вы имеете в виду именно этот факт, никак между собой не связаны. Я ничего такого не сделал!

— Сделали! — поправил его Арношт. — И вы это отлично знаете. Вы пошли против сынка функционера, — уточнил он иронически. — А такие вещи делать не положено!

— Прошу вас, оставьте это!.. — попыталась остановить их Милена.

Мужчины уже не обращали ни на кого внимания.

— Я пошел против директора, который оказался усом, а не против системы!

— Но ваше поведение свидетельствует о другом!

— Это вам только кажется!

— Вы полагаете, что я столь наивен? — снисходительно спросил Губерта новый Миленин приятель.

— Нет! Решительно нет! Хотя мы знакомы едва ли более часа, — Губерт медленно наливался краской, и голос его дрожал, как обычно, когда он был взбешен, — заметьте...

— Губерт!.. — попросила его тоном запрета Дагмар. Хорошо, он сдается!

Губерт махнул рукой и усмехнулся.

— Ладно! Оставим это. И тем не менее вы абсолютно неправы! — упрямо повторил он.

Обстановка была натянутой, они перешли на другую тему, это продолжалось минут десять. Наконец гость поднялся, позвал Милену, и они стали прощаться. Надо еще засветло добраться до Врхлаби. Дагмар, Губерт и дети проводили гостей на улицу.

— Пш-шш! Телега у него что надо!.. — заметил Яромир вслед отъезжающей спортивной машине.

— А он сам — дурак что надо!.. — облегчил свою душу Губерт Влах, хотя рядом стояли и дети.

— Ну-ну! — оборвала его Дагмар.

Губерт равнодушно махнул рукой.

— Скажи, пожалуйста, тебе Милена сказала, кто он, этот ее мужик?

— Замдиректора какой-то фирмы...

— Гм... — пробурчал Губерт. — Что-то уж больно умен... А Милена, конечно же, все про нас ему выложила?!

— Что-то ведь рассказать надо?

Губерт возвращался последним, он запер калитку на ключ.

— Да, Милена шлюха порядочная! Думаю, такая никому не откажет...

— Да?.. — Яромир удивленно застыл в дверях.

Отец, выкатив глаза, строго крикнул:

— Занимайся своими уроками! А в такие дела не лезь!

Яромир хотел что-то возразить, но, увидав, что отец вот-вот накинется на него с кулаками, поспешил скрыться в своей комнате.

Губерт переделал носки. На сей раз он был уверен, что оба они зеленые, потому что носки ему дала Дагмар.

Глава девятая

На второй день зимних каникул умер Златко. Множества его короткой жизни, содержащей так мало элементов радости и надежды, оказались менее нуля и более бесконечности. Гнойный злокачественный абсцесс, возникший после неудачной прививки, когда игла, по видимому, повредила надкостницу, оказался роковым и неумолимым. Смерть не остановилась ни перед возрастом Златко, ни перед его возможной гениальностью.

Похороны были жестоко горестными, как всегда, когда умирает ребенок. В последний путь Златко провожало мало детей, большинство на каникулы разъехались в горы, к бабушкам или с родителями на дачи и в дома отдыха, и даже учительский коллектив не был в полном составе. Отсутствовали Прскавец: он вел курсы лыжников в Бенецке, Гавелка — этот уехал к больной матери в Братиславу и Геленка Боубеликова, которой директор не сумел вовремя послать телеграмму, потому что не знал, где она проводит отпуск. Либуше Лиemanова не смогла из-за своей постоянной мигрени. Она извинилась. Остальные явились. Во-первых, они глубоко сострадали своему коллеге, учителю Бенде, — это с одной стороны, во-вторых, чтобы не ходить на различные курсы: кто первой помощи, кто на курсы наглядных пособий, руководства школьной кухней, радиофонии, перфорационной техники и археологического минимума, курсы сравнительного языкознания, немецкого разговорного языка, поделок из корневищ и веток и производства пластин из искусственного волокна. Все эти курсы были щедро рекомендованы школьным профкомом для того, видимо, чтобы не оставить учителей без надлежащей занятости, не пустить во время отдыха своих подопечных на самотек. Их личные подписи в журнале посещаемости являлись главным документом, свидетельствующим об их сознательном отношении к делу воспитания молодого

поколения. Похороны Златко были уважительной причиной неявки на те или иные курсы.

— Я так и не успела зайти к нему, — вздохнула Адамцева, когда педагоги нестройными рядами шествовали за катафалком, медленно везущим Златко в последний путь мимо школы. — Но у меня совсем не было времени!

— Ты обязана была это сделать, — сказала Анечка Бржизова, — ведь он был твоим учеником!

Адамцева оскорбленно умолкла. Никто не хочет понять, сколько у нее в последнее время хлопот. Дважды в неделю автошкола — пожалуй, она сумеет уже ездить без рывков; кроме того, надо было испечь печенье — ее муж большой сластена: песочное, ореховое, сердечки — десять разных сортов, ведь это тоже не пустяк! А ежедневная подготовка к занятиям? Всем ученикам сделать в тетради прописи, подготовить краски, листки для рисования и ластик, хорошо хоть она смогла переписать у Андуды план урока эстетического воспитания, не пришлось самой ломать голову! Андудла идет на один урок впереди, гораздо удобнее забежать к ней и посмотреть, что у нее рисуют ребята. Нет, Адамцева не могла зайти к Златко — никак не получалось.

Раухова открыла сумочку и, осторожно вытащив сложенный лист бумаги, протянула его Бржизовой.

— Что это? — спросила Бржизова. Они медленно двигались вокруг школы по проезжей части — автомобили, которые догоняли процессию, либо приспособившись к ее темпу, либо, с шумом развернувшись, выезжали на магистральную через боковые улицы. Бржизова далеко вытянула руку со страничкой, потому что была дальнзорка и забыла дома очки.

— Эти расчеты делал Златко, когда вернулся из больницы.

Бржизова покачала головой.

— Не могу поверить, чтобы в шесть лет такое!.. А как это попало к тебе, Иванка? — спросила она, возвращая лист бумаги пионервожатой.

— Я к нему заходила...

— Зачем?..

— Так... — сказала Раухова неопределенно и повторила про себя все, о чем тогда говорил с ней маленький Златко.

повник. В первый раз она вынула из конверта двести, чтоб заплатить за квартиру. И вот опять! Счастье еще, что никто не настаивает, чтобы Дана раздала эти деньги детям сейчас. В первую же получку она долг вернет и от денег избавится. Почему Павел с ней не посоветовался? Вместе придумали бы что-нибудь поразумнее, и рождество могло быть иным.

Они с Павлом и малышом зашли поздравить свекровь и свекра. Те уже купили Павлику автомобильчик — электрический, который сам менял направление, светил и гудел. Цена — 120 крон. Дана, вся сжавшись, заставила себя запечатлеть поцелуй на подставленной щеке свекрови. Хорошо хоть у отца Павла хватило ума не лезть с проявлениями чувств. Естественно, ни Дана, ни Павел никаких подарков не получили. Видимо, парадный обед — пол-утки, ее Дана в общем-то не ела, пирог с творогом и сбитыми сливками — коронное блюдо свекрови — являлся компенсацией. А что касается пирога, то ты бы, Дана, научилась его печь, я дам тебе рецепт, ведь вы едите его с таким аппетитом! Дана помогла свекрови вымыть посуду, теперь можно уходить. Родичам надо еще упаковаться, они едут отдыхать куда-то на Шумаву. Что ж, оденем Павлика, в руку — автомобильчик за 120 крон! А она, дура, так ждала, что ребенку купят шубку! Счастливо отдохнуть! Спасибо! Спасибо! Ты, Павел, не переживай, увидишь, на праздники получишь ответ из института! В следующий раз непременно повезет!

И Павел счастлив, что родители им довольны, ни в чем не упрекают, обрадовались подаркам и великодушно не заметили пробелов в его зачетке...

Машина с гробиком остановилась перед парадным входом в школу. Минута скорбного молчания — и музыканты заиграли тоскливую мелодию. Друзья и знакомые остались стоять на месте, а машина, медленно тронувшись и прибавляя скорость, мчалась теперь все быстрее, увозя белый гробик, пока не скрылась за поворотом. Путь Златко заканчивался в крематории. Но это уже было дело семейное.

— Как ты могла себе такое позволить?

— Не вмешивайтесь!

— Ну нет, товарищ Мокра, мы обязаны вмешаться! Твое поведение бросает тень на всю школу! — Директор Раκοςник забыл закрыть дверь в кабинет своего заместителя, и двери учительской тоже оказались открытыми, и потому все могли слышать, как администрация выясняет отношения с Эвой Мокрой: — Нам звонила заведующая детсадом и жаловалась, что ты ее оскорбила! И ты не отпирайся!

— Я и не думаю отпираться! Это она оскорбила меня! — крикнула Эва.

И снова послышался голос директора:

— Ты должна перед ней извиниться...

— Нет!..

— В таком случае нам придется говорить в другом месте! — заявил Раκοςник уже спокойней и тише, словно вспомнив, что у него имеются другие средства воздействия на члена своего коллектива.

— Пожалуйста! Я все скажу ей еще раз прямо в лицо где угодно и при ком угодно!

Несколько секунд стояла напряженная тишина, после чего послышались быстрые шаги. Эва прошла через кабинет директора и громко хлопнула дверью. Из сумочки, что лежала на стуле возле ее стола, она достала носовой платочек и долго молча сморкалась. Лицо ее постепенно принимало нормальный цвет.

— Что стряслось? — спросил ее Милош Лекса.

Эва сделала вид, что собирает тетради и учебники к следующему уроку.

Анечка Бржизова, подсев к Эве, взяла ее за руку и сказала спокойно:

— Что случилось, Эва?

Молодая учительница вместо ответа дернула плечом, но потом, метнув взгляд на закрытую дверь, выкрикнула:

— Он еще за нее заступается, за эту чертову бабу!

— Ну-ну... — успокаивала ее Бржизова.

Теперь все с интересом выжидали, пока Эва придет в себя, чтобы узнать причину разыгравшейся сцены.

Наконец Эва начала свой рассказ.

Вчера маленькая Радка наотрез отказалась идти в детский садик. Заупрямилась, и все тут. Ей, мол, там не нравится. Эва с бабушкой попытались ее уговорить, однако ничего не помогло.

«Но почему?..»

«Дети надо мной смеются».

Эва испытующе смотрела на свою мать. Неужели все-таки...

«Что же они говорят?»

«Что я — черномазая!»

«Нет, это неправда!»

«Я знаю... Но все надо мной смеются. И Петя тоже».

Петю Радка очень любит.

Четырехлетний человечек тоже может быть жестоким. Это Эве известно.

Бабушке пришлось отпроситься с работы, потому что никакими силами отвести Радку в садик не удалось.

Эва отправилась к заведующей. До этого они встречались на собраниях, на лампионовом шествии, на первомайской демонстрации и когда Радку принимали в детсад.

Еще тогда заведующая не вызвала у Эвы особой симпатии, в своем синем в горошек, вытертом на локтях халате, с неухоженными волосами, косноязычная.

Когда Эва разглядела ее, то заметила, что у заведующей выпирает подбородок, верхняя губа двигается вверх и вниз, обнажая при улыбке десны, и что похожа она скорее на Красную Шапочку, дожившую до заслуженной пенсии, нежели на узаконенную государством имитацию материнской заботы.

«Товарищ заведующая, объясните, пожалуйста, детям, что нехорошо смеяться над Радкой!» — попросила Эва.

Заведующая предложила ей стул, но Эва осталась стоять. Она понимала, что сесть — значит подчиниться.

«Я ничего такого не слышала...»

Эва объяснила, что дети дразнят ее дочь черномазой.

Заведующая детсадом потирала ладони.

«Не удивляйтесь, пани Мокр... мамаша, — поправилась она тут же. — Дети ведь очень наблюдательны! А ваша Радка такая приметная, я тоже подумала, вы на меня не обижайтесь, что у нее отец... темнокожий!» — Заведующая засмеялась, словно желая скрыть смущение и скрасить неприятный эффект своих слов.

«Да! Он темнокожий, — резко ответила Эва. — Ну и что из того?..»

«У нас это не слишком привычное явление, и следует смириться с тем, что какое-то время Радунка будет вызывать у детей нездоровый интерес. Этому трудно помешать. Объясните девочке, что пройдет день-другой — дети перестанут обращать на нее внимание и уgomонятся...»

«Нет, пани заведующая! Я хочу, чтобы это прекратилось немедленно! Мне было очень трудно определить ее в детский сад, впрочем, вам это известно. Теперь она не хочет в сад ходить, потому что боится детей!»

«Ну, тут мне не удастся вам помочь. У воспитательниц и без того забот хватает. Группы переполнены, к тому же проблема с уборными — ремонтная мастерская вот уже целый год обещает починить, но рабочие все не являются! Не воображайте, что для воспитательницы большая радость иметь в своей группе такого ребенка, как ваша Радка. Попробуй добейся дисциплины!»

«Я тоже работаю с детьми, — Эва повысила голос, — и, как вам, по-видимому, известно, у меня в классе тридцать пять человек, и тоже все разные. Мы получаем зарплату за то, что занимаемся с ними! Не так ли?»

«Вы меня, барышня, не так поняли!» — вздернула заведующая свой острый подбородок.

«Я хочу лишь одного, — перебила ее Эва, — чтобы у моей дочери были в садике нормальные условия. Вам ведь тоже не хотелось бы, чтоб над вашим ребенком кто-нибудь смеялся!»

«Ну, это уже мое дело! — закричала заведующая. — В таком случае я вам кое-что скажу: если вам у нас не нравится, можете держать свою Радунку дома. Эдак вы скоро потребуете, чтобы для вашей деточки создали специальную группу! — И вдруг взвизгнула: — Мы пока еще не в Африке!»

Эва почувствовала, как от гнева у нее кровь бросилась в голову, руки мелко задрожали. Она сузила глаза и отчеканила: «Вы — хамка!»

«Что-о-о? — заверещала заведующая и вскочила, уперев руки в бока, как торговка на рынке. — Что это вы себе позволяете?»

«Больше мне с вами не о чем разговаривать!» — крикнула Эва и, резко повернувшись, кинулась прочь из комнаты, избегая детей, которые, переобувшись в тапочки, уже тянулись в комнату для игр. «Боже мой, что

это?» — стучала в голове мысль. Эве хотелось рыдать, ругаться, ее тошнило.

Она не успела еще добежать до школы, а директор Ян Ракосник уже знал о ее оскорбительном выпаде. Телефон сработал быстрее, чем Эвины ноги.

— Из них вырастут расисты, если их будут так воспитывать! — твердила Эва.

— Эва, успокойся! — Анечка Бржизова вытерла ей уголком платочка размазанную по векам тушь.

— Еще немного — и они скажут, что им не нравятся цыгане, негры, японцы, все!.. — Эва глубоко дышала.

— Не скажут! — ответила ей Бржизова серьезно. — Тебе все видится в чересчур черном свете! Не будут же дети всю жизнь ходить в детский сад и общаться именно с заведующей Крбцевой! Говоря между нами, она просто примитив! Такие вопросы не для ее ума!

— Но что же мне делать?

— Я пошла бы в роно! — посоветовала Лнеманова.

— Чепуха! — сказала Божена Кутнаерова. — Надо было съездить ей по морде! Этой дуре! Попробовал бы кто-нибудь сказать мне, чтоб я катилась в Африку, да от него бы мокрого места не осталось!

Бржизова покачала головой.

— Что вы, девочки! Тут нужно действовать по-другому! — Она поднялась и стала собирать свои вещи, потому что в коридоре уже прозвенел звонок. — Прежде всего Эве надо перед заведующей извиниться... — Анечка предостерегающе подняла руку, когда увидела, что Эва с оскорбленным видом собирается возражать, — конечно, извиниться тебе придется! Ты ведь хочешь, чтобы Радка ходила в садик, да? Ну так вот: я слетаю в детсад. С Перницевой и с Анежкой Ласковой я знакома. Я им подскажу, чтобы они с ребяташками сходили к Радке. Ты увидишь, Эва, с ними вместе Радка обязательно пойдет в сад. Сама захочет. Ну, девочки, давайте! — позвала она коллег.

— Ты думаешь, Анечка, что так надо?.. — неуверенно спросила Эва.

Бржизова ободряюще улыбнулась:

— А как же иначе? Ты сама-то как думаешь выходить из положения? Эх ты, псишок!

— Не знаю, ничего не знаю... — поднялась наконец Эва. Учительская быстро опустела.

— Сразу же после обеда и сбегаю, — пообещала ей Бржизова, прежде чем они разошлись по своим классам.

Меньше чем за неделю до свадьбы у Милады случился выкидыш. Утром она несла в лабораторию анализы желудочного сока, уборщица только что протерла мокрой тряпкой лестницу и уже махала щеткой на первом этаже, предупреждая каждого, кто шел вверх, чтоб держались за перила, но Милада не могла этого сделать. Она несла обеими руками стоячок с пробирками и то ли на пятой, то ли на шестой ступеньке поскользнулась, но не упала, а съехала вниз. Пробирки разлетелись во все стороны, а она успела все-таки инстинктивно ухватиться за перила. «Бедняги пациенты, им опять придется глотать эти отвратительные резиновые трубки», — подумала Милада, услышав треск стекла, а в себе — боль. Боль эту она остро чувствовала и уже знала, что с ней стряслось. По ногам хлынула теплая волна крови, Милада с трудом дотащилась до гинекологии, доктор Жалондек и ассистент Теплы попытались совершить невозможное, но спасти ее будущего ребенка им не удалось. Днем Милада попросила сослуживицу позвонить Стане.

У них уже были куплены кольца, заказан свадебный ужин в ресторане «Коруна», готовы красивые приглашительные билеты, которые Станя привез из Праги. Список приглашенных они составили вместе с Властой Пудиловой, практически взявшей на себя всю организацию свадьбы, хотя она и заявила, между прочим, что это следовало бы делать той, другой мамаше. Власта Пудилова заранее составила меню, богатое свадебное меню, которое начиналось с аперитива и ветчины со взбитыми сливками и хреном, включало три горячих блюда и заканчивалось неизменным кофе и коньяком. Власта Пудилова настояла, чтобы все дамы были в шляпах, начертила план, как рассадить гостей, заказала очаровательные карточки с именами приглашенных, которые будут лежать у каждого прибора, шесть такси, которые приедут из Тынца и будут целый день к услугам гостей. Власта Пудилова решительно отказалась от услуг знакомых автомобилистов-любителей, заявив, что это создало бы излишние затруднения. Подробно допросив Миладу, она выяснила, какие пробелы имеются в ее приданом, запи-

сала, чего там недостает, и в разговоре с приглашенными тонко намекала, какой подарок к свадьбе был бы самым подходящим. Она съездила в национальный комитет в Тынец — не хотела, чтобы бракосочетание ее сына состоялось в Крушетицах, ее раздражали бы местные зеваки, — и упросила председателя, чтобы в ту субботу обряд бракосочетания проводил он сам, но ни в коем случае не его секретарь, печально прославившийся тем, что иногда путал свадебный обряд со смотром самодеятельных чтецов-декламаторов, предлагая собравшимся послушать патетические стишата собственного сочинения. В список приглашенных, общее число которых приближалось к сорока, Власта внесла также директора Ракошника и его жену, которую, кстати, терпеть не могла, потому что та модничала, будто ей восемнадцать, а не тридцать восемь. Но ничего не поделаешь! Пригласить их надо. Счастье еще, что Милада догадалась позвать главврача Елинека! Власта слегка опасалась Миладиной родни, с точки зрения светской ничего собой не представляющей. Главное, чтобы никто из них не перепил. Она проверила, какой фасон Милада выбрала для свадебного платья. Конечно, талию пришлось приподнять. Миладу, кроме всего прочего, такой покроем удлинит. Власта отрезала кусочек ткани и в соответствии с ним купила Стане материал на костюм, шить который он отдал в Праге. По крайней мере есть гарантия, что костюм на нем не будет висеть мешком. Власта Пудилова еще и еще раз проверила, все ли идет, как задумано, съездила к нотариусу и собственными глазами убедилась, что на Миладу уже переписано полдома. Это подействовало на нее успокаивающе. Со Станей и Миладой она разговаривала только по делу, хоть и холодно, однако без прежней запальчивости, не запрещала сыну ездить каждый вечер к Миладе, но вместе с тем следила, чтобы он не запускал занятий и готовился к последнему госэкзамену, срок которого неумолимо приближался.

Когда взволнованный Станя, с нетерпением ожидавший ее возвращения из школы, сообщил, какая беда стряслась с Миладой, Пудилова, в долю секунды прикинув, что все ее старания, приготовления и беготня пошли прахом, тем не менее заявила:

— Можешь только радоваться!

Станя долго непонимающе смотрел на нее. Мать

прошла мимо, не сказав больше ни слова, предоставив ему самому обдумывать судьбу, свою и Милады. Наконец-то у него развязаны руки! Через несколько дней Милада, конечно, оправится, но день свадьбы теперь можно будет перенести по состоянию ее здоровья! Все поймут. Приглашения на свадьбу будут сожжены, какое счастье, что их еще не разослали! Кольца Станя уберет, все равно за них платил он, а не Милада, Власта извинится перед теми, кого пригласила заранее, для любопытствующих — тех, кто станет справляться о новом дне свадьбы, — ответ готов: будет видно! Это звучит достаточно неопределенно, все зависит от состояния здоровья Милады! Так по крайней мере будут говорить Власта Пудилова и Станя.

— Почему, мама? — Он шел следом за ней до передней.

— Сам когда-нибудь поймешь! — сказала она прирительно и стала раздеваться.

— Ну, поздравляем тебя, Мила! Желаем здоровья и счастья!

— А это тебе на память от нас! — И Гавелка вручил Адамцевой аккуратненький сверточек.

Все выстроились вдоль стен учительской — в руке у каждого бокал с вином, — готовые выпить за здоровье и успехи Адамцевой в день ее пятидесятилетия.

— Ну!.. — припечатал один из коллег поцелуёчик на ее щеке. — От имени всех!

Подходили и поздравляли. Была среда, уроки уже закончились, решили задержаться на часок, чтобы отметить торжественный юбилей.

Адамцева благодарила и угощала тортом и бутербродами. Лекса с Камиллом навалились на еду, словно голодали не меньше недели. Они отхватили еще по куску домашнего торта, и Камилл с полной тарелкой уселся рядом с Геленкой.

— Нет, нет, я недавно обедала! Что будет с моей фигурой! — отказывалась Геленка.

— Ну возьми хоть торта!

— Не хочу, правда...

Левой рукой Камилл обнял Геленку за шею, привлек к себе — на него пахнуло духами «Hélène Rubinstein»,

«ах какая блузочка с абстрактным рисунком!» — второй рукой взял бутерброд с салатом из омаров, силой заставил ее откусить кусочек и с неохотой отпустил руку. О господи, ну и женщина! Такая не отгадет даже в Африке!

Все расселись вокруг стола. Адамцева, слегка покрасневшись, сидела между директором и его замом.

Неожиданное внимание коллег вывело ее из обычного равновесия. Счастье еще, что она догадалась сегодня принарядиться. Темное платье хоть немного, но скрывает бесформенную фигуру. «Посмотри-ка, что тебе подарили товарищи!» Скинулись по двадцатке. Сейчас, после рождества, это накладно. Две недели назад собирали на венок для Златко. Дана снова влезла в конверт с ребячьими сокровищами. Восемнадцатого получка. Она тут же все вернет.

Адамцева медленно развязала узелки тонкого шпагата, которым был завязан сверток, и достала оттуда фен.

— Какая прелесть... — ахнула она, чтобы доставить окружающим удовольствие.

— Теперь, Мила, ты у нас будешь настоящая секс-бомба! — заорал Прскавец и придвинул поближе к себе бутылку красного вина. — Я просто не ручаюсь за себя!

Адамцева положила электроприборчик перед собой и, оглядев окружающих, заявила растроганно:

— Большое, большое вам всем спасибо!

Все умолкли, уставившись на взволнованную юбиляршу. «В общем-то, Адамцева неплохой человек, — рассуждали они. — Разве что немного наивная».

— Значит, выбор мы сделали правильный, — сказал Бенда и удовлетворенно улыбнулся. — Это Анечкина идея! — Он кивнул в сторону Бржизовой.

— Сейчас после рождества в магазинах хоть шаром покати, счастье, что у нее в «Электре» оказался блат. Однажды, — Бенда уже обращался скорее к остальным, чем к имениннице, — в нашей роте справляли именины доктора Враны, командир от имени всех решил сделать ему хороший подарок. Он собрал офицеров и предложил написать на листочках, что они хотели бы — как командиры — ему подарить. И представьте — офицеры все, как один, написали одно и то же!

— Дерьмо! — деловито объявил Прскавец.

— Ну, ну... — укоризненно оборвал его директор Ракосник, нахмурившись.

— Нет, не то, что ты думаешь, но... — Бенда собирался закончить свой рассказ о тех давних временах, когда он служил в армии.

— Добрый день! — В учительскую вошел школьный сторож Поливка. В руках он держал букет прекрасных алых гвоздик. За ним шла его жена. Они тоже пришли поздравить Адамцеву. Адамцева пожалала им руки, предложила вина, бутербродов и торта. Поливка, жуя, разглагольствовал о том, что, когда бабам стукнет пятьдесят, то охотникам должны выдавать разрешение на их острел...

— Нет, можно уже с тридцати, Богоуш! — соглашась с его мнением, крикнул ему Прскавец. О том, как проходили именины в Вышних Ружбах, все забыли.

Дагмар Влахова надела вечернее платье и стала вертеться перед зеркалом. Платье было смелое, но, к счастью, она без всякой натяжки и комплексов могла себе это позволить. Декольте, обнажая плечи и спину, заканчивалось бантом из той же ткани, который можно было завязать свободным узлом. Уши Дагмар украсила блестящими клипсами и заколола волосы блестящей пряжкой, надела на руку серебряный браслет из таких же серебряных бусинок, подарок Губерта к десятилетию их свадьбы.

— Какая ты у нас красивая, мамочка! — закричала Романка.

— Правда? — Дагмар наклонилась и осторожно, чтобы не размазать помаду, коснулась ее щечки.

— Ну, зови папу, пусть на меня взглянет! — Романка убежала, а Дагмар вернулась к своему отражению в зеркале. Макияж милосердно скрыл мелкие морщинки вокруг глаз. Сегодня можно не бояться нанести лишний слой косметики — при электрическом свете лицо будет выглядеть естественным и свежим. Дагмар успела сделать днем маникюр и даже подремала у себя в лаборатории. Настроение — отменное, она так радуется, так ждет этого вечера! Два года они с Губертом нигде не были. Нынешний бал, устраиваемый для родительского комитета, пропустить нельзя. Ей удалось умолить Губерта, и наконец после всяческих ухищрений, уловок, выкручиваний он все-таки пообещал: ладно, мол, они пой-

дут. Но только до двенадцати! — выговорил он себе лиш-
ний час.

Дагмар слышала, как Губерт возвращается от норок.

— Что случилось?.. — спросил Губерт в дверях
спальной.

Дагмар медленно повернулась к нему, слегка расставив в стороны руки, как рисуют в модных журналах.

— Ну, тебе нравится твоя жена? — улыбнулась она.

Губерт мазнул по ней взглядом, прошелся, словно скалкой по тесту.

— Ничего себе... — буркнул он, стаскивая старую лыжную куртку, которую теперь надевал к норкам, сняв наконец, он повесил ее в коридоре на вешалку. Часы уже показывали половину седьмого. Если они хотят успеть к началу, надо поторопиться. «Уже третья норка начала волочить задние лапки. Вдруг это — эпидемия? Значит, все передохнут. Завтра же поеду к ветеринару, чего им мучиться!»

Дагмар воображала, что он придет от нее в восторг и, замерев в дверях от восхищения, выдохнет: «Нет, это невозможно!» И, любуясь своей женой, такой очаровательной и все еще такой молодой, подбежит и осторожно поцелует в обнаженное плечико. Ей это было просто необходимо!

Дагмар опустила руки и бесцветным голосом сказала:

— Брейся!..

И, подойдя поближе к зеркалу, стала выдергивать пинцетом волосинки из бровей. Было слышно, как Губерт открыл в ванной кран с горячей водой и сбивает пену для бритья, берет кисточку и достает новое лезвие, рассуждая теперь уже вслух о внезапной болезни, навалившейся на его норку. Конечно, ничего хорошего это не сулит, эпидемия может охватить всех зверьков, но надо надеяться, что это не паралич и не вирусное заболевание — через это норки уже прошли. Еще в прошлом году Дагмар помогала Губерту. Кормила, когда он задерживался на собрании, вливала детенышам в горлышки стрептомицин, если у них было воспаление легких, и клянчила в больнице и у знакомых врачей всякие лекарства. Сейчас Дагмар норок просто не замечает. Делает вид, что у нее нет времени даже подойти к клеткам и накрошить пивных дрожжей или подлить в поил-

ки воды. Дагмар ненавидит их. Они отняли у нее покой, развлечения и все радости жизни. И мужа тоже отняли. Никому не нужно такое отречение от мирских утех с сомнительным утешением в виде нескольких тысяч крон в год. Они перестали ходить в кино, не ездят в театр, о концертах она и вовсе забыла. Очень быстро исчезли и прежние друзья, которые заходили к ним воскресными вечерами на чашку кофе. Теперь они не могут делать ответные визиты, потому что Губерт должен перемалывать через мясорубку мясо, подпускать самцов к самкам, чистить клетки, забивать норки и обрабатывать шкурки. Дагмар каждый раз остается с гостями одна, Губерт лишь сунет в двери нос, приветливо со всеми поздоровается и тут же, извинившись, убегает: у него, видите ли, именно сейчас хлопот по горло. А Дагмар так хочется, чтобы у него было побольше свободного времени, и прежде всего для нее!

Норки сильнее, чем она. Они смогли опутать его цепями ежедневных обязанностей. Разве Губерт минуту назад обратил на нее внимание?

Дагмар положила на кровать его белоснежную рубашку, платок и галстук в белый горошек. Бог знает какой он выберет сам. Для полной уверенности она достала и пакетик с новыми носками. Даже такие мелочи Дагмар не может пустить на самотек: Губерт способен выфрантиться с невероятной, просто ужасающей безвкусицей!

А вообще-то — какой ей смысл мучить себя мыслями о нем и об этих проклятых норках? Сегодня, именно сейчас?.. Нет, она не станет портить себе вечер, о котором давно мечтала. Чего же она ждет от него?

Губерт оделся. Романка подала ему бумажник, носовой платок и обручальное кольцо, которое Губерт надевал лишь в торжественных случаях, утверждая, будто оно с трудом налезает. Дагмар, конечно, не думает, будто Губерт красуется перед какими-нибудь девицами, притворяясь неженатым. Маленькие хищницы интересуются больше «окольцованными» мужчинами, считают, что это придает солидности и уверенности и является свидетельством того, что женатик для них не безнадежен. Губерт искал ножницы. Конечно, на месте их не оказалось, это всегда выводило его из равновесия. Губерт хотел подравнять усы. Дагмар с Романкой обыс-

кали все ящики и коробочки, пока не нашли их среди карандашей на его же письменном столе. Прделав неизбежную манипуляцию, Губерт позвал сына, чтобы прочитав ему последнее наставление: на попечении Яромира остается дом, сестра, норки...

Яромир вылез из своей комнаты и явился к ним походкой снежного человека. Он оглядел обоих родителей, с нескрываемым восторгом провозгласив:

— Ну мать, ты даешь! Ты же у меня шикарная чувиха! — и восхищенно присвистнул.

Дагмар притянула его к себе и чмокнула с тем расчетом, чтобы оставить па щеке алое сердечко. Все равно там, у входа, в гардеробе, придется подкраситься. Слава богу, хоть кто-то обратил на нее внимание.

Губерт тем временем отдавал руководящие указания: что делать можно, а чего — ни боже мой!

— Все ясненько, па! — с чувством превосходства отвечал Яромир на категорические императивы отца, количество которых давно превысило допустимые нормы.

Дагмар и Губерт сели в машину.

Бал для педагогов и родителей в крушетицкой школе был городским событием номер один. Где-то далеко плелся следом День учителя (празднование которого поначалу продолжалось целый день, потом полдня и постепенно превратилось в нудные два часа. Его проводили в небольшом зале местного Дома культуры). Присутствующих потчевали двумя-тремя скучнейшими докладами, выступлением ученического хора, одним печеньицем и чашкой жидкого кофе. За подготовку к сегодняшнему вечеру отвечали три опытных организатора: Прскавец, Камил Маржик и Гавелка. Директор Ракосник предоставил им полную свободу действий, ибо был уверен, что они проявят необходимые случаю активность и инициативу, характер которых предугадать невозможно.

Задолго до вечера Прскавец подготовил со всеми учениками школы, исключая лишь тех, кто приезжал из окрестных сел, спортивные выступления: девочки манипулировали белыми мячами, мальчики — блестящими дисками. Камил разучил с хором три песни в современных ритмах, кроме того, он организовал лотерею, которая будет разыгрываться в полночь. Кое-что Камил выпросил у родителей, мамыши испекли в школьной

кухне торты, от Союза охотников он получил трех зайцев и одного фазана, на школьном чердаке откопал забытые поделки из корней и веток — мальчишки в мастерской их подновили, заново покрыли лаком, и причудливые корневища приобрели свежий вид. Кроме того, к Камилу Маржику накануне бала прибежала пани Кризова. Она с семьей переезжает в новый панельный дом и не знает, как поступить с роялем. Инструмент еще вполне приличный! Камил поинтересовался, можно ли разыграть его в лотерею, не обидится ли пани Кризова. В голову ему пришла фантастическая идея, но, чтобы не испортить дело, он пока молчал.

Гавелка и кассир родительского актива сосредоточили в своих руках все финансы. Уже заранее было ясно, что количество родителей и друзей школы, желающих принять участие в вечере, — до сих пор невиданное, что являлось заслугой Прскавца. У него давно была выработана тактика, единая для всех школьных мероприятий: в самодеятельности должен принять участие хотя бы один ребенок из каждой семьи. Именно благодаря этому мероприятия подобного рода широко посещались: не могут же родители позволить своим детям возвращаться домой поздно вечером одним. А впрочем, каждый родитель с удовольствием смотрит, как веселится его отпрыск. И поэтому на открытии бала родителей и друзей школы пятьдесят минут было отведено массовым выступлениям.

По лестнице, освещенной с двух сторон фонарями, Губерт Влах с женой вошли в холл Дома культуры. Дагмар еще на тротуаре повисла на его руке. Второй рукой она придерживала платье, чтоб, не дай боже, не споткнуться на лестнице. Они послушно встали в очередь к гардеробу и поздоровались издали с какими-то знакомыми родителями. Когда Губерт сдавал пальто, Дагмар попросила его подождать, пока она сбегаёт в туалет, чтобы привести себя в порядок. Он кивнул и, прислонившись к стене, закурил. Скоро пробьет восемь. Родители и друзья школы уже шли косяком. «Если Дагмар немедленно не вернется, я здесь отмотаю голову, здороваясь», — в бешенстве подумал Губерт, хотя заранее знал, что его терпение будет подвержено сильному испытанию. Из подобных мест женщины обычно возвращаются не скоро! Но ничего не поделаешь!

Тут Губерт увидел Каплиржа. Каплирж был один, без жены. На шее под самым подбородком трепетал, поникнув крыльями, галстук-бабочка, наверняка сохранившийся с институтских времен. На плечах внакидку зимнее пальто. Подойдя к Губерту, Каплирж протянул ему руку, чего раньше, с той поры, как Губерт перешел в крушетицкую школу, никогда не случилось.

— Один?..

— Жена не отважилась. Столь грандиозных мероприятий она просто не выносит. — Каплирж сбросил пальто и чинно встал в очередь.

— Счастливый ты человек! — заметил Губерт, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Наконец Дагмар выплыла из туалета, улыбаясь ему улыбкой невинного младенца. Губерт бросил сигарету и растер ее кончиком ботинка на плитке пола. Он подал жене руку, делая над собой усилие, чтобы не взорваться. Что можно там столько времени делать?

У центрального входа их приветствовали двое детей. Гм! Детей! Нина Градинска из девятого — почти женщина, через год будет ходить на танцы. Дылда Колачек, когда ему стукнет двадцать, наверняка сможет служить вместо пожарной каланчи, если в самое ближайшее время не перестанет расти. Колачек протянул Дагмар платочек, сделанный в технике батик, Нина прикрепила к лацкану пиджака своего учителя искусственный цветок. Натасканные Гавелкой, оба они пожелали гостям приятно провести вечер.

Дагмар разглядывала платочек.

— Это купленный?

— Нет. Их делает с ребятами Божена Кутнаерова. Покажи! — Он протянул руку и стал рассматривать тонкий детский рисунок. — Молодчина Кутнаерова! — заметил он, признавая за ней и ее деловые качества тоже.

— Только по части ручного труда? — съязвила Дагмар и забрала у него платочек.

Губерт удивленно взглянул на нее.

— Это мне неизвестно. Ты полагаешь, что следовало бы проверить?

— Пожалуй, нет... — Дагмар как ни в чем не бывало мило улыбалась окружающим.

кухне торты, от Союза охотников он получил трех зайцев и одного фазана, на школьном чердаке откопал забытые поделки из корней и веток — мальчишки в мастерской их подновили, заново покрыли лаком, и причудливые корневища приобрели свежий вид. Кроме того, к Камилу Маржику накануне бала прибежала пани Кризова. Она с семьей переезжает в новый панельный дом и не знает, как поступить с роялем. Инструмент еще вполне приличный! Камил поинтересовался, можно ли разыграть его в лотерею, не обидится ли пани Кризова. В голову ему пришла фантастическая идея, но, чтобы не испортить дело, он пока молчал.

Гавелка и кассир родительского актива сосредоточили в своих руках все финансы. Уже заранее было ясно, что количество родителей и друзей школы, желающих принять участие в вечере, — до сих пор невиданное, что являлось заслугой Прскавца. У него давно была выработана тактика, единая для всех школьных мероприятий: в самодеятельности должен принять участие хотя бы один ребенок из каждой семьи. Именно благодаря этому мероприятию подобного рода широко посещались: не могут же родители позволить своим детям возвращаться домой поздно вечером одним. А впрочем, каждый родитель с удовольствием смотрит, как веселится его отпрыск. И поэтому на открытии бала родителей и друзей школы пятьдесят минут было отведено массовым выступлениям.

По лестнице, освещенной с двух сторон фонарями, Губерт Влах с женой вошли в холл Дома культуры. Дагмар еще на тротуаре повисла на его руке. Второй рукой она придерживала платье, чтоб, не дай боже, не споткнуться на лестнице. Они послушно встали в очередь к гардеробу и поздоровались издали с какими-то знакомыми родителями. Когда Губерт сдавал пальто, Дагмар попросила его подождать, пока она сбегает в туалет, чтобы привести себя в порядок. Он кивнул и, прислонившись к стене, закурил. Скоро пробьет восемь. Родители и друзья школы уже шли косяком. «Если Дагмар немедленно не вернется, я здесь отмотаю голову, здороваясь», — в бешенстве подумал Губерт, хотя заранее знал, что его терпение будет подвержено сильному испытанию. Из подобных мест женщины обычно возвращаются не скоро! Но ничего не поделаешь!

Тут Губерт увидел Каплиржа. Каплирж был один, без жены. На шее под самым подбородком трепетал, поникнув крыльями, галстук-бабочка, наверняка сохранившийся с институтских времен. На плечах внакидку зимнее пальто. Подойдя к Губерту, Каплирж протянул ему руку, чего раньше, с той поры, как Губерт перешел в крушетицкую школу, никогда не случалось.

— Один?..

— Жена не отважилась. Столь грандиозных мероприятий она просто не выносит. — Каплирж сбросил пальто и чинно встал в очередь.

— Счастливым ты человек! — заметил Губерт, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Наконец Дагмар выплыла из туалета, улыбаясь ему улыбкой невинного младенца. Губерт бросил сигарету и растер ее кончиком ботинка на плитке пола. Он подал жене руку, делая над собой усилие, чтобы не взорваться. Что можно там столько времени делать?

У центрального входа их приветствовали двое детей. Гм! Детей! Нина Градинска из девятого — почти женщина, через год будет ходить на танцы. Дылда Колачек, когда ему стукнет двадцать, наверняка сможет служить вместо пожарной каланчи, если в самое ближайшее время не перестанет расти. Колачек протянул Дагмар платочек, сделанный в технике батик, Нина прикрепила к лацкану пиджака своего учителя искусственный цветочек. Натасканные Гавелкой, оба они пожелали гостям приятно провести вечер.

Дагмар разглядывала платочек.

— Это купленный?

— Нет. Их делает с ребятами Божена Кутнаерова. Покажи! — Он протянул руку и стал рассматривать тонкий детский рисунок. — Молодчина Кутнаерова! — заметил он, признавая за ней и ее деловые качества тоже.

— Только по части ручного труда? — съязвила Дагмар и забрала у него платочек.

Губерт удивленно взглянул на нее.

— Это мне неизвестно. Ты полагаешь, что следовало бы проверить?

— Пожалуй, нет... — Дагмар как ни в чем не бывало мило улыбалась окружающим.

Распорядитель проводил их к столу у сцены, предназначенному для учителей. В торце, на почетном месте уже сидели Йозеф Каплирж, по правую руку от него — Анечка Бржизова и, конечно же, сам директор Ян Ракосник с супругой. И он и она выглядели исключительно респектабельно. На нем галстук, из кармашка пиджака торчит носовой платочек из той же самой ткани, что и чрезвычайно открытое бальное платье его супруги. Далее примостилась пани Прскавцева, она — в одиночестве, у ее мужа пока нет времени, сейчас начнется концерт, и пани Прскавцева слегка волнуется за него и за себя. Губерт поздоровался со всеми за руку и представил Дагмар супругам Гавелкам, с Лексой и его женой Дагмар знакома — те как-то побывали у них в Тынце и посмотрели норок. Здесь также Адамцева с мужем. Ему уже явно мешает галстук, он расстегнул пуговку и ослабил узел. Либуше Лиemanова сидела рядом с молодым человеком неопределенного возраста. Она утврждала, что это ее племянник. И еще Власта Пудилова и Станя с Миладой.

Но дамой номер один, обращавшей на себя всеобщее внимание, была, несомненно, Божена Кутнаерова, что вызывало вполне естественную досаду у остальных присутствующих на балу женщин. Божена сшила себе к этому вечеру открытое черное бархатное платье без рукавов, чтобы подчеркнуть красоту плеч и рук, декольте было обнадеживающим и обольстительным. Мужчины надеялись, что при резком движении им удастся кое-что увидеть... Божена Кутнаерова взяла с собой и своего мужа — отставного мотогогонщика. Поврежденный позвоночник, из-за которого ему пришлось оставить активный спорт и который едва не вывел его из строя вообще, сегодня, видимо, угомонился под влиянием значительной дозы седативных препаратов.

Божена вполне могла бы стоять на высшей ступеньке, если — но это еще, конечно, не факт — ее не затмит юная прелесть Геленки.

Дагмар и Губерт поздоровались с Даной и ее мужем. Они сели так, что могли хорошо видеть и сцену и директора Ракосника, жена которого, бегло взглянув на Губерта, уже во второй раз улыбнулась ему и тут же направила все свое внимание на рассказывающего что-то Йозефа Каплиржа. Если Влахи обернутся, то перед

их глазами предстанет весь зал. Но когда начнутся танцы, их место станет неудобным. Раз двадцать, не меньше, Губерту придется вставать и придвигать свой стул к столу, чтобы кто-то из женщин смог выйти в круг. И самому ему, увы, тоже придется скакать козлом! Сначала с Дагмар, потом с директорской супругой, потом с Пудилкой, Андулой Бржизовой и так далее и так далее — то с одной, то с другой. До двенадцати надо успеть оттанцевать со всеми. Главное, чтоб танцы не играли сериями, по четыре, без паузы. Одного танца на каждую даму более чем достаточно, а потом — сесть! О чем Губерт может в течение получаса щебетать с Адамцевой? Да и с Геленкой? Вне школы трудно, наверное, найти тему для разговора! А мотаться по залу туда-сюда, как... извините за выражение, кое-что в проруби, ему без интереса. Лишь бы только какой-нибудь идиот не пригласил Дагмар! Она тут же отправит Губерта искать его супругу, чтобы он выделял с ней эти бессмысленные кренделя. Только этого ему не хватало! Какого черта ему здесь нужно? Особенно сегодня! Сегодня, когда у него в голове одни только норки.

Черт побери, если болезнь перекинется и на остальных зверьков, это здорово ударит Губерта по карману. В двенадцать они с Дагмар отправятся домой! Каждой норке надо дать ложечку стрептомицина.

Люстры стали быстро гаснуть. Когда зал стих и занавес наконец раздвинулся, на сцене началось представление, созданное в результате творческого содружества Прскавец — Маржик. Выступление ребятам имело такой успех, что почти полностью прошло на «бис». Но Прскавца уже одолело желание промочить горло, и он, громко заявив «а пошли они все куда подальше» в адрес уважаемой публики, распустил детей по домам. Их место занял ансамбль танцевальной музыки шефского предприятия. Музыканты никак не могли установить свою аппаратуру, но минут через пятнадцать все-таки начали. Родители уже передали потомков бабушкам или старшим братьям-сестрам и расселись по своим местам у столов. Камил продавал билетки лотереи. Зеленые сулили обычные выигрыши, синий же давал купившему надежду выиграть рояль.

Начались танцы.

...Зангвали вальс, и Губерт пригласил Дагмар. Он обнял ее за талию, и они поплыли под сладкие звуки музыки.

— Ну как там наш мальчик, пани учительница? — спросил кто-то за его спиной.

— Ему следует поднажать! — ответил женский голос. Губерту не надо было оборачиваться, он и без того узнал Лиеманову.

Потом Губерт стал приглашать всех дам подряд.

Власта Пудилова танцевала вполне прилично. Музыканты, отдавая дань возрасту присутствующих, играли большей частью вальс-бостон или танго.

— А у тебя будет симпатичная сноха! — кивнул Губерт в том направлении, где сидели Милада со Станей.

— Ты так считаешь?.. — усмехнулась Пудилова.

— Она немного знакома с моей женой...

— Твоя жена мне нравится!

— Правда? — удивился Губерт.

— Теперь я понимаю, почему ты всегда так спешишь домой! — пошутила Власта.

В перерыве между танцами Губерт спросил: — А она что, не танцует? — имея в виду Миладу.

— Танцует. Но она всего несколько дней как вышла из больницы.

— Ах да, — вспомнил Губерт. — Ведь вы должны были справлять свадьбу! Знаю, знаю! Но что-то там стряслось... В учительской говорили. Когда же теперь они совершат эту глупость?

— Увидим! — Пудилова замолчала.

Она смотрела Губерту через плечо и, сама того не желая, вспомнила события последних дней.

Итак, Миладе ничего иного не оставалось, как согласиться, чтобы день свадьбы был отложен. Из больницы ее все равно бы не отпустили. Пудиловы отказались от снятого для торжеств зала в ресторане, послали всем, кто собирался приехать четырнадцатого, открытки с извинением, и, когда Миладу выписали из больницы, она попросила, чтобы санитарная машина отвезла ее домой к матери. Станя старался навещать ее как можно чаще, но ему пришлось на неделю отправиться в Прагу, на консультацию с руководителем дипломной работы, потом на строительство электростанции в Северную Чехию, выяснить возможности осуществления своего про-

екта. Каждый день, который Станя проводил вне дома и без Милады, радовал его мать, ибо это являлось началом систематического, тщательно продуманного отдаления нового срока свадьбы...

... Наконец оказалась не занятой и супруга директора Яна Ракосника.

Когда Губерт, уже держа ее за талию, обратил внимание на золотое кольцо отличной работы, украшающее ее шею, и захотел было спросить о его происхождении, пани Ракосникова, опередив его, сама задала вопрос:

— Почему вы у нас не бываете?

Несколько удивленный, Губерт ответил, что его никогда не приглашали.

— Я столько раз напоминала мужу!

— Видимо, он все-таки забывает! — улыбнулся Губерт.

— Я думаю, мы с вашей женой подружились бы!

— Да? — протянул он и, глядя на ее выхоленное лицо, подумал о том, сколько усилий и труда требует столь неравная борьба с неумолимым временем. — Почему вы так считаете?

Она слегка наклонила голову в сторону, чтобы дать понять, что обдумывает вопрос: очевидно, ей хотелось показать, что ее голова пригодна и для иных целей, а не только как реклама косметики.

— Не знаю, просто чувствую. Зато о вас знаю так много, что вы, возможно, удивитесь!

— Вне всякого сомнения! — сухо усмехнулся Губерт.

— И не только плохое — хорошее тоже! — сказала она шутливо. Они кружили и кружили в вальсе. Губерт танцевал хорошо, овладев этим искусством еще в студенческом ансамбле, когда в коричневой гусарке и сиреневых рейтузах лихо отплясывал «рейдовака» и «улана». Целых четыре года, пока Губерт учился в институте, он страстно увлекался танцами вместе с остальными энтузиастами. Сколько раз они выступали на сцене! Дважды были даже за границей. Какой это был успех! Что-то поделявает сейчас Павла, его лучшая партнерша? Они познакомились незадолго до окончания института, у нее был серьезный роман с каким-то парнем из электротехнического; если б не Дагмар, может быть, именно Павла танцевала бы с ним на сегодняшнем вечере... Губерт слышал, что муж ее трагически погиб.

Кто знает, правда ли? Они остались работать в Праге, Губерта же распределили в пограничье. Он встретил там отличных людей, но и сволочей тоже. К счастью, первых было больше. В гимназии, в Тынце, он стал преподавать, когда женился на Дагмар.

Умеет пани Ракосникова вальсировать в левую сторону? Он завертел ее влево, и она легко подчинилась, продолжая разговор теперь уже о том, сколько у ее мужа забот, иногда она даже побаивается, как бы у него не случился инфаркт. Пани Ракосникова вспомнила и о Франтишке Еглике — мог бы еще пожить; Бендовы не пришли — это понятно, у них траур по Златко; мой муж о вас говорит только хорошее, правда-правда, снова подчеркнула она, и, когда Губерт пропустил мимо ушей ее замечание, она принялась хвалить программу вечера, подготовленную Прскавцем и Камилом. Музыка умолкла, и Губерт проводил свою даму к столу. Они обменялись поклонами с директором Ракосником, который в свою очередь танцевал с Дагмар.

Губерт сел к столу и отхлебнул пива.

— Тебе здесь нравится? — спросил он у жены.

— Очень! — Дагмар сияла.

Музыка заиграла снова, и ее пригласил Адамец. Они ушли, а Губерт встал, чтобы пригласить одну из коллег-преподавательниц. Вот работенка! — вздохнул он, но тут же с облегчением заметил, что предполагаемую даму уже увел отец молчаливого ученика Чейдика. Почти все дамы были разобраны. Оставалась лишь Кутнаерова. Она сидела рядом с мужем. Кутнаеровы пили красное вино. Губерту не хотелось садиться, он прошел, лавируя между стульями, и попросил у мужа разрешения пригласить ее... Тот кивнул и отхлебнул вина.

Губерт за руку вывел ее в круг к танцующим парам. Она свободно и, пожалуй, даже чересчур интимно положила ему руку на плечо. Он вдохнул тонкий аромат духов и запах ее тела.

— У тебя красивая жена, — сказала Кутнаерова и принялась разглядывать окружающих.

— Для чего ты мне это говоришь?

— А тебе разве неприятно слышать? — Только сейчас она посмотрела ему прямо в глаза.

Кто-то начал играть светом. Почти все лампы в зале погасли. Родители встретили полутьму криками. Лишь

на сцене музыканты светили на свои ноты маленькими фонариками.

Кутнаерова тесно прижалась к Губерту. Он ощутил ее крепкие бедра и упругую грудь. Прижавшись лицом к его шее, она тихо сказала:

— Я сй завидую...

— О боже! Но чему?

Вкрадчивая, нежная музыка уносила, укачивала их.

— Тому, что у нее есть ты... впрочем, ты это знаешь сам! — прошептала она и слегка прикоснулась губами к его шее.

Губерт хотел сказать «не дури», но ее слова обезоружили его. Все, что бы он ни сказал сейчас, все было бы банально и неуместно. Честно говоря, такого рода комплименты по душе любому мужчине, и каждый выслушивает их с удовольствием, но, когда они исходят от столь обольстительной женщины, как Кутнаерова, тут надо держать ухо востро. Предугадать, как ведут себя женщины в подобных случаях, — невозможно, достаточно самого ничтожного пренебрежения — и любящее существо превращается в коварную кобру. Но именно теперь Губерт никак не настроен впутываться в какую бы то ни было любовную авантюру, да еще с коллегой по работе! Ну уж нет, увольте! Где живу, там не блужу — этого принципа Губерт стал придерживаться с первых же своих шагов в школе и не мог пожаловаться, что строгость поведения ему пришлось искупать сексуальными комплексами.

Однако что-то все-таки надо ей сказать! Губерт собрался было назвать ее по имени, но со злобой отметил про себя, что не выдавит из себя «Божена», даже если очень захочет. Имя «Боженка» он счел столь избито-сентиментальным, что не отважился произнести вообще ничего. Черт-те что! Почему у этой красивой женщины такое ужасное имя? Можно было бы, конечно, сказать: «Божка, не дури!» (Здорово, не правда ли?)

Кутнаерова сама помогла ему выйти из положения.

— Мне хочется выпить! — И ее руки, так крепко обвивающие его, сразу ослабели. По тому, как сейчас играл оркестр, Губерт сообразил, что вот-вот будет перерыв. Он подумал: если идти, то сейчас, пока еще танцуют, потом к бару не подступишься!

— Мне тоже... — сказал он, и не солгал. Домой машину поведет Дагмар, в этом на нее можно положиться. И он повлек Кутнаерову в другой зал, где находился бар. Они с трудом пробирались среди танцующих. Дважды Божена куда-то исчезала. Когда она показалась, вынырнув наконец из полумрака, Губерт снова не мог не признать, что Божена неотразима, хотя искусственное освещение и благоприятствовало ей, как, впрочем, и любой другой женщине.

У стойки бара было два свободных стула. Правда, в разных концах. Губерт подождал, пока его дама усядется, потом вежливо попросил одинокого юнца передвинуться вместе со своей рюмкой метра на два вправо и, упершись локтями в узкую стойку, спросил, что они будут пить.

Кутнаерова хотела коньяку. Он заказал ей, и себе тоже.

Когда Губерт заговорил с барменшей, коренастый мужчина на соседнем стуле крутанулся, с минуту изучающе разглядывал Губерта, а потом провозгласил:

— Здравствуйте, пан учитель!

— Добрый вечер! — ответил Губерт. Лицо незнакомца ничего ему не говорило. Губерт уже собрался повернуться к своей спутнице, но коренастый удержал его:

— Вы меня не помните? Я — Баштил, вы учили нашего сына. Милан Баштил, припоминаете?

— Конечно... Что подельвает Милан? — сказал Губерт, пожимая руку мужчины.

— Он инженер-механик, уже женился, у него ребенок.

— Милан был способный парнишка! — заметил Губерт.

— Он вас очень любил, — пробасил мужчина, и Губерту было приятно это слышать.

— Ладя, это пан учитель Влах, чтоб тебе было известно! — повернулся коренастый к своему соседу, который тянул из пузатой рюмки какой-то ликер. — У него учился наш Милан.

Тот поднял отяжелевшие веки и изобразил улыбку. Барменша принесла коньяк. Губерт поднял рюмку и чокнулся с Кутнаеровой.

— За что пьем?.. — спросила она, пронзая его взглядом, слово лучами лазера.

— За что хочешь!..

— За то, чего ты не пожелал бы услышать! — грустно усмехнулась она.

Чокнулись еще раз.

Отец хорошего ученика Баштила дружески хлопнул Губерта по плечу.

— Ну и отделали же вас «товарищи»! — заявил он осведомленно.

Губерт выпил еще, чувствуя приятное жжение коньяка. Ему решительно не хотелось сейчас ни о чем рассуждать, тем более о своем переводе в Крушетице. Приди они сюда чуть попозже, эта парочка уже отвалилась бы от бара, но сейчас Баштил упорно объяснял своему приятелю — разумеется, в голос, чтобы слышали все сидящие вокруг, — о причинах головокружительного падения Губерта.

— Дак я же тебе говорил и говорить буду, что все это свинство! — гудел его приятель.

— Да... свинство! — поддакивал пан Баштил.

— Бестии! — снова облегчил свою душеньку его дружок. — Все до одного! Без исключения!..

Губерт Влах взглянул на Божену и, заметив, что улыбается даже барменша, спросил в наступившей тишине:

— Вы и меня тоже имеете в виду?

— Вас тоже! — подтвердил мужчина и уперся в Губерта остекленевшим взглядом.

Пан Баштил пытался уговорить его:

— Погоди, Ладя, погоди... — перебил он его и понимающе улыбнулся Губерту. — Пан Влах не коммунист! Он только в партии! А это, как известно, две большие разницы!

Губерт вздрогнул, словно от удара, набрал воздуха в легкие, собираясь дать надлежащую отповедь этой парочке. Он был уязвлен и несправедливо унижен тем, что ему цепляли к спине позорный горб чуждого ему приспособленчества. Губерт обязан защищаться, отбросить от себя подозрение, но прежде всего очиститься перед самим собой. Кутнаерова, сидящая рядом, была ему совершенно безразлична, однако именно она удержала его:

— Оставь их, Губерт, доказывать что-нибудь не имеет смысла! — и положила руку на его сжатый кулак.

Губерт сглотнул горькую слюну и, опрокинув в рот остаток коньяка, достал кошелек, бросил на стойку двадцатипятикронную бумажку, полагая, что коньяк здесь стоит не больше, и пошел прочь, не интересуясь больше своей спутницей.

— Пойдите, профессор, выпейте с нами! — кричал ему вслед пан Баштил.

Губерт Влах не оглянулся. Кутнаерова съехала с высокой табуретки и, поспешив за ним, догнала его лишь в зале. Губерт хотел было пробраться к столу, но танцующих становилось все больше, словно они хотели до полуночи натацеваться вволю. Им пришлось танцевать тоже, люстры под потолком уже горели, свет достигал паркета, насыщенный тяжелым туманом спертого воздуха и табачного дыма. Играли польку. Губерт механически двигал ногами, так неуклюже, что Божена расмеялась.

— С чего это ты? — проворчал он раздраженно.

Кутнаерова ответила, что ей кажется, будто она танцует с сенбернаром.

Губерт извинился.

— Они были пьяны, та парочка!.. — Кутнаерова кивнула головой по направлению к бару. — Стоит ли обращать внимание?

Брови у Губерта полезли вверх, словно крылья хищной птицы.

— На них — нет. — Он рубил слова, словно диктовал телеграмму. — Меня бесит моя персона. Я — трус. И накладал полные штаны.

— Ну, ну, не надо... — успокаивала его Божена.

— Я должен был немедленно набить ему рожу! Тогда по крайней мере я бы сейчас не занимался самоедством...

Кутнаерова молчала. Ритм польки неумолимо швырял их по залу. И вдруг, словно вспомнив, она сказала:

— А тебе не кажется, что они не так уж неправы?

Губерт обмер.

— Но, позволь!..

Теперь Божена смотрела на него в упор.

— Знаешь, так считают многие!

Пот струился по его телу, по ребрам стекал холодный ручеек. Что за бешеная полька!

— И ты тоже?

Прядь длинных волос, выбившись из прически, закрыла часть декольте. Кутнаерова стала еще очаровательней, и Губерт заметил это.

— Когда ты пришел в нашу школу, я была о тебе иного мнения.

— Какого? — Он жаждал милосердия. Хоть немного!

— Мне не нравится твое равнодушие. Ко всему и ко всем!

Ну, начинается! Жестокая месть отвергнутой женщины. Клинок, спрятанный в рукаве. Так вот какие раны наносят куртизанки! Смешно. Ведь он вовсе не такой! А если даже такой, разве у него нет права на равнодушие? Полного и абсолютного права! Он, Губерт Влах, неукоснительно выполняет все, что входит в его обязанности! Но станет жертвой Сциллы тот, кто хочет избежать Харибды, иронизируя над собой, вспомнил он слова Гомера.

Губерт обрадовался, что музыка кончилась, молча отвел Кутнаерову к мужу и поблагодарил его. Божена схватила сигареты и закурила. Волосы снова послушной волной лежали на обнаженной спине.

Объявили перерыв и начало лотерен. Дагмар разложила на столе штук десять разноцветных билетиков. Губерт, ткнув пальцем в два синих, спросил:

— Что будем делать с роялем, если выиграем?

— Поставишь его к норкам. Разве ты не слышал, что музыка полезна для здоровья! — ответила Дагмар, и Губерт засомневался: так ли уж велика доля сарказма в ее словах? Распорядитель пригласил невинных дев и отроков тянуть билеты. Но, увы, счастливый жребий выпал школьной сторожихе Поливковой.

Губерт курил, размышляя о тех, в баре, и о Божене Кутнаеровой, и следил за номерами на лотерейных билетиках. Как и следовало ожидать, они с Дагмар ничего не выиграли. Устроитель лотереи объявил, что синие будут разыгрываться в салоне номер два. «В накладе никто не останется!» — кричал он, как зазывала на ярмарке. Некоторые родители уже кинулись в указанном направлении.

— Пошли? — предложила Дагмар и взяла обе синие бумажки с номерами 109 и 44.

— Да брось ты... — У Губерта не было настроения на подобные детские забавы.

— Пойдем! — просьба была и в ее голосе, и во взгляде. И она потащила его вслед за остальными. Коллеги-учителя поднялись тоже. Губерт взглянул на часы: без четверти двенадцать.

— Но после лотереи сразу же домой! — напомнил он.

Чем ближе они подходили ко второму салону, тем слышнее становились странные удары. В дверях толпились те, кто пытался попасть внутрь. Кое-кто махал синими бумажками. Губерт приподнялся на цыпочки, чтобы через головы коллег увидеть, что там происходит. В центре салона стоял черный рояль, а рядом с роялем — Камил в темном костюме и галстук-бабочке, в том самом костюме, в котором явился в школу в день, когда умер Еглик. Только волосы отросли и теперь почти прикрывали уши. В руках Камил держал трехкилограммовый молот. Каждому, кто вручал ему билет, он протягивал молот, и счастливый обладатель наносил удар по инструменту. На стене, за спиной Камила, висел плакат: «По роялю — бей не жале! Один удар — одна крона!» Мужчины, в корректных выходных костюмах, толпились, чтобы нанести удар по благородному инструменту. Трах! — и в сторону полетели соль диез и а диез. Еще один синий билетик — и не выдержали мажор и ре минор, си мажор и еще несколько клаш. Огромный успех у публики выпал на долю папашиничника Лади Гейла, который, не обладая, видимо, музыкальным слухом, игнорировал клавиатуру. Гейл-старший обошел вокруг инструмента и долбанул его по крышке. Столько радости — и все за одну лишь крону! Женщины, пробуя свою ловкость, тоже лупили рояль изо всех сил, будто выбивали ковры. Лопались струны, и к ногам счастливых сыпались белые и черные молоточки. Камил пытался установить хоть какой-то порядок, но родители, отталкивая друг друга, чуть не дрались из-за школьного молотка.

— Теперь моя очередь! — засмеялась Дагмар и протиснулась вперед. Молоток ей достался сразу же, вероятнее всего по знакомству. Она размахнулась и с первого же удара перебила струну. Инструмент жалобно застонал, а публика восхищенно зааплодировала. Второй билет давал Дагмар право нанести удар по резному

декоративному пюпитру. Слегка запыхавшись, она передала молот Камилу.

— Ну и ну! — услышал за спиной Губерт. По голосу он узнал Каплиржа. — Что ты на это скажешь? — спросил он, когда Губерт обернулся.

— Запоздалая пуберта! — ответил с отвращением Губерт Влах.

Ему было противно, что его жена участвует в столь безобразной забаве. Дагмар с трудом протиснулась обратно. Губерт видел, как Дагмар взволнована, как горят ее щеки. Она улыбалась, явно довольная своими спортивными успехами.

— Ты видел?.. — спросила она, как малое дитяtko, ожидающее похвалы от папочки.

— Это называется harpening. На Западе он в большой моде.

Повернувшись спиной к состязающимся, Губерт объявил:

— А теперь — домой!..

Дагмар возражала:

— Сейчас? Нет, нет! У тебя есть мелочь? Мне так хочется еще раз стукнуть...

— Ты что — маленькая? — отвечал Губерт раздраженно, прокладывая сквозь толпу дорогу в зал.

Дагмар семенила следом за ним. В тувельках на таких высоких каблуках это было нелегко. Несколько раз она хватала его за рукав, чтобы задержать, но Губерт вырывался. Только в зале, где уже больше не осталось танцующих, Дагмар настигла его, и то потому, что он приостановился, не желая возвращаться к столу один.

— Останемся, Губерт!.. — просила Дагмар.

Он резко повернулся.

— Нет!

Видимо, незначительная разница в возрасте между супругами действительно не играет роли, особенно если жена так красива, как Дагмар. Сегодня она была особенно хороша. Впрочем, это заметил не только он, но и другие. Все же мысль о привлекательности жены сейчас не радовала Губерта, не было у него желания и оставаться здесь дольше.

— Мы же договорились в двенадцать исчезнуть!

Дагмар продолжала ныть:

— Мне здесь так нравится, так хочется потанцевать еще...

Он заметил, что Дагмар не пропустила ни одного танца, Дагмар приглашали не только его коллеги, но и папаши учеников, словно платя дань за своих нерадивых отпрысков, которым Губерт на уроках естествознания и химии пытается вбить в голову хоть какие-то знания. Когда Губерт видел, как, танцуя, она счастливо улыбается своим партнерам, он злился, более того, поймал себя на том, что, может быть, даже ревнует. Этого одного уже было более чем достаточно. Кроме того, Губерт и мысли не допускал ради каких-то несчастных танго оставить норок без присмотра на целую ночь и погубить весь свой нелегкий двухлетний труд!

— Тогда танцуй здесь без меня! Я — еду! — крикнул он в бешенстве, и ему было безразлично, что кто-то может видеть и слышать их размолвку. Губерт перестал обращать на Дагмар внимание, в полной уверенности, что одна она здесь все равно не останется, и двинулся к столу, где они сидели. Он дал сто крон Милошу Лексе и попросил за него расплатиться, а потом поочередно попрощался с теми, кто еще оставался, а не отправился ужинать в салон или в бар. Губерт даже не пытался объяснять причину их скоропалительного ухода. И Дагмар тоже пожалала всем руки, присоединив к рукопожатно вымученную улыбку.

В машине она молчала. За руль сесть отказалась, и, несмотря на то что Губерт выпил пива и даже рюмку коньяку, ему самому пришлось вести машину. Дагмар задумчиво смотрела вперед, не отрывая глаз от капота машины. Они миновали короткие улицы Крушетниц, и липовая аллея вывела их в поле.

Губерт чувствовал необходимость извиниться перед женой.

— Ведь мы же договорились, Дагмар, правда?

Дагмар не ответила. Этого он ожидал.

— Все равно после двенадцати уже ничего интересного не будет, ты и сама это знаешь. — Ответа опять не последовало. Дагмар лишь подняла воротник пальто: наверное, ей было холодно. Губерт судорожно расхохотался. — Знаешь, что мне сказала Кутнаерова? Что от меня в школе ожидали большего. Хотя все знали, как меня

помели из Тынца! Уж не воображают ли они, что я им буду наизнанку выворачиваться? Я не настолько паивен, чтоб гореть энтузиазмом! Равнодушный? Так они же этого добивались! Разве я не прав? — повернулся он к жене. Но Дагмар упорно молчала, подавляя в себе сложное чувство жалости и разочарования, чего Губерт, конечно, не знал.

Глава десятая

В кабинете замдиректора Гавелки проходило собрание партгруппы. Каплирж с Бендой притащили сюда еще несколько стульев. Анечка Бржизова, директор и Иванка Раухова сидели за журнальным столиком, все остальные расположились вокруг. Бржизова, поигрывая авторучкой, информировала собравшихся о том, какой разговор состоялся между ней и заведующей детсадом. Та считала себя насмерть оскорбленной, но две другие воспитательницы пообещали создать для маленькой Радки оптимальные условия. И на следующий день дети зашли за Радкой домой, взяли ее за руку и спокойно отвели в детский сад.

— Поразительно! Я бы никогда не поверил, что подобная вещь может произойти у нас! — заметил Гавелка.

— А что тут такого? — изрек многоопытный Бенда. — Вот со мной служил один венгр, так он рассказывал...

— В Вышних Ружбах, не так ли, Франтишек? — перебила его Бржизова.

— Ага! — подтвердил удивленный Бенда, и остальные заулыбались. — Ты его знала?

— Нет, нет! — сказала председатель партгруппы. — Но дай ты уж нам всем наконец покой со своими Ружбахами!

— Франта, — поинтересовался директор Ракосник. — Правда ли, что вы в Ружбах оттрубили целых два года?

— Почти. Вот однажды... — вспомнил вдруг офицер запаса Бенда Франтишек, — ... наш полк перебросили на Палаву...

— Стоп, Франта!.. — патетически воскликнула Бржизова. Бенда понял, что каждая его военная реминисценция может увести присутствующих от повестки дня, и потому умолк.

— Я полагаю, однако, — Каплирж машинально поднял руку, словно просил слова и одновременно призывал присутствующих утихомириться, — что подобными проблемами должна прежде всего заниматься профсоюзная организация!

Директор Ракосник посмотрел на него и сказал:

— Не все ли равно, кто исправит положение, председатель парторганизации или кто-нибудь еще.

Он повернулся к остальным, ища поддержки, что было вполне естественно.

— Председателю партийной организации следовало бы заняться вещами куда более важными! — не пожелал отступить Каплирж.

Все головы повернулись к нему, Анечка Бржизова спросила:

— Что конкретно ты имеешь в виду?

Каплирж достал из кармана небольшой листочек бумаги и футляр с авторучкой. Бумажку он расправил на колене, словно собираясь что-то записывать, и заявил:

— Например, политическое руководство балом!

Все заговорили непонимающе и удивленно. Гавелка сказал:

— Пепик, ты что дуришь? С каких это пор парторганизация руководит балами? Это дело родительского комитета!

Каплирж пристально глядел на белый квадратик на своем колене и, не поднимая глаз, продолжал говорить:

— Но свое мнение, как член партии, я могу высказать, не так ли?

— Несомненно, — согласилась Бржизова, — но не половинчато. Как, по твоему мнению, мы должны были поступить?

Он опять что-то написал мелким почерком. Присутствующие следили за тем, как бегают острый кончик его пера.

— Вам, видимо, не претит то, что творилось в салоне номер два?!

И вдруг все взгляды сосредоточились на директоре Ракоснике. Почувствовав это, он спросил:

— Ты имеешь в виду историю с роялем?

— Именно ее! — сказал как отрубил Йозеф Каплирж.

— Мальчишеская выходка Камила, не более! — засмеялся Гавелка. — Никто и не предполагал, что он может выкинуть такой номер.

— И ты тоже не предполагал, товарищ Гавелка? — спросил Каплирж тоном генерального прокурора.

— Нет, — честно ответил Гавелка.

— Но ты, как член комитета, знал всю программу.

— Рояль мы помогли втащить в салон, и я был за то, чтобы Камил разыграл его в лотерею.

— Почему же, Йозеф, ты сам не вмешался, не стал протестовать, если тебя так страшно оскорбляло то, что вытворяли с роялем? — пошел в атаку директор Ракосник, ибо понял, что значительную часть вины Каплирж пришьет ему. Впрочем, он сам, не кривя душой, признает, что расправа с инструментом — не самое подходящее занятие и не украшение программы.

— По-твоему, я должен был остановить этих взбесившихся варваров? Но как?.. — Все вокруг лишь улыбались. — Вам безразлично, что политическая работа в школе, влияние парторганизации на общественность сведены к нулю. Вот, например, товарищ Влах, — тут Каплирж иронически усмехнулся, — даже послал свою жену, чтобы и она тоже ударила по инструменту. Как в таком случае должны вести себя остальные родители, если супруга члена партии сама подает пример уничтожения культурных ценностей?

Этого следовало ожидать, подумал Губерт. Уйди они с Дагмар раньше, как только перестала играть музыка, вполне обошлось бы и без этих идиотских развлечений! Хотя, говоря честно, дареный рояль стоил не дороже вязанки осиновых дров. Губерт не утерпел и бросил:

— Я, как вы понимаете, товарищ Каплирж, этот молоток привез с собой из Тынца специально. Завернутым в целлофан!

Дана Марешова прыснула, но Каплирж явно не был расположен шутить.

— Вы можете иронизировать сколько угодно, но я убежден в том, что в пятницу вечером была совершена большая политическая ошибка! — И он снова что-то записал на своей бумажке.

После этих его слов у всех окончательно пропало желание продолжать полемику. Если уж быть объективны-

ми, рассуждали они, Каплирж прав, в какой бы патетической и мерзкой форме он ни высказывался.

— И что же ты предлагаешь? — спросила наконец Бржизова, глядя, как коллега Каплирж складывает и прячет листок в бумажник, столь бережно, словно это была стокронная купюра.

— По существу, ты, конечно, прав, — продолжала она. — Мы все, очевидно, совершили ошибку. С нашей стороны было необдуманно поручить составление программы Камилу и оставить без проверки то, что он задумал...

— Ну?.. — подталкивал Каплиржа директор Ракосник, заметив, что его ревностный коллега не торопится с ответом.

Лично он, директор Ракосник, если не считать истории с роялем, балом чрезвычайно доволен. Большинство родителей, с которыми он беседовал, хвалили детскую самодеятельность, им понравились новые костюмы юных хористов, да и спортивные выступления группы Прскавца прошли с исключительным успехом, а если к этому приплюсовать прекрасное настроение его, Ракосника, супруги, которое отдавалось эхом еще и дома!.. — Ракосник любил это ее легкое опьянение, вернее, алкогольную истому, и ему каждый раз казалось, что он совершает любовный акт с разными женщинами. Суммировав все это, директор Ракосник определил минувший бал родительского актива как исключительно удачный.

Каплирж выжидал, пока все сосредоточатся настолько, что начнут вслушиваться в каждое произнесенное им слово.

— Предлагаю внести в протокол сегодняшнего собрания, что партийная организация безответственно подошла к подготовке бала и потому в программе вечера была допущена серьезная политическая ошибка, проявившаяся в массовом вандализме.

— Товарищ Каплирж, — возразила Ивана Раухова, — ты преувеличиваешь!

Каплирж пристально смотрел на Бржизову и, словно не слыша замечания Иванки, добавил:

— Если вы с моим предложением не согласны, я требую, чтобы оно было внесено в протокол как мое особое мнение. На это я ведь имею право, не так ли?!

— Безусловно! — заверила его Бржизова.

— Мы могли бы записать в протокол это как-нибудь иначе... — попытался директор Ракосник смягчить желчный выпад Каплиржа. Но тот потребовал у Бржизовой поставить его формулировку на голосование.

Председатель парторганизации оглядела сидевших, словно ожидая помощи. Но помощь не приходила. Бенда нервно грыз ногти, Губерт Влах глядел куда-то в окно, директор Ракосник и Иванка Раухова уже капитулировали, видимо решив, что ничего особенного не произойдет! Это будет лишь предостережением на будущее. Наукой, что подобными общественными мероприятиями придется заниматься теперь партийной организации.

— Кто согласен с предложением... — Анечка Бржизова хотела сказать «Йозефа», но передумала, — ...товарища Каплиржа?

Руки медленно поднялись. У присутствующих была возможность изменить формулировку, но как не признать ошибки, которая действительно была совершена? Первым, как и полагается, вскинул руку автор и вдохновитель предложения. За ним директор Ян Ракосник, хотя мина у него при этом была кислая. Подняли руки Раухова и Бенда. Интересно, он и на военной службе грыз ногти? Гавелке, которому следовало бы знать в деталях программу бала, не оставалось ничего иного, как тоже проголосовать «за». Дана Марешова и председатель парторганизации Бржизова подняли ладони вверх.

— Кто против? — спросила Бржизова механически.

В воздухе забелела рука Губерта Влаха. Все головы повернулись к нему. Он выдержал взгляды и опустил руку на колено. Вид у него был независимый.

— Прошу внести в протокол! — заявил Каплирж.

Собрание продолжалось. Перешли ко второму вопросу. Каждый старался говорить спокойно, делая вид, будто происшедшее его никак не тронуло. Лишь Дана, наклонившись к Иване Рауховой, шепнула ей на ухо:

— Чего это он взбрыкивает?

Пионервожатая едва заметно пожала плечами, показывая, что выходку Каплиржа объяснить не в состоянии.

— Может, хочет выбиться в рысаки? Почему мы знаем? — тихонько ответила она наконец.

Такие дни, как сегодня, когда подмораживает и ветер гонит по тротуару мелкие хлопья снега, поблескивающие под февральским солнцем, Дагмар Влахова очень любила. Несколько дней, что прошли после бала, она считала «мертвыми». С мужем они не разговаривали, впрочем, для долгих разговоров повода он не давал, за обиду она хотела отплатить ему язвительным холодом, но для того, чтобы осуществить свою месть, ей необходимы были его присутствие, вопросы, на которые она не отвечала бы, его прикосновения, которые бы отвергала. Норки, и только норки, требовали его неукоснительных и неустанных забот. В ту ночь, когда они вернулись с бала, со зверьками, как и следовало ожидать, ничего не случилось. Но в субботу утром Губерт погрузил заболевших норок в машину и повез в ветеринарную лечебницу. Врач определил, что они больны вирусным гриппом, прописал антибиотики и большую дозу витаминов. Губерт стал ездить в школу на машине, в полдень возвращался домой, давал норкам лекарство и снова уезжал в школу, чтобы провести два оставшихся урока. Ночью несколько раз на его столике начинал звонить будильник, он тут же вскакивал и шел морозной ночью проверять состояние их здоровья. Норки отнимали у него не только время, но и сон. Он волновался, зная, что через несколько дней наступит пора спаривания и они к этому времени должны быть абсолютно здоровы.

Дагмар смотрела из окна кабинета на улицу. Противотуберкулезный диспансер находился в старом особняке на углу площади. Зал ожидания, приемный покой, несколько раздевалок и фотолаборатория — все размещалось на втором этаже. В городе поговаривали, что через три года в микрорайоне будет построена новая поликлиника и «туберы» переедут туда же, а впрочем, им и здесь неплохо. Работа не трудная, пациенты в большинстве своем не ноют, не стонут, не толкуются у дверей. От семи и до двенадцати — в двенадцать Дагмар с Марженкой идут обедать — она повторяет: «Вдохнуть, задержать — и-и-и выдохнуть!» — и делает рентгеновский снимок легких. Делает она это уже девятнадцать лет, но работа ей по-прежнему нравится, хотя Дагмар давно перестала проявлять интерес и оценивать внешность и физические данные больных. Здесь, перед аппаратом, и самые рослые и мускулистые мужчины выглядят весьма непривле-

кательно. Бронзовый отпускной загар быстро светлеет. Иногда Дагмар немножко завидует молодым девчонкам, их робкому смущению перед холодным рентгеновским аппаратом. Старые бабы, с обвисшей до самого пояса грудью, не страдают подобными комплексами. С годами Дагмар стала приглядываться к выражению лиц пациентов, особенно к выражению глаз и к улыбкам. Вот чем они себя выдают!

Сегодня Дагмар на работе и не на работе. Рентгеновский аппарат уже второй день бастует. С самого утра с ним возится техник, которого прислали из больницы. Он даже не пошел обедать — Дагмар сварила ему кофе, он выпил на ходу и снова согнулся над сложным переплетением кишочек внутри аппарата. Марженка взяла отгул, зачем понапрасну тратить день? У нее сегодня стирка. Дагмар приведет в порядок картотеку и вложит в ящик проявленные снимки. До завтрака она со всем этим управилась и теперь терпеливо ждет, пока закончит работу техник, лишь время от времени поднимает телефонную трубку. Звонят то из больницы, то спрашивается о своих делах какой-нибудь потенциальный бациллоноситеь. После обеда Дагмар возвращается в рентгеновский кабинет. Техник все еще копается в аппарате, и у нее не хватает смелости спросить, когда же он соизволит наконец собрать свои инструменты и отправится восвояси. Сейчас самое время сделать маникюр. Записка на двери вселяет уверенность, что, кроме уборщицы, сюда никто не войдет. Дагмар машет растопыренными пальцами, чтобы поскорее высох лак, но тут техник прекращает работу, объявляет, что все в порядке, и просит горячей воды помыть руки.

Техник улыбнулся, и Дагмар увидела два ряда великолепных зубов. Она забыла его фамилию, хотя утром он назвался. С ней такое случается постоянно.

— Посидите немного! — Дагмар осторожно придвинула ему свободный стул. Подошла к белой полке и включила кипятильник. Горячей воды, как и следовало ожидать, не было.

— Хотите кофе? — повернулась Дагмар к технику и обнаружила, что он разглядывает ее ноги. Ее это ничуть не удивило. Ведь даже для пациентов подобные детали значительно притягательней, нежели плакаты и па-

мятки на медицинские темы, которыми оклеены стены кабинета.

— Очень! — воскликнул он и поставил локти на стол.

Дагмар достала из шкафчика две чашки, из банки от хлорамина насыпала кофе. Сахар они с Марженкой держали в картонной коробке.

— Сколько вам кусков?

Он попросил два.

— А себе не положите? — удивился он, увидав, что свою чашку она обошла.

— Иногда ведь хочется вообразить, что у тебя есть сила воли. Потом, увы, с лихвой отдаю дань конфетам! — засмеялась Дагмар своему тщетному старанию сбросить хотя бы один-единственный килограмм. Неизвестно по какой причине, Дагмар, как и девяносто девять процентов женщин, была убеждена, что заражена бациллой тучности. Приготовив полотенце и мыло, она снова вернулась к кипятивнику. Техник разглядывал фотографии ее детей, засунутые под стекло на столе по соседству с несколькими открытками и голубыми лотерейными билетами.

Он тоже похвастал своими двумя сыновьями. Одному — десять, второй — на два года моложе. Старший мужи не обидит, младший — будущий Наполеон.

Вода для мытья уже согрелась. Дагмар осторожно налила ее в раковину. Техник закатал рукава рубахи, обнажив до локтей сильные руки, поросшие золотистыми волосками, более светлыми, чем волосы на голове. Умывался он тщательно, Дагмар сказала бы — педантично, как хирург перед операцией. Дагмар тем временем приготовила кофе, чашки перенесла на стол, стараясь не спутать сладкий кофе с несладким, села на свой стул, ожидая, пока техник вытрет руки, наденет кожаную куртку с лохматым воротником и сядет.

— Я вас не задерживаю? — спросил он.

— Нет, вовсе нет! — ответила Дагмар, и это была правда. Ее вдруг обрадовало, что незнакомый мужчина не торопится. Жаль только, что утром она не расслышала его имени.

Он вернулся взглядом к застекленному столу и, облизнув ложку, указал ею на открытку из Багдада. В прошлом году ее прислал Дагмар доктор Брадач, работающий там в больнице.

— Знакомые места... — заявил он без тени хвастовства.

— Да?.. — удивленно спросила Дагмар.

— Я проработал там два года. Монтировал нефтеочиститель. Снимали, похоже, от ворот университета. Мы жили неподалеку.

Потом рассказал случай с глиняной амфорой, которую они откопали где-то в пустыне. Он осторожно вез ее в багажнике и размышлял, как бы вывезти ее домой — на такие драгоценные вещи у полицейских всего мира особый нюх, — когда на первом же перекрестке на дорогу вылетел велосипедист. Пришлось резко тормознуть, и сзади в его машину врезался таксист, разбив не только багажник, но и драгоценный трофей.

У техника была приятная манера рассказывать. Он иронизировал над собой, над своей неловкостью и излишней доверчивостью, которые всегда мешают ему... Дагмар внимательно слушала, а когда он окончил свой рассказ, искренне рассмеялась.

Их беседа легко обошла несколько подводных рифов неизбежной скуки. Он расспрашивал Дагмар о работе, о том, как учатся дети, поинтересовался, где они провели нынче отпуск.

— Дома, — коротко ответила Дагмар, не желая продолжать разговор на эту тему.

Однако человек в куртке, похожей на летнюю, не собиравшись так легко отказываться от поднятой им темы. Он отпил кофе, поставил чашку на стол и с удивлением взглянул на Дагмар.

— Кто-нибудь заболел?

— Нет, никто... — поспешно ответила Дагмар. — Мы просто не могли. Вернее, мой муж не мог: он разводит норок. А оставить не на кого, даже на десять дней. Вот и торчим здесь! — Она вздохнула и стала собирать ложечкой кофейную гущу со дна чашки.

— Зато куча денег!.. — сказал он скорее шутливо, чем всерьез.

Он, конечно, не мог знать о ссоре, вспыхнувшей между ней и Губертом во время отпуска. Дагмар просила Губерта списаться с братом, отцом Милены. Наверняка он смог бы неделю, а то и десять дней привозить с боен мясо, перемалывать его в мясорубке и дважды в день кормить норок, ходить за ними так же заботливо, как

сам Губерт, а если понадобится, то встать ночью, если через открытое окно услышит беспокойный топот. На все ее просьбы и предложения ответ был категорическим и отрицательным. Можно отдохнуть и дома. Если Губерт что-то решил — то берется за дело целеустремленно и самоотверженно. Половинчатости в работе он не выносит. Половинчатость же в семейной жизни в расчет не берет.

— А на что они нужны, деньги? — возразила Дагмар.

Техник испытующе посмотрел на нее, явно стремясь уяснить причину скепсиса в ее тоне. Но Дагмар, быстро опомнившись, прогнала морщинки, укрытые в уголках губ:

— А где были вы?

Он почувствовал, что любой ответ, будь то Париж, Ялта, Марокко, Словацкий крас* или ближайшая деревня, лишь усилит ее печаль, и потому, обойдя его каким-то ловким словесным оборотом, стал смотреть долгим взглядом в окно на улицу, на крыши домов, где сеял мелкий снег.

— Вы на лыжах ходите? — спросил он и снова отпил кофе.

— И очень неплохо... когда я была молодой, то даже участвовала в соревнованиях. В нашей семье все хорошо ходили на лыжах.

— Вы сами откуда?

Она назвала горную деревню.

— Эти места я знаю!.. — почти выкрикнул он и добавил, что вблизи, за холмом, находится дом отдыха их предприятия.

Дагмар назвала несколько пришедших на память достопримечательностей, он кивнул и перечислил остальные. Он отлично знал этот горный уголок. Они обменивались подробностями, касающимися прогулочных троп, задавали друг другу каверзные контрольные вопросы, ответы на которые им были заранее известны, и это казалось им чрезвычайно смешным. У каждого были неповторимые, жуткие, потрясающие воспоминания, тяжелые падения, к счастью окончившиеся благополучно.

На улице быстро сгущался сумрак. Первая лампа, вспыхнувшая у входа в «туберы», испугала Дагмар. Она

* Словацкий крас — плато в Словакии и Венгрии.

взглянула на часы и, ахнув: «Мне пора!», быстро поднялась со стула.

— Я задержал вас... — извинился он и понес обе чашки к раковине, собираясь вымыть. Дагмар удержала его — будет время утром.

— Я ваш должник! — сказал он, нагибаясь за кожаной сумкой с инструментом. Дагмар скинула халат и достала из шкафа зимнее пальто. Он свободной рукой помог ей одеться, Дагмар заперла стол, опустила жалюзи картотеки и проверила, выключен ли ток в рентгеновском аппарате. Он терпеливо ждал в коридоре, пока она погасит свет и запрет кабинеты.

— Я отвезу вас домой! — предложил он. — Где вы живете?

Дагмар назвала улицу, в конце которой стоял их дом.

— Направление — Ломница, — уточнил он, заявив, что не позволит ей идти в такую даль пешком, хотя бы в благодарность за такой вкусный кофе!

Под аркой соседнего дома стояла его машина. Дагмар ожидала увидеть служебный фургончик, как те, на которых иногда приезжают всякие там слесари-монтеры. Но в сумраке перед ней возникла новенькая «симка». Он сел за руль и распахнул перед Дагмар дверцу. Сиденье мягко приняло ее в свое лоно. Она уселась поудобнее, испытывая такое же удовольствие, как гурман от вкусной пищи. Автомобиль плавно тронулся с места.

— Сюда!.. — показала она свой дом. Несколько окон были уже освещены. Над самой землей ярко горело маленькое подвальное окошко. По всей вероятности, Губерт готовит корм для своих норок. Широкое окно мезонина принадлежит Яромиру. Ему надо делать уроки, но он, вне всякого сомнения, барабанит на пианино, одолжив у кого-то из ребят ноты с музыкальными нотог'ами. Романка в кухне, как обычно, набивает рот конфетами, потому что ее никто не видит, и зубрит урок по математике.

Машина мягко притормозила. Дагмар повернулась к мужчине за рулем и сказала:

— Благодарю вас!

Он приглушил рефлекторы, но мотора не выключил. Дагмар протянула ему руку.

— До свидания! — улыбнулся он и помог ей открыть дверцу. Он наклонился, и Дагмар ощутила приятный аромат одеколona. Она вылезла и, не уходя, смотрела,

как, сделав круг, машина повернула обратно к городу. Рефлекторы теперь светили вовсю.

— Значит, Мирек уже дома! — сказала Ирене на переменке Анечка Бржизова. Они стояли в коридоре вместе с Даной Марешовой и наблюдали за ребятами, чинно прохаживающимися парами.

— Дома?.. — протянула Ирена так, будто Анечка высказалась недостаточно ясно. Она скрестила на груди руки и усмехнулась.

— Я слышала, что свадьба у вас вот-вот! — поддакнула Дана Марешова и дернула мальчишку, который собрался подставить ножку девочке в фартучке в горошек.

— Можете быть спокойны — моя свадьба пока не предвидится!

— Не думаю! — заметила Бржизова. — Твоя мама говорила мне совсем другое!

Вполне возможно, что мать именно так и говорила. С того дня как Мирека выписали из больницы, все вокруг твердят одно и то же. Как будто Ирена стала в тягость близким, словно ее родители опасались, что она засидится в девках. Тяжелая травма Мирека сблизила обе семьи. Матери наносили друг другу регулярные визиты, хотя прежде общения ограничивались лишь дружескими приветами. Видимо, и они склонялись к тому, что молодые в самое ближайшее время должны пожениться. Сейчас обе матери взяли невиданный темп и в теснейшем содружестве уже готовят самую великолепную свадьбу, которую только видел этот город...

Когда Мирек лежал в больнице, Ирину каждое воскресенье возили к нему и каждый раз деликатно оставляли их какое-то время наедине. Мирек долго находился в маленькой палате один, перенес несколько сложных операций, все болезненные, но удачные. По мнению лечащих врачей, у него останется лишь шрам над глазом и будет слегка искривлен нос. Он уже мог стоять и самостоятельно, правда опираясь на палку, преодолевал бесконечно длинное расстояние до туалета. Потом его переместили в общую палату, где лежали шесть больных. Когда Ирена присаживалась к Миреку на койку и молча смотрела на него, соседи донимали ее разговорами о том, что, мол, излишнее воздержание вредит здо-

ровью, шутливо предлагая уползти из палаты, хотя бы и на четвереньках, если это ускорит выздоровление Мирека.

Ирена привыкала к его новому лицу и чужой улыбке. Когда они действительно остались одни, он, взяв ее за руку, стал говорить о том, как все будет, когда он вернется из больницы, что в свадебное путешествие они поедут непременно в Татры и что она возьмет отпуск за свой счет и целая неделя будет принадлежать им, и только им... В больнице он решил, что после свадьбы они поселятся у его родителей. Пробьют двери в спальню, старый вход заделают и таким образом получают две отдельные большие комнаты. Кухня пока будет общая, позже пристроят новую. И вход, и прочие удобства, конечно же, будут отдельные, чтобы Ирене не приходилось сталкиваться со свекровью, хотя его мать и неплохой человек.

Каждый раз Ирена холодно целовала его, и этот поцелуй был принудительным. Мирек очень скоро заметил, что Ирена стала совсем другой, не такой, как прежде.

— У тебя кто-нибудь есть? — спросил он, когда она пришла к нему в следующее воскресенье.

— Нет!.. — ответила Ирена спокойно.

— Ты очень изменилась!

Ему уже сняли с головы повязку и убрали поверхностные швы. На бритой голове отрастали волосы, и он юхотил на ошипанного цыпленка, впрочем, был скорее жалким, чем смешным.

— Ты соскучилась?

Она не смогла сказать «нет!» и едва заметно кивнула. Его глаза засняли. Мирек, схватив ее руку, прижал к губам. Он не отдавал себе отчета в том, что все, что Ирена к нему когда-то испытывала, сейчас сморщилось, скукожилось, словно яблоко по весне, превратившись лишь в сочувствие. Быть может, она стала равнодушнее и к самой себе? Нет, она делала это, чтобы не обидеть его. Ирена была убеждена, что больной может знать все, кроме правды. Сама Ирена правду знала, более того — хотела узнать ее до конца. Еще до рождества она придумала причину, чтобы съездить в Тынец. Отец дал ей машину и, помимо ключей, еще тысячу ненужных советов на тему, как вести себя за рулем. Мать, к счастью, еще не вернулась с работы, иначе стала бы нудить и просить-

ся ехать вместе с ней. Но Ирена была тверда и ее атаку наверняка отразила бы. Ни в какой Тынец Ирена, конечно, и не собиралась. На перекрестке за Мытом она свернула на проселок, который крутым серпантином устремился вверх, в гору, чтобы потом стремительно помчаться вниз. Минувя парк, обнесенный каменной стеной, Ирена добралась до небольшого замка, где помещался сельскохозяйственный техникум. Здесь жили и учились студенты. И воспитательницы. Ирена хотела посмотреть на них, точнее, на ту, с которой Мирек провел ночь. Он приезжал сюда и раньше. Об этом Камил не обмолвился ни словом.

Ирена видела Камила как-то на площади, он прогуливался с коротко подстриженной незнакомой девушкой. Это могла быть одна из тех двух, о которых так сдержанно говорила Беркова.

Ирена повернула рычажок под рулем, и правая стрелка заморгала. Ирена свернула на узкую дорогу, ведущую к воротам парка. Задние колеса буксанули на остатках смерзшегося снега, но она легко выровняла машину. Метров через двести Ирена затормозила на небольшом надворье перед замком. План, как войти в контакт с неприятелем, был заранее детально разработан. Ирена вытащит ключи из стартера, запрет машину, зайдет к дежурному, спросит, где работает пани Беркова, и отправится прямо к ней: я, мол, ехала мимо, как вы сами понимаете — случайно, не хотите ли, подвезу вас домой? Беркова обрадуется, автобуса не дожدهшься, садись, Иренка, скажет она, сварить кофе? Есть хочешь? Как дела у Мирека? Вот ведь бедняга, а недавно еще здесь играл! Но Ирена ответит, что будет ждать ее на улице — и так, дескать, целый день сидит в школе, — а сама пойдет по коридору и первого же встречного парня или девушку спросит, где найти воспитательниц. Сейчас они еще занимаются со своими питомцами, но вот-вот должны появиться. Ирене необходимо их найти, ведь для этого она сюда приехала! Она увидит ТУ и задаст вопрос, где находится старая Беркова, а за эти несколько секунд узнает ее и оценит. На какие опрометчивые шаги толкнет ее ревность, предвидеть заранее Ирена, конечно же, не могла.

Она выключила мотор, вылезла из машины и собиралась уже, захлопнув дверцу, запереть ее, но не успела

даже вытащить ключи, как увидела, что из громадных ворот замка повалила шумная толпа учащихся. Их было не меньше пятидесяти. Вслед за ними шли трое взрослых. Мужчину в зимнем пальто, застегнутом на все пуговицы до самого подбородка, Ирена в счет не брала. Она метнула взгляд в двух женщин, которые шагали рядом. В одной Ирена сразу же узнала подружку Камила. Брюнетка! Это была ОНА! Ошибки быть не могло.

Такая девушка с гордой осанкой вполне могла быть соперницей! Признаться себе в этом, конечно, горько и больно, но Ирена хотела знать правду. И вот она, правда. Теперь-то она знает все, и даже с лихвой! А известно ли этой «ночной красавице», что Мирек попал в катастрофу, что лежит в больнице битый-перебитый, наполовину калека? Возможно, Мирек писал ей, правая рука у него действует. Ирена долго смотрела на девушку; та, почувствовав взгляд, улыбнулась очаровательной улыбкой и спросила:

— Вы кого-нибудь ищете?

— Нет, нет!.. — поспешно ответила Ирена и сунула связку ключей в карман шубки. Теперь все трое разглядывали ее. — Я приехала к пани Берковой.

— Вот как!.. — дружески улыбнулась последняя страсть Мирека. — Она, видимо, в кухне, по крайней мере я только что ее там видела.

У нее был звонкий мелодичный голос. Потом они все спустились по ступенькам вниз, на площадку, и больше уже Иреной не интересовались. Будущие агротехники и агрономы с громкими криками один за другим исчезали в замковом парке.

Ирена сделала вид, будто идет к Берковой, но, миновав ворота, как только милосердный полумрак скрыл ее, остановилась в начале длинного коридора, где эхо чутко отзывалось на самый тихий шаг, и стала ждать, когда те трое растворятся наконец во тьме за кустами, с которых еще и сейчас, зимой, не облетела листва.

Ирена вернулась к отцовскому автомобилю, села за руль, спокойно прогрела мотор и пустилась в обратный путь.

Странно: она не была ни раздражена, ни взволнована. Чувство неукротимой ревности сменилось тупым безразличием.

И вот Ирена сидит за рулем, а в памяти мелькают поблекшие кадры. Хорошие минуты с Миреком. Отпуск в Болгарии, сумасшедшая гонка по замерзшему шоссе над плотиной, на Шпиндлеровом Млине, последние прощальные поцелуи в дверях, когда поздно вечером он провожал ее домой, прошлогодний бал охотников, регулярные дискотеки в клубе по пятницам.

То были обрывки воспоминаний! Черноволосая красавица на лестнице замка была намного реальнее, убедительней и вызывающе грешной. И все-таки Ирена играла словно в теннисный мяч теми прекрасными минутами, хотя они давно ушли в прошлое.

Но дома западня захлопнулась. Ирену терзало одиночество, все эти разговоры о свадьбе, которыми обе матери развлекались, как пасхальными трещотками, необходимость регулярно посещать больницу... Ей казалось, что она уже не в силах принять никакого решения, даже на ближайший час, не говоря уже о будущей жизни. Она безучастно позволяла тащить себя в общей упряжке горячих забот и внимания. Когда Мирека выписали из больницы — с еще не зажившими стежками шрама над глазом, прихрамывающего, опирающегося на палку, — дата свадьбы уже была определена...

— Нет, нет, ты похвались нам, Иренка, — настаивала Дана. — Когда же все-таки будет это самое, чего, как ты утверждаешь, не будет?

К чему делать из этого секрет? Мать так или иначе не сможет удержать языка за зубами, ведь она так счастлива, что выдает замуж единственную дочь!

— В первую субботу марта! — сообщила Ирена дату, на которой остановились обе матери. Сослуживицы, облегченно вздохнув, просияли и тут же принялись наперегонки задавать вопросы: «Сколько будет народу? Что ты наденешь? Пошьешь белое? А ужин? Говори! Кого берешь в свидетели?..»

Ирена отвечала уклончиво. Они даже обиделись.

По коридору прямо на них мчались двое мальчишек из восьмого. Стадо мустангов передвигается в прериях, несомненно, намного тише... Когда уже казалось, что все три учительницы сейчас будут сбиты с ног, мальчишки притормозили, и тот, что повыше, с прелестной щербинкой между передними зубами, тяжело переводя дыхание, выпалил:

— Товарищ учительница! — Это относилось к Дане Марешовой. — Вас зовет Ракоска! Прямо сейчас!

— Ты хотел сказать — товарищ директор Ракосник?.. — поправила его Бржизова.

— Да... конечно, извините! — запыхтели посланцы. Дана посмотрела на приятельниц.

— Что случилось? — спросила она ребят.

— Это нам неизвестно. Поехали! — пожал плечами тот, поменьше, и растопырил руки, словно вел гоночный мотоцикл.

Учительницы, как видно, ошиблись, они примчались не на мустангах, а на сверхмощных мотоциклах. Мгновенно взяв старт, «гонщики» заставили нескольких первоклашек отпрянуть в сторону и освободить путь. Первый поворот перед школьной кухней они преодолели с профессиональной уверенностью.

Дело плохо! — поняла Дана в тот же момент, как только вошла в кабинет директора. У двери, прижавшись к стене, стоял Камил Маржик, напоминая приколотого к пробке экзотического жука. В кресле за журнальным столиком сидел, поигрывая карандашом, Гавелка. Дана вошла, он взглянул на нее и сделал попытку ободряюще улыбнуться. Директор Ян Ракосник шагал по кабинету, то и дело стряхивая пепел с сигареты, которая давно погасла. Вдруг он остановился и, подпрыгнув, крутанулся на каблуке. Ну чем не лутц!* И, слегка наклонив голову, бросил раздраженно:

— Где деньги за шиповник?

— У меня! — ответила Дана удивленно, словно не понимая причины его негодования.

— Почему ты до сих пор не раздавала их ребятам?

— Забыла...

— Сколько у тебя денег? — поинтересовался директор, все еще стоя в позе ведущего допрос судьи, который сражает обвиняемого залпами доказательств.

— Кажется, около тысячи крон, — сказала Дана.

Директор иронически рассмеялся.

— Около?..

— У меня есть подтверждение...

* Прыжок в фигурном катании.

— Деньги принести немедленно. И список тоже! — приказал Ракосник, заметив ее беспокойство.

Дана отбросила прядь волос со лба и тихо промямлила:

— У меня их с собой нет...

— Сходи за ними в класс!

— Я вообще не принесла их в школу!..

Директор Ракосник изумленно глянул на своего заместителя, тот пожал плечами. Подобное поведение казалось обоим по меньшей мере странным.

— Я боялась, что кто-нибудь стащит.

— Чепуха! Ты могла положить деньги в мой сейф. Это тебе в голову не пришло?

Дана не ответила. Директор Ракосник снова зашагал по кабинету.

— Только и слышишь жалобы! Родители беспокоятся, что детям не платят заработанные ими деньги. Что они подумают о нас, учителях? Конечно, это их право — жаловаться. Но ко мне, ко мне они не идут! Говорят в других местах. И не где-нибудь в молочной или там у мясника, а в облоно или на родительском собрании! А мне потом звонят все кому не лень: что это, мол, творится у вас в школе? Это, Дана, с твоей стороны несерьезно! Тебе-то ни перед кем не надо оправдываться, самое большее — тебя отругаю я! Но нам с товарищем Гавелкой еще полгода придется выслушивать попреки! Что мы зажали деньги! Украли у детей! Мы — жулики! Как будто я не знаю людей: их хлебом не корми, дай возможность пошуметь! И этот тоже!.. — повернулся он к Камилу. Камил вздрогнул. — Являешься в школу с какой-то сомнительной танцульки, и от тебя несет, как из пивной бочки! Чтоб такое в последний раз! Понятно?.. — Камил мотнул головой, словно загнанная лошадь. — С нас уже хватило дурацкой истории с роялем! Я вчера целое утро потратил на пани Кризову, до которой дошли слухи, что ты отдал на растерзание их семейный рояль! И это — ты, такой отличный музыкант! Нет, ты — варвар! Вандал! Конечно, — он изменил голос и коснулся взглядом Гавелки, — это и наша ошибка! — и, заметив зажигалку на своем рабочем столе, кинулся к ней, раскурил давно погасшую сигарету, потом объявил Данае: — Скоро десять! — Все поглядели на маятник часов, что висели на стене между двумя низкими шкафчиками и отмеряли

время уроков. — В десять пятнадцать идет автобус в Тынец. Собирайся, езжай домой за деньгами и за списком! В двенадцать вернешься и раздашь ребятам деньги! Тебе все ясно!

— Но у меня уроки, товарищ директор... — замялась Дана.

Директор Ракошник сделал резкий жест той рукой, в которой держал сигарету.

— Их вместо тебя проведет товарищ Гавелка. Ничего с твоими ребятами за два часа не случится. У меня все! — Он отпустил ее, но тут же вспомнил: — Когда возвратишься, я хочу просмотреть список, поняла?

Дана едва заметно кивнула и, не сказав ни слова, направилась к выходу. Она открыла дверь, в кабинет ворвался шум ребячьих голосов и трель звонка, этого врага столь дорогих сердцу переменок.

Денег у Даны уже не было. Совсем. Ни в классе, ни дома. Она знала, что рано или поздно деньги за шиповник кто-нибудь спросит, да и вовсе не собиралась их присваивать. Это было бы обыкновенным воровством, чего она никогда бы себе не позволила. Конверт с тысячью двумястами пятьюдесятью кронами в течение нескольких месяцев был ее добрым гением. Дана могла улыбнуться почтальонше, принесшей счет с проставленной заранее суммой страховки за автомобиль, оплатить рождественские подарки и выдавать, причем регулярно, деньги Павлу на карманные расходы. Несколько раз Дана давала себе слово, что на этот раз, именно на этот, она в последний раз лезет в измятый конверт. Что после Нового года непременно положит обратно недостающую сумму, но заботливая свекровь достала им путевки на зиму, куда-то в Есеник: «Вам необходим чистый воздух, всем трем: ребенку, Павлу и тебе, Дана!» Павлик и Павел страшно обрадовались этой поездке в горы, все ее уговаривали, ведь горный воздух так необходим для здоровья ребенка! Путевки надо было оплатить немедленно, иначе пропадут. Итак, от сокровищницы, которая казалась неисчерпаемой, в сумке у нее остался лишь неприглядный измятый конверт да три странички исписанной бумаги. К одной из них был прикреплен корешок зеленого чека.

В классе Дана объявила своим ученикам, что сегодня с ними проведет урок заместитель директора товарищ

Гавелка. Дети с удивлением смотрели, как она одевается, запирает стол и уходит куда-то, взяв с собой сумку. Простились с ней, как их учили, тихим вставанием. Гавелку она встретила уже в коридоре. Он спросил, какие уроки она должна дать.

— На столе все приготовлено, — сказала Дана рассеянно и заранее его поблагодарила. Гавелка сказал, чтоб она не переживала, что такое в школьной практике бывает. И вошел в класс. Дана услышала знакомый стук опускаемых парт.

Она вышла на улицу. В горле стоял ком, казалось, она сейчас задохнется. Дана лихорадочно соображала, что делать. Ехать домой бессмысленно: дома ей не набрать и двухсот крон. На сберкнижке Павлика лежат двадцать крон. Ровно столько, чтоб не закрыть счета. Остаются родители Павла. У свекрови наверняка отложена тыщонка, но эта не одолжит, пока Дана подробнейшим образом не объяснит, для чего и почему. Нет! Только не это. Каждая сотня, выданная свекровью, сопровождается бы иронической моралью о Даниной фантастической расточительности и абсолютном неумении самостоятельно вести хозяйство. Родные Даны живут далеко и практически помочь не успеют. Можно, конечно, послать две телеграммы: одну им, вторую брату. Но Дана представила себе перепуганных стариков и их предположения о том, что могло стрястись в Тынце, у детей. Брат, конечно, одолжил бы. Но он и сам без гроша, осенью достроил в Бероуне домик и влез по уши в долги. Двенадцать сотен для него сейчас цифра прямо-таки астрономическая. Остаются лишь товарищи по работе. Можно бы одолжить у них. Но у кого? У тех, кто помоложе, деньги не держатся. У пожилых учатся дети, кое-кто из коллег выплачивает за телевизор или купил в рассрочку мебель... Дана стала прикидывать, у кого же могут быть сейчас деньги? Конечно, у Губерта Влаха! Говорят, что он сорвал за норок неплохой куш. Одолжит? Скорей всего — да. С ним Дана знакома лучше, чем с кем бы то ни было. Но у него навряд ли есть с собой тысяча крон. Йозеф Каплирж. Детей нет, живет скромно, целый год копит, чтоб поехать в туристическую, за границу. Более того, он местный, может забежать домой на большой перемене и принести деньги. Бржизова ездит из Вестце, она отпадает, Адамцева раструбит по всем Кру-

шетицам, у Гавелки нельзя, а Бенда? В своем простодушии непременно проболтается. Кроме того, придется рассказывать в учительской, как в Вышних Ружбах старшина украл у полковника кассу. Дана подумала об Иванке Рауховой. Ивана всегда поможет. Но ее нет в городе. Вот уже неделя, как она уехала на курсы переподготовки пионервожатых куда-то в Сечь.

Решать, решать, как можно быстрее!

Через пять минут уходит автобус в Тынец.

Все! Решено! Каплирж.

Дана обогнула школу и вошла в сад. Каплирж с ребятами занимается в кабинете рисования. Как объяснить, зачем ей деньги? Лгать и ему тоже? Хватит с нее и того, что Каплирж будет знать про симуляцию отъезда и возвращения из Тынца, и того, что она заставила Гавелку без всякой надобности ее заменять. Дана скажет Каплиржу всю правду. Он поймет, он должен ее понять, и будет помалкивать. Деньги она вернет... ну, скажем, третьего! Она робко постучала в дверь кабинета.

Каплирж вышел в коридор. Он слушал Дану внимательно. И даже протянул носовой платок, сложенный узким прямоугольником. Дана не смогла сдержать слез. Каплирж пообещал. Вот только закончит урок и тут же сходит домой за деньгами.

Дана ждала его больше часа, околелев от холода в открытой автобусной ожидалке на площади. Взяв у Каплиржа конверт, она попросила его не говорить о случившемся ни слова. Нигде и никому.

Каплирж сказал: «Да, безусловно» — и первым направился к школе.

Подождав, пока он скроется, Дана пошла вслед за ним, делая вид, будто возвращается с автобуса, из Тынца. Через несколько минут она вручила директору список, чек на вырученную сумму и деньги.

Все старания Яромира Влаха, направленные к тому, чтобы устранить с лица красные болячки и черные точки угрей, не увенчивались до сих пор ни малейшим успехом. Он попеременно протирал кожу то чистым спиртом, то кокосовым молоком, то вытяжкой из алоэ и раствором камфары, умывался серным мылом, а потом пудрил детской присыпкой, не пил какао и не ел шо-

колад, полоскался в отваре ромашки и глотал препротивную кашу — геркулес. Тем не менее физиономия у него была как у заболевшего черной оспой. И вот, спокойно взвесив все свои тщетные усилия, предпринимаемые в течение двух прошедших лет, Яромир сделал вывод, что икс должен быть равен некоей женщине. Женщина предстала перед его внутренним оком в образе сногшибательной красоты, подобной тем, которых он тайно разглядывал в журналах, проникающих к нам из кое-каких северных стран. Яромир часто впадал в состояния депрессии по поводу того, что волею жестокой судьбины он, видимо, последний в группе, кто несет на себе позорное клеймо девственника. Влах-младший твердо решил избавиться от своей невинности, а тем самым и от угрей. Вот когда его однокашник Антонин Мраз, прославшийся в техникуме невообразимым ловеласом, будет супротив него не более чем жалкий дилетант.

Для реализации своего намерения Яромир Влах принял уже несколько попыток. При первой он огреб парочку великолепных пощечин от своей соученицы Долейшевой, которой в перерыве между лекциями заявил, что им обоим велено немедленно топтать в котельную. Иванка послушалась, хотя была удивлена, почему именно сегодня в такую дрянную погоду директор заставляет их вкалывать. Но когда Яромир, заперев за собой железную дверь, попытался обнять ее, Иванка отвесила ему и справа и слева две таких тяжелых затрещины, что Яромир смог отправиться домой, лишь когда стемнело. Наученный горьким опытом, он предпринял вторую попытку, на этот раз избрав новый метод: с небрежным видом остановив на площади сестру своего приятеля Миладу, Яромир без обвиняков сообщил ей, что желает с ней переспать. Девочка ответила: дурак! — и больно лягнула обидчика в коленку. Прихрамывая, словно больная собака, он добрался домой, улегся на коврик перед отцовским книжным шкафом, приняв решение подготовиться к столь ответственному жизненному шагу, прежде всего теоретически. Яромир доставал том за томом и, пролистав, с отвращением отбрасывал в сторону. Чешская, допараловская литература в описании любовных игр не пошла далее тех потрясающих сцен, где Риша встречается с Геленкой на лужайке... Тогда, прочитав «Интим-

ную бурю», «Катапульту»* и оснащенный познаниями, куда более исчерпывающими и подробными, нежели прежде, понял наконец, что это вещь банальная и простая и даже, можно сказать, примитивная. Взяв перо и лист чистой бумаги, Яромир написал письмо своей двоюродной сестрице — или, если вам угодно, кузине — Милене, где сообщил, что в пятницу приедет к ней в Колин. Такое решение вызрело в его голове, потому, что, читая поучительную литературу, Яромир вдруг вспомнил, о чем говорил его папаша, когда Милена собралась со своим пижоном куда-то в Крконоши.

Отец сказал тогда: «Да, Милена шлюха порядочная! Думаю, такая никому не откажет...»

И на комментарий Яромира, выразившийся в изумленном «Да ну...», чуть было не врезал ему по шее.

И как это Яромиру раньше не пришла в голову такая идея?

В четверг днем, едва вернувшись из школы, он отхватил порядочный кусок копченой колбасы и, прожевав его на ходу, отправился к отцу в сад. Матери дома не было. В последнее время у нее началась какая-то переподготовка на каких-то курсах и еще совещания в санаторных комиссиях, она вернется не раньше темноты; несмышлениш же, сестрица Романка, рисует в тетради дурацкие картинки, чтобы выслужиться перед учительницей и получить пятерку по истории.

Отец неподвижно стоял под навесом возле клеток и спаривал норок. Отобранные на племя экземпляры уже отголодали положенный день. Отец производил случку поэтапно. Пришла и для норок пора любовных игр и бесконечно затяжных любовных актов. Яромир подходил все ближе и уже мог видеть, что в клетке, возле которой дрожал от холода его папаша, крупный самец, крепко вцепившись в загривок своей возлюбленной, колотит ею, словно дубинкой, об стенку клетки, о проволочный пол, для того, чтобы та была податливой. Когда окончится эта необычная любовная увертюра, самец набросится на самочку и добрых два часа будет удовлетворять свой половой инстинкт, после чего, опустошенный и насмерть

* Романы современного чешского писателя Владимира Парала (род. 1932 г.).

измученный, упадет. Вот тогда самка начнет избивать его в отместку за унижение.

Яромир знал, что должен подойти тихо, чтобы не испугать норок, отцу не нужно было даже предупреждающе прикладывать палец к губам. Некоторое время они молча смотрели на схватку, победитель которой был заранее известен, потом отец вполголоса спросил:

— Чего тебе?

— Хочу завтра съездить к Милене!

— А что произошло? — У отца от удивления брови полезли вверх под шапку.

— Ничего... особенного. Просто обещала достать кой-какие новые диски! Можно?

— Что касается меня, то!.. — Отец не возражал, и Яромир расплылся в улыбке, он не предполагал, что так легко добьется разрешения, и постарался поскорее улизнуть. Отец будет торчать здесь, голодный и промерзший, почти до полуночи, а потом ныть и стонать, что разломило поясницу.

В Колин Влах-младший отправился на следующий же день автобусом, идущим по маршруту Прага—Тынец—Колин—Иглава и куда-то еще дальше. Пощипывал легкий, веселый морозец, но Яромиру было жарко от предчувствия любовных восторгов. Утром он тщательно вымылся под душем, надел чистые трусы, майку, свитер, который ему родители подарили на рождество, и шубу, перешедшую к нему от отца. Он не замечал, что в переполненном автобусе, где ему пришлось все время стоять, кто-нибудь ненароком то и дело наступал ему на ноги. Он предвкушал встречу с Миленой, приближающуюся с каждым километром. То, что они кровные родственники, двоюродные брат и сестра, Яромира не смущало. Он пребывал в состоянии глубокого раздумья над вопросом, как живет молодая женщина, которую все вокруг считают... шлюхой. Прежде всего, полагал он, квартирка у нее должна быть что надо: тут и маг, и грамец, и бар, полный крепких напитков, и вагон сигарет лучших марок! Естественно, темные шторы и интимный свет торшера под красным абажуром.

Что-то в этом роде он видел в одном французском фильме, вот только не помнит названия... В это гнездышко Милена водит своих гостей. Уходя на рассвете после ночи сладострастных вздохов, они оставляют на ее ноч-

ном столике купюры разного значения. Ему же по причине родства это не будет стоить ни кроны. Довольно того, что он потратился на автобус! Яромир попытался было представить себе различные варианты предстоящей встречи, но сдался. Он во всем решил положиться на более опытную Милену. Долой дилетантизм! Да здравствует профессионализм! — не колеблясь, выдвинул он лезунг сегодняшнего дня.

Отель, где работала сестрица Милена в должности администратора, Яромир нашел без всякого труда. Правда, сначала он вломился в ресторан, но, как только метрдотель показал ему кратчайший путь к администратору, шутя преодолел расстояние. Милену он увидел тут же, сквозь стеклянный турникет. Она стояла за узким деревянным барьером — позади за ее спиной высились ящички с ключами и письмами — и что-то писала в толстой книге. Там же была еще одна женщина, уже немолодая, которая рылась в документах приезжих и диктовала Милене их имена и адреса. Турникет заскрипел, и стекла разбросали по стене напротив зайчики света, отраженного от нескольких ламп, опускающихся с потолка на шнурах разной длины. Обе женщины одновременно взглянули на пришедшего.

— Миро!.. — воскликнула Милена радостно, увидав брата. Она выскочила из-за барьера и бросилась к нему, раскинув руки для объятия. Потом схватила за воротник отцовского пальто и притянула к себе, чтобы расцеловать. Яромир не сопротивлялся. Почувствовав ее губы на своих, он ощутил вкус апельсина. «Черт побери!.. — подумал он. — Сама ведь лезет!» Милена потащила его к конторке и стала хвалиться кузеном перед сослуживцей. Яромир потряс женщине руку и рявкнул: «Влах!» — что вполне могло сойти и за «Бах» и за «Крах», сослуживца могла выбрать... Милена попросила подменить ее на какое-то время, и та согласно кивнула головой.

Милена вела Яромира вверх по лестнице, держа под руку и расспрашивая об отце, о малышке Романке... а что поделявает мама? Жаль, что перед рождеством они так и не смогли встретиться в Праге. По крайней мере ухнули бы все деньги! Эта ее непринужденность и тонкие шутки, безусловно, уже часть легкой игры, нюансы... Милена владеет этим в совершенстве. Они прошли мимо не-

скольких дверей, на которых красовались большие числа, потом еще одну крутую лестницу на следующий этаж, а Милена все не отпускала его, все расспрашивала и болтала о каких-то пустяках. Яромир отвечал: «Гм, нет, ага», словно опасаясь, что с губ облетит и исчезнет апельсиновое обещание. Еще несколько шагов по красному ковру, тянувшемуся по всему коридору, — и комната номер 332! Ба-а-а-тюшки! Такой маленький дом — и столько комнат! «Фантастика», — мелькнуло у Яромира в голове. Сестрица громыхнула ключами с биркой из плексигласа и пригласила его войти. Он прошел по узкому коридорчику, где справа была кухонька с немытой посудой — уж наша мама не оставила бы посуду невымытой! С другой стороны еще две двери: наверное, в туалет и в ванную. Милена подтолкнула его. Он остановился на пороге не слишком большой комнаты, обустроенной несколько иначе, чем он видел во французских фильмах. Впрочем, нельзя сказать, что он был разочарован. Посредине — продолговатый столик с двумя креслами, какой-то шкафчик, верхняя полка в два ряда занята книгами, радио. В углу под окном диван с разбросанными подушками и одеялом. О! Если б он мог говорить! А над ним — нет, Яромир не ошибся — висячая лампа под красным абажуром. А вы как думали?!

— Не успела утром убрать! — извинилась Милена, поспешно взбивая подушку и складывая одеяло красивым прямоугольником.

— Раздевайся, — предложила она, — здесь жарко! — и устремилась в кухоньку: — Приготовлю кофе, будешь?

— Угу!.. — Яромир сделал шаг в сторону, давая ей пройти.

«Черт побери, как она торопится!» — сладко заняло у него в груди. Он деликатно прикрыл дверь ногой. Милена громыхала в кухне посудой и, не умолкая, что-то говорила, полагая, видимо, что он слушает. Яромир сделал два шага вперед и, расстегнув все пуговицы пальто, снял его и бросил на спинку кресла, на пальто полетел рождественский свитер и брюки, потом он скинул ботинки, стащил носки и майку и белые трусы тоже. Теперь Яромир стоял столбом совершенно голый посреди пустой комнаты и ждал, пока сестрица войдет со своим кофе. Скоро ему показалось глупым торчать здесь, как кол в заборе, и он опустил на свободное кресло. Но и это ему

не понравилось. Ему показалось, что, сидя так, скорчившись в три погибели, и уйдя в кресло слишком глубоко, он мало походит на будущего покорителя податливой вечной женственности. Он встал и оглядел комнату. Диван привлек его внимание и поманил в свое лоно. Яромир, недолго думая, улегся и укрылся простывшим уже одеялом. Сначала из-под одеяла торчала лишь голова, но он решил, что так будет напоминать покойника в морге, и высунул левую волосатую ногу, элегантно согнув ее в колене. Потом, повернувшись на левый бок, лицом к двери, задумчиво подпер голову рукой.

Вскоре Милена приоткрыла дверь легким толчком туфли и, держа поднос с двумя чашками кофе — аромат кофе опередил ее, — вошла в комнату. На ее толстых губах играла улыбка, она хотела что-то сказать, как вдруг увидела поросшую кустистым волосом ногу и голое плечо, которое одеяло то ли не смогло, то ли не посмело прикрыть. Остолбенева, она воскликнула:

— Ну, уж не настолько тут жарко!..

Яромир впился в нее взглядом, как это делает удав с кроликом, предназначенным ему на обед.

— Что происходит? — спросила Милена.

— Я хочу, хочу... ты сама знаешь, чего я хочу, — прохрипел Яромир.

Вместо апельсинов на губах у него была теперь полынь.

Милена наконец все поняла. Поставила поднос на столик и сложила руки на груди.

— Ах, вот оно что?.. — протянула она, и Яромир, убрав ногу под одеяло, занял:

— Я больше не могу, Милена! Факт! — Он верил, что она его поймет.

В конце концов, он может заплатить. Обратного доберется без билета, автостопом...

Милена прислонилась к двери и, забавляясь, спросила:

— А почему для... этого ты выбрал именно меня?

— Так... девчонки почему-то удирают, как только я им намекну, что готов... доставить им... удовольствие! Понимаешь?

— У тебя ведь еще даже борода не растет, — поддразнила Яромира сестрица.

— Ну, уж тут ты ошибаешься, Милена! Я давно бре-

юсь. Каждую неделю. — Он сел, и Милена увидела, что он абсолютно голый.

— Ну, Миленка, — клянчил он, опустив голову, — ну иди ко мне...

— А тебе не помешает, что я — твоя двоюродная сестра?

— Не-е... это же здорово, ведь правда? По крайней мере не чужие, знаем один другого!..

— Ну вот что, мой миленький! — сказала Милена спокойно и невыносимо серьезно, с обычным превосходством взрослых. — Ты сначала дорасти, отслужи в армии, может, еще и дождешься своего часа! А если у тебя и тогда возникнут с этим делом проблемы, приезжай опять в Колин! Все понял?.. А?

Милена подошла к столику и взяла чашку кофе.

— Свой кофе я выпью у себя внизу. А ты, когда тебе здесь надоест, запри комнату, а ключи принеси мне!

Она ушла. Яромир слышал, как она захлопнула дверь и уже цокает каблучками по коридору, к лестнице. Он встал, оделся, кофе ему не хотелось, он и дома кофе не пил, достал с полки несколько книжек, большей частью это были детективы, уже давно им читанные-перечитанные. В кухоньке он обнаружил фарфоровую чашку с тремя шоколадными конфетами. Набив рот, он жадно чавкал, пока коричневая жижа не потекла по подбородку. Яромир облазил все ящички, но вместо виски и джина нашел бутыль остатками уксуса и банку горчицы. Осмотр комнаты очень быстро перестал его занимать, он запер дверь и по знакомой дороге направился вниз, отдать ключи. Яромир бросил ключи на стойку и, не поднимая глаз на Милену, буркнул «привет!».

— Передавай привет дома! — весело крикнула ему вслед Милена, словно там, наверху, ничего не случилось.

«Шлюха, до чего же здорово придуривается!» — отметил Яромир. Хорошо, что он надел отцовскую шубу: на улице становилось все холоднее. Яромир несколько раз обошел дом, в котором находился Миленин отель. Мощная сила принуждала его вернуться — «нет, так нельзя уезжать, — убеждал он себя, — я не найду себе места, опять не буду спать, а в техникуме нахватаю колов».

Яромир в четвертый раз остановился перед стеклянной дверью отеля и, вдруг решившись и глубоко набрав

в легкие воздуха ринулся вперед. Около конторки администратора он что-то пролаял, вместо того чтобы говорить нормально. Голос подвел его, и он, отпрянув в сторонку, смог лишь выдать: «Поди-ка!..»

Сестрица спокойно положила сигарету в желобок пепельницы и плавным шагом обогнула свой «ключедром».

— В чем дело? — спросила она.

Яромир шмыгнул носом, как будто позабыл носовой платок, потом, сморщившись, уныло произнес:

— Прошу тебя — не говори ничего нашим!

Глава одиннадцатая

Станя, в чем, впрочем, можно было и не сомневаться, сдал последний экзамен успешно. Предстояла защита диплома, но это уже мелочь, которую он сбросит играючи. На крушетицком вокзале его встречали родители и Милада. Пудиловы, как обычно, приехали на машине, Милада на часок удрала из больницы, где у нее было сегодня дежурство, чтоб облобызать его и шепнуть на ухо, что за день за него «болела». Она и Пудиловы торжественно навстречу Стане по перрону, а он, бедняга, поспешил поцеловать в первую очередь. Естественно, поцеловать мать. Он обнял ее, выдержал отцовский шепот, и наконец, уже не стесняясь родителей, обнял и отца. Они условились, что завтра же Станя выедет в Тынец: у Милады весь день в ночь съездит куда-нибудь съездить пока отец даст машину.

Пудиловы стояли у больницы, чтоб ей не топтать снег. Пудил выпустил ее, она поцеловала им в щеки руки, поблагодарила, отпустила под опущенным шлагбаумом в больницу. Пальто расслахивало, белый сестринский перчатки.

— Она хорошая, — сказала Милада, когда машина уже тронулась.

— Я тоже так думаю, — сказала Станя и тут же нетерпеливо себя перебил, чтоб не рассказывать о том, как проходила защита.

— Ну как? Рассказывай! — сказала Милада.

— Как?.. Да все нормально, — сказала Станя. У него не было никакой подробности. Ему уже до смерти хотелось поговорить с матерью. У него было много вопросов к матери.

садовал, что только завтра они смогут остаться наедине, Милада, правда, будет усталой, невыспавшейся, но завтрашний день и вечер принадлежат только им двоим. Станя всем своим существом ощущал, как ее любовь окрыляет его. Даже страшно становится, реально ли такое счастье?

В пятницу в ящике, прибитом к калитке, он нашел обычную почту. Среди газет, проспектов с рекламой новых лыжных креплений и фоторевю лежало письмо. Анонимное. Неизвестный доброжелатель интересовался, не вызывает ли у него сомнений тот факт, что Миладины ночные дежурства всегда совпадают с дежурствами доктора Ф.? И советовал поспросить ненароком на сей счет у кого-нибудь из персонала тынецкой больницы. Ему сообщать немало интересных подробностей, ибо отношения Милады с доктором Ф. давно уже перестали быть секретом, даже для больных.

Никогда в своей жизни Станя не сталкивался ни с чем более грязным. Конверт и письмо он тут же скомкал и бросил в мусорную корзину, но, потом, передумав, достал, старательно разгладил рукой на столе и подверг тщательному изучению. Письмо было напечатано на старой машинке — судя по шрифту, примерно пятидесятилетней давности. Его автор был явно не в ладах с грамматикой: «...отнашения с доктором Ф ...секретом...», двери буквы были пропечатаны дважды: видимо, пишущий не сразу находил нужную клавишу. То, как на конверте был написан адрес, также свидетельствовало о не слишком большой грамотности доносчика: «Уважаемому пану...» Кроме того, адрес был неправильным. Видимо, автор больше надеялся на знание адресатов почтальоном. Письмо отправлено из Тынца и датировано вчерашним числом.

Станя промаялся весь день. Даже обед, заботливо приготовленный матерью, не вызывал аппетита. Станя думал о Миладе. Неужели, неужели она способна обманывать его? Доктор Ф., о котором сообщал «писатель», — это, конечно, доктор Фролик. Станя пытался представить его себе. Они несколько раз виделись в больнице, когда Станя ждал, пока прибежит Милада. Интересный мужик. Лет сорока. Со Станей они беседовали большей частью об успехах и проигрышах чехословацких теннисистов на международных теннисных турнирах, так как оба давно

знали друг друга, встречаясь на кортах. Каждый раз, прощаясь, они шутливо грозились сделать друг другу «сухую», а Милада над обоими подтрунивала. Конечно, доктор Фролик мог стать соперником Стани не только на теннисном корте... Постоянные совместные ночные дежурства в больнице давали ему возможность использовать все выгоды подачи, послать резкий и верный мяч!

Мать, вернувшись из школы, сразу же заметила, что со Станей творится неладное.

— Что с тобой?..

У Пудиловой сегодня был трудный день. Директор Ян Ракосник и его заместитель Гавелка по очереди сидели у нее на уроках. Оценку, как всегда, дали отличную, хотя Ракосник и позволил себе отпустить несколько мелких замечаний, упрекнув ее в том, что вот уже месяц она не проверяла тетрадей. Пудилова сослалась на семейные обстоятельства, и он принял это во внимание. Директор Ракосник похвалил урок стилистики и таблицу, которую она начертила дома на листе оберточной бумаги. Гавелка просидел у Пудиловой всю математику и ограничился тем, что в течение всех пятидесяти минут делал пометки в своей тетради.

Мать быстро пробежала письмо.

— Ну и гадость! — заявила она и брезгливо швырнула бумагу на стол.

— Что мне делать? — Станя был растерян и ждал, как обычно, ее совета.

Власта уселась к столу и опять, взяв письмо в руки, стала читать его без очков, держа на расстоянии и далеко отодвинув руку. Усмехнувшись уголками губ, она покачала головой, словно не веря, что подобную мерзость можно написать.

— Ты слышишь, мама?.. — нетерпеливо настаивал Станя.

— Если хочешь быть уверенным, — мать взвешивала каждое слово, она говорила, глядя прямо перед собой, — спроси у Милады без всяких околичностей. Я бы поступила именно так...

— Ты думаешь?..

Мать поднялась и молча проследовала в кухню, прихватив сумки с начавшими оттаивать продуктами. Она видела, как Станя снимает с вешалки у дверей ключи от

садовал, что только завтра они смогут остаться наедине, Милада, правда, будет усталой, невыспавшейся, но завтрашний день и вечер принадлежат только им двоим. Станя всем своим существом ощущал, как ее любовь окрыляет его. Даже страшно становится, реально ли такое счастье?

В пятницу в ящике, прибитом к калитке, он нашел обычную почту. Среди газет, проспектов с рекламой новых лыжных креплений и фоторевю лежало письмо. Анонимное. Неизвестный доброжелатель интересовался, не вызывает ли у него сомнений тот факт, что Миладины ночные дежурства всегда совпадают с дежурствами доктора Ф.? И советовал поспрошать ненароком на сей счет у кого-нибудь из персонала тынецкой больницы. Ему сообщат немало интересных подробностей, ибо отношения Милады с доктором Ф. давно уже перестали быть секретом, даже для больных.

Никогда в своей жизни Станя не сталкивался ни с чем более грязным. Конверт и письмо он тут же скомкал и бросил в мусорную корзину, но, потом, передумав, достал, старательно разгладил рукой на столе и подверг тщательному изучению. Письмо было напечатано на старой машинке — судя по шрифту, примерно пятидесятилетней давности. Его автор был явно не в ладах с грамматикой: «...отнашения с доктором Ф ...сикретом...», две три буквы были пропечатаны дважды: видимо, пишущий не сразу находил нужную клавишу. То, как на конверте был написан адрес, также свидетельствовало о не слишком большой грамотности доносчика: «Уважаемому пану...» Кроме того, адрес был неправильным. Видимо, автор больше надеялся на знание адресатов почтальоном. Письмо отправлено из Тынца и датировано вчерашним числом.

Станя промаялся весь день. Даже обед, заботливо приготовленный матерью, не вызывал аппетита. Станя думал о Миладе. Неужели, неужели она способна обманывать его? Доктор Ф., о котором сообщал «писатель», — это, конечно, доктор Фролик. Станя пытался представить это себе. Они несколько раз виделись в больнице, когда Станя ждал, пока прибежит Милада. Интересный мужик. Лет сорока. Со Станей они беседовали большей частью об успехах и проигрышах чехословацких теннисистов на международных теннисных турнирах, так как оба давно

знали друг друга, встречаясь на кортах. Каждый раз, прощаясь, они шутливо грозились сделать друг другу «сухую», а Милада над обоими подтрунивала. Конечно, доктор Фролик мог стать соперником Стани не только на теннисном корте... Постоянные совместные ночные дежурства в больнице давали ему возможность использовать все выгоды подачи, послать резкий и верный мяч!

Мать, вернувшись из школы, сразу же заметила, что со Станей творится неладное.

— Что с тобой?..

У Пудиловой сегодня был трудный день. Директор Ян Ракосник и его заместитель Гавелка по очереди сидели у нее на уроках. Оценку, как всегда, дали отличную, хотя Ракосник и позволил себе отпустить несколько мелких замечаний, упрекнув ее в том, что вот уже месяц она не проверяла тетрадей. Пудилова сослалась на семейные обстоятельства, и он принял это во внимание. Директор Ракосник похвалил урок стилистики и таблицу, которую она начертила дома на листе оберточной бумаги. Гавелка просидел у Пудиловой всю математику и ограничился тем, что в течение всех пятидесяти минут делал пометки в своей тетради.

Мать быстро пробежала письмо.

— Ну и гадость! — заявила она и брезгливо швырнула бумагу на стол.

— Что мне делать? — Станя был растерян и ждал, как обычно, ее совета.

Власта уселась к столу и опять, взяв письмо в руки, стала читать его без очков, держа на расстоянии и далеко отодвинув руку. Усмехнувшись уголками губ, она покачала головой, словно не веря, что подобную мерзость можно написать.

— Ты слышишь, мама?.. — нетерпеливо настаивал Станя.

— Если хочешь быть уверенным, — мать взвешивала каждое слово, она говорила, глядя прямо перед собой, — спроси у Милады без всяких околичностей. Я бы поступила именно так...

— Ты думаешь?..

Мать поднялась и молча проследовала в кухню, прихватив сумки с начавшими оттаивать продуктами. Она видела, как Станя снимает с вешалки у дверей ключи от

машины и бежит в свою комнату, одеться. Вскоре он протопал уже в зимних ботинках к входной двери, потом она услышала скрип гаражных ворот и громкий рев мотора.

Миладу Станя нашел за стиркой. На ней были старые лыжные брюки, а волосы, как у старой бабки, забраны платком. Милада улыбнулась и подставила губы для поцелуя. Станя сделал вид, что не заметил, и Милада сразу поняла — что-то случилось.

— Какне-нибудь неприятности?

Он сел на край ванны и с минуту наблюдал, как в стеклянном оконце стиральной машины бьется в мыльной пене белье. Потом резко поднял голову и, пристально глядя Миладе в глаза, спросил:

— С кем ты вчера ночью дежурила?

— С Аленой, — ответила она удивленно.

— Я имею в виду — из врачей!

Милада выглянула из узкого окошка ванной комнаты в сад и сделала вид, будто усиленно воспоминает.

— С доктором Фроликом.

— А кто вместе с тобой дежурил ночью в прошлый раз? — снова спросил Станя, пожалуй, даже слишком резко.

— Это что, допрос? — усмехнулась Милада и протянула руку, чтобы взерошить ему волосы.

— Говори!.. — оттолкнул он ее руку.

— Тоже Фролик. Ты имеешь что-нибудь против? — Лицо Милады стало вдруг серьезным, промелькнувшие секунды словно унесли с собой улыбку. Одной рукой она оперлась о стену, и, когда убрала ее, на кафеле остался влажный след.

— А когда я вернулся с экзамена — ты, конечно, опять дежурила с паном доктором Фроликом! — сказал он язвительно.

— Возможно!

— Нет! Несомненно!

— Почему ты вдруг заговорил об этом? Мои коллеги тебя никогда не волновали!

Станя рванул из кармана сложенное вчетверо письмо. Милада развернула его и подошла к окну, чтобы лучше видеть. Он следил за тем, как бегают по строчкам ее глаза и снова и снова возвращаются к учтивому обращению: «Уважаемый пан...» Станя счел, что за это вре-

мя Милада уже выучила письмо наизусть, и выхватил бумагу из ее рук.

— Ну! Что ты на это скажешь? — заорал он раздраженно, и его голос гулко разнесся по ванной комнате. В раковине зашумела вода, и стиральная машина стала набирать скорость.

— Ничего не скажу! Ни слова! Мне кажется, Станя, что ты веришь этой подлости больше, чем мне! — ответила Милада.

— Но ты даже не делаешь попытки убедить меня, что все это ложь! — продолжал Станя, складывая письмо.

— Не знаю, как я могу доказать тебе, что с Фроликом у меня ничего нет! В последнее время у нас случайно совпадали дежурства. Вот и все. И тебе, конечно, известно, что от меня это не зависит. — Милада, остановив машину, вытаскивала из ее чрева белье и бросала в раковину, следя, чтоб оно не волочилось по полу.

— Но зато зависит от него! — с негодованием крикнул Станя и помахал в воздухе письмом.

— Вот к нему и обращайся! — вспыхнула Милада, не переставая развешивать на веревки яркие кофточки, всех цветов радуги.

— Можешь быть уверена, что именно так я и сделаю! — Станя повернулся и, не владея собой, весь красный от злости, выбежал из ванной.

— Это с твоей стороны полная безответственность, Геленка! — кричал на собрании директор Ян Ракосник. — Как можно было во время урока бесконтрольно отпустить весь класс. Представь, что кто-нибудь из учеников упал, разбился или, спаси бог, что-нибудь похуже того? Как это могло взбрести тебе в голову?

— Нас учили в институте... — тихо ответила Геленка Боубеликова, опустив глаза так, что могло показаться, будто она разглядывает свои длинные, тщательно ухоженные ногти.

Геленка была красива даже в своем унижении и позоре.

Директор Ракосник иронически рассмеялся и выразительно посмотрел на своего зама Гавелку.

— Вас учили!.. Почему же ты ни с кем не посоветовалась? Например, с товарищем Каплиржем.

Каплирж встрепенулся и заявил, что, увы, о Геленкином педагогическом эксперименте ничего не знал, в противном случае он решительно рекомендовал бы ей подобных экспериментов не проводить.

Все присутствующие, собранные сюда на экстренный педсовет, быстро сообразили, о чем речь: Геленка Боубеликова давала сегодня в девятом классе урок литературы — разбирала жанры журналистики. Чтобы ученики проявили большую активность, Геленка решила предложить им провести самостоятельное интервью на тему: «Кем я хотел стать?» — «Кем я стал?» Так как урок словесности был первым, она отправила всех тридцать двух будущих Кишей* на улицы городка Крушетице с тем, чтобы к концу урока они принесли не только ответы на вопросы анкеты, но и личную подпись проинтервьюированного, подтверждающую его существование и достоверность ответов.

Сама же осталась сидеть в пустом классе и, положив перед собой часы, от нечего делать принялась проверять тетради 6-го класса «Б».

После звонка на следующий урок никто из ребят в класс не вернулся. Геленка вышла в коридор, пытаясь разузнать что-нибудь у учеников младших классов, осмотрела раздевалку и даже выскочила на улицу, но ретивые журналисты не появлялись. Следующий урок у Геленки был в 7 «Б», и она попросила Бенду, который должен был давать урок в девятом, набраться терпения и подождать в учительской, потому что через несколько минут ребята непременно вернуться.

Она ошиблась. Класс был пуст. Геленка забеспокоилась и побежала в учительскую посоветоваться, как быть дальше. Иванка Раухова успокоила ее, заявив, однако, что Геленка поступила более чем глупо, а сама по собственной инициативе кинулась просить школьного сторожа Поливку, чтобы тот предпринял карательную экспедицию на улицы города. Сторож Поливка сделал это с преогромным удовольствием, ибо уже давно имел зуб на девятый «Б».

Он обнаружил ребят в молочном баре на площади. Встав в дверях, Поливка рявкнул:

*Эгон Эрвин Киш (1885—1948) — «неистовый репортер», чешский писатель, журналист, мастер художественной публицистики.

— А ну, марш в школу, паршивцы! — и яростнее, чем мифический Циклоп, стал выпроваживать одного за другим из бара, награждая каждого подзатыльником своей привыкшей к лопате рукой. Ребята, спасаясь от него, мчались как угорелые, и, когда Поливка, добежав до школы, заглянул в раздевалку, там уже никого не было, все сидели в классе, чинно и благородно, переобувшись в тапочки, свои собственные или младших соучеников, но это уже никакого значения не имело. На укоризненный вопрос Геленки, как они могли поступить подобным образом, Кутнаер-младший ответил, что быть журналистами им очень понравилось. И вручил ей старательно обработанные интервью. Геленка принялась за чтение без большого энтузиазма: 1) Кем я хотел стать? — Профессиональным пожарником. 2) Кем я стал? — Хроническим алкоголиком. На вопросы отвечал: Клампера А., изобретатель, эх ты, дурачок! (Геленка велела записывать дословный ответ, что поможет охарактеризовать отвечающего!)

Губерт едва сдерживал смех, хотя у него сильно болел указательный палец левой руки. Он положил руку на стол, надеясь, что боль утихнет. Так вот и ходит уже третий день. Неприятно не только потому, что все время дергает, а потому, что бинт мешает работать. В субботу вечером он подпустил самок к самцам — слава богу, скоро спаривание закончится! Самку под номером 12, S/4 — к крупному самцу с темной полосой на коричневой спинке. Он всегда пускает самок в клетку к самцам, потому что самцы, не привыкшие к чужой обстановке, начинают изучать и обнюхивать переплеты клеток, поилки для воды и все, что только возможно, и становятся недееспособными. На правую руку Губерт надел кожаную перчатку и, впусив самочку в клетку сверху, хотел было захлопнуть дверку, но самка, не обратив внимания на самца, резко повернулась и, изловчившись, вцепилась, словно стальными клещами, в палец Губерта. Выдернуть руку из клетки Губерт не мог, потому что самка мешала ему. Он знал, что просто так норка зубы не разожмет, норка — зверь хищный и, почуяв кровь, становится еще свирепей. Губерт нагнулся и стал дуть ей в глаза, он дул долго, пока норка не отпустила его. Губерт вытащил окровавленную руку, запер клетку и кое-как перевязал рану носовым платком. А на кровожадную самку в это

время уже набросился нетерпеливый возлюбленный и принялся что есть силы колошматить ее о стенки клетки. Два часа с четвертью Губерт терпеливо стоял над ними, завидуя потенции зверька. Ах, где вы, где же вы, бывшие годы?! — вздохнул он с иронией. Что же еще ему остается? Вздыхать и иронизировать. Когда любовный акт был наконец окончен, Губерт снова разделил зверьков, растащил по разным клеткам. Палец кровоточил. Дома Дагмар попыталась обработать его, но для верности, хоть он и противился этому, погнала в поликлинику, и там ему всадили какую-то инъекцию. Губерт знал, что укусы порки заживает очень медленно и нередко заканчивается заражением крови. Но это уже неизбежная дань зверовода драгоценным хищникам.

— Мне бы очень не хотелось, товарищ Бобеликова! — заявил директор Ян Ракосник подчеркнуто, словно позабыв, что имя этого педагогического несмышлениша — Геленка, — чтобы подобные случаи повторялись! В следующий раз посоветуйся. Для этого мы и прикрепил к тебе шефа!

Геленка опустила свои длинные ресницы, и всем, кто на нее в эту минуту смотрел, послышалось, что она прошептала «да!».

— И еще!.. — Ян Ракосник, как дешевый оратор, выбросил в сторону обе руки. — Кто именно исправил на прошлой неделе письменную работу по чешскому языку Нины Градинской, нам, очевидно, выяснить не удастся! Прошу вас, товарищи, запирайте учительскую! Неизвестно, кто сюда может проникнуть! Здесь у нас находятся ценные вещи!

Прскавец нагнулся к Бенде и захихикал:

— Хотелось бы мне знать какие! Единственное, что могут украсть, — это нас с тобой!

Бенда чуть заметно усмехнулся. Прскавец опять вытянул под столом ноги, готовясь упасть в нежные объятия Морфея.

Загадочная история с письменной работой ученицы Нины Градинской вовсе не казалась ему загадочной. Письменную работу, которую Лиemanова провела с учениками девятого класса, она оставила на обычном месте в учительской. У Лиemanовой было еще три урока, потом — окно, и она, принявшись за исправление этих работ, обнаружила вдруг, что в письменной Нины кто-то

исправил все ошибки. Злоумышленник не стал утруждать себя таким пустяком, как соответствие чернил — чернила оказались совсем другого цвета. Взбешенная Лиemanова ворвалась в директорскую, держа тетрадь в руке. Они вызвали Нину, которая утверждала, будто ошибки исправила сама. Лиemanова повысила голос, и директор, чтоб уговорить ее, попытался начать некое подобие разбирательства, но вскоре зашел в тупик. Прскавцу не составило бы труда обнаружить виновного. Впрочем, не он один был убежден, что ошибки Градинской исправил преподаватель Лекса. Но ткнуть в него пальцем, повторить вслух все, что соученики Нины с радостным хихиканьем сообщали другим учителям, — все это казалось таким недоказуемым, сомнительным и просто опасным, что все предпочитали молчать. Неисповедимы причины — почему в любом педагогическом коллективе с удовольствием смакуют предполагаемые шашни между учителями, но о связях учитель—ученица предпочитают умалчивать, пока возможно. Пусть бросит в меня камень тот директор школы, во времена правления которого не расцвел бы в коллективе сей цветок! Пусть обвалятся на меня стены той школы, где ученицы никогда не слышали слов, которые не смеют слететь с уст учителя! Так рассуждал и Прскавец. Сколько раз поздно вечером, возвращаясь из спортзала после тренировок, он встречал Лексу с Ниной. Узнавал их в темноте, хотя они поспешно сворачивали в боковую улочку. Прскавец был хорошим товарищем и не болтал об этом остальным. Лишь один раз он сказал Милошу Лексе, когда тот забежал к нему в зал стрельнуть сигарету: «Смотри, погоришь, кончай с этим!»

И все. Младший коллега сделал непонимающее лицо, точно такое же, как сейчас, когда изо всех сил старался смотреть директору Яну Ракоснику прямо в глаза и притворялся перед коллегами, что удивлен чьей-то безответственностью и наглостью.

Директор Ракосник отодвинул в сторону кожаную папку, с мелким филигранным рисунком по краям, и продолжал, ничуть не меняя грозного тона:

— Как же так, товарищ Марешова! Ты меняешься с Эвой уроками и не ставишь об этом в известность меня.

— Я поставила в известность товарища Гавелку!

— Ты с ним говорила? — У директора Яна Ракосни-

ка было странное ощущение, что в последнее время дела ускользают у него из рук и каждый день приносит новые проблемы, так, будто кое-кто решил игнорировать не только его приказы, но и его самого, директора Яна Ракосника, и поступать, кому как бог на душу положит. Например, Марешова: поменялась двумя своими уроками с Эвой Мокрой и отправилась в Прагу! Потом — недоразумение с деньгами! К счастью, все обошлось, но и этот случай, и некоторые другие свидетельствуют о его, директора, излишней демократичности! Он в лепешку расшибается, старается с ними без излишней официальности, по-людски! А они? Это уже видно невооруженным глазом, стало нормой и вошло в обиход — пользуются его добротой, где только могут. Не отдают себе отчета, сколько у него дел, какая ответственность, ведь он директор, отвечает за все — за учебную часть, делопроизводство и за хозяйство школы тоже...

А тут еще Раухова насаждает, чтобы он сделал наконец радикальные шаги и построил пионерский клуб! Эта Раухова надоела ему до смерти своей беспардонностью — у него в голове не один клуб! Последняя инструкция, что пришла из роно, состоит из тридцати двух страниц! И он, Ракосник, заранее зная, что без этой никому не нужной писанины вполне можно обойтись, все-таки просидел над ней вместе с Гавелкой целую неделю.

— Нет, я оставила ему записку. Здесь не было ни его, ни вас, — сказала Дана.

— Что ты себе думаешь? Собралась да, как говорится, покатила?! Я полагаю, что в Прагу ты могла бы съездить в одну из свободных суббот! Насколько мне известно, магазины по субботам открыты!

Директор Ян Ракосник не знал, что ни в субботу, ни в воскресенье Дана в Прагу ехать незачем. Вторник — единственный день, когда Дана после большой перемены свободна. Первыми двумя уроками она действительно обменялась с Эвой Мокрой, чтобы успеть на автобус-экспресс, отъезжающий из Крушетиц в половине одиннадцатого.

Дана согласна. Да, она действительно должна была дожидаться директора или его зама и получить разрешение.

Но ее поездка и для нее самой была неожиданной. Вдруг по дороге в школу в голове мелькнула мысль. Да-

на, как обычно, отвела Павлика в садик, в раздевалке они попрощались, помахав друг другу, потом она вышла на улицу и вошла в кабину грузовика, за рулем которого сидел Павел. Он собирался отвезти ее в Тынец, в школу. Завалив последний экзамен, Павел почти месяц провалялся дома на диване. Поначалу делал вид, будто занимается, но через несколько дней снова принялся за свою суперсовременную аппаратуру, так что теперь они могли уже слушать музыку не только в кухне, но и в ванной, и даже в уборной. Потом какое-то время изнывал от безделья, кляня тупость факультетской администрации и бессердечие декана, не пожелавшего пойти ему навстречу и разрешить пересдачу экзаменов. Рассудив, что корпеть над лекциями бессмысленно, если нет уверенности, что он сумеет применить полученные знания, Павел стал совершать какие-то прогулки вокруг города. Для здоровья. Притаскивал причудливые корневища, уродливые, замысловатые сучья, а дома очищал их и обрабатывал. Теперь по всей квартире стояли подсвечники, лани и танцовщицы из желтоватого дерева. Но и эта возня не заполняла свободного времени. Потом кто-то из его бывших тынецких соучеников посоветовал ему пока поработать в одной из местных строительных контор, где нужны водители. В тот же вечер Павел сказал об этом Данае. Она было воспрянула духом в надежде, что утлый возок их супружества вернется наконец в нормальную колею, по которой уже проехали те, кому повезло больше, и ответила уклончиво: «Решай сам!» И стала ждать. Приехав как-то из школы, Дана застала Павла за столом, он сидел в кухне над кипой бумажек. Среди них лежал и пропуск, дающий ему право входа на все объекты стройконтор, документы на новую восьмитонную «Шкоду» и медицинская справка. После страшно долгого перерыва Дана поцеловала мужа, хотя он сидел, напустив на себя весьма важную мину. На другое утро Павел в первый раз вышел на работу, получив задание перевезти водопроводные трубы и ящики с кранами.

Теперь Павел едет порожняком. Позади, в кузове, подрагивает брезент и прыгает рисовая метла. На обратном пути из Мыта он повезет силикатные блоки.

Дана повертела перед собой зеркальце, чтобы видеть лицо мужа: он сосредоточенно смотрел на скользкую дорогу, бегущую под колеса его машины, в вырез старого

свитера засунут лихо повязанный платочек, а на голове смешная шапочка с загнутым кверху козырьком. На душе у Даны сейчас было приятно и легко — рядом с ней сидит не какой-нибудь верхогляд мальчишка и не азартный игрок, тасующий в кармане фишки пропавших втуне дней. Да! Тяжеловоз ведет настоящий мужчина, и ей нет надобности убеждать себя в том! Как и следовало ожидать, родители Павла приняли известие без особого восторга. Смотри не попорти руки! — предостерегала мать. Хирургу нужны здоровые руки, так же как и глаза! Но и она смирилась с этим «пока». Через две недели Павел принес первые деньги. Выложил на стол тысячу крон, в зеленых стокронках, вышел в переднюю и вернулся с двумя свертками. Один — Павлику, второй — Дана. Оба поспешно разорвали оберточную бумагу. Сыну Павел купил заводной автомобиль с поднимающимся кузовом, изумленная Дана держала в руках прозрачный пакет с оранжевым свитерком. Это ей! Ей! На пакете наклеена цена — 215 крон.

— Где ты взял столько денег? — ахнула Дана, прижимая подарок к лицу. Пакет холодил, и это было приятно.

— Случается, и ко мне в карман залетают денежки! — заявил муж с достоинством и попросил ее примерить свитер, Дана тут же исполнила его просьбу, не сказав, что свитер надо было купить на размер больше. Завтра же она его поменяет. К счастью, чек на месте. Все равно это ее свитерок! Самая лучшая модель из самых шикарных модных журналов!

Так прошел месяц, и Павел выдержал. У Даны хватило смелости рассказать ему про долг. Они решили отдать Каплиржу половину сейчас же, вторую — когда Дана получит зарплату. Три дня назад она свалила со своей души второй и последний камень. Когда Дана возвращала Каплиржу одолженную сумму, он улыбнулся и сказал, что можно было и не спешить. Но Дана была ему благодарна за помощь, которая в тот момент была важнее, чем сами деньги.

В то утро Дану обуял страх. Она вернется домой, найдет в почтовом ящике на двери письмо на бланке медицинского факультета, и сразу же все кончится! Кончатся эти серые, но прекрасные дни! Павел сдаст документы и ключ от грузового машины, пожмет руки товарищам из

гаража — она как-то заходила к нему, и ребята наперегонки кричали: «Павел, такой-сякой, бесстыжие твои глаза! Почему раньше прятал от нас такую красотку жену?! Заходите, заходите, барышня, выпейте с нами хотя бы кофейку, Павел, куда ты засунул банку, мышь тебя задави!»

Ее согревала искренняя сердечность и то, что ребята обращаются к ее мужу, словно он уже веки вечные работает здесь с ними. И все это сразу рухнет! Кровавая жертва химере, именуемой «высшее образование». Нет! Если только в ее силах противостоять, она сделает попытку! Помимо официальных клаузул, предписаний и запутанных постановлений, существует ведь еще и человеческое взаимопонимание. Дана свято верила в это.

Декан медицинского факультета производил впечатление человека, опаздывающего на поезд. Он явно собирался решить Данин вопрос, стоя в дверях. Под мышкой он держал зеленую папку и бумаги, не уместившиеся в ней. Дана сказала, что она Марешова и что ее муж подавал ему заявление о пролонгации срока повторной сдачи экзамена...

— На будущей неделе будет решение! — бросил декан резко, отобрал в связке ключей самый большой и, повернувшись к ней спиной, сунул его в замочную скважину. Но Дана четко сказала ему в спину:

— Я не хочу, чтобы вы разрешали ему сдавать экзамен!

Декан, обернувшись, удивленно глянул на нее из-под очков. Это было очень комично, потому что он все еще стоял согнувшись у двери.

— Что-что?.. — Ему наверняка показалось, будто он ослышался.

Дана повторила. Декан отпер дверь и пригласил ее войти. У него вдруг сразу нашлось свободное время. «Разговаривает со мной, будто я его пациентка, доброжелательно спрашивает о проблемах, о неприятностях, терпеливо слушает», — то и дело мелькало у Даны в голове, пока они беседовали. В кабинете, между письменным столом и окном, был установлен аппарат для изучения рентгеновских снимков легких, почек или переломов. Дана подумала, что, наверное, очень легко было бы исследовать сердце и мозг студента, если придумать способ.

Она рассказала декану все.

И, сложив руки на коленях, стала ждать приговора. Декан размышлял долго, бросая на нее молчаливые взгляды. Потом набрал три цифры и сказал, чтоб ему принесли документы Павла Мареша. Вскоре в кабинет стремительно вошла дама в свитере и подала ему папку. На Дану она не обратила ни малейшего внимания и исчезла через боковую дверь в соседней комнате.

Декан читал внимательно, по некоторым строчкам он водил пальцем и задерживал взгляд. Отложив бумаги, снял очки и, держа их за дужки обеими руками, заявил:

— Полагаю, что вы правы. Продолжение учебы лишь осложнит жизнь вам и вашему супругу. Он действительно к учебе не пригоден. Знаете... — Декан снова надел очки, — ...мне всегда трудно решить, нужно ли студенту продолжать учебу или лучше уйти. Ибо последнее чрезвычайно тяжело. Потерянные годы и разочарование, вызванное неудачей, переживаются не только им самим, но и его родителями, женой или невестой. Но операция, хотя она и болезненна, на девяносто девять процентов бывает успешной.

Дана все поняла.

— Спасибо вам, товарищ декан! — Она поднялась и протянула руку. Декан проводил ее до самого коридора и опять заверил, что все решит, как она хочет.

Письмо из деканата с категорическим отказом, который уже нельзя было опротестовать (в нем были указаны все несданные экзамены), пришло на третий день после ее поездки в Прагу. Дана терпеливо и молча выслушала многочисленные ругательства, которыми Павел потчевал всех академических боссов. Иссякнув, он позвонил родителям и, зачитав им категорический отказ со ссылкой на бессмысленность продолжать учебу, наконец уgomонился. Дана подседа к нему. Павел лежал на диване и курил бог знает какую по счету сигарету. Она начала издалека, чисто по-женски, успокаивать его и перевела по скользким мосткам разочарований к светлым дням, ожидающим его, ее и сына. Это продолжалось долго, целый вечер, ночь незаметно перешла в следующий день, они явственно слышали приглушенные голоса друг друга и обрывистые, нервные шлепки дождевых капель,

разбивающихся об оконное стекло. Шел дождь, они поняли, что началась оттепель, утром надо будет обуть Павлику резиновые сапожки... Дана предоставила мужу решать вопрос о работе самому, полагая, что он останется на стройке, теперь уже навсегда. Не всю ведь жизнь ему крутить баранку! Он съездит в Прагу, закончит формальности на факультете, заберет барахлишко из общежития. Труднее всего будет распрощаться с ребятами: вечера, проведенные вместе, были не так уж плохи, а эти бессонные ночи, прошедшие в спорах?! Завтра же надо пойти в дирекцию стройконторы и оформиться на постоянную работу.

— Любопытно, какой они дадут мне класс? — заметил он с видом знатока, и Дана поняла, что на своем прошлом ее муж поставил точку! Она подошла к окну, распахнула его и пустила в комнату влажную ночь...

Какой смысл объяснять все это директору! Еще во вторник, когда ее вдруг осенило и она провела эту головоломную операцию, Дана знала, что у нее будут неприятности. Но бывают в жизни случаи, когда необходимо принять на себя удар во имя того, что неизмеримо важнее, нежели твое спокойствие.

Дана извинилась перед директором и пообещала, что такое больше никогда не повторится.

Но в работе педагогического коллектива обнаружались и другие погрешности.

— Не могу понять, — заявил директор Ракосник и пододвинул к себе стопку тонких тетрадей, — как это можно исправлять ошибки зелеными чернилами!

— Не может быть!.. — пискнула Либуше Лиemanова таким тоном, будто услышала сообщение о том, что школьный сторож Поливка обнаружил в кабинете директора четвертованный труп инспектора роно.

— Это что еще за новая мода, Губерт?

Итак, виновный был обнаружен и дезавуирован. Самые невоспитанные из коллег позволили себе обернуться. Губерт Влах, растерянно моргая, разглядывал тетрадь, страницы которой демонстративно распахнул директор. Чернила были действительно зелеными.

— Я, видимо, ошибся, перепутал... — попытался объяснить Губерт.

Начальство в лице директора Ракосника саркастически ухмыльнулось:

— Ошибиться, перепутать можно в одной тетради, но не в тетрадях целого класса!

В последнее время директор Ракосник с трудом выносил Губерта Влаха. Нельзя сказать, что Влах — бездельник, честно говоря, письменная с поправками, сделанными зелеными чернилами, не такой уж великий грех, Влах вполне компенсирует этот промах прежде всего отличной подготовкой к урокам и, вне всякого сомнения, высоким уровнем знаний своих учеников. Нельзя не считаться и с его двадцатилетней педагогической практикой. Но именно поэтому зеленая бодяга и росчерк подписи, этот «шифр водяного», не к лицу Губерту Влаху. Так почему же Ян Ракосник не может ополчиться против него? Влах и на последнем партийном собрании тоже не проявил активности. Сидел и, пардон за выражение, помалкивал в тряпочку целых два часа, а потом вдруг взял и проголосовал против! Директор никоим образом внутренне не симпатизировал предложению Каплиржа, но он, Ракосник, любит порядок и согласие, пусть даже чисто внешние! Все споры и раздоры, все противоречия во мнениях стоят у него поперек горла. И он старается их избегать. Каплирж указал на серьезные ошибки в подготовке бала родителей и учителей. Почему же этого не признать? Почему не внести в протокол, чтобы впредь не повторять подобных ошибок? Вышестоящие органы поймут то и расценят как серьезное отношение к самокритике. Но одно только «против», одно лишь выступление Губерта Влаха, одна поднятая рука может вызвать там, наверху, сомнение. А именно ему, Губерту Влаху, не следовало бы выделяться, а тем более лезть на глаза! Хотя в его личном деле никаких компрометирующих материалов нет, все же, когда два года назад он появился в Крушетицах в их школе, все знали, что из гимназии он ушел не по доброй воле и не по своей охоте. Директор Ян Ракосник был поначалу доволен, что Губерт старается уйти в тень и держится тихо и незаметно, не интересуется расстановкой сил в коллективе и не ищет себе ни компании, ни друзей. Одиноким бегун на дистанции, выполняющий все предписанные правила, но не больше и не меньше того! Со временем этот бегун стал раздражать директора Яна Ракосника. Злила его индифферентность и демонстративное молчание, когда другие с горячностью высказывают свое мнение.

— В следующий раз буду внимательней! — пообещал Губерт Влах.

— Если б ты был начинающим, я бы не удивился... — Директор Ракосник все рассусоливал его зеленое грехопадение, с удовлетворением наблюдая, как Влах краснеет...

Эта примитивная и необъяснимая зеленая чепуха заедала Губерта больше, чем пропущенная случайно грубая ошибка в какой-нибудь тетради: копусста растет в агароди... Он злился на самого себя, хотя и пытался себя выгородить — дескать, не виноват, так уж получилось. Наверное, Романка схватила его ручку, исписала, а потом набрала вместо красных зеленых чернил. Увы, Губерт не видел разницы между этими двумя цветами. Дома над ним все трое дружно подтрунивали. Интересно, человек путает красное с зеленым! Это же серая, а не коричневая, папа! — предупреждали они его. Расспрашивали, и не только Дагмар и собственные дети, но и старые друзья, которым он доверительно поведал об особенностях своего зрения, интересовались, как он видит окружающий мир. Какой ты видишь полянку? А эту клумбу с анютиными глазками? Скажи-ка, Губерт, какого цвета твоя рубаха? Глупцы! Они считают, что мир для него словно черно-белый кинофильм с серыми оттенками. Нет, нет, он видит и голубой цвет, и желтый, и красный глазок светофора горит для него как кровь, но тот цвет, который другие называют зеленым, ему видится иногда рыжим, иногда таким, каким бывает цвет в самых нецветных фильмах.

Когда Губерт был еще совсем маленьким, он нарисовал как-то красного коня. И утверждал, что конь — гнедой. Директор школы Тикал вызвал отца и объявил ему, что ребенок не различает цвета.

— Балда! — сказал отец Губерту. — Ты что, не знаешь, что такое желтое? Не заметил, что ли, что грива у коней коричневая?

Отец злился на сына потому, что хотел выучить его на машиниста. Отец водил его по кухне вокруг плиты, буфета и картинок на стенах, тыкал пальцем то туда, то сюда, а Губерт должен был говорить: зеленая, красная, желтая, желтая... Иногда мальчик угадывал, и отец счи-

тал, что он просто тупой и не различает цвета из-за лениности. С упорством, свойственным всем мужчинам в их роду, Влах-старший решил обучить сына распознавать цвета.

Каждый день они вместе ходили по кухне и вместе упражнялись.

— Это какой цвет? — тыкал папа в синий цветок на кружке в буфете.

— Синий... — отвечал Губерт. Его хвалили.

— А это? — Палец утыкался в левый угол картинки над софой.

Губерт колебался. Это могло быть также коричневым, как и зеленым или серо-розовым.

— Ну, я жду?.. — понукал отец. — Отвечай!

— Зеленый! — выпаливал неудавшийся отпрыск.

Шлеп! — летела оплеуха (цвет был коричневый).

Они шли дальше. Покрывало на софе. Губерту оно казалось красно-зеленым.

— Ну?.. — Отец делал вид, будто и сам не знает, какое оно. Ему стало ясно, что машинистом на железной дороге сыну не быть. Опять подзатыльник. Покрывало было бежевым.

Так они ходили каждый день. Целый час. Через неделю Влах-младший знал кухню как свои пять пальцев. Он понимал, что должен сказать, дабы избежать подзатыльника. На кувшинчике были бледно-зеленые листики, на вытертом линолеуме красные узоры. Так он и лавировал по небольшой комнате, словно лодка среди льдин. Отец понемногу успокаивался. Мальчик действительно туповат в вопросах цвета. Надо было начать обучение значительно раньше.

Но на стене висела декоративная тарелка: сердечки, цветочки, листочки и прочие финтифлюшки.

Сволочь! — обзывал ее про себя Влах-младший. Около нее он огребал самое большое количество оплеух. Однако в конце концов одолел и тарелку. Но странно, именно она оказалась необъяснимо коварной. В самом верху на ее рисунке находился коричневый желудь с зеленой, как все утверждали, точкой. Ее Губерт просто не видел, как ни вертел тарелку. И, несмотря на то, что за желудь он получил рекордное количество подзатыльников и оплеух, упрямо утверждал, будто никакой точки на нем нет.

— Есть! Дурак! — кричал на него разгневанный отец.
— Нету!..

Позвали маму.

— Есть, Бертик, есть, сынок, вот оно, зеленое пятнышко! — соглашалась с отцом мама, прижимая сына к своему зеленому фартуку. Но мальчик не верил и ей. Не верил и соседке, которая случайно зашла к ним и клятвенно подтвердила наличие точки.

Такое невосприятие цвета наконец показалось странным и отцу. На работе ему посоветовали отвести мальчишку к врачу. Доктор Янковский разложил перед Губертом таблички и заявил убитому горем отцу, что его сын может стать кем угодно, только не машинистом на железной дороге. Прости-прощай, отцовская мечта!

На этом закончилось их домашнее обучение цвету. Все это Губерт отцу давно простил.

Конечно, Губерту Влаху и сейчас приходится попадать в неловкие ситуации с этой несчастной путаницей в цвете. Иногда он выкручивается шутливым замечанием, иногда переживает молча. Водительские права Губерт получил, как говорят, дуриком. Врач-окулист, к которому он пришел за справкой для автошколы, в этот день был так замордован работой, что не стал проверять его на цвет. Врача удовлетворил ответ, что Губерт не носит очков и цвета различает. В тот раз у Губерта словно камень упал с сердца! Трудно было бы объяснить и врачу тоже, что красный цвет он видит, узнает на светофоре! Более того — в кругленьких оконцах красный всегда наверху, и если Губерт увидит, что там зажегся свет, то, пусть он будет хоть серо-буро-малиновым, все равно остановит машину, ибо тот, первый сверху, есть сигнал «стоять!», а остальные два не так уж важны! Но объяснять все это врачу или даже комиссии просто бесполезно. Черта лысого они понимают и знают, как видят дальтоники.

В те далекие времена, когда Губерт Влах еще не занимался норками и у них была куча друзей, если в их компании заводили речь о его непостижимом пороке, Губерт вполне мог доказать, что в общем-то все люди — дальтоники. Он приносил из спальни старый Дагмарин свитер и просил определить цвет. Мнения расходились. Один категорически утверждал, что свитер — зеленый, другой поправлял, заявляя, что ни в коем случае: сви-

тер — синий. Жена Губерта, Дагмар, всегда называла свой свитер серым. Губерту становилось легче на душе. Значит, дела его не так уж плохи.

«Что ж, пусть и товарищ директор Ракосник получит свою долю удовольствия», — думал Влах, выслушивая от главы школы нотацию, более подходящую для ушей ученика третьего класса. У него, у Губерта, своих забот выше головы. Теперь, когда все норки спарились и казалось, что будет больше свободного времени, в Тынце, на бойнях, неожиданно объявили карантин. И мясник Кучера не хочет теперь давать ему ни куска мяса. Губерту приходится таскаться в Полеси, на птицеферму. От Тынца это почти тридцать километров, но здесь ему оставляют однодневных петушков. На ферме выкармливают только курочек; петушков, едва вылупившихся из яйца, забивают и отдают звероведам. Губерт закладывает в мясорубку по две сотни этих синих птичек, норкам они на пользу: говорят, будто в них еще много желтка. Но дорога туда и обратно отнимает у Губерта целый день и вечер. Никому не известно, когда кончится на бойнях этот чертов карантин. Счастье еще, что Дагмар успокоилась и не теребит его, как раньше: не тащит в гости, к друзьям, не подсовывает больше билеты в театр, у нее хватает своих дел на работе. К тому же каждый четверг у нее собрания. Губерт доволен. Он приходит от норок вечером продрогший и голодный, с разламывающейся от боли спиной, ужинает, пишет план уроков на завтра и засыпает, едва добравшись до постели. В субботу и воскресенье второпях просматривает тетрадки собственных детей. Романка до противного образцова. Намного суровее приходится обходиться с Яромиром. Странно, но парень принес вполне приличные оценки.

— К концу года чтоб этих несчастных троек не было! — сказал ему Губерт, пробежав глазами результаты первого тайма.

— Ясенько, па! — заверил его сын и запустил на маге какую-то английскую запись, которой Губерт еще не слышал.

— Слова что надо! Правда, па? — поинтересовался Яромир, убирая книги в портфель и заметив, что отец стоит и слушает.

— С каких это пор ты стал понимать по-английски?

Сын щелкнул замком и ответил с превосходством:

— А я и не понимаю! Это же по-чешски! Дурацкий перевод! Ты что, не сечешь, что ли?

— Ох же ты и балда! — облегчил Губерт душу.

Он хотел что-то объяснить Яромиру, потому что дремучие умозаключения сына доводили Губерта до белого каления, но, решительно махнув рукой, вздохнул и спустился в подвал. Надо пропустить через мясорубку дневную норму золотисто-синеватых цыплячьих тушек...

Все заметили, что выражение лица у директора Ракошника изменилось, словно он уже вполне насладился упреками. С его губ теперь не исчезала самодовольная улыбка. Видимо, он вспомнил, что его миссия здесь, в школе, не только карать, но и обласкивать, ибо провозгласил:

— К счастью, я могу вам сообщить две приятные новости!

Все уставились на него. Директор раскрыл папку с золотым орнаментом, и даже Прскавец в этот момент соизволил приотворить миллиметра на три свои заспанные глаза.

— Нашей школе оказана великая честь, — продолжал директор Ян Ракошник, все еще глядя в открытую папку, в то время как остальные пытались угадать, что там скрывается. — Прежде всего отмечен кружок художественного рукоделия, который ведет товарищ Кутнаерова. — Директор бросил взгляд в ее сторону, но тут же поспешно опустил его на твердый лист бумаги, уголки которого вылезали из папки. — Работы наших учеников на Международной выставке в Бомбее получили Почетный диплом! — Только теперь Ракошник повернул папку, чтобы все могли посмотреть на диплом и прочесть текст по-английски. Диплом в самом деле оценивал работы учащихся из Крушетиц (Чехословакия).

Ивана Раухова захлопала в ладоши, остальные присоединились, и все повернулись к растерянной Боженке, очаровательно покрасневшей. Директор Ракошник еще какое-то время разглагольствовал о значении внешкольной работы, опять благодарил Кутнаерову и призывал остальных учителей, особенно молодых, следовать ее примеру. Потом он встал, прошел через всю учительскую

к тому месту, где сидела Боженка Кутнаерова, вручил ей диплом и потряс руку.

— А как насчет поцелуя? — заметил Камил Маржик, и все женщины радостно захихикали. Директор Ракосник, однако, сохранил соответствующую его положению благопристойность.

Вернувшись обратно и снова встав во главе стола, директор взглянул на ручные часы, чтобы убедиться, что еще не так поздно и можно продолжить собрание. Он хотел также поставить в известность коллектив, кого именно он выдвинул на звание «Образцовый учитель».

— Мы полагаем... — Он стал обосновывать свое предложение, употребляя приятное и звучащее по-королевски множественное число. — Мы полагаем... — и аудитория теперь могла считать, что за его решением стоят по меньшей мере все три миллиарда жителей нашей планеты, — ...что этого звания за проявленную инициативу в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, за неустанную заботу о знаниях учащихся заслуживает товарищ... — Пауза, как фотовспышка и улыбка... — Власта Пудилова!

Директор Ракосник не мог не видеть, что всех, кроме Гавелки, который уже это знал, его предложение несказанно поразило. Конечно, возражений не было, были лишь одобрительные возгласы женщин, Властину смущение, и был Прскавец, который, вдруг окончательно Grosнувшись, крикнул Пудиловой:

— Давай, давай, беги за пузырьком!

Губерт Влах закурил сигарету, краска уже сбежала с его лица и словно растворилась, исчезнув в бороде, усах и облачке сигаретного дыма. Каплирж, как обычно, что-то записал в свой блокнот. Бенда хитренько подмаргивал Пудиловой, а Камил Маржик шептал Геленке на ушко нечто такое, что наверняка не имело никакого отношения к кандидатуре на звание «Образцовый учитель».

По тому, как отреагировали собравшиеся, директор почувствовал, что обязан свое предложение хоть в общих чертах, но все-таки обосновать:

— Мы все знаем, что Власта Пудилова тщательно готовится к урокам, творчески использует дидактический материал, уделяет время детям, матери которых работают, и тем, которые отстают. Я много раз присутствовал на уроках товарищ Пудиловой и могу со всей ответствен-

ностью заявить, что работа с учащимися ею ведется на высоком идейно-политическом уровне, хотя сама она беспартийная. Полагаю, что именно по этой причине ее труд должен быть оценен нами еще выше, идейность уроков Пудиловой заслуживает высочайшей оценки...

Все присутствующие выслушали его слова молча и ревниво. Никто не возражал, и это вполне естественно, но Прскавцу показалось, что наступившая после речи директора тишина излишне затянулась, и потому он крикнул Пудиловой через весь стол:

— Знаешь, Власта, если б кто-нибудь произнес такое в мой адрес, я бы потребовал себе не звание «Образцовый учитель», а памятник в Наардене! — и сам расхохотался, представив себе такое. — И не просто памятник, а конный! — добавил он.

Директор Ракосник отнесся к его шутке благосклонно и объявил, что ввиду всеобщей поддержки и согласия не находит более причин задерживать присутствующих. Он поднялся и, сопровождаемый Гавелкой, поспешно собравшим со стола все бумажки, отправился в свой кабинет.

— Ты полагаешь, что так оно и должно быть? — спросил Губерта уже на лестнице Йозеф Каплирж.

— Это насчет Власты? А почему бы и нет!

— А тебя не удивляет, что директор принял такое решение единолично? — Каплирж ухватился за стеклянную ручку двери и держал ее до тех пор, пока не вышел Губерт. Вслед за ним из учительской отправился и он.

— Нет, — отрезал Губерт, поднимая воротник, потому что на улице шел дождь.

— А меня — да!

— С некоторых пор, Йозеф, — сказал Губерт Влаха, протягивая ему руку: здесь, у школы, их пути расходились, — меня подобные вещи уже не волнуют и не удивляют, понятно? Будь здоров! — Он распрощался и поспешил на автобус. Каплирж смотрел ему вслед, а Губерт торопливо шагал по тротуару, обходя грязные лужи.

Никогда еще Власта не возвращалась домой в таком прекрасном, приподнятом настроении. Неважно, что она от волнения забыла в классе зонтик и бежала через весь город под проливным дождем. На площади, впрочем, она

шла под сводами арки, хоть на какое-то время укрывшей ее от холодных капель, назойливо стекавших за воротник. Домой Власта пришла промокшая до нитки. Ну чем не русалка! Платок — хоть выжми, от прически, сделанной несколько дней назад, не осталось и следа, в левой туфле чавкает вода. Она, конечно, могла обождать в школе, пока хоть немного поутихнет дождь, но что-то гнало ее домой, ей просто необходимо было поделиться своей неожиданной радостью, выговориться, рассказать кому-то, кто не сочтет ее слова пустым тщеславием.

Калитку Власта открыла сама, но в запертых дверях дома ключ торчал изнутри. Власта позвонила, и тут же послышались быстрые шаги Стани, спускавшегося вниз по лестнице. Станя увидел ее через застекленное оконце и воскликнул, еще не успев отпереть:

— Ну и вид же у тебя, мама! — Он отодвинулся, чтобы пропустить ее, и запер дверь. — Почему не позвонила? Я бы за тобой приехал!

— Здравствуй!.. — сказала Власта устало, но улыбкой давая понять, что жизнь не так уж плоха. Она скинула промокшую одежду, стряхнула воду на кафельный пол, сняла платок, пальто и свитер, плечи которого украшали мокрые потеки, спустила на пол серую юбку и в одной комбинашке и блузке побежала в ванную, оставляя на кафельном полу мокрые следы.

— Где отец? — поинтересовалась она и пустила горячую воду.

— Дома... — ответил Станя, собирая ее одежду. Власта через приоткрытую дверь видела, как он достает из шкафа плечики, аккуратно вешает юбку, как расправляет на батарее платок. Это обрадовало ее. Он снова был ее сыном Станей, таким, как прежде.

В тот раз, когда Станя возвратился от Милады, Власта поняла, что между ними произошла ссора. Но ни о чем не спросила. Станя долго не ложился спать, его комната находится над их спальней, и Власта со своей кровати видела верхние ветви освещенных деревьев. Лишь на другой день к вечеру она словно бы мимоходом спросила:

— Ты сегодня останешься дома?

Станя ужинал. С трудом проглотив кусок, он уперся локтями в стол и сказал:

— А куда я должен идти?

— К Миладе... — ответила Власта самым естественным тоном и положила на свою тарелку два ломтика ветчины и половину крутого яйца.

Станя, тщательно пережевывая, как она учила его в детстве, резанул:

— Нет, я никуда не пойду! Останусь дома!

— Уж не поссорились ли? — вмешался отец.

Станя доел все и взял себе еще ветчины.

— Да так... немного, — ответил он неопределенно.

— Из-за того? — поинтересовалась Власта.

— Гм...

Пудил наблюдал за ней. Он, как обычно, не знал, что происходит в доме, но, уже свыкнувшись с тем, что находится вне игры, сам того не заметив, безропотно отдал пальму первенства жене. Так уж повелось с первых дней их супружеской жизни. Иногда Пудил объяснял это профессиональной болезнью: Власта руководит и командует в школе, карает и награждает своих учеников и не удивительно, что подобные проявления она привнесла в их семейную жизнь. Пудил привык, как привыкают — он слышал — и к темнице, и к виселице.

— Ты показал ей письмо? — спросила мать.

Станя кивнул.

— Чепуха какая-то... — Пудилова взяла свой бокал и отхлебнула пива. — Ведь ты же, несомненно, не веришь этому.

— Милада и не пыталась меня разубеждать, — сказал Станя жестко.

— Как бы она, бедняжка, могла это сделать? — усмехнулась Власта.

— Этого я не знаю... — Станя вдруг поднялся, вылез из-за стола, отодвинул вилку и нож и, вытерев рот рукой, ушел к себе в комнату.

— Что там у них стряслось? — поинтересовался отец.

— Не знаю... кто-то написал Стане, будто Милада от него погуливает! — выдавила наконец Власта, решив, что нет причины, по которой отец не должен знать о письме.

— Фью-ю-ю!.. — присвистнул Пудил и положил себе на тарелку остатки ветчины, кусок маринованного огурца и яйцо. — Не думаю, что Милада такая дрянь! Нет, этого я не думаю! — рассуждал он вслух. Он разрезал яй-

цо, и оно, соскользнув с тарелки на скатерть, оставило на ней желток. — Черт!.. — выругался Пудил свирепо.

— Никогда, до самой смерти, не научу тебя есть прилично! — заметила его супруга. Он собрал желтое крошево — это ежедневное торжественное восседание за семейным столом стояло у него поперек горла — и завыл:

— Когда я буду лежать в крематории и пялиться изнутри на крышку своего гроба, то непременно услышу, как ты шипишь: «Ради всего святого, поправь галстук!» А?

Власта знала эти его обычные шутки.

Сколько дней Станя не ездит к Миладе? Десять? Четырнадцать? И Милада тоже у них не появляется.

Станя теперь целыми днями корпел над дипломом, но к пяти часам не выдерживал, спускался вниз и то помогал отцу в гараже, то вертелся в кухне, готовя вместе с матерью ужин. Иногда вместо нее он исправлял ребячьи тетради по арифметике и очень забавлялся. О Миладе с тех пор не было сказано ни слова. Стане ее, конечно, доставало, но оскорбленное самолюбие мешало бросить все и ехать к ней. Ему и в голову не приходило, что кирпичи в холодную стену вражды между ним и его любовью кладет кто-то третий...

Станя подал матери халат, а сумки, которые она приносила из школы, отнес в комнату. Отец сидел в кресле, положив под себя одеяло, чтобы брюками не загрязнить светло-коричневую обивку кресла, и читал в газете сообщение о том, что ФРГ, которая до нынешнего года считалась основным конкурентом японской оптической промышленности, была вынуждена в начале этого года отступить перед исключительно резким спуртом японцев. Японцы наводнили мировой рынок продукцией фирм: Никон, Канон, Минольта, Асахи, Петри и Ясика...

Отец перевернул газеты и выяснил, что 13 февраля американский журнал «U. S. News and World Report»* опубликовал интервью с шефом консультативной миссии в Сайгоне, который заявил, что он не верит в успех бомбардировок Северного Вьетнама и утверждает даже, «что стремление уничтожить Север дает коммунистам возможность в итоге захватить весь Вьетнам».

* Американский журнал, освещающий события внутренней и международной жизни.

Пудил-отец собирался уже продолжить чтение, но услышал голос жены. Она входила в комнату, переодевшись в халат, с уложенными волосами. Опустив газету на колени, он снял очки.

— Что случилось? — пришел он заранее в ужас.

Кресло, вздохнув, застонало, когда Власта рухнула в него. Она утомленно запрокинула голову и произнесла:

— Ну, ребята, держитесь! Я получаю звание «Образцовый учитель!» — Голова ее все еще покоилась на мягкой спинке кресла.

— Правда, мама?... — воскликнул Станя.

Только теперь Власта уселась поудобнее и, переводя взгляд с сына на мужа и обратно, поведала им, какое предложение сделал сегодня на педсовете директор Ракосник. Муж и сын стали расспрашивать, чтобы узнать все поподробнее. Власта, естественно, отвечала весьма охотно и с нескрываемым удовольствием.

— За такое дело не грех и выпить, мать! — вскочил вдруг с места Пудил и ринулся к огромному серванту, занимающему всю стену комнаты. В серванте был и бар тоже. Обычно без Властиного разрешения Пудилу доступ сюда был заказан. Сегодня он понял, что возражений не будет. Он может достать бутылочку и аккуратно налить три рюмочки. Пудил окинул взглядом домашние запасы алкоголя: красное вино, остатки сливовицы и непочатая бутылка коньяку. Именно сейчас ему хотелось выпить коньячку.

Он налил всем, жена — ни звука! И они выпили за ее успехи.

Станя к поздравлениям добавил поцелуй.

Пудилы опять и опять перебирали подробности приятного сообщения и сами себе приводили доводы, по какой такой причине директор Ракосник выдвинул именно ее кандидатуру. Только позже они заметили, что забыли об ужине. Власта тут же убежала в кухню, открыла холодильник и, обнаружив, что его содержимое не годится для того, чтобы быстренько соорудить ужин, нарезала хлеба и, открыв коробку свиных консервов, сделала аккуратные бутерброды. Она принесла поднос с едой в комнату и, поставив его на столик, у которого сидели отец с сыном, вдруг спросила:

— Как спина? — Это относилось к супругу. Теперь,

когда менялась погода, у него невыносимо болел позвоночник, и он регулярно, каждую неделю, ходил на уколы. Врачи сказали, чтобы на работе он избегал тяжестей, что было абсолютно нереально, хотя он и руководил монтажной бригадой в крушетицком Центропале и теоретически мог тяжелой работы избегать. Но Пудил был истинным тружеником и не мог сидеть сложа руки, когда вся бригада вкалывает. Несколько лет назад он с большой неохотой взял на себя функции бригадира. С этим была связана куча административной нуды, и Пудил ждал первой возможности, чтобы от нее избавиться. Золотыми были денечки, когда он работал простым монтажником и отвечал только за себя, но он, похоже, скорее выйдет на пенсию, чем дождется желанной свободы.

Пудил поднес к губам рюмку, на дне которой трепетала капелька грузинского коньяка.

— Тщц... — втянул он благородный напиток на язык. — Я о своей спине сегодня и не вспомнил! У нас там настоящая психбольница!

— Что такое? — Власта под села к столику и смотрела, как мужчины разбирают куски хлеба с мясом.

— С утра злобствуют какие-то парни из следственных органов. У директора неприятности, хищения, что ли... то да се! Сама знаешь, как это бывает! — рассказывал Пудил, уплетая бутерброды.

Власта, словно забыв на этот раз сделать ему замечание, что после первого же куска он измазал подбородок жиром, живо спросила:

— Кто же засыпался?

— Директор и, говорят, вроде бы Новак, тот, из Лготки, что был председателем профкома. Да... — усмехнулся Пудил, скорее про себя, — ...вообразили, будто могут делать что хотят и все им сойдет с рук! У меня в бригаде ребята говорили, что они раздавали подарки первому встречному-поперечному, ха-ха! — Он оглядел поднос и поинтересовался:

— Огурчика нету? Я бы, пожалуй, не отказался!

— Я тоже! — присоединился Станя.

Мать на их слова не отреагировала. С минуту она сидела молча, задумчиво уставившись в одну точку.

— Слышишь?.. — разбудил ее муж.

Власта вздрогнула.

— Что-что?.. — спросила она, словно не поняла вопроса. Они повторили просьбу. Власта отреагировала неожиданно резко, сказав, чтобы они сами открыли новую банку, которая стоит где-то в чулане. И тут же, поднявшись с кресла, поспешно скрылась в спальне, соседствующей с той комнатой, где все они сидели. В шкафу, где-то в глубине, среди лоскутов ткани и старых свитеров, лежал и тот сверток с материалом, который она получила в школе. Власта разложила ткань на супружеских постелях и, встав рядом, размышляла, как с ней поступить. Потом, решившись, отнесла ее в кухню. Муж и сын заканчивали ужин и непонимающе смотрели, как со свертком ткани под мышкой она проследовала мимо них, и не успели даже спросить, что явилось причиной столь внезапной перемены в ее настроении. Впрочем, им обоим Власта часто казалась женщиной загадочной, странной и непонятной.

Мужчины собрали тарелки на пустой поднос и понесли в кухню.

Власта Пудилова уже стояла за кухонным столом в очках, с портновским сантиметром на шее. Большими ножницами она немилосердно кромсала ткань на маленькие прямоугольники.

— Что делаешь-то? — поинтересовался Пудил и осторожно поставил поднос с тарелками на мойку.

— Ты все равно не поймешь! — отрезала она.

Пудил пожал плечами, усмехнулся и потащил сына обратно в комнату к заманчивой бутылке, что все еще, никем не охраняемая, стояла на столике.

Алкоголь не замедлил вызвать приятные воспоминания. Пудил-отец с наслаждением рассказывал истории, пережитые с бригадой, и Станя терпеливо слушал. Наконец отец рассудил, что хотя бы символически следует оставить в бутылке немножко золотистой влаги, и провозгласил, что теперь самое время отправляться спать. Поднявшись с кресла, он покачнулся, но тут же выпрямился и, прочно встав на толстый ковер и буркнув сыну: «Покойной ночи!» — отправился в спальню.

Станя, приотворив дверь в кухню, спросил у матери:

— Чем-нибудь помочь, мама?

Освещенная лампочкой, Власта сидела за швейной машинкой и подрубала края материала крупными стежка-

ми. Не переставая шить — игла так и мелькала в ее пальцах, — она ответила:

— Нет, Станя, иди спать!

Станя тихо прикрыл дверь и ушел к себе наверх, не предполагая, что мать будет до самого утра сидеть за швейной машинкой, словно усердная белошвейка, которой велено за ночь сшить сказочный туалет.

Глава двенадцатая

К Йозефу Каплиржу ночь была не намного милосерднее.

Тонка, его жена, открыв Каплиржу дверь, когда он возвратился из школы, подняла лицо для поцелуя. Вот уже тридцать два года она требует этого проявления нежности, хотя знает, что поцелуй мужа не более чем машинальное прикосновение холодных губ, — но он, сделав вид, будто ему мешает мокрый воротник пальто, оставил жест без внимания. Тонка, тут же сообразив, что по дороге у него испортилось настроение, помогла ему снять пальто, раскрыла зонт, чтобы высох в коридоре, и принялась без остановки молоть всякую чепуху про то, что видела в магазине, пыталась шутить, хотя наперед знала, что муж ее непременно оборвет. Она даже обрадовалась, когда он цыкнул:

— Да прекрати же ты наконец!

Теперь Тонка могла скрыться в кухне, чтобы приготовить ужин для двоих. Ей редко приходилось доставать лишние тарелки или кофейные чашечки, с которых даже после стольких лет не стерлась позолота. Покойная матушка не экономила на ее приданом, и по сей день они с мужем еще вытираются полотенцами из голландского полотна и спят на льняных простынях. Тонка получила шесть смен постельного белья! Дочь аптекаря, она не только могла, она должна была позволить себе это, хотя и выходила замуж в трудное время. Пани Каплиржова накрыла стол в столовой на два куверта, тщательно разложила приборы: Пепа любит порядок во всем, и в мелочах тоже. Сегодня ей не хотелось давать ему повод к замечаниям или, более того, к ссоре, которая обычно выливалась в его весьма длительный монолог. Пани Каплиржова знала, что муж закрылся в комнате,

ми. Не переставая шить — игла так и мелькала в ее пальцах, — она ответила:

— Нет, Станя, иди спать!

Станя тихо прикрыл дверь и ушел к себе наверх, не предполагая, что мать будет до самого утра сидеть за швейной машинкой, словно усердная белошвейка, которой велено за ночь сшить сказочный туалет.

Глава двенадцатая

К Йозефу Каплиржу ночь была не намного милосерднее.

Тонка, его жена, открыв Каплиржу дверь, когда он возвратился из школы, подняла лицо для поцелуя. Вот уже тридцать два года она требует этого проявления нежности, хотя знает, что поцелуй мужа не более чем машинальное прикосновение холодных губ, — но он, сделав вид, будто ему мешает мокрый воротник пальто, оставил жест без внимания. Тонка, тут же сообразив, что по дороге у него испортилось настроение, помогла ему снять пальто, раскрыла зонт, чтобы высох в коридоре, и принялась без остановки молоть всякую чепуху про то, что видела в магазине, пыталась шутить, хотя наперед знала, что муж ее непременно оборвет. Она даже обрадовалась, когда он цыкнул:

— Да прекрати же ты наконец!

Теперь Тонка могла скрыться в кухне, чтобы приготовить ужин для двоих. Ей редко приходилось доставать лишние тарелки или кофейные чашечки, с которых даже после стольких лет не стерлась позолота. Покойная матушка не экономила на ее приданом, и по сей день они с мужем еще вытираются полотенцами из голландского полотна и спят на льняных простынях. Тонка получила шесть смен постельного белья! Дочь аптекаря, она не только могла, она должна была позволить себе это, хотя и выходила замуж в трудное время. Пани Каплиржова накрыла стол в столовой на два куверта, тщательно разложила приборы: Пепа любит порядок во всем, и в мелочах тоже. Сегодня ей не хотелось давать ему повод к замечаниям или, более того, к ссоре, которая обычно выливалась в его весьма длительный монолог. Пани Каплиржова знала, что муж закрылся в комнате,

где стоит его письменный стол и книжный шкаф из орехового дерева, что он, вероятно, достал коробки с коллекцией визитных карточек и перебирает их, как делает обычно, когда чувствует себя усталым.

Йозеф Каплирж действительно сидел на своем обычном месте за рабочим столом, над которым висела картина в облупившейся раме. Рукой не слишком талантливого художника была изображена южночешская деревенька: несколько вытянутых в длину строений с полукруглыми воротами для конных и небольшой калиткой для пеших. Картину эту Каплирж купил много лет назад на выставке в Индржиховом Градце, ибо это была его родная деревня. Стоила картина дешево. Родные деревеньки, мелькнуло у него сейчас в голове, — понятие, уходящее в прошлое. Теперь дети рождаются в районных центрах, рожениц привозят туда со всей округи — бог их там разберет! Ушли времена, когда люди гордились знаменитыми земляками. Никого больше не интересует, кто и где родился. Человек обычно остается в роддоме всего несколько дней, пока не отвалится пупок или не исчезнет младенческая желтушка, а потом — фpp! — больше никогда в жизни не вспомнит тот маленький городок! К чему тогда указывать точное место рождения во всех анкетах и документах? Излишество! Те, кто придут после нас, находясь в вечном плену у времени, наверняка не станут утруждать себя этим.

Возможно, Йозеф Каплирж был бы более снисходительным к родному городу или деревне своего сына или дочери. Но судьба распорядилась так, чтобы четырнадцатая страница его удостоверения личности осталась незаполненной. Тонка не могла иметь детей. Пока они были молоды, у них не хватило смелости взять на воспитание чужого ребенка. Потом привыкли, что семья лишь они двое, и со временем перестали считать это одиночеством. Когда Каплирж женился, за его спиной было уже восемь семестров Академии художеств. Последних государственных экзаменов он, однако, не сдал, утверждая — в тех случаях, если приходилось объяснять причину, — что бросил Академию только потому, что его мать и два младших брата после смерти отца оказались в бедственном положении. Это было полуправдой. Вторая половина правды заключалась в явном отсутствии у него таланта, что, естественно, не было сек-

ретом для его учителей в Академии. Каплирж пошел преподавать в школу. В педагогах тогда нуждались, был он старателен, добросовестен, и директора школ — а он пересидел многих — с ним не знали горя. Но Йозеф Каплирж втайне мечтал о том, чтобы его не просто дружески хлопали по спине, встретив утром и увидав в коридоре новую стенгазету, над которой он тайком корпел в своем кабинете. Он жаждал общественного признания. Каплирж решительно не стремился попасть в местные знаменитости, он мечтал возвыситься прежде всего в своих глазах. Он мечтал ощутить сладость воздаваемой ему хвалы и смаковать ее долго-долго, чтобы отбить горький привкус своего фиаско в Академии. Но Каплиржа постоянно преследовали неудачи. Рядом с ним в учительском коллективе постоянно появлялся кто-то, кто был изобретательней, или кому больше везло, или человек, имеющий влиятельных знакомых. Их отмечали, их награждали. Каплирж же казался себе вечным запасным вратарем на случай, если основной выйдет из игры. Его бывшие коллеги стали уже директорами или по крайней мере заместителями, иные работали в роно либо получили звание «Образцового», а позже «Заслуженного учителя». Иногда ему казалось, что некто, кто многим сильнее его, спрятался в тени и появляется, как только ему, Карплиржу, выпадает шанс... Жажда успеха приняла уродливую форму, выросла до невероятных размеров, хотя Каплирж умело это скрывал. Уже прошел его пятидесятилетний юбилей, и перевалило на шестой десяток. Ему пятьдесят три! Сколько у него осталось времени, чтобы уничтожить химеру и осуществить наконец свою мечту?! Годы, месяцы?.. Стоит ли ждать той минуты, того мгновенья, когда счастье, наконец повернувшись к нему лицом, ласково улыбнется? Или есть другие пути, о которых он не подозревает и напрасно теряет время на рождественские поздравления тем трем десяткам влиятельных особ, чьи визитные карточки столь заботливо хранятся в его коллекции? По партийной линии тоже никакого продвижения. Все знают, что Каплирж аккуратен и старателен, его избирали техническим секретарем, членом парткома. Что было, то было. Но не более.

Тонка робко поскреблась в дверь и позвала ужинать. Они ели в полной тишине. Слышались лишь легкий звон

бокала да тот особенный звук, когда нож скользит по тарелке.

— Не чавкай! — накнулся Йозеф Каплирж на жену.

Тонка никогда не знала за собой этого грешка, но стала есть осторожней, боялась долго жевать и глотала куски целиком, запивая их минеральной водой. До сих пор ее манеры не вызывали у него раздражения. Наконец он отложил вилку и нож и, отодвинув тарелку, направился к своему столу. Тонка, приотворив двери, осмелилась сказать ему, что идет спать, и пожелала доброй ночи. Он что-то недовольно буркнул, но не обернулся, продолжая сидеть, подперев руками голову, освещенный снопом яркого света.

Еще осенью была надежда, продолжал Каплирж свои невеселые размышления, что он займет место покойного Франтишека Еглика. По сей день он не может понять, почему заместителем директора назначили Гавелку. В районе кто-то, не спросив мнения ни педагогического коллектива, ни партийной организации, что в последнее время случалось все чаще, решил именно так — и точка. За Гавелкой укрепилась репутация опытного и добро совестного педагога, о чем свидетельствовали и все предшествующие характеристики, в которых, отнюдь не умалчивался тот факт, что его дочь при загадочных обстоятельствах во время туристической поездки спортсменов осталась где-то в Италии. Должность заместителя директора, безусловно, не может пролить бальзам на его раны. Гавелке хватает переживаний с дефективным сыном! Возможно, кто-то приметил Гавелку. Или его предложил сам директор Ракосник! Кто знает?! Но при всей самокритичности Йозефа Каплиржа шансы их были равны. И вот сегодня эта история с Пудиловой! Да, она, несомненно, педагог высокой квалификации и может служить достойным примером для других. Но Пудилова не участвовала в создании ЕСХК*, не ездила на молодежные стройки, как это делал Йозеф Каплирж, он никогда не видел ее в Гражданском комитете, да и на собрания она ходит скорее по обязанности, чем из убеждений. И несмотря на все это, выбор администрации пал именно на нее! Назначение Гавелки так

* Единый сельскохозяйственный кооператив.

и осталось для Каплиржа необъяснимым, предложение же присвоить звание «Образцовый учитель» Власте Пудиловой явилось контрударом за последнее партсобрание, когда он, Каплирж, выступил с критикой бала учителей и родителей. Можно не сомневаться, директору Ракоснику не понравилась критика. Он хочет все вопросы решать единолично. Многоуважаемый товарищ директор Ракосник, который всегда и во всем прав! А свои умозаключения и предложения он потом ничтоже сумняшеся дает членам парторганизации — для утверждения, будучи уверен, что все дружно поднимут руки, ибо никто не осмелится заявить: нет, директор, ты не прав! Такое может позволить себе один Влах. Ракоснику это известно! Но и Влах в последнее время прикрылся своим равнодушием и тоже помалкивает. Но ошибаетесь! Есть еще человек, у которого достанет смелости и кто лишь ждет подходящего случая. Это он, Йозеф Каплирж. Только сейчас Каплирж начинает понимать, что шансы на победу он может обрести, напав первым, но никак не выжидая и не прячась.

Так и лелеял далеко за полночь Йозеф Каплирж снующую рыбешку своего разочарования, пытаюсь оживить ее и перебирая мелкие чешуйки кривды и обид. Потом поднялся, приготовил себе крепкого кофе и, надев очки, принялся листать свой блокнот.

— Вас зовут к директору! — влетел Поштолка из 6 «А» в кабинет к Губерту, когда тот, сняв с себя пальто, уже собирался повесить его, но вдруг обнаружил, что оборвалась вешалка. Он бросил пальто на уже отслуживший свой век стояк для карт, тщетно ожидающий, когда кто-нибудь, наконец, решится и отнесет его в котельную на растопку.

Поштолка торчал в дверях и не собирался уходить.

— Ты что, — улыбнулся Губерт, — получил приказ отвести меня в наручниках?

Мальчишка хихикнул.

— Нет, что вы! Знаете, какие у нас новости?

Губерт Влах отрицательно покачал головой и одернул на спине примявшийся под пальто пиджак.

— У нашей Бесины — щенята!

— Да ну!..

— Ага! Шесты! — похвалился Поштолка. — Если хотите, я вам одного принесу.

— И думать не смей!.. — рассмеялся Губерт, представив себе, что будет дома, появившись там еще один зверь.

— За так!.. — продолжал настаивать мальчишка. Губерт дружески взял его за плечо и, распахнув двери, направился в коридор. Он посоветовал Поштолке раздать щенят ребятам, но тому предложение не понравилось.

— Я своих щенят в панельные дома не отдам. Лучшее утоплю в ведре, — заявил он и помчался в класс.

Губерт шагал по лестнице. По пути в директорскую он встречал своих учеников и раз сто, не меньше, ответил на их утреннее приветствие. Прежде чем постучаться в дверь, он взглянул на часы, до восьми оставалось десять минут.

Губерт постучался и вошел в кабинет. Поздоровавшись с директором Ракосником, он вдруг словно расцвел, потому что в человеке, сидящем в кресле под часами, узнал старого Выдру. Не раздумывая, Губерт бросился к нему.

— Индржих!.. — воскликнул он, радостно раскрывая объятия. — Ты что здесь делаешь?

Выдра поднялся, его забавляло удивление Губерта, и они стали долго и звучно шлепать друг друга по спине и плечам. Директор Ян Ракосник, стоя поодаль, мило улыбался. После процедуры взаимных приветствий Выдра, лукаво прищурившись, сказал:

— Да вот приехал к вам на заработки!

— Ну-ну! — поддразнивал его Губерт. — У тебя же огромная пенсия! Самый богатый пенсионер в нашей стране!

— Товарищ Выдра какое-то время поработает в нашей школе, поможет нам... — вмешался директор Ян Ракосник. — Либушка Лиemanова заболела. Видимо, пролежит месяц, если не больше.

— Ты живешь в Крушетицах? — Губерт расспрашивал старого Выдру, перескакивая с пятого на десятое.

— Дочка тут замужем...

— У тебя, Губерт, в шестом «А» учится Милан Травничек? — поинтересовался директор Ян Ракосник, обращаясь к Губерту.

— Конечно!..

— Так это внук товарища Выдры!

— О боже, я его так безжалостно шпыняю!

— Вот и прекрасно, такому озорнику строгость всегда на пользу! — изрек седовласый учитель и, обернувшись к директору Ракоснику, сказал: — Губерт проводит меня в класс, ладно?

— Конечно... — Директор Ракосник пожелал уважаемому пенсионеру успехов в работе и проводил обоих до коридора.

Губерт повел Выдру на первый этаж, где находился класс Либушки Лиemanовой. Они свернули в сторонку и спаслись от мчащегося табуна ребятни у окошка, где Дана Марешова на подоконнике пристраивала минералы, которые ребята притащили в школу.

— Как живешь? — спросил Выдра у Губерта Влаха уже серьезно.

— Не так-то уже и плохо... — Губерт передернул плечами.

— Как тебя понимать? — продолжал Выдра.

— Учю! Мне это по-прежнему нравится. Обо всем что со мной произошло, пытаюсь забыть, не лезу ни в какие дела... ни во что!..

— И ты доволен? — перебил его Выдра.

— Ты же знаешь, после всего, что было... — уклончиво ответил Губерт Влаха.

— Когда ты переходил, я лежал в больнице...

— Я не переходил! — уточнил Губерт. — Меня просто ушли из гимназии!

— Кто?..

— Не знаю. Скорее всего, директор. Я вдруг стал ему негоден, стал мешать.

— Ты совершил ошибку, Губерт! — сказал Выдра и прислонился к стене, окрашенной масляной краской. — Надо было за себя бороться, требовать объяснений!

— С кем? У кого? Мне сообщили о переводе во время каникул, когда никого на месте не было. А ты исчез, словно тебя ветром сдуло! — Губерт не собирался упрекать старого учителя, он скорее пытался уточнить ситуацию. — Сегодня-то я, конечно, понимаю, что все это было делом рук директора и вместе с ним инспектора облоно. Ведь все перемещения к тому времени закончились.

— Слишком рано ты стал в позу обиженного, позабыв, что на свете ты не один! — Выдра смотрел Губерту прямо в глаза. — Почему ты не обратился к кому-нибудь еще, если твои дела были так плохи?

— Ты имеешь в виду Краля или Кржелину?

— Да, хотя бы их, — согласился старый друг.

— Не умею кланяться, не умею просить... — Губерт уставился на носки своих ботинок, на которых уже подсыхала уличная грязь. — И кроме того, я недавно прочел в газете статью, которую написал Краль. Она показалась мне странной, я так и не понял, чего он хочет. Философствует, будто жонглирует, о вещах давным-давно известных и ясных как божий день! Нет, этот Краль ни за что бы меня не понял!

— Я недавно был в обкоме. Кржелина, например, о твоём деле вообще ничего не знает.

— Но теперь узнал!.. — Губерт иронически выпятил губы. — И что же он предпринял?

— Он полагает, что ты доволен. Или ему тоже следует заниматься тобой без твоего ведома? По-моему, нечто подобное уже проделали?!

Послышалась резкая трель звонка. Последние застрявшие в коридоре ребята мчались в свои классы. Пора было расходиться и Губерту с Выдрой. Выдра сложил поаккуратнее два учебника и классный журнал, заранее приготовленные для него Гавелкой.

— Мы еще потолкуем! — улыбнулся он Губерту.

— Лучше не надо!.. — воспротивился Влах и собрался было уйти, но Выдра, уже взявшись за ручку двери, вдруг вспомнил:

— Между прочим... знаешь, а тот парень хорошо учится!

Губерт остановился.

— Какой парень?.. — не сразу понял он.

— Тот, из-за которого весь сыр-бор и ты — здесь!

— Но письменную списал! — с трудом выдавил Губерт Влах сквозь сжатые губы.

— Очень возможно... — опять улыбнулся Выдра, скорее сам себе, и вошел в класс.

Где-то через полчаса в директорскую вошли два человека.

— Товарищ директор Ян Ракосник? — сухо спросил первый.

Директор поспешил им навстречу.

— Да, — подтвердил он, — это я! Чем могу служить?

Пришедшие вынули из карманов удостоверения сотрудников СНБ. Директор Ян Ракосник предложил им снять пальто и усадил за журнальный столик. Гавелка между тем собрал с рабочего стола директора Ракосника какие-то схемы и таблицы, над которыми они вместе работали, и поспешно исчез в соседней комнате.

— Слушаю вас, товарищи! — сказал директор Ян Ракосник и подсел к ним. Все трое закурили. Тот, который вошел в кабинет первым, опершись локтем о стол, спросил:

— Мы, товарищ директор, расследуем кой-какие неувязки в делах местного Центропала... — он выпустил дым и отвел в сторону руку, в которой держал сигарету, — вы некоторое время тому назад получили от них какую-то ткань? Не так ли?

— Да ... подтвердил директор Ян Ракосник.

— Сколько метров? — задал вопрос второй.

Директор повернулся к нему и вдруг заметил, что на его широком лбу остался красный след от шапки.

— Мы ее не измеряли. Привезли три рулона. Я просто не знаю, сколько там могло быть метров!

— Впрочем, это действительно не так уж и важно... — заметил тот, первый. — А как вы ею распорядились?

Директор Ян Ракосник пояснил, что мамыши учеников их школы пошили из этой ткани костюмы для хорошего ансамбля.

— Очевидно, метр-другой все-таки у вас остался?..

— Конечно. Учителя разделили остаток между собой...

— И вы тоже получили?

— Естественно... — ответил удивленный директор Ян Ракосник.

— Вы могли бы сказать, сколько именно?

— Метра три, столько же, как и другие, — Ракосник попытался улыбнуться, — не знаю, не знаю, товарищи! Почему остатки ткани, которая уже не нужна для ан-

самбля, мы не имели права раздать учительскому коллективу?

— Я бы согласился с вами, товарищ директор, если бы вы делили между собой ткань, которая не была, как бы это сказать, незаконно присвоена! — ответил сотрудник СНБ и стал наблюдать за реакцией директора Яна Ракосника.

Тот, открыв рот от изумления, уставился на второго, словно желая убедиться, что его коллега не шутит.

— Не может быть!.. — ахнул он наконец. — Этого мы, конечно, даже предположить не могли. Значит... — Директор Ян Ракосник не окончил фразы, ибо его вполне убедил едва заметный кивок головой. Ян Ракосник забыл про сигарету, и с ее конца отломилась и упала холодная колбаска пепла. — Очень, очень неприятно, — добавил он и закусил нижнюю губу.

— Вполне вас понимаю! Мы хотели бы знать, существует ли какой-нибудь список, где обозначено, кто из ваших товарищей брал ткань?

— Ну конечно! Сейчас мы найдем... — засуетился директор, утратив обычную невозмутимость. — Припоминаю, что остатки принес в учительскую товарищ Маржик, а коллега Кутнаерова... да, кажется, именно она — разрежала ткань на одинаковые куски, у нее, видимо, должен быть список...

— Вы не могли бы пригласить ее сюда?

— Конечно!.. — Директор вскочил с кресла и кинулся было к двери, за которой обычно сидит его заместитель.

— Минуточку, товарищ директор! — задержал его сотрудник СНБ и придавил пальцем окурки сигареты ко дну пепельницы. — Можно ее, товарищ... — Он никак не мог вспомнить фамилию.

— Кутнаерову! — поспешно подсказал директор Ракосник.

— Да, Кутнаерову! Вы ее пригласите, но говорить, чтобы принесла список, не нужно. Он нам может не понадобиться.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. — с любезностью приказчика расшаркался директор Ян Ракосник. Он не закрыл за собой дверь, чтобы эти оба могли слышать, как он посылает своего заместителя за Боженкой. Вернувшись, директор сел к столу. Гости молчали, и лица

их были непроницаемы. Заметив в пепельнице свою безвременно погасшую сигарету, директор достал ее, пальцы у него слегка дрожали. Младший из двух дал ему огонька.

— Благодарю... — промямлил директор Ракосник и вдруг торопливо спросил: — Кофе не желаете?

Сотрудники органов вежливо отказались и, чтобы убить время, стали разглядывать кабинет. Обычный порядок нарушала лишь куча старых учебников в углу, против стола.

Наконец послышался стук в дверь.

— Войдите! — крикнули почему-то все трое одновременно.

Вошла Божена Кутнаерова.

— Добрый день! — поздоровалась она с миной отличницы и одним движением глаз оценила присутствующих мужчин. Двух незнакомцев она определила как представителей роно или облоно.

Директор Ян Ракосник поднялся, чтобы представить ей присутствующих, но они опередили его.

— Лейтенант Шварц! — сказал тот, что сидел с краю.

— Старший лейтенант Янечек, садитесь, пожалуйста, — произнес второй. Лоб его уже был чист и сверкал белизной.

Божена Кутнаерова протянула им по очереди свою тонкую руку и села на стул, который Ракосник придвинул от своего стола. Все трое обратили внимание, как она, соединив колени, спрятала ноги под стул.

— Товарищи — из СНБ! — сделал попытку исключить всякие недомолвки директор Ракосник, чувствуя свою вину, что не смог заставить своих подчиненных одеваться менее вызывающе. То, что было надето сегодня на Кутнаеровой и должно было бы, по всей вероятности, называться свитерком или кофточкой, находилось на грани между чем-то очень эфемерным или вовсе ничем! Более того, это эфемерное или вовсе ничто было бесстыдно прозрачным и в условиях школы абсолютно недопустимым и даже аморальным. С кривой, виноватой улыбкой директор Ян Ракосник перевел взгляд на присутствующих здесь сотрудников СНБ, чей неукоснительный долг — стоять на страже общественного порядка, но ничего такого, что могло бы свидетель-

ствовать об их осуждении учительницы Кутнаеровой, не обнаружил.

— Я вас слушаю?.. — вскинула Кутнаерова голову и обратила на них свои большие глаза.

Гавелка не завершил своего похода у дверей класса, где Кутнаерова вела урок эстетического воспитания. Он добросовестно обошел всех учителей, включая старого Выдру, и конфиденциально сообщил каждому, что в школе находятся сотрудники органов СНБ и что-то выясняют. Но как он ни прислушивался, притиснув ухо к двери своего кабинета, смежного с директорским, ему так и не удалось по обрывкам фраз определить, что же все-таки привело их в школу. Мелкие проступки учеников обычно ликвидировал на месте крушетицкий уполномоченный Чамбал, с которым Гавелка был знаком с детства. Тут наверняка что-то посерьезнее, предположил он, впрочем, как и все остальные. Но никто не принял этого визита на свой счет. Да и причин к тому ни у кого не было!

Камил Маржик, правда, вспомнил, что на последнем выступлении популярного ВИА «Метафора» в трактире «У подковки» были поломаны несколько стульев, а два совершенно заросших акселерата поразбивали друг ругу носы, оросив каплями крови пол в мужском туалете, по трактирщик Пивонька, незамедлительно вменявшись, накинул на их счет стоимость стульев и, запретив безобразникам появляться здесь впредь, тут же выставил их из зала прямо в ненастную ночь.

Сотрудники СНБ могли бы, кстати, поинтересоваться преподавателем физкультуры Прскавцем, если, конечно, кто-нибудь из сверхсентиментальных родителей не согласился бы с тем фактом, что подзатыльник, отвешенный его подающему надежды отпрыску, более действен, чем уговоры, и не преминет сказаться на поведении вышеуказанного, чего не достигнут ни медовые речи, ни сниженная оценка по дисциплине. Без малого сорок лет служения на ниве чешского просвещения научили Прскавца, что и к подобным явлениям следует подходить дифференцированно и с остротностью раздавать подзатыльники, шлепки, шелбаны, шелчки, затрещины, делать втык — короче, учитель должен осно-

вательно владеть всей этой шкалой воспитательных мер, начиная с отцовской ласки и кончая отцовской же доброй оплеухой. Прскавец обычно позволял себе нечто среднее. И потому, выслушав сообщение заместителя директора, он вернулся в спортзал и преспокойно провел со своими мальчишками матч по регби.

Не смог сохранить столь же завидного, почти олимпийского спокойствия Милош Лекса. Он, правда, попытался отпустить какую-то шуточку, но, вернувшись в класс, ощутил, что ноги у него подкашиваются, горло перехватило, а все тело стало словно чужим. Он с трудом дотащился до своего стола перед доской, и ученики, заметив внезапную перемену в его лице — видимо, он сильно побледнел, — притихли. Милош Лекса тяжело опустился на стул и велел им самостоятельно решать примеры на сложение и вычитание дробей. Он не мог поверить, чтобы Нина поделилась истинной причиной своих почных, вернее, вечерних прогулок с кем-нибудь из подружек или тем более с матерью. Она девушка разумная: обещала ему, что не станет вести дневник, как это делают в ее возрасте некоторые наивные дурочки! Иногда Нина просто провоцирует его своим молчанием. Но, прикасаясь губами к ее губам, он всякий раз чувствует исходящую от них, сжимающую сердце жажду и страсть этого удивительного возраста. Пройдет несколько лет, и Нина превратится в очаровательную возлюбленную! Сейчас Милош Лекса запрещает себе тронуть ее. Ему достаточно того, что он может держать в объятиях ее упругое тело, уже готовящееся к пробуждению. Всегда, в любой школе, где Милош Лекса работал, у него была своя Нина. Как правило, проучив два-три года, он менял школу и вместе с женой, тремя детьми и старой обшарпанной кухонной мебелью переезжал на другое место. Лекса ненавидел свою жену, хотя они вместе ели и спали. Она постоянно утверждала, что у нее нет времени сходить в парикмахерскую, некогда прибраться в доме, нет денег на губную помаду, что она не может найти ножницы и потому грызет ногти. Иногда, разглядывая старые фотографии, что лежат в коробке, Милош видел ее веселой, похожей на озорного чертенка... Такой он знал ее до свадьбы. Потом у нее под ногами словно бы проломился лед и она рухнула в полынью каждодневных семейных обязанностей. С

детства она была не слишком расторопной и потому, став взрослой и выйдя замуж, не умела совладать с делами и с бытом, а когда появились дети, и вовсе захлебнулась в беспорядке и постоянном, хроническом хаосе и вместо возможного островка счастья создала лишь тающий айсберг грязи. Его Нины были совсем иными. Их волосы пахли летним солнцем, они были беззаботны, никогда не раздражались и не повышали голоса. Потом они уезжали учиться или оставались и работали продавщицами. Они улыбались ему, встретясь случайно, пережив к этому времени большую любовь и разочарование. Но ему они были уже не нужны, потому что в тот вечер его ждала в парке новая Нина, ученица старшего класса, ниспосланная ему случаем. И снова — эти маленькие тайны, легкие, незаметные прикосновения и не видимые никому знаки глазами.

Конечно же, контрольную Нины в учительской исправил он. За день до того, как класс Лиemanовой писал эту работу, Нина отказалась с ним встретиться. Сказала, что должна подготовиться к письменной. Лекса ее уговорил. Дома пусть, как обычно, скажет, будто у нее репетиция в хоре.

— Этот ваш Маржик совсем рехнулся! — возмутится отец. — Может, он еще пожелает, чтоб вы в школе ночевали? — Но отпустит, и мама не возразит, потому что школа от них в двух шагах.

Лекса приехал на мопеде, у них есть почти два часа! В тот слякотный вечер они гуляли в парке, эти странные возлюбленные, и, увидев издали поспешающего пешехода, сворачивали с дорожки и укрывались в кустах разросшейся туи или в беседке, куда ветер намел целые схапки осенней сухой листвы. Нина убежала домой, а Милош Лекса выкатил из кустов мопед и спустил камеру заднего колеса. Потом, прикоснувшись к холодному мотору, измазал руки жирной грязью. Теперь, когда дотащит машину домой, будет иметь веские доказательства, почему так задержался. Впрочем, его вечно потная Зденечка все равно начнет орать, что нечего шляться по собраниям, когда нужно писать со старшим сыном диктант.

Нет, Милошу Лексе бояться нечего! Никто ничего доказать не сможет. Он Нину не изнасиловал и не приставал к ней с гнусными предложениями. Все осталь-

ное — пустые сплетни и клевета! Но чем бы ни кончился сегодняшний день, Милош Лекса решил — с Ниной надо кончать. Ей будет пятнадцать через два месяца. А если точно, то четырнадцатого мая. Даже простое разбирательство — вещь весьма и весьма неприятная. Попробуй докажи прокурору, что нет законов, запрещающих поцелуй.

Одного за другим, поочередно, всех педагогов вызывали в директорскую, ибо Боженка Кутнаерова никакого списка не имела. Отвечали только на два вопроса: «Вы взяли ткань?» и «Что вы с ней сделали?»

Быстрее всех отделались Губерт Влах, Каплирж и Камил Маржик. Эти трое не проявили тогда к дареному материалу никого интереса. Правда, с Камилем говорили несколько дольше, выясняли, сколько приблизительно метров было в остатке, но на этот вопрос они могли получить ответ с тем же успехом, как если бы спросили, его, почему морская миля содержит именно 1852 метра... Судьба дарованных кусков ткани через полгода оказалась весьма разнообразной. Кутнаерова из выделенных ей трех метров пошила сыну летнюю курточку. Подобным же образом распорядилась со своим отрезком Дана Марешова. Анечка Бржизова заявила, что ткань лежит у нее дома нетронутой, если они хотят, она завтра же принесет ее в школу. Адамцева, смущаясь призналась, что нашила мужу трусиков. В других домах дареный материал служил теперь портьерой или эффектной накидкой на диван.

— Товарищ Влах, почему вы не взяли ткань? У вас жена, двое детей... — спросил лейтенант Шварц, изучая его личное дело, принесенное вместе с другими личными делами директором Яном Ракосником.

Губерт недоверчиво посмотрел на него, словно желая убедиться, нет ли в вопросе подвоха.

— У меня вполне приличная зарплата, и мне хватает денег, — ответил Губерт Влах после короткой паузы, — чтобы купить себе все необходимое.

— Вы уже тогда подозревали, что этот материал получен нечестным путем?

— Нет... Я не взял его из принципиальных соображений! — Ответ Губерта прозвучал излишне патетично, и это понял не только он сам, но и сотрудники СНБ.

— Значит, насколько я вас понял, вы не станете есть грушу, если кто-нибудь из ваших коллег принесет в учительскую корзинку фруктов?

— У меня есть свой сад... — парировал Губерт Влах. Он заметил, что лейтенанта, видимо, заинтересовала пометка, сделанная кем-то в его личном деле мягким карандашом. Губерт видел ее через стол со своего места.

— У вас, товарищи, есть еще ко мне вопросы? — спросил он.

— Нет!.. — Лейтенант Шварц подал ему руку.

— Какой странный человек, а? — обернулся он к директору Ракоснику, когда за Губертом захлопнулась дверь.

— Несколько замкнут, упрям и весьма пассивен, безразличен к окружающим... — Директор Ян Ракосник делал свои замечания телеграфным языком.

Он был счастлив, что не унес своего куска домой. Алена непременно раскроила б тряпку и пошила какую-нибудь ерунду себе или маленькой Оленьке. Так или иначе, но все эти вопли моды она надевала не более одного раза, однако он не смел ее ни в чем упрекнуть, чтобы не услышать в ответ, что ей не интересны его стариковские суждения! Сейчас материал лежит в музейных витринах, использованный им, директором Ракосником, для всеобщего блага. Товарищи из СНБ могут убедиться в этом в любой момент.

Директора Яна Ракосника чуть не насмерть сразила Пудилова. Она явилась с дымящейся сигаретой, зажатой в пальцах, не ожидая приглашения, плюхнулась в кресло и лишь тогда протянула товарищам из СНБ руку.

— Да, — четко ответила Власта Пудилова на их вопрос, взяла ли она пресилон. — Его было около трех метров, — добавила она. — Так или иначе, но мне его не хватило!

— То есть?.. — удивился товарищ, ведущий расследование, и слегка усмехнулся. — Что же вы из него пошили?

Пудилова всунула сигарету в рот, потому что ей нужно было освободить руки, нагнулась и, вытащив из кармана какой-то сверток, положила его на столик.

— Что это? — склонились над ним мужчины.

Пудилова медленно разматывала шнурок, перетягивающий сверток. Директор Ян Ракосник сразу понял, для чего он предназначался.

— Мешочек для красок? — спросил он, словно желая подтвердить свое предположение.

— Да, ребята подвешивают их к партам, складывают в них пастель, цветные мелки и все мелочи, которые в противном случае порастеряли бы.

— У нас в первом классе тоже было что-то в этом роде! — вспомнил тот, с широким лбом, и коротко хохотнул.

— Мы выдвинули товарищ Пудилову на звание «Образцовый учитель!» — шепнул ему директор Ракосник, прежде чем Власта Пудилова успела уйти. Услыхав, она с достоинством заявила:

— Как тебе известно, Ян, я делаю подобные вещи совсем из других побуждений! До свидания!

Власта Пудилова была последней, о ком сотрудники органов что-то записали в свои блокноты.

Директор Ян Ракосник, подумав, решил, что ему, как главе школы, следовало бы знать их точку зрения на этот счет. Кроме того, товарищи должны проинструктировать его, что предпринимать дальше. Придется, видимо, компенсировать стоимость этого материала, о котором, разумеется, никто и не подозревал, что он краденый? Ян Ракосник полагал, что коллектив свяжет круговая порука молчания, как он видел в теленсценировках, но сотрудники СНБ спрятали бумаги в нагрудные карманы теплых пальто, один надел плоскую кепку, второй — шляпу, и без всяких объяснений ушли, словно куда-то спешили. Директор Ракосник собрался было проводить их до парадного входа, но они сказали, что он может себя не утруждать, дорога им известна. Обессиленный директор Ракосник вернулся в свой кабинет и только тогда с наслаждением закурил. Ему хотелось запереть двери к Гавелке, он жаждал одиночества, надеялся, что его заместитель, подчас излишне любопытный, на этот раз не примчится к нему немедленно. Обнаружив, что сигареты кончились, Ян Ракосник открыл нижний ящик стола и открыл новую пачку.

Заведующий роно Гамза узнал о проводимом расследовании в крушетицкой школе в тот же день, еще до обеда. Подобные известия распространяются чуть ли не со скоростью света. Он с раздражением набрал номер инспектора Гладил и попросил зайти к себе. Когда через минуту перепуганный насмерть инспектор явился, Гамза рассказал ему, какое злодеяние было совершено на его участке. Крушетицкая школа находилась в числе тех, которыми ведал именно он, Гладил.

— Неприятно, весьма неприятно, не правда ли, товарищ начальник! — нервно скреб подбородок школьный инспектор.

— А как же! Потому и вызвал! — вскричало начальство. — По всему району звон пойдет!

— Знаю, знаю... — простонал Гладил. — Что делать-то будем?

В голове Гамзы молниеносно созрел план:

— Завтра же, — сказал он строго, и тон его заранее исключал какие бы то ни было возражения, — отправись в Крушетице, соберешь всех учителей и подробно разберешься в этом деле. Послезавтра представишь мне все в письменном виде... — Школьный инспектор явственно видел слово «представишь», дважды подчеркнутое красным карандашом — ...объяснение с заключением директора Ракосника и твоим. На этом основании азработаем дальнейший план действий. — В своей речи амза употреблял множество подобных оборотов.

Бывший подполковник, ныне вышедший в отставку, он не раз на общерайонных конференциях обращался к директорам школ со словами: «Товарищи командиры!», говаривал не «двести», а «две сотни» учебных часов, как говорят на полигоне, дабы при артобстреле радисты вместо «двести» не услышали «триста»! Впрочем, во всем остальном армейские навыки в районных школьных маневрах ни Гамзе, ни остальным ничуть не мешали.

— Хорошо! — громко и четко ответил Гладил, и это прозвучало как «Есть, товарищ командир!» На его вытянувшуюся по стойке «смирно!» фигуру смотреть было одно удовольствие, хотя каблуками он не пристукнул.

— Успеешь и после обеда! — уточнил задачу заведующий роно Гамза, уперся в свой командный пункт животом и потому случайно задвинул ящик.

Итак, районный школьный инспектор Гладил на сле-

дующий же день объявился в Крушетицах. Вылезая в 12.45 из автобуса на площади напротив магазина «Мясо», он увидел в витрине поднос с атрибутами бычьего естества — поблескивающими бычьими железами. Гладил незамедлительно вошел в магазин и попросил, несколько смущаясь молоденькой продавщицы, взвесить себе этот деликатес, и она с очаровательной непосредственностью взвесила, швырнув на весы сразу килограмм, так что Гладил с трудом зачихнул пакет в свой портфель. Это задержало его. Еще на тротуаре перед школой он услышал звонок, возвещающий о конце большой перемены и начале очередного урока. «Ладно, — решил районный школьный инспектор, — директор Ракосник наверняка уроков не дает. Найду его в кабинете».

Пройдя через стеклянные двери, он приостановился и с удовлетворением прочитал несколько цитат из великого Я. А. Коменского*, сделанных белыми буквами на синем фоне. Буквы были прикреплены невидимыми гвоздиками. Герб города на арке у входа в зал свидетельствовал о том, что здесь не забыт и здоровый патриотизм. По мере того как Гладил приближался к директорскому кабинету, ударность лозунгов благодаря фантазии Йозефа Каплиржа усиливалась. Их стремительный поток лишь иногда нарушали репродукции из старых номеров журнала «Кветы» в самодельных рамках.

В кабинете директора Яна Ракосника районный школьный инспектор подробно выяснил все, что касалось неприятной истории, и, внимая изложению сути этого дела, неустанно заносил подробности в свой блокнот. Гладил заранее опасался, сможет ли сделать сообщение Гамзе на соответствующем высоком уровне. Ему было неприятно, что Ракосник, хоть и старый приятель, все время подчеркивает, что он лично о происхождении ткани не имел ни малейшего понятия и свою долю взял лишь для того, чтобы еще лучше оформить витринки в местном музее. Впрочем, директор Ян Ракосник лишь повторял то, что ему посоветовала сказать его умная жена.

Пройти в учительскую директор Ракосник пригласил районного инспектора Гладила только около половины третьего, когда ребята покинули школу, а кружок

* Коменский, Ян Амос (1592—1670) — чешский мыслитель-гуманист и педагог.

рисования и репетиция школьного хора были в виде исключения отменены. Все учителя послушно сидели на своих местах. Обычно инспектор Гладил появлялся в школе лишь накануне каких-либо годовщин или государственных праздников. И теперь учителя догадывались, почему он приехал именно сегодня. И в предположениях своих не ошиблись. Поэтому с огромным интересом ожидали его выступления.

Гладил никогда златоустом не был, тем более сейчас, когда надо было говорить о неприятностях, связанных с украденным материалом. Детям, видимо, претензий не предъявят. Местная текстильная фабрика не станет, надо полагать, требовать от ребят из хора денежной компенсации. Многим сложнее ему видится участие в этом деле учителей. Итак, инспектор Гладил начал тихо, подчеркнув, что по приходе в школу был сегодня обрадован вывешенными на стенах лозунгами, которые призывают учащихся воспитывать себя в духе высокой морали. Содержание этих призывов, увы, не соответствует... — инспектор Гладил заколебался, как бы это поделикатнее назвать... — проведенному здесь... дележу ткани. Сегодня он говорил намного хуже, чем на кремации Еглика. В тот раз его речь была написана на бумажке. Костыли фраз, на которые он сейчас опирался, отказывались ему служить, и Гладил запутался в пустых словах, к чему-то заметив, что для стенгазет лучше брать бамагу другого сорта, а также вдруг заговорив о том, что во время уроков трудового воспитания можно научить детей делать из пластиковых бутылочек прелестные фигурки. Если же школе удастся связаться с райбольницей, продолжил далее Гладил, то из баллончиков для шприцов мальчишки могли бы сооружать модели самолетиков. Сказав все это, инспектор Гладил снова вернулся к теме о ткани и наконец закончил свою речь странной просьбой.

— Скажите, что нам с товарищем Гамзой обо всем этом думать?!

Директора Ракосника удивил такой оборот дела и неожиданный, хоть и риторический вопрос.

В учительской наступила тишина. Большинство голов опустилось к столу, где в открытых блокнотах были нарисованы у кого грибочки, у кого прописное «Е». Камил Маржик пытался незаметно перелистнуть «Танце-

вальное ревию», а Бенда под столом обрезал подгнившее яблоко.

— Ну, товарищи, давайте!..— подбадривал районный инспектор тех, кто посмелее.

Все, однако, продолжали молчать. Лишь Адамцева смущенно улыбулась, но тут же, словно ее застали за чем-то постыдным, принялась громко сморкаться. Когда казалось, что одному лишь районному инспектору Гладилу под силу столкнуть с места каменную глыбу молчания и замешательства и дать очередной совет, как, например, лучше закреплять скобы в стенах, кто-то сзади поднял руку.

Педагогический коллектив, вздрогнув, обнаружил, что это Милош Лекса.

— А что, собственно, произошло?— воскликнул он весело и оглядел тех, кто сидел поближе.— Никто из нас не знал, что эта тряпка краденая, вот мы ее и взяли. Я— тоже!— признался он и, стряхнув первоначальную робость, продолжал уже совсем уверенно:— Предлагаю тем, кто ткань не использовал, притащить ее в школу, а остальные пускай за нее заплатят, и дело с концом! Так я говорю, товарищи?

— Конечно!..— громко согласилась с ним Ирена Гаспеклова.

Ее раздражала пустая трата времени. Всем известно, что в субботу у нее свадьба, дома дел невпроворот, сегодня начнут печь пироги! К счастью, удалось убедить родителей и торжественный свадебный ужин устроить в отеле «Коруна». Обо всем позаботился Мирек. У него есть время. Выходить на работу пока рано: больная нога еще не в состоянии нести восемьдесят килограммов его веса. Он хоть и сменил костыли на палку, но ходить должен осторожно— последний рентген показал, что придется, видимо, подвергнуться еще одной операции. Если б Ирена захотела, свадьбу можно было бы отложить. Хотя она прекрасно понимает, что смелости у нее на это уже не хватит. Приближалось пятое марта, день свадьбы, и с его приближением все дальше отступало ее отращение к Миреку. Ирена выйдет за него потому, что жалеет, потому, что стыдно оттолкнуть его именно сейчас, когда он— будем надеяться, временно— искалечен. Потому, что все вокруг убеждают ее, что свадьба лишь формальный, завершающий акт их прежних взаимоотно-

ношений. Ирена уже все ему простила. Теперь ее все чаще одолевает иная мысль: в ней зреет неукротимое желание изменить ему и успеть сделать это еще до свадьбы, до пятого марта! Впрочем, она точно знает, что хочет отомстить не ему, а той черноволосой, которая обольстила его, той гордой и самоуверенной царь-птице...

Анечка Бржизова кивком головы тоже выразила свое согласие с Милошем Лексой. Теперь все смотрели на районного инспектора Гладилу, ожидая, как отреагирует он на разумное предложение Милоша Лексы. Но тут раздался звучный голос Йозефа Каплиржа:

— Что касается меня, то я так не считаю!

Йозеф Каплирж бросил это как вызов, как пароль, как лозунг, который можно прибить на стенку! И все заметили, насколько Каплирж взволнован, пальцы его судорожно сжимали блокнот, чтобы скрыть дрожь!

И районный инспектор Гладил, тоже уставившись на него с изумлением, вздернул слегка подбородок, что означало: ну, продолжайте!

Каплирж это понял и, прислонившись к спинке стула, одной рукой придерживая на столе блокнот, другую же опустив вдоль тела, продолжал в такой, не слишком привычной позе.

— Ты, Милош, полагаешь,— обратился он к Лексе, но тут же перевел взгляд туда, где сидел директор Ракошник и районный инспектор Гладил,— ты полагаешь, что если кто-то возвратит кусок этой ткани,— Каплирж перекатывал во рту гремящие согласные,— то все будет в порядке? Так?

Он вовсе не ждал ответа, ответ ему был не нужен, тем более ответ Лексы. Вопрос был риторический.

— Эти подозрения, эта репутация, которую мы обрели в городе,— все это касается не только школы! Мы, товарищи, привыкли говорить «школа», имея при этом в виду только здание и в нем наших учеников! Но никак не себя. И если люди в самообслуге, в сапожной мастерской или на собраниях станут утверждать, что учителя — жулики, то будут иметь в виду нас всех: и тех, кто ткань взял, и тех, кто ее не брал! Я лично никогда не умел прятаться за словами «я тут ни при чем, это не я, это другие». Но я живу в Крушетицах вот уже тридцать два года! А теперь мне будет стыдно показаться на улице, потому что каждый может ткнуть в меня пальцем и

сказать — это он! Тот, что крал! Перед всеми нами теперь открывается такая перспектива. Но больше всего меня задевает, — тут Каплирж, вдруг понизив голос, раздумчиво уставился перед собой, — что такое обо мне станут говорить и мои бывшие ученики, те, которым как напутствие в жизнь я хотел дать все лучшее, что мог и имел... — Он глубоко вздохнул и в тишине, какая может стоять разве что на поверхности Луны, произнес: — Я не согласен с решением, которое предлагает товарищ Лекса и к которому, как я успел заметить, присоединился кое-кто из нашего коллектива!..

Было очевидно, что Каплирж закончил, ибо он выпрямил спину и засунул в блокнот свою трехцветную автоматическую ручку.

Даже инспектор роно, товарищ Гладил, не был подготовлен к подобному выступлению. После того как Йозеф Каплирж закончил, он долго записывал что-то в свою тетрадку. Все ждали, что именно Гладил отреагирует на патетическую тираду Каплиржа. Но инспектора роно Гладила опередил директор Ракосник.

— Что же ты в таком случае предлагаешь? — прохрипел он, словно страдал хроническим воспалением голосовых связок.

— Всех перестрелять! — громким шепотом сострил Прскавец, его услышал лишь Губерт Влах, у которого при этом дрогнули и поползли в стороны уголки губ. К счастью, усы скрыли эту несоответствующую моменту улыбку.

— И ты спрашиваешь об этом у меня? — снова послышался голос Каплиржа.

— Да!

— Но ведь не я директор, чтобы определять, что можно и чего нельзя.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ты, товарищ директор, обычно все решаешь единолично, а потом сообщаем нам готовое решение!

Не только директор Ян Ракосник понял, что Каплирж, уже не таясь, пошел в атаку. Некоторые уставились на инспектора роно, ожидая, что тот ответит обоим дискутирующим, но инспектор продолжал молча писать.

— А тебе не кажется, товарищ Каплирж, что в твоих словах есть демагогия? — Директор Ракосник не из тех, кого испугает первый же удар по его воротам.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под словом «демагогия»!

— А то, что ты пытаешься нам внушить! Уж ты-то на моем месте, конечно, принял бы иное решение насчет этой несчастной подаренной или, если хочешь, украденной ткани. Так ведь?

— Да, именно так!— уверенно заявил Каплирж.

— Можешь нам сказать — какое же? Если это,— тут директор Ракосник позволил себе явную иронию,— если это, естественно, не великая тайна?

— Безусловно...

— Итак?..

— Ну, если ты, товарищ Ракосник, хочешь непременно знать, то я на твоём месте со всей ответственностью признал бы, что не товарищ Адамцева, товарищ Бенда, Геленка, Милош и остальные виноваты в том, что взяли кусок этой дурацкой материи, а что вся вина лежит на тебе, ибо ты весьма легкомысленно принял ворованный товар и велел товарищ Кутнаеровой его разделить между всеми. Исходя из того, что ты являешься директором школы, тебе и надлежит искать решение вопроса!

— И это все?— спросил Ян Ракосник и вымученно засмеялся.— Что скажут остальные?

Он оглядел коллектив и обнаружил, что глаза присутствующих, словно стая испугнутых перепелок, ищут, куда бы спрятаться. Обвинения никто не поддержал, но никто и не выступил в защиту Ракосника. Впрочем, злого умысла или расчета он здесь не усматривал, скорее, это был результат шока после неожиданно нанесенного Каплиржем удара. Так по крайней мере объяснил себе упорное молчание коллектива директор Ян Ракосник.

— Ты, видимо, полагаешь, товарищ Каплирж, что я завтра встану на площади у Марианской колонны и начну кричать: «Виновен во всем только я»?— язвительно и, несомненно, не слишком дипломатично заявил он.

— Но, товарищи,— вмешался наконец в дискуссию инспектор роно Гладил и положил перед собой очки и карандаш,— мы собрались здесь не за тем, чтобы сваливать вину с одного на другого. Нам необходимо выработать твердый план, как реагировать на происшедшее перед общественностью и перед учащимися, если появится...

— Извини, товарищ инспектор,— перебил его Каплирж,— но я не какой-нибудь очковиратель!..

Пришла очередь смутиться районному инспектору. Он нажал кнопку своей ручки и сделал короткую пометку в блокноте. Все смотрели, как он каллиграфическим почерком дословно записывает последнее заявление Йозефа Каплиржа. Выразительно поставив точку, инспектор роно Гладил бросил на мятежного педагога уничтожающий взгляд и строго заметил, что школа не базар, а он и остальные педагоги не базарные бабы, чтобы позволить себе подобную перебранку. Каплирж ответил на его замечание загадочной усмешкой и, в свою очередь, тоже что-то записал в блокнот. Инспектор роно Гладил изрекал еще какие-то ничего не значащие слова, которые бесконечно нанизывались одно на другое так долго, что присутствующие забыли начало и это мешало им осмыслить предполагаемое окончание. Когда же конец действительно пришел, то он был ни то, ни се, как говорится, ни рыба ни мясо, инспектор просто предложил директору закрыть собрание и выразил благодарность всем присутствующим за внимание.

Расходились непривычно тихо. Некоторые обходили Каплиржа стороной, чтобы он, чего доброго, о чем-нибудь опять не заговорил. Но Каплирж, молчаливый и серьезный, поднявшись со своего места, задвинул стул под стол, сказал всем и никому «до свидания» и прошествовал через распахнутую дверь, подобный гладиатору, покидающему арену после выигранной битвы.

Губерт Влах не стал закрывать за собой дверь, полагая, что задержится в кабинете ненадолго, только сложит в портфель необходимое: учебники, тетрадь с планом и пенал, где держит остатки цветного мела, оденется и побежит на автобус. Он не слышал, как вошла Божена Кутнаерова, и повернулся, лишь когда она спросила:

— У тебя нет сигаретки?

Губерт Влах уже тянул руку к вешалке, но теперь изменил ее направление и, расстегнув пиджак, достал пачку с оставшимися сигаретами. Божена подошла к нему ближе, подтолкнув дверь ногой, чтобы притворить,

взяла сигарету в рот, ожидая, что Губерт даст ей огонь-¹ка. Короткое голубоватое пламя заколебалось на зажи-галке лишь после второй попытки.

— Ты что, домой не собираешься?— заметил Губерт, обратив внимание на то, что Божена Кутнаерова сще не одета и, видимо, не спешит.

Божена Кутнаерова, не обратив внимания на вопрос, прислонилась к единственному шкафу в этой тесной комнате, где, кроме шкафа, стояли вешалка и выдавший виды письменный стол, и, согнув руку с сигаретой в локте, спросила:

— Ну что ты на все это скажешь?

Губерт Влах понял, что речь идет о сцене, свидетелями которой они только что были.

— Не знаю...— отвечивал он, опускаясь на стул. Настольная лампа освещала его лицо лишь с одного бока. Кутнаерова, едва угадываемая, стояла в полутьме возле шкафа.

— Считаешь, что Пепик все это выдал всерьез?

— А почему бы нет? Подобные ораторские упражнения теперь входят в моду. Ты что, не смотришь телевизор?

Божена затянулась, и багровый огонек на мгновение озарил ее лицо.— Все это было такое...— она подыскивала подходящее выражение...— ну, какое-то судорожное...

— Этот Каплирж, по-моему, порядочная...— заметил Губерт.

— Лобовая атака на шефа!

— У него нет причин. Он всеми уважаем и любим... Перед рождеством, насколько я помню, получил даже какую-то премию!— размышлял вслух Губерт.

— Не хотела бы я быть теперь в шкуре Ракосника!— ответила Кутнаерова и добавила, что, наверное, не так просто управлять столь о себе возомнившим коллективчиком, как тот, что собрался в этой старой развалюхе. Потом стала вспоминать, как они с Яном Ракосником вместе работали в одной школе и она не припомнит случая, чтобы кто-то против него ополчился. Божена уже не курила — сигарета у нее погасла. — То, что сегодня мол-лол Пепик, мне кажется какой-то аномалией, что ли... — сказала она и, заметив, что красная точка на конце ее сигареты исчезла, подошла к столу, чтобы Губерт дай ей

прикурить. Ее глаза теперь были совсем близко к губам Губерта ... Тот щелкнул зажигалкой и сказал:

— Я тоже не люблю психов!

Божена Кутнаерова, оставаясь в той же позе и глядя Губерту прямо в глаза, спросила с легкой иронией и упреком:

— А себя ты считаешь вполне нормальным?

Губерту казалось, что Боженины губы все приближаются, неяркий свет лампы уже освещал ее всю. Почему он зажег именно эту лампу? Сегодня на улице как-то необычно сумрачно, окна кабинета выходят во двор, ему бы надо включить большой свет, эта ненужная интимность, создаваемая настольной лампой, абсолютно ни к чему! Он уже мог вдохнуть аромат ее духов, губной помады, не похожие ни на что, оригинальные, как и сама их обладательница... Если сейчас кто-нибудь сюда ворвется, то завтра одной сенсацией станет больше! А еще лучше, если войдет уборщица — вот когда успех обеспечен!

Губерт мог поцеловать Божену Кутнаерову — та поступил бы на его месте каждый. Ведь Кутнаерова, несомненно, красивая женщина, но он себе этого не позволил, он отвернулся и сделал вид, что тянется за пачкой сигарет. Божена Кутнаерова медленно выпрямилась.

Губерт закурил.

— Ты мне не ответил!... — произнесла Кутнаерова совершенно спокойно.

— Что ты имеешь в виду?

Она опять прислонилась к шкафу. Губерт приподнял абажур, чтобы осветить возможно большую часть комнаты, зажечь сейчас большую лампу казалось ему неловким. Отраженный свет выхватил наконец из темноты Божену, и Губерт, словно оробевший перед женщиной школьник, обрадовался, что их разделяют добрых два метра.

— Губерт, — сказала она наконец, — могу я тебя кой о чем спросить?

Его удивило, что Кутнаерова просит разрешения, именно она, за которой подобных деликатных привычек не числилось. Божена была из тех, кто может выпалить самый неприятный вопрос без всякого предупреждения.

— Изволь, изволь, — ответил Губерт.

В темноте вспыхнул светлячок, Божена выпустила колечки дыма.

— Ты ведь никогда не изменял своей жене, правда? Губерт Влах, конечно, удивился, но не настолько, чтобы не отреагировать.

— У меня для этого никогда не было причин...— Ему не хотелось разыгрывать перед Кутнаеровой роль записного донжуана.

— Никогда?..— повторила она, словно провоцируя его.

— Никогда!— подтвердил Губерт вполне серьезно, заметив, что она ехидно усмехнулась.

— Меня поражает твоя уверенность...

— Что ты имеешь в виду?— Ему вдруг стало не по себе — пожалуй, эта Кутнаерова перешла границы допустимого, перешагнув уже на зыбкую трясину оскорбления.

— Ничего особенного. Я лишь хочу посоветовать тебе, чтобы ты не пускал свою жену так часто в горы. Еще разобьется, не дай бог ...

Губерт не понял.

— Не играй в бирюльки!— обозлился он.

Кутнаерова стряхнула пепел в его пепельницу.

— В четверг вечером, когда я возвращалась с дачи — нам позвонили из горсовета, что обвалилась крыша, — я помогла выбрать из кювета какому-то мужчине с «симкой», его занесло, и он никак не мог оттуда вылезти. И знаешь, Губерт, кто сидел в его машине? Твоя жена!.. Она, конечно, сделала вид, что со мной незнакома, и это вполне понятно — удовольствия такая встреча ей не доставила!— Божена Кутнаерова засмеялась и вдруг чисто по-женски быстро спросила:

— Ты на меня сердишься?

— Нет...— отрезал Губерт, задумчиво глядя во тьму комнаты, туда, где чуть-чуть поблескивала дверная ручка.

О чем это разговаривали Яромир и Дагмар на той неделе?— попытался он вспомнить.

— А я тебя сегодня видел, ма!— заявил сын за ужином, вцепившись зубами в куриную ножку.

— Да?..— протянула Дагмар, с уверенностью хирурга препарируя на тонкие полоски куриную грудку. Наколов на вилку самый сочный кусочек, она положила его Романке.

— Ты сидела в классной тачке!..— продолжал, громко чавкая, юный неандерталец.

Губерт посмотрел на жену.

— Ты куда-нибудь ездила, Дагмар?..

— Меня подбросил домой один знакомый, он у нас в лаборатории налаживал аппаратуру...— ответила Дагмар так, словно ее это вовсе не касалось.

— У него «симка 1206», да, ма?!

— Откуда мне знать, Миро?— И тут, заметив, как безобразно сын ест, строго сказала:— Ты не мог бы вести себя за столом прилично? Тебе уже не пять лет!

Яромир продолжал обглаживать кость, не обращая внимания на замечание матери.

— Ты там сидела, вот я и заметил, а что?

— Слышишь, что я тебе говорю! Ешь, как человек!— Дагмар протянула руку, чтобы вынуть кость у него из рта, но в этот момент к бокалу с лимонадом потянулась Романка, их руки столкнулись, и недопитый бокал опрокинулся.

— Вот видишь!..— вскрикнула Дагмар в сердцах.

По скатерти ручейками растекалась красная жидкость.

— Ты просто невозможен, Миро! Ну и медведь!— набросился на него отец.

— Я, все я!..— защищался Яромир, тыча куриной ножкой в красную лужу посреди стола. Романка кинулась в кухню за тряпкой.

— В этом доме только я один всегда во всем виноват. Всегда!— Яромир строил из себя оскорбленную невинность.

Все, кажется, было именно так? Вроде бы да...

Что общего между двумя этими разговорами? Конечно, какой-то мужчина мог подвезти его жену с работы на своей машине. Он, Губерт, тоже предлагает Дале Марешовой место в драндулете, если едет в школу на машине. Это же не значит, что Губерт пытается ее изнасиловать в открытом поле, за ближайшей развилкой.

Губерт вдруг встрепенулся. Божена Кутпаерова наверхьяка наблюдает за ним своими голодными глазами.

— Очевидно, я не должна была тебе это говорить...— извинилась она.

— Почему?..— Губерт разыгрывал полное спокойствие.

— Мужчины не любят слышать о неверности своих жен...

Губерт не упустил возможности уколоть ее:

— И скольким таким образом ты уже открыла глаза?

— Я могла бы промолчать, а не трепаться...— вспыхнула она. В ее словах была нарочитая грубость. Сейчас Божена Кутнаерова была окутана табачным дымом и, медленно возникая из него, казалась нереальной, потусторонней:— Ты помнишь, что я говорила тебе на балу?

Да, конечно, очень хорошо. Несколько дней ее слова грызли его, словно крыса.

— Что я равнодушен ко всему и ко всем!— насмешливо повторил Губерт.

— У тебя хорошая память!— осадил его Кутнаерова. Придвинув к себе пепельницу поближе, она пальцем придала окурок своей сигареты. Губерт понял, что сейчас она уйдет. Но, повернувшись вполоборота, Кутнаерова бросила через плечо:

— Но ты и к себе равнодушен!

— Тебе это мешает?

— Мне тебя жаль!— крикнула она и быстро пошла к двери.

У Губерта в голове замелькали кадры из немого кинофильма. Похоже, Кутнаерова вlepила ему в физиономию торт со сбитыми сливками.

Глава тринадцатая

— Тебя,— сказала Марженка, передав Дагмар трубку, когда Иржи позвонил в первый раз.

— Влахова слушает,— ответила Дагмар трубке, еще не успев поднести ее к уху. В тот день было полно работы, с утра привели школьников. Дети в раздевалке озорничали, учительницы покрикивали, и шум стоял такой, что казалось, вот-вот обвалится потолок. У Дагмар не хватило времени позавтракать.

— Крбец!— сказала трубка, и Дагмар тут же узнала его. С того вечера, как она вылезла из его «симки», не прошло и недели. Дагмар выглянула из окна, было темно, и лишь угадывался прямоугольник площади, разрезанной по диагонали шоссе. С левой стороны, где стояла ратуша с часами и надписью «Fortitier in re, suaviter in modo»*, темнели полукружья арок, загороженных паркующимися автомобилями.

— Это вы?— сказала Дагмар и засмеялась.

Он ответил, что звонил еще вчера, но у них все время было занято.

— Как поживаете?— спросил он, и Дагмар поняла, что это не просто вежливый вопрос, в тоне чувствовался искренний интерес.

— Да так!..— сказала Дагмар многозначительно, и он на другом конце провода коротко усмехнулся, словно оценил ситуацию. — У нас работы — до умопомрачения!

— А вы сбегите!— последовал совет.

— Хорошо вам говорить...

— Я ваш должник, за мной хороший кофе!— напомнила трубка.

— Ах, оставьте!..— Дагмар обернулась лицом к кабинету. Марженка, отсчитывая, запускала в раздевалку

* Жесток в делах, мягок в обращении (лат.).

следующую партию ребятни и доставала из картотеки такое же количество бланков. Нужно начинать!

— Может быть, сегодня днем?— спросил он, но Дагмар поняла не сразу.

— Что днем?

Пора вешать трубку. Дагмар уже видит через стеклянную переборку, что первая раздетая девочка стоит перед аппаратом.

— На этот раз я приглашаю вас на кофе!

— Но у меня сегодня действительно нету времени!

Он не стал настаивать, просто спросил:

— А завтра?

— Возможно...— бросила Дагмар, чтобы отвязаться, и повесила трубку. Она еще успела услышать, что он будет ждать ее в машине на том же месте, где стоял тогда. Проститься Дагмар не успела.

Иржи Крбец привез ее в маленький ресторанчик, укрытый где-то в лесу у деревеньки Двор. Езды из Тынца сюда около получаса. Они не торопясь пили кофе, ей он заказал еще и коньяку. Здесь было уютно, две пары пожилых супругов за соседним столиком чуть слышно беседовали между собой, официант находился больше в кухне, чем в небольшом зале, на обшитых деревом стенах висели великолепнейшие кичи, а над стойкой — деревянные часы, они стояли. Иржи на свои часы не смотрел. Он не спешил, его время принадлежало теперь только ей. И она была счастлива. Домой Дагмар вернулась, когда уже стемнело. Настроение у нее было отличное, и она ничуть не огорчилась, что ее отличница Романка схватила тройку за диктант. Дагмар погладила дочку по головке и успокоила, сказав, что отметку та непременно исправит. В десятом часу в кухне появился продрогший Губерт с жалобой, что совсем разломило поясницу: целый вечер он простоял, почти не двигаясь, около норок. Дагмар вскользь заметила, что у них были занятия по повышению... и потому она задержалась...

Иржи приезжал теперь за ней регулярно. Для нее это был уже не тот незнакомый мужчина, который случайно объявился в лаборатории, когда испортился рентгеновский аппарат. Дагмар казалось, что она знает его так хорошо, будто прожила с ним двадцать лет. Он упомянул о дачке, которую купил не так давно за бешеные деньги у одной бабки из Уезда. Дагмар побаива-

лась пуститься с ним в столь дальний путь, они ехали более часа, снега, чем выше в горы, становилось больше. А они поднимались и поднимались. Домик был засыпан по самую крышу, он стоял на отшибе, и к нему вела прескверная дорога, которую явно никто не расчищал. Иржи сказал, что он разгребает снег каждую субботу и воскресенье, когда приезжает сюда с женой и двумя сыновьями. В доме стоял устойчивый запах дерева и трубочного табака, он не исчез и с новыми хозяевами. Дагмар села на лавку у холодной печки, Иржи, раздевшись, наломал сухой хвои, что лежала тут же, затопил, подбросил сосновых полешков, и в комнату, потрескивая, ринулось тепло. Он вскипятил чай. Дагмар все сидела на том же месте, не снимая своей короткой шубки, и брезгливо разглядывала вещи, которых касалась рука другой женщины. Неделей позже, когда они приехали сюда во второй раз, ей это уже не мешало. Дагмар, вдруг почувствовав себя тут в безопасности, позволяла Иржи обнимать и целовать себя. «Почему мы так поступаем?» — повторяли они те же слова всепрощения, которые обычно говорят неверные мужья и жены. Дагмар знала, почему она лежит здесь рядом с Иржи и молча разглядывает потолок в отблесках пламени, рвущихся из дверок печурки. Или по крайней мере понимала. На его месте мог быть кто угодно, у кого найдется для нее время, кто выслушает ее, кто сможет помолчать рядом, но чтоб она при этом знала, что мысли его — с ней. В последний год у нее было такое чувство, будто она вдова, у которой, слава богу, жив муж. От супружеской жизни остались лишь ощущение одиночества и пустота. Она уже не мечтала о таких недостижимых высотах, как проведенный вместе отпуск, посещение театра или поездка в Моравию, к родителям, ей достаточно было малого: Губерт берет сумки и они вместе идут за покупками. В воскресенье после обеда нарядная Романка, схватив отца за руку, вместе с ним и с мамой отправляется прогуляться. Ну хотя бы на городскую площадь или на Шибеничак, Дагмар хотелось перед сном, в постели, прочесть несколько страничек и чувствовать, что рядом с ней лежит ее муж, он читает газету или какой-нибудь детектив, а потом рассказывает ей о своих делах в школе. Раньше было так. Теперь Дагмар казалось, что Губерт изъял из их жизни все то хорошее и приятное,

что прежде составляло их маленький мир, их жизнь.

Норки были как инъекция, которую он сам ввел себе в вену, чтоб заставить утихнуть боль, причиняемую живой раной кривды! Но со временем норки же убили его эмоции, не говоря уж об интересах. Губерт думал о норках за едой, во время работы и даже в постели, когда они занимались любовью. В последние недели это случалось все реже и реже, Дагмар подозревала, что и тогда Губерт думает только о норках, исполняя любовный акт в силу физиологической необходимости. Теперь у него даже на это не хватало времени! Побывав в ванной, он тут же снова одевался и бежал в сад, чтобы убедиться, не вцепились ли друг в друга, уже набравшись сил, два ревнивых самца из соседних клеток. Губерт мчался от нее к тем bestиям, а ей хотелось долго-долго лежать в его объятиях и ощущать на своей спине его волосатую грудь и усы. Не имело смысла в чем-либо упрекать его. На каждый случай у Губерта был готовый ответ: «Подожди, вот...» Это «вот» равнялось бесконечности. Если верить ему, где-то там в этой бесконечности их ждал новенький автомобиль и отпуск, проведенный у моря, горячий песок, обеды в ресторане — ты готовить не будешь! — беззаботные две недели, оплаченные многолетним самоотречением! Да, говорила Дагмар себе, надо, конечно, жить и будущим тоже, но нельзя не думать и о дне сегодняшнем! Губерт не хочет понять этого. Он пожирает минуты своего бытия, как его норки мясо, не вкушая ни сладости, ни горечи, и удивляется, что другим необходимо совсем иное. Клетками норок, он, как решеткой, отгородился от мира, словно и сам превратился в норку... То, что Дагмар живет рядом с Губертом, что заботится о его детях и его рубашках, что они вместе спят, — ее расплата за необдуманные поступки в прошлом, и она милостиво прощает ему это.

Но почему с ней Иржи? Из тщеславия? Из мужского самолюбия? Дагмар видела его жену. Случайно столкнулась утром в хозяйственном. Иржи нес две большие сумки, а она нагружала их мылом и стиральным порошком. На обоих были надеты лыжные куртки — видимо, собиравшись сюда, на дачу. Иржи холодно поздоровался с Дагмар, как здороваются с людьми малознакомыми, его жена на нее и не взглянула, запятая покупками. Она была на голову меньше Дагмар и на добрый десяток лет

моложе, ее никак не назовешь некрасивой, хотя ничего особенно выдающегося в ней нет. Впрочем, возможно, ее портила шерстяная шапка, низко надвинутая на лоб, и эта красная спортивная куртка, которая любую фигуру превращает в комод. Иржи никогда не говорил о своей жене плохо, не жаловался, что она его не понимает. Почему же он тратит время на Дагмар? Он считал их отношения само собой разумеющимися и не искал объяснений, если случалось возникнуть вопросу. Их встречи все повторялись, но не становились обыденностью, а Дагмар никак не могла объяснить себе, почему Иржи выбрал именно ее. Ее угнетало, что она почти на три года старше его. Стоило ему захотеть, и он может найти молоденькую. Еще бы! Дагмар была достаточно самокритична, чтобы по утрам не замечать, сколь безжалостно время, отбивающее годы. Она спросила у Иржи прямо, а он вместо ответа поцеловал ее. Дагмар все больше и больше тосковала о нем. Поначалу Иржи звонил ей сам, через несколько недель дал ей номер своего телефона. Иногда она, позвонив, договаривалась о часе будущей встречи, иногда ей просто хотелось услышать его голос. С Марженкой они распределили время работы так, чтобы в четверг Дагмар могла удрать на час раньше. Они с Иржи приезжали на дачу сразу после трех, Дагмар уже было необходимо быть с ним и у него, упиваться сознанием, что есть на свете человек, с кем она хоть и расстанется через два часа, но сейчас он принадлежит только ей. Эта странная жажда интимности, уединения вдвоем, распалила ее более, чем его губы... Дагмар понимала, что может случиться, если об их связи станет известно окружающим. Понимала, что столь хрупкие чувства не выдержат яркого света. Достаточно косога взгляда знакомых, и карточный домик их любовных отношений рухнет, сменившись мучительными ссорами и грубыми сценами. Могла бы Дагмар уйти от мужа? Верила, что да, могла бы! Но уже наперед знала, что Иржи повел бы себя иначе, хотя сейчас утверждает, что любит ее. Мужчины, как правило, уходят, только если их прогоняют. Ну зачем ему-то разбивать свою семью?! В супружестве он, похоже, счастлив, хотя говорит, что любит Дагмар. Она стала для него чем-то вроде «институции», необходимой для нормальной каждодневной жизни. Он, сам того не заметив, невольно вклю-

чил Дагмар в сферу своего бытия, как включают чистку одежды, автосервис, телефонную книгу, кинотеатр... Его жена никогда не станет подозревать его. Поздние возвращения по четвергам она рассматривает как обязанности по работе, а мужнина работа неприкосновенна. Иржи ездит по всему району, а потом на день, а то и на два остается дома. Иногда он задерживается. Бывает, его жена удивляется, откуда на даче взялись обертки от конфет, вдруг обнаруженные ею в пепельнице возле печки. Это Дагмар привезла с собой коробку, которую ей сунула одна знакомая в благодарность за то, что ей вне очереди сделали рентгеновский снимок. На будущее им с Иржи следует быть осторожнее и внимательней и не оставлять за собой никаких следов.

Нехорошо, что Яромир видел ее в машине с Иржи, но не могла же она знать, что именно в это время его класс будет возвращаться со стадиона! Обычно они занимались в спортзале. Первое побуждение Дагмар было пригнуться, но сын заметил ее намного раньше, чем она его. Поняв это, Дагмар сделала вид, что не видит мальчишку. Она заговорила с Иржи, просто так, лишь бы что-то сказать, и они быстро проехали мимо толпы ребят. За ужином Яромир, естественно, похвалился, что видел маму. Она сумела не покраснеть и незаметно перевела разговор на его ужасные манеры за столом. Губерт, к счастью, пропустил мимо ушей его реплику: он был слишком занят едой. Замотанный бинтом палец мешал ему. Рана плохо заживает — уже два раза хирург вскрывал ее и обрабатывал. Губерта интересовал только опрокинутый бокал лимонада.

Дагмар попросила Иржи ждать ее в следующий раз у замка...

И вот сегодня разговор состоялся:

— Ты где-нибудь была в четверг?

Губерт неожиданно быстро возвратился от норок, дети сидели перед телевизором, Дагмар переодевалась, влезая в пижаму. Губерт закрыл за собой дверь спальни, чтобы дети не слышали их. Романке пора спать, подумала Дагмар.

— Да, — ответила она коротко и стала прилаживать юбку на вешалку.

— Где? — Дагмар поняла, что Кутнаерова не промолчала. Отпираться не имело смысла. И Дагмар мгновенно

но назвала деревню, куда они иногда выезжали с рентгеновским аппаратом. Так и сказала. Деревня была неподалеку от того места, где с ней и с Иржи случилась та неприятная авария. Иржи, не притормозив на повороте, крутанулся на подмерзшем песке и съехал в кювет, еще полный снега. Сами, без посторонней помощи, выбраться они не могли.

— Кто это был?

— Один мужик...— Она сказала об Иржи как можно отчужденнее.

— Ты его знаешь?

Дагмар прикрыла шкаф и, разобрав свою постель, хотела уже лечь, но Губерт не пустил.

— Что у тебя с ним?

Дагмар смотрела на него, притворяясь удивленной.

— У меня с ним?— Она весело рассмеялась.

— Ты ехала с ним не в первый раз.

— Нет!..— призналась Дагмар, делая вид, что допрос ее забавляет, и вдруг заметила, что Губерт побелел как полотно.

— А я и не знала, что ты еще способен ревновать!— бросила она насмешливо.

— Прекрати!— крикнул он. И Дагмар ухватилась за это слово.

— Что я должна прекратить?

Она не предполагала, что Кутиаерова сразу же победит и все доложит Губерту, как свеженькую новость. Видимо, эта баба ненавидит Дагмар. Уже тогда, на балу, она чувствовала на себе ее изучающий взгляд, но не стала утруждать себя мыслями о причинах.

— Мне бы очень не хотелось цепляться за притолоку рогами!— продолжал Губерт.

— Да ну...— протянула Дагмар.— Почему тебя это вдруг стало волновать?

Губерт уже взвился, видя, что Дагмар не отрицает подобной возможности, но еще владел собой.

— Ты отлично знаешь, что подобные вещи мне отвратительны! Советую тебе, Дагмар: будь очень осторожна!

Ей захотелось помучить его.

— Но ты, мой милый, такого пустячка просто не заметил бы. От твоих норок видно не дальше кустов крыжовника у забора!

— При чем здесь норки?— заорал вдруг Губерт. Дагмар оглянулась на дверь, словно прикидывая; слышат ли дети. И, забравшись в постель, взяла с ночного столика книжку. Книжка раскрылась на нужном месте, из нее выпал обрывок газеты. Губерт все стоял возле двери, расставив ноги, как дзюдоист. Дагмар делала вид, что больше не интересуется им, но он, глубоко дыша, подскочил к ней, треснул кулаком по книге так, что та, выпав из рук, шлепнулась на пол, и прошипел:

— Не играй со мной, Дагмар, понятно?

Ее вдруг охватило странное безразличие. Повернувшись спиной к Губерту и уткнув нос в приятно пахнущую свежестью подушку— Дагмар вчера поменяла белье,— она слышала, как он выкрикивает никому не нужные слова: «... нравственность, шлюха, дети, рассуждай разумно и чтоб это было в последний раз!» Дагмар не отвечала, и это еще больше взбесило его. Он орал так громко, что в спальню вошел Яромир и попросил, чтоб они ругались потише, потому что мешают им смотреть передачу. Губерт чуть не вышиб им дверь.

Ворвавшись в большую комнату, Губерт схватил сигареты и зажигалку и помчался в прачечную курить, чтобы хоть как-то успокоиться. Сидя на перевернутом ящичке из-под фруктов, он поймал себя на том, что не в силах рассуждать логично. В голове мелькали мучительно примитивные обрывки мыслей.

Спать Губерт лег около полуночи. Зажег пятирожковый светильник над супружеским ложем, не считаясь с тем, что разбудит жену. Впрочем, Губерт знал, что Дагмар не спит, а притворяется. Погасив свет, он наконец улегся, но уснуть так и не смог. Под утро он набросился на Дагмар и грубо принудил ее исполнить супружескую обязанность. После излишне долгой бесполезной борьбы она поддалась. У Губерта было ощущение, будто он приводит в исполнение приговор и вместе с тем доказывает ей и себе, что в состоянии еще обойтись без помощников.

Ирена принесла в школу два торта и коробку малюсеньких свадебных крендельков. Она попросила Гавелку пригласить по местному радио после уроков коллег в учительскую. Пришли все, выпили— кто немного вина,

кто вишневого ликера,— пожелали ей счастья в супружеской жизни, поострили, как и положено в таких случаях, на тему... по больше собирались в маленькие группы и судачили на злобу дня.

Уже вчера на собрании в национальном комитете сидящий рядом с Бендой товарищ, нагнувшись к его уху, прошептал:

— Я слышал, что у вас в школе превеликий скандал из-за каких-то тряпок?!

Объяснять подробности этому столь хорошо информированному товарищу у Бенды не было времени, ибо собрание затянулось и все спешили по домам.

Утром продавщица из молочной остановила Анечку Бржизову:

— Говорят, ваш директор неплохо гребет под себя, еще бы, евонная мадама ходит расфуфыренная, ровно из модного журнала, и откуда только у нее эти тряпки? Гляжу я на нее, пани учителка, а на ней что ни день, то обновка, ну ничего, теперь эта лафа кончится, муженьку-то ее, видать, не поздоровится!

Анечка Бржизова попыталась возразить: дескать, ничего подобного не произошло,— но продавщица из молочной знала лучше ее, ведь информация начинала поступать к ней с половины шестого утра и, вне всякого сомнения, была исключительно правдивой.

— Слышишь?..— незаметно подтолкнула Дана Марешова Губерта.

В автобусе, на два ряда впереди, сидели две женщины в платочках и говорили о том, что вчера в крушетидской школе учителя, переругавшись, выложили друг про друга всю подноготную.

Непостижимо, но слухи словно обладали крыльями, они мгновенно разлетелись по городу, разрастаясь, как грозная туча.

— Откуда мы можем знать...— подала реплику Адамцева, вонзая нож в торт с кремом,— сколько материала привезли в школу из Центропала?!

— Надеюсь, ты не считаешь, что Ян Ракосник взял что-то себе? — запротестовала Власта Пудилова.

Отпивая вино, она закусывала только арахисовыми орешками, чтобы не полнеть. Адамцева ела вовсю: ей уже не грозило ни испортить, ни улучшить фигуру. С

превеликим аппетитом она впивалась зубами в кремовые цветочки, украшающие торт.

— Я ведь тоже не вчера родилась! — парировала она многозначительно и спросила с набитым ртом: — А Ракосник где? Здесь?

— Его нету.

Директор Ян Ракосник действительно не явился утром в школу. Его очаровательная супруга позвонила с работы Гавелке, что Яну ночью стало плохо, видимо переутомился, пришлось вызывать неотложку, и доктор велел немедленно вести его в тынцекую больницу. Заместитель директора Гавелка перед началом занятий сообщил об этом коллективу. Большинство удивилось. Камил едва сдержался, чтоб не заорать «ура-а!». Хорошо бы шеф отдохнул дней эдак четырнадцать — ему, Камилу, не пришлось бы готовить план занятий, и он мог бы пожить себе в удовольствие, спокойненько и без волнений, дерзко обходя парикмахерские!

Если директора Ракосника какое-то время подержат в больнице, размышляла Ева Мокра, упрошу Гавелку дать мне в пятницу отгул и съезжу в Прагу. По некоторым сообщениям из газет, подтверждаемым также иностранной печатью, положение в стране, откуда родом Омар, несколько дней назад стабилизировалось настолько, что можно говорить даже о нормализации. В Министерстве иностранных дел могут знать, есть ли какая-нибудь возможность связаться с отцом Радки. С нее хватит переживаний. Каждый день, возвращаясь домой, она с волнением ждет и смотрит на жестяной почтовый ящик, не выглянет ли наконец оттуда уголок авиаписьма — от Омара. И каждый раз находит лишь газеты или открытку от знакомых. И все. Может быть, в Праге ее чем-нибудь порадуят. Ей пока хватило бы одной надежды.

— Что ты на все это скажешь? — спросил будто мимоходом Бенда у Йозефа Каплиржа, стоящего, заложив руки в карманы, у пульта управления школьным радио и с явным удовольствием наблюдающего, как педагогический коллектив попивает вино и щелкает орехи.

— Обычный трюк руководящих работников, — ответил Йозеф Каплирж.

Бенда испугался.

— Думаешь, притворяется? — усомнился он осторожно.

— Не знаю, не знаю, но Ян,— Каплирж имел в виду директора Ракосника,— безусловно, не из тех, кто свалится в нервном шоке, как только услышит правду в глаза.

Анечка Бржизова, отреагировав на его последние слова, подошла к ним с бокалом вина в руке.

— Ты имеешь в виду — правду, сказанную тобой вчера?

Каплирж все еще держал руки в карманах, и окружающие не знали, что одна его рука крепко сжимает небольшой блокнот, а другая поигрывает авторучкой.

— А разве я солгал?— повернулся Йозеф Каплирж к Анечке.

— Нет! Конечно же, нет! Но то, что ты сказал, было бестактно! Особенно при инспекторе.

Каплирж выпятил губы, словно собираясь плюнуть, но проглотил слюну и высокомерно заявил:

— Правда всегда бывает бестактной и даже грубой.

— Все это ты мог сказать на партийном собрании, там это не было бы ни бестактным, ни грубым!

Каплирж дернулся всем телом.

— Почему же в таком случае ты не соберешь собрание? Ты же председатель нашей парторганизации и должна первой отреагировать на критическое положение в коллективе!— сказал он резко.

— Критическое?— удивилась Анечка Бржизова.

— Да! По крайней мере я так считаю. Руководство школой ослаблено. Над нами, словно дамоклов меч, нависло ложное обвинение в хищении...

— Ты преувеличиваешь!..— перебила его Бржизова, но Йозеф Каплирж не угомонился.

— ... еще немного и не только взрослые, но и наши ученики станут тыкать в нас пальцем! В коллективе царит растерянность, дисциплина ослаблена! Разве вы этого не видите?— Каплирж повернулся к Бенде:— Скажи хотя бы ты, Франтишек...

— Я, что я... не знаю!— промямлил Бенда, порываясь уйти.

Бржизова опять отпила глоток, поглядывая поверх бокала на коллегу и обдумывая, наигранное ли это возмущение или вся история с даром данайцев действительно так на него подействовала.

— Следующее партсобрание, как тебе, Йозеф, не-

сомненно, известно, состоится через неделю. Если будет необходимо, мы обсудим и эту историю!— попыталась Анечка Бржизова урезонить Каплиржа. Но Каплирж не успокоился. Он вдруг раскинул руки, с такой быстротой выхватив их из карманов, что жест этот показался даже комичным, и закричал так громко, что Дана и Божена Кутнаерова оглянулись:

— Не знаю! Возможно, я рехнулся и все напридумывал! Пусть так! Но я решительно не согласен с тем, чтобы замаяли этот вопрос, чтобы все мы, члены партии, ходили вокруг да около проблемы, не замечая ее, и утверждали, будто ее не существует!

Бенда моргал глазами, ожидая ответа Бржизовой.

— Успокойся, Йозеф, ведь ничего страшного не стряслось!— только и сказала она.

Каплирж оскорбленно передернул плечами.

— Думай как хочешь. Но я докажу тебе, что это не только мое мнение!

Могло показаться, что Каплирж оттолкнулся от стола, так он летел к дверям.

— Ты что-нибудь понимаешь?— спросила Анечка Бржизова у Бенды, который застыл на месте, пораженный столь неожиданным побегом коллеги.

— Я... я... не знаю, Анечка. Но нечто подобное я уже пережил. У нас, в третьей роте, служил поручик Бенетка, и все утверждали...

Анечка перебила его жестом.

— Извини!— Она холодно глянула на него.— Мне нужно к Иренке!— И отошла, чтобы вручить невесте подарок от коллектива педагогов — электрогрилл.

А Йозеф Каплирж уже влетел на третий этаж. Он хотел было ворваться в свою комнату, как вдруг услышал за неплотно закрытыми дверями 6-го класса чьи-то шаги. Открыв двери и увидав Губерта Влаха, он вошел в комнату.

Губерт Влах цветным мелком рисовал на доске гигантский цветок в разрезе. Это была интересная картина, главным образом потому, что автор исполнил ее лишь в синем и желтом цвете. И только для подписей употребил белый мелок.

Услышав скрип паркета, Губерт обернулся. Вид у него был такой, будто его застигли за чем-то запретным.

— Ты почему не вниз?— спросил его Каплирж.

— Мне надо пораньше уйти. Это,— Губерт ткнул пальцем в направлении доски,— на завтра. Утром здесь как в сумасшедшем доме.— Он опять повернулся к доске и принялся украшать точками завязь.

— Знаешь, Губерт, иногда я тебе удивляюсь и восхищаюсь тобой!— промолвил Каплирж, усаживаясь за первую парту в среднем ряду.

— Что ты имеешь в виду?

— Можно было ожидать, что после перевода ты опустишь крылышки. Но ты один из немногих, кто ведет уроки в полную силу своих знаний.

— Оставь!..— В завязи точек становилось все больше и больше, и она походила теперь на мешок с золотыми монетками.

— Не могу не удивляться, что у нас этого никто не замечает...

— На такие вещи ни у кого обычно не хватает времени!..— ответил Губерт, ни к чему не обязывающим тоном.

Каплирж поднял палец.

— Ты хочешь сказать— у нас в школе!— Каплирж выскочил из-за парты и начал вышагивать по классу. Казалось, он разглядывает стены и все его внимание обращено на геометрические модели за стеклом. Но нет, это только казалось, он был слишком углублен в то, о чем говорил.

— Мы лишь регулярно заполняем и отправляем в роно анкеты и сводки. В этом мы, несомненно, на первом месте во всей стране. Но что касается самой воспитательной работы, политического воспитания педагогов— тут мы слабы. Лично я против директора Ракосника ничего не имею, более того, мы, можно сказать, друзья! Но я не могу простить ему, что именно политраба ускользает из его рук, что он не желает решать проблемы, избегает конфликтов. И потому каждый делает что хочет! Марешова меняет уроки, Камил является в школу подвыпившим, Гавелка, вместо того чтобы предупредить Ракосника об этих нарушениях дисциплины, знай себе заполняет клеточки и отправляет сводки.— Каплирж резко повернулся к доске.— Скажи, я не прав?

— Конечно, прав!— признал с неохотой Губерт. За его спиной опять слышались монотонные шаги.

— Взять хотя бы эту историю с тканью! Какова по-

зиция директора школы? Что он предложил? Какое решение? Ты не сердись, но я вчера не выдержал и при всех высказал свое мнение. Сегодняшний день подтверждает, что я не ошибся. Коллектив взбудоражен. Люди рассуждают, кто виновен больше, кто меньше. Да ты и сам, наверное, заметил — начинают сбиваться в группки... короче говоря, у нас нет настоящего руководства! — Каплирж снова сделал паузу, ожидая реакции на свои слова. Но Губерт Влах молча выпрямился, переменял мелок и снова склонился к своему художественному произведению. — Я предложил, — продолжал Каплирж, — чтобы собрались хотя бы мы, члены партии. Знаешь, что мне ответила Андугла? — Он сделал еще одну многозначительную паузу и презрительно ухмыльнулся. — Что ничего страшного не случилось! Гм! И это говорит председатель школьной парторганизации!

Губерт опять промолчал. Его мысли были далеко — в той несчастной ночи, которую он пережил. Какова доля правды в словах Кутнаеровой? Неужели Дагмар ему изменяет? Губерт Влах не стал поддерживать разговора с Каплиржем еще и потому, что ему нужно было сегодня успеть на бойни. К счастью, там окончился карантин и через полчаса Губерт будет дома.

— Слышишь, Губерт? — продолжал настаивать Каплирж. — Я думаю, мы члены партии, просто обязаны требовать немедленно провести собрание, где должны с полной откровенностью обсудить назревшие проблемы. Это пойдет на пользу всем.

Так Губерт сделал последнюю надпись, положил мел в картонную коробочку и, вытерев тряпкой руки, сказал Каплиржу:

— Я бы подождал, пока вернется из больницы директор Ракосник...

Каплирж, казалось, только этого и ждал.

— Это может продолжаться и месяц, и два!.. — перебил он Губерта Влаха.

— Ты хотел услышать мое мнение, — заметил Влах, слегка задетый тем, что коллега не дал ему закончить мысль.

— Увидишь, Губерт, если мы не примем срочных мер, эта история станет обрастать подробностями, словно снежный ком. Мы просто обязаны потребовать внеочередного собрания!

Губерт Влах продолжал собирать свои вещи, разбросанные на столе. Цветной мел он отнесет в кабинет, тетрадь с планом положит в портфель, дома надо еще набросать план уроков химии для обоих восьмых классов.

— Я не стану обсуждать кого бы то ни было в его отсутствие! Сам пережил подобное на собственной шкуре и никому этого не пожелаю!— повторил Губерт решительно.

Йозеф Каплирж снова выловил из кармана своего твидового пиджака блокнотик и ручку и, крепко стиснув ее в руках, заявил с излишней аффектацией:

— Ты против того, чтоб назначить собрание?

— Нет! Не против!— к его удивлению, ответил Губерт.— Я просто не стану голосовать. И доводы тебе известны!

Схватив портфель, Губерт Влах направился к дверям. Каплирж поплелся следом, опустив голову. В коридоре они, холодно простившись, расстались.

Каплирж направился к своему кабинету. Ему оставалось сделать несколько шагов, когда из класса вышла Дана Марешова. На ней было пальто, какие очень быстро выходят из моды. Дана явно торопилась на автобус.

Она слегка улыбнулась и бросила «до свидания», давая понять, что со временем у нее туго.

Каплирж, сказав «до свидания!», следующей фразой все же сразил ее:

— Ты тоже считаешь, что все, что я там, внизу, сказал,— чепуха?!

Дана удивленно заморгала глазами.

— Н-нет... конечно, нет!

Каплирж, засунув руки в карманы пиджака, принялся рассуждать вслух:

— Я полагаю, что мы, члены партии, в первую голову должны, нет, обязаны, бить тревогу вовремя, предупредить о недостатках, имеющих место в работе школы!

— Конечно!..— согласилась Дана, ибо на подобное умозаключение возразить ей было нечего.

Каплирж улыбнулся.

— Я знал, что ты из тех, кому известно, что такое fair play*!

* Честная игра (англ.).

— Кажется, да!..— сказала Дана неуверенно.

— Я верю, Дана,— Йозеф Каплирж в первый раз назвал ее по имени,— что и на собрании ты скажешь то же самое!

Дана не могла понять почему, но ей вдруг стало страшно. Она боялась Каплиржа.

— Да... — только и пискнула она, пролезая между стеной и Каплиржем и, поспешно повторив «до свидания», припустилась бежать, словно и впрямь боялась упустить автобус.

— Ну и нюх же у меня!— громко заявила Власта Пудилова. Станя и Пудил-старший непонимающе посмотрели на нее.— Я насчет тех мешочков!— уточнила она.

— Ах, так!— вспомнил Пудил, все еще ничего не понимая, что Власта и определила по его тону.

— Чуть не попала в историю, как Андугла или как Марешка, просто как все наши. Понашили из той тряпки своим детям кофточек да рубашечек, вот и сидят теперь по уши в... грязи. А про меня можно сказать одно,— заявила она с гордостью,— что я взяла эту ткань для своего класса!— И Пудилова ухмыльнулась.

— А кто тебя вовремя предупредил?.. — Пудилу не терпелось, чтобы и его заслуги тоже хоть раз получили признание и были оценены по достоинству.— Ну?.. — наступал он на жену.

— Ну конечно же, ты, папочка! — с милой улыбочкой похвалила она мужа, словно он был малое дитяtko.

Пудиловы сидели в комнате вокруг стола. Власта готовилась к завтрашним урокам, Станя от нечего делать исправлял ошибки в тетрадях ее учеников. Он даже и подписываться умел вместо матери. Пудил-отец пытался читать газету, но это ему не удавалось. Лишь только ему начинало казаться, что он понял смысл прочитанного, кто-нибудь из домашних заводил разговор.

— Может, ему лучше переписать, мама? — Станя пододвинул к матери тетрадь с невообразимыми каракулями. Мать, пробежав глазами страницу, дважды энергично перечеркнула написанное. Станя усмехнулся и слушающая, как проходила свадьба Ирены, придвинул к себе следующую тетрадку.

— Конечно, ей следовало бы пригласить кого-нибудь из коллег, ну, скажем, Гелену или Эву, просто из вежливости! — заметила Власта в тот момент, когда ее супруг уже в третий раз пробивался сквозь строчки сообщения о том, что на европейском кубке по регби за 1967 год в воскресенье ФРГ с Голландией сыграли 13:13 (13:9).

— Конечно!.. — сказал он, продолжая читать. — Чехословакия, представьте, в турнирной таблице впереди Голландии!

— Здесь какое-то приглашение! — Станя обнаружил в последней тетради напечатанный на машинке листок бумаги и протянул его матери.

— В среду занятия по методике. Андула сунула мне приглашение на переменке, а я его вложила в тетрадь. Хорошо, что ты нашел! — Власта Пудилова положила листок перед собой и продолжала свою работу. Станя собрался было взять следующую тетрадку, но отец, перевернув газетную страницу, всколыхнул воздух, и легкая папиросная бумажка, вспорхнув со стола, приземлилась на ковре, почти у самого книжного шкафа. Стане пришлось подняться с места и нагнуться. Он уже держал шуршащий листок в руке, как вдруг заметил, что текст напечатан на какой-то стародавней машинке, и вдруг его осенило, что этот шрифт удивительно похож на шрифт, которым написано анонимное письмо, полученное им недавно по почте. На какое-то мгновение он так и застыл согнувшись, потом метнул быстрый взгляд на мать. Та, сосредоточившись, сидела над своими планами. Теперь, когда ей скоро присвоят звание, она с еще большей педантичностью готовится к занятиям. Конечно, она позволяет Стане проверять тетради, но потом непременно сама просматривает их наметанным глазом. Естественно, две-три ошибочки, пусть совсем незначительные, она после Стани находит. Отец читает газету и шевелит губами, будто желая себе помочь, когда слова трудные. Станя сложил папиросную бумагу вдвое и сунул ее в карман. Родители этого не заметили. Он поднялся и молча ушел к себе наверх.

Письмо было тщательно укрыто на дне ящика письменного стола, под старыми блокнотами, коробкой с фотографиями и негативами. Станя положил оба листка перед собой. Нет, он не мог ошибиться: они действительно

но напечатаны на одной и той же машинке! Впрочем, голову на отсечение он не даст! Приглашение наверняка вторая или третья копия, но шрифт абсолютно одинаковый. Это значит, анонимку послал кто-то из школы! Но зачем? Станя был знаком с коллегами матери лишь шапочно. Кого же так сильно волнует поведение его возлюбленной? Нет, не может быть, у всех своих забот хватает, да и кто возьмет на себя труд судить о чужой нравственности?!

Станя в нерешительности смотрел на оба листка. Ему вдруг показалось, что он ошибся в своих предположениях. Но тут же, спрятав письмо и листок с напечатанным приглашением в карман, он поспешно накинул кожаную куртку и, громко топая, спустился в комнату, где сидели родители.

— Куда это ты собрался? — Мать удивленно подняла глаза от тетрадей.

— К Ладиду!.. — прохрипел Станя и протянул руку к отцу, чтобы взять ключи от машины. Они знали, что Ладик Суханек — это бывший Станин товарищ по гимназии, с которым он иногда встречается.

— Чего это вдруг?.. — удивился отец, но ключи дал. Сын не счел нужным что-либо объяснять.

Через десять минут Станя уже звонил у дверей школы. Сторож Поливка не спал, он смотрел телевизор. Услышав звонок, Поливка приоткрыл окно и ворчливо заинтересовался, кого это принесло. Станя назвал себя и сказал, что мать забыла в учительской папку с документами. Сторож, став любезнее, протянул ему в окошко ключи от входа и предупредил, чтобы, уходя, Станя не забыл всюду выключить свет и, конечно же, запер дверь. Впрочем, это он должен и сам понимать, потому что аттестат зрелости у него уже давно в кармане.

Станя, пообещав, взял ключи. Сторож исчез за окном, а Станя вошел в темное здание школы. По памяти нашел выключатель, щелкнул, и в другом конце коридора пугливо заморгала лампочка. Ее хватило, чтобы осветить лестницу и коридор второго этажа, где находилась учительская. Станя шел наверняка. Он предполагал, и предполагал правильно, что машинка, на которой учительница Бржизова печатала приглашения, может быть только здесь. С трудом разыскав в связке ключей

нужный, Станя вошел в комнату и сразу же включил два ряда ярких ламп под потолком. Сориентировался довольно быстро: столик с пишущей машинкой, как он и думал, стоял возле окна, которое выходило на улицу, чтобы дневной свет на него падал слева. Станя подошел к столу и сдернул с машинки черный клеенчатый чехол. Это действительно оказался старый «Универсал-техник» с черными буквами на белой клавиатуре. Станя взял с ближайшего стола чистый лист бумаги и, вставив в машинку, напечатал: «..вы бы заметили и вам будет не безинтересна»

Когда Станя развернул письмо, которое ему прислал неизвестный доброжелатель, сомнений в том, где оно было написано, у него уже не осталось.

— Ну что, нашел? — спросил Поливка через приоткрытое окно. Станя заметил, что сторож уже переоделся в полосатую пижаму, он вернул ему ключи и ответил, притворяясь обрадованным:

— Все в порядке, пан Поливка, спасибо!

Станя сел в машину и медленно поехал домой. Взгляд его блуждал где-то далеко, и у него было такое предчувствие, что теперь он знает или по крайней мере может предположить, кто послал ему анонимку! Впрочем, имя корреспондента он не смел назвать себе. Станя не мог поверить, что человек, которого он любит, способен на такую подлость!

Он въехал в свой двор, но ворота оставил открытыми и ворвался в комнату, не переодеваясь, прямо в ботинках, с которых на ковер стекала грязная вода.

Родители все так же сидели за столом. Станя ринулся к матери...

— Тебе это знакомо? — задыхаясь, крикнул он и швырнул ей приглашение.

Она с удивлением взглянула на сына, отец, оторвав глаза от газеты, опустил ее на колени.

— Конечно, — ответила Пудилова, делая вид, будто не понимает причин его волнения.

— А это? — теперь Станя кинул на стол перед ней письмо. Она, даже не взглянув, уже знала, о чем идет речь.

— Да!

У него пересохло во рту, и это помешало ему закричать, заорать на нее. Он понимал, что мать всегда брала

над ним верх, он подчинялся ее голосу, против своей воли жил в оковах ее представлений, ее обезьяньей любви. Теперь в его душе странно переплетались возмущение и жалость.

— Письмо писала ты, мама! — произнес он уже тихо.

— Да! — призналась она так, словно хотела оправдать, защитить это, с ее точки зрения абсолютно необходимое, хотя и болезненное хирургическое вмешательство; она говорила уверенно и с превосходством профессионала перед неопытным дилетантом.

— Зачем ты это сделала?

Власта Пудилова полуприкрыла глаза — она делает так в классе, когда отчитывает своих учеников, мелькнуло вдруг в голове у Стани, — и строго сказала:

— Чтобы доказать тебе, что она (мать не сказала «Милада») в твоей жизни ровно ничего не значит и не занимает никакого места! Ты и сам в этом наконец убедился!

Стане хотелось кричать, бесноваться, перевернуть стол, ударить мать! Но что-то в нем сломалось, жалость была сильнее злобы, и он тихо, но удивительно четко сказал:

— Я тебя ненавижу, мама!

И выбежал из комнаты, как будто и сам испугался сказанного.

Через минуту родители услышали шум отъезжающего автомобиля. Оба понимали, куда уехал Станя.

— Ты корова! — крикнул вдруг Пудил и треснул газетой об пол. После чего подошел к серванту и, не спросив у жены, налил себе полную рюмку коньяку. А Власта Пудилова снова склонилась над своими планами и каллиграфическим почерком продолжала формулировать воспитательную цель очередного урока чешского языка.

Каплирж знал свои уязвимые стороны: определенную заземленность, недостаток вкуса, унаследованные от родителей, чего даже Тонка с ее врожденным тактом не сумела искоренить: из путешествий он привозил дешевенькие сувениры, которыми завалил квартиру, детская потребность хоть где-то стать центром внимания. Но были у него и неопределимые качества: бульдожья

хватка и умение изъяслять провинциальные восторги перед незначительными явлениями. Допустим, он, Каплирж, — не основной игрок, пусть он вечно отсиживается на скамье запасных, но его все-таки знает тренер, знают судьи и публика. И сами игроки! Ведь не могут же они не знать, что и у него есть чем утвердить себя, не могут не замечать его огромных потенциальных возможностей. Ведь когда-нибудь над чьей-то головой вскинется судейская рука с красной карточкой!

Но они делают вид, будто им все безразлично, отказываются вступить с ним в союз и начать фронтальную атаку на первопричину всех зол и ошибок. Нет, этим людям просто не хочется утруждать себя!

Они напускают на себя равнодушный вид, утверждая, что ничего особенного в школе не происходит. Но достаточно ему, Йозефу Каплиржу, открыть на любой странице заветный блокнот, как все они, один за другим, станут согласно кивать головами!

Он, Каплирж, понимает, что начал опасную игру. Но какой человек не устремится однажды вслед за своей мечтой?

Йозеф Каплирж достал из бумажной папки две копии, аккуратно заложил между листами и, столь же аккуратно вставив в пишущую машинку, начал выстукивать длинное письмо.

В комнате, которую Камил Маржик снимает вот уже второй год, царит прямо-таки образцовый беспорядок. Тут же за дверью стоит набор барабанов и черные стереоколонки, в незакрывающемся шкафу болтаются на плечиках несколько пиджаков и курточка цвета корицы — такие надевают члены ВИА «Метафора» во время своих выступлений. Во чреве этого бездонного шкафа громоздятся друг на друге ноты, свитер, основательно вытянутый на спине, кепка и разобранный на части кларнет, коробка из-под фруктов, что на прошлой неделе прислала ему из Неголиц мама, грязные рубашки и один носок неопределенного цвета. Стол в комнате не помещился. К занятиям Камил готовится либо в школе, либо здесь, на низком книжном шкафчике, придвинутом к стенке. Он пишет всегда стоя, как Хемингуэй, стараясь уподобиться ему хотя бы позой, если не бородой. Ото-

двинув в сторону электрическую плитку и покрытый лаком корешок, в который вставлена свеча, и, таким образом, освободив себе жизненное пространство, Камил создает здесь свои педагогические шедевры. У противоположной стены стоят диван-кровать, полученный от Бенды задарма, и небольшая печурка.

На диване в настоящий момент возлежит его земляничная любовь и поглощает крохотные крендельки-пирожки, с осторожностью придерживая их рукой на животе на куске бумаги.

— Свадебные, ага? — спрашивает она с полным ртом.

— Ага!.. — недовольно поддакивает Камил, размышляя, как бы это без излишней затраты воды вымыть кастрюльку, в которой несколько дней назад он разогревал печеночный суп. Его возлюбленная желает кофе. Он хоть и считал ее желание чистойшей блажью, но тем не менее собирался исполнить.

— Какая она была? — снова спросила возлюбленная.

— Кто? — В банке, стоящей между оконными рамами, оставалось еще немного воды. Он взглядом разделил воду на две части.

— Я про свадьбу...

— А-а-а, большая!... — Камил распахнул окно и выслеснул грязную воду из кастрюльки прямо на улицу, э опасаясь возможных последствий. Сунув в кастрюлю лс, он счел, что гигиеническое вмешательство уже дало еобходимые результаты, и, повторив процедуру, закрыл окно. Кастрюлю с небольшим количеством воды Камил поставил на плитку, а конец шнура, из которого торчали два провода, осторожно сунул в розетку.

Громко вздохнув, Камил обтер мокрые руки о штаны и, разбежавшись от дверей, одним прыжком очутился на диване рядом с девушкой, которая едва-едва успела спасти гостинец. Камил тоже сунул в рот сладкий пирожок, за ним еще один, ибо первый показался ему невыносимо маленьким, и оба они принялись изучать потолок над головой, с которого свисала на двух проводках лампочка в черном патроне.

— Ну а что пан жених?

— Как штык! — Камил не сказал, что Мирек уже с утра поднабрался и брачную церемонию в ратуше сопровождал глупым хохотом, что многие из собравшихся

справедливо сочли весьма непристойным. Невеста же, напротив, была грустна и с вымученной улыбкой отвечала на обычные остроты и принимала поздравления. «Метафора», уже не в полном составе, играла на пиршестве танцевальную музыку, благодаря чему гости за столом не засыпали. Так же как и Камил, многие из присутствующих на этой свадьбе ощущали неприятную тень чего-то, чего не могли ни определить, ни назвать. Как ни старались гости создать хорошее настроение, ничего не получалось, и только алкоголь, имеющийся в достаточном количестве, сделал свое дело, спас общественное мнение о свадьбе в целом. Начало скверному настроению положил, пожалуй, один из дядьев Мирека, облаченный в черный костюм, который он надевал как на похороны, так и на свадьбы своей многочисленной родни. Он заказал сольный танец для жениха и невесты. Камил, выслушав просьбу, объявил медленный вальс. Жених поднялся и пригласил молодую. Они сделали несколько «па», и вдруг лицо Мирека скривилось от боли, недолеченная нога отказалась делать сложные движения, им пришлось сесть, приносясь бесконечные извинения, со ссылками на состояние здоровья новобрачного.

— Главное, — закричал тот же лихой дядюшка, — что в постели ему нужна не нога!.. — Гости радостно захлопали остроумию дядюшки, нашедшему выход из неловкого положения. Но этот единственный танец новобрачных наложил отпечаток на все свадебное веселье у накрытого стола.

— Надя, наверное, тоже выйдет замуж! — вспомнила Миленка и, скомкав пустую бумажку от сладких пирожков, швырнула ее через всю комнату в противоположный угол, где полагалось стоять мусорной корзинке. Но, увы, там стоял тромбон в футляре — имущество Фландерки. Милена, перевалившись на бок, повернулась к Камилу.

— Ну а мы? — спросила она очаровательно.

— Что — мы? — пробормотал Камил, не понимая.

— Мы когда поженимся? — шепнула ему на ухо его земляничная любовь.

— А я почему знаю?

Подобными приставаниями она преследует его уже полгода. После той ночи в замке Камил считал, что нашел себе временную подружку, к которой сможет обра-

титься за отсутствием более заманчивых предложений или когда длительный пост плохо скажется на его здоровье. Но Милена была Любовницей с большой буквы и вцепилась в него мертвой хваткой. Камил по сей день не знает, каким образом ей стало известно, что в следующую субботу после выступления в интернате «Метафора» будет играть в Доме культуры на Праскачке.

— Привет! — сказала она уверенно и уселась к столу у самой сцены, чтобы лучше видеть Камила. Камил, естественно, изобразил на лице приятное удивление. Милена приехала одна, об этом он узнал от нее во время танца — ребята играли без него, — у Нади сегодня ночное дежурство. Она шептала, что все время думает только о нем и не в силах позабыть ту волшебную ночь. В полной темноте и стопроцентной насыщенности воздуха никотином Милена обвила руками его шею, раскачиваясь вместе с ним и пытаясь двигаться в такт музыке. Потом Милена стала ездить с их «Метафорой» совсем как «музыкантская Лидушка»*. Она уже превратилась как бы в живой инвентарь ВИА. К счастью, она совсем не умела петь, но приглядывала за ребятами, чтоб вели себя прилично, а они подшучивали над Камиллом: «Если так держит тебя до свадьбы, то — пламенный привет! — что же будет дальше!» Настырная Миленка объявилась и в Крушетицах. Камиллу ничего не оставалось, как прохаживаться с ней по площади, разумеется под ручку. Она цеплялась за него так, словно они сроду принадлежали друг другу, обрабатывала систематически, внушая мысль, что согласна исполнить его мечту и стать его законной женой. Впрочем, она не была так уж назойлива, более того, обладала чувством юмора, но к цели шла твердо и неуклонно. Одинокую жизнь в казенной комнатухе, хоть и вместе с подругой, Милена перспективной не считала. И с этим можно было согласиться. Милена жаждала как можно скорее стать пани Маржиковой, получить квартиру в блочном доме и пойти в декретный отпуск на целый год.

Камилек с ужасом наблюдал, как его свобода, столь напоминающая бальзаковскую шагреновую кожу, съедается, подобно яблоку весной. О, где вы, вечера с

* Музыкантская Лидушка — персонаж одноименного произведения чешского писателя Витезслава Галека (1835—1874).

ребятами из ансамбля, когда он мог «оторваться» и играть попеременно то на одном инструменте, то на другом, вызывая восхищение у танцующих парочек! И, подзадоренный успехом, наяривать до поздней ночи все одну и ту же мелодию: «Ты раздираешь душу мою и губы этой сладкой, сахарной ватой!..» — и мелодия эта, заполняя слух, разливалась по всему телу. А сейчас почему-то Камил стал играть, как ремесленник. То и дело поглядывает на часы, экономит дыхание, жалеет пальцы и, пересиливая себя, посылает улыбки своей яголке-земляничке, которая сидит метрах в трех от него. Милену нельзя назвать некрасивой, может быть, Камил даже любит ее. Но он всегда представлял себе свою девушку иной. Когда в начале школьного года появилась Геленка Боубеликова, Камилу показалось, что это именно она! Геленка вполне достойна любви его артистической души и атлетического тела! Да, он представлял себе свою девушку именно такой: высокая, тоненькая, с глазами цвета миндаля. Но, конечно, не такую холодную и высокомерную, подобную «Вестнику Министерства среднего образования». Все попытки завоевать Геленкину душу и тело оканчивались ничем. Еще на том самом пресловутом балу, когда Камил несколько раз танцевал с ней, у него появилась некоторая надежда на взаимное сближение. Гелена была очаровательна, мила, она не говорила ни о подготовке к занятиям, ни о годовом плане воспитательной работы, не спрашивала, ответил ли он уже на анкету «Поддерживаешь ли ты связи с учениками, окончившими нашу школу?». И даже пожаловалась, что до крови стерла мизинец на ноге. Камил тут же сбегал к пивной стойке, попросил пожницы и укоротил ремешок на ее серебряной туфельке. Отрезанный кусочек он спрятал в карман своего смокинга как трофей. Потом была лотерея, он был слишком занят роялем, а Геленка тем временем ушла с каким-то мужчиной подозрительного вида, в подозрительно элегантном костюме.

Итак, Милена! Камил повернулся к ней и кончиком языка пощекотал в уголке губ, там, где рос нежный пушок. «А в ней тоже что-то есть!» — подумал он, продолжая свои нежности.

— В субботу поедем к нашим, — сказала Милена и в ответ пощекотала указательным пальчиком его кадык.

титься за отсутствием более заманчивых предложений или когда длительный пост плохо скажется на его здоровье. Но Милена была Любовницей с большой буквы и вцепилась в него мертвой хваткой. Камил по сей день не знает, каким образом ей стало известно, что в следующую субботу после выступления в интернате «Метафора» будет играть в Доме культуры на Праскачке.

— Привет! — сказала она уверенно и уселась к столу у самой сцены, чтобы лучше видеть Камила. Камил, естественно, изобразил на лице приятное удивление. Милена приехала одна, об этом он узнал от нее во время танца — ребята играли без него, — у Нади сегодня ночное дежурство. Она шептала, что все время думает только о нем и не в силах позабыть ту волшебную ночь. В полной темноте и стопроцентной насыщенности воздуха никотином Милена обвила руками его шею, раскачиваясь вместе с ним и пытаясь двигаться в такт музыке. Потом Милена стала ездить с их «Метафорой» совсем как «музыкантская Лидушка»*. Она уже превратилась как бы в живой инвентарь ВИА. К счастью, она совсем не умела петь, но приглядывала за ребятами, чтоб вели себя прилично, а они подшучивали над Камилом: «Если так держит тебя до свадьбы, то — пламенный привет! — что же будет дальше!» Настырная Миленка объявилась и в Крушетицах. Камилу ничего не оставалось, как прохаживаться с ней по площади, разумеется под ручку. Она цеплялась за него так, словно они сроду принадлежали друг другу, обрабатывала систематически, внушая мысль, что согласна исполнить его мечту и стать его законной женой. Впрочем, она не была так уж назойлива, более того, обладала чувством юмора, но к цели шла твердо и неуклонно. Одинокую жизнь в казенной комнатухе, хоть и вместе с подругой, Милена перспективной не считала. И с этим можно было соглашаться. Милена жаждала как можно скорее стать пани Маржиковой, получить квартиру в блочном доме и пойти в декретный отпуск на целый год.

Камилек с ужасом наблюдал, как его свобода, столь напоминающая бальзаковскую шагреновую кожу, съедается, подобно яблоку весной. О, где вы, вечера с

* Музыкантская Лидушка — персонаж одноименного произведения чешского писателя Витезслава Галека (1835—1874).

ребятами из ансамбля, когда он мог «оторваться» и играть попеременно то на одном инструменте, то на другом, вызывая восхищение у танцующих парочек! И, подзадоренный успехом, наяривать до поздней ночи все одну и ту же мелодию: «Ты раздираешь душу мою и губы этой сладкой, сахарной ватой!..» — и мелодия эта, заполняя слух, разливалась по всему телу. А сейчас почему-то Камил стал играть, как ремесленник. То и дело поглядывает на часы, экономит дыхание, жалеет пальцы и, пересиливая себя, посылает улыбки своей яголке-земляничке, которая сидит метрах в трех от него. Милену нельзя назвать некрасивой, может быть, Камил даже любит ее. Но он всегда представлял себе свою девушку иной. Когда в начале школьного года появилась Геленка Боубеликова, Камилу показалось, что это именно она! Геленка вполне достойна любви его артистической души и атлетического тела! Да, он представлял себе свою девушку именно такой: высокая, тоненькая, с глазами цвета миндаля. Но, конечно, не такую холодную и высокомерную, подобную «Вестнику Министерства среднего образования». Все попытки завоевать Геленкину душу и тело оканчивались ничем. Еще на том самом пресловутом балу, когда Камил несколько раз танцевал с ней, у него появилась некоторая надежда на взаимное сближение. Гелена была очаровательна, мила, она не говорила ни о подготовке к занятиям, ни о годовом плане воспитательной работы, не расспрашивала, ответил ли он уже на анкету «Поддерживаешь ли ты связи с учениками, окончившими нашу школу?». И даже пожаловалась, что до крови стерла мозолец на ноге. Камил тут же сбегал к пивной стойке, попросил ножницы и укоротил ремешок на ее серебряной туфельке. Отрезанный кусочек он спрятал в карман своего смокинга как трофей. Потом была лотерея, он был слишком занят роялем, а Геленка тем временем ушла с каким-то мужчиной подозрительного вида, в подозрительно элегантном костюме.

Итак, Миленка! Камил повернулся к ней и кончиком языка пощекотал в уголке губ, там, где рос нежный пушок. «А в ней тоже что-то есть!» — подумал он, продолжая свои нежности.

— В субботу поедем к нашим, — сказала Миленка и в ответ пощекотала указательным пальчиком его кадык.

— С чего бы это? Ты что надумала? — вздрогнул Камил.

Она продолжала щекотать его.

— Да, да, мама уже все знает! Она зажарит нам гуся!

Камил зажмурился, ему казалось, что он летит в пропасть, из которой живым ему не выбраться!

Глава четырнадцатая

Письмо, с утра лежащее на рабочем столе Гамзы, было исчеркано разноцветными карандашами. На полях скакали красные восклицательные знаки, корчилось несколько зеленых вопросительных и растопырились штуки три фиолетовых галочки, а также пунктирные линии и многоточия — в зависимости от значительности сообщения. Черного цвета Гамза — заведующий тынецким роно — принципиально не употреблял, тем не менее он с трудом подавлял искушение приписать черным поверх четкой подписи Йозефа Каплиржа: «В письме содержится 3 (три) страницы» — и, прошив шпагатом, скрепить его прямоугольной картонной биркой и поставить круглую печать. Но он этого не сделал, ибо гнев его был сильнее старой привычки. Гамза прочел письмо раз десять, не меньше, держа наготове цветные карандаши и каждый раз добавлял черточки и знаки. Он то и дело задавал себе вопрос: что раздражает его больше — содержание этого, с позволения сказать, послания или неслыханная дерзость автора.

Гамза по телефону вызвал к себе инспектора Гладилла и, когда тот явился, отдал распоряжение сесть и прочитать письмо. Пока Гладилл исполнял приказ, Гамза кружил над ним, словно самолет-разведчик, ибо ему казалось, будто инспектор читает со скоростью ученика второго класса. Кружил он тем не менее молча, понимая, что излишняя скорость может пойти во вред изучению текста, и с удовлетворением отмечал, что Гладилл качает головой, а также время от времени цокает языком, мычит и елозит на мягкой подушечке, привязанной шнурами к стулу.

— Ну, товарищ Гладилл, что ты на это скажешь? — спросил Гамза, когда его подчиненный, подняв голову, осторожно положил письмо на стол перед собой.

— Мне это кажется невероятным!

— И мне тоже! Я понимаю, что люди в школе могут выяснять между собой отношения, обмениваться мнениями, школа не детские ясли, но такое!.. — И Гамза ткнул пухлым пальчиком в сторону письма. — Это же сигнал о нарушении принципов руководства!

Инспектор понял.

— Я, товарищ заведующий, информировал тебя, по твоему приказу, о ситуации в школе в Крушетицах. Помнишь, я докладывал тебе о перебранке между директором и Каплиржем? Уже там, на месте, я пытался разрешить их спор, впрочем, по сей день нам не ясно, кто из членов педагогического коллектива знал об истинном происхождении ткани. Но то, что здесь написано, переходит все границы! — Гладил придвинул к себе письмо и снова стал читать те пассажи, которые Гамза отметил восклицательными знаками.

Содержание письма было деловым и убедительным: Йозеф Каплирж обращает внимание руководящих работников роно в Тынце на положение в крушетицкой школе, где вот уже несколько месяцев царят хаос и неразбериха, протекающие прежде всего оттого, что директор школы Ян Ракосник уделяет главное внимание своему хобби, хотя оно само по себе достойно всяческих похвал: во время занятий Ракосник оставляет школу и сидит в городском музее. Принципиально важные вопросы директор Ракосник разрешает единолично, без всякого предварительного обсуждения с партийной либо профсоюзной организациями. Так случилось, сообщает далее корреспондент, и во время присуждения почетных премий, и хотя он, Йозеф Каплирж, был в числе премированных, тем не менее не может признать подобную практику правильной; педагогическому коллективу предлагаются готовые решения, без каких бы то ни было пояснений, не узнав даже его мнения. Столь же безответственно подошел директор Ракосник к вопросу о факте вандализма на балу комитета родителей и друзей школы, где молодой преподаватель Камил Маржик на глазах у родителей и многочисленных гостей уничтожил ценный концертный рояль. За этот проступок Маржик не получил даже устного выговора! Директор Ракосник, видимо, не считал это необходимым. В своей бесхребетности директор школы Ян Ракосник зашел столь далеко,

что стал игнорировать мнение партийной организации и умалять ее роль в жизни школы. Он выдвинул кандидатуру на присуждение звания «Образцовый учитель» и направил свое предложение в вышестоящие инстанции, не обсудив его на партийном собрании, хотя был обязан это сделать.

«Между мною и товарищем Ракосником, — писал далее Каплирж, — никогда не возникало серьезных разногласий, до тех пор пока я не обратил его внимания и не предупредил как коммунист коммуниста о некоторых ошибках. Мне не хотелось бы говорить о той изоляции, в которой я в последнее время очутился. Я долго колебался, следует ли мне писать это письмо. Но личные интересы отступили на второй план, более того — должны были отступить, во имя интересов всего коллектива, который — я хочу в это верить, — несмотря на все допущенные им ошибки, в основе своей здоров и обладает той созидательной силой, которая необходима для выполнения поставленной перед ним ответственной задачи в деле воспитания подрастающего поколения. Кое-кто из моих коллег, в том числе, к сожалению, и члены партии, делают вид, будто положение в нашей школе нормальное и спокойное. Случай с присвоенной тканью является доказательством — как, впрочем, и многое другое, — что это отнюдь не соответствует действительности.

Мне, уважаемые товарищи, хотелось бы заверить вас, что мною никоим образом не руководит стремление кому-то отомстить, свести счеты — у меня нет личных врагов! Я обращаю ваше внимание на негативные явления в жизни нашей школы исключительно из стремления к тому, чтобы родители учеников, мои коллеги и общественность знали, что я стараюсь не только жить честно сам, но и в соответствующем духе воспитывать вверенную мне молодежь. Именно поэтому, как педагог и тем более как член партии, я не могу молчать».

Йозеф Каплирж поставил под письмом подпись, явно недрогнувшей рукой. Более того, в постскрипуме он добавил, что копию посылает заказным письмом директору крушетницкой школы Яну Ракоснику. Это усугубляло видимость абсолютной серьезности его намерений.

— Директор Ракосник уже вернулся из больницы? — спросил Гамза.

— Вчера выписали. Оказалось — ничего серьезного. Я с ним утром говорил по телефону...

— Да?.. — удивленно протянул Гамза. — А письмо он уже получил?

— Потому и позвонил. Но я, к сожалению, еще не был информирован...

— Гм, — произнес Гамза и на минутку задумался. — Вот что, товарищ Гладил, мы едем туда! Оба!

— Конечно... товарищ Гамза! — испуганно поддакнул школьный инспектор и побежал одеваться. На этот раз у него была гарантия, что он не будет трястись в Крушетице на автобусе.

Последним из физкультурного зала вышел Прскавец. Он запер за собой дверь и зашагал по коридору к учительской, обходя сбившихся в стайки ребят, которые сейчас, во время большой перемены, прохаживались вдоль стен, украшенных дипломами и почетными грамотами. В одной из стеклянных рамок была и та, из Индии. Прскавец поздоровался с Даной Марешовой. Ему показалось, что она с каждым днем меняется. В интересном положении, что ли? Женщины уже наверняка в курсе, им про других все известно раньше, чем те узнают про себя сами.

Проходя мимо стенгазеты, где было сообщение о результатах соревнования по сбору крышечек от тюбиков зубной пасты, Прскавец заметил, как в мужской туалет с подозрительной поспешностью юркнули двое мальчишек, только что занимавшихся у него на шведской стенке. И тут же, из того же туалета, выбежали малыши из первого или второго класса. Кто-то выставил их с такой беспардонностью и так сурово, что они смогли застегнуть штанишки лишь в коридоре. Прскавец ворвался в туалет без колебаний. У входа, где на облицованной плиткой стене было несколько умывальников, никого не было, Прскавец распахнул вторую дверь и моментально учуял запах табачного дыма. Из последней кабины поднимались к потолку голубоватые облачка. Прскавцу стало ясно: здесь проходит сеанс курения, и его охватило желание немедленно разогнать это сборище наркоманов. Прскавец хлопнул дверью и затопал, избравшая быстрый бег. Потом тихонько постучался в кабину.

— Открывайте, открывайте, старички! — сказал он вполголоса заговорщическим тоном.

Те, в кабине, клюнули и повернули ручку. Прскавец, воспользовавшись моментом, резко рванул дверь на себя. В кабине находились молодые люди лет по тринадцати. Они курили! Увидев учителя, курильщики побросали сигареты в унитаз, и мальчишка ростом повыше мгновенно спустил воду. Вода с шумом обрушилась на окурки — свидетельство их преступления, но Прскавец уже держал обоих за уши и безжалостно тащил из туалета в коридор. Преступники вопили и клялись, что больше никогда в жизни не возьмут в рот сигарет.

В коридоре Прскавец столкнулся с двумя мужчинами в длинных пальто.

Он поздоровался, ибо сразу же узнал их.

Те сдержанно ответили, обменявшись между собой взглядами.

Прскавец отпустил мальчишек и засмеялся:

— Все курильщики начинают одинаково!

Лица прибывших были подобны уксусной эссенции, но, несмотря на это, они по очереди пожали ему руку, потому что были знакомы много лет.

Яна Ракосника они застали в его кабинете. Три дня, проведенные в больнице, подействовали на него не лучшим образом. Строгая диета и недостаток свежего воздуха погасили румянец и прочертили от носа к губам две глубокие морщины. И даже воротник рубашки в тонкую полоску казался теперь на номер больше нужного. Пришедшим уже было известно, что электрокардиограф не отметил критического состояния сердечной мышцы, кардиограмма была нормальной, а говоря точнее — в границах нормы. В тот вечер после собрания он выпил снотворного, понимая, что не уснет. Они с женой снова и снова разбирали события последних часов. Ян Ракосник вернулся из школы взволнованный, отказался от ужина и только к полуночи попросил чего-нибудь поесть. Алена, зная, что он любит гренки на сале, пожарила пять штук с колбасой и яйцом. Ян Ракосник не заметил, как съел все пять, потому что вслух рассуждал о неожиданной атаке Каплиржа. Часов около трех Ян Ракосник проснулся от невыносимой боли в области сердца! Вот оно, началось! — мелькнула у него мысль об инфаркте. Он ощущал также острейшую боль и в области желудка, но

ничего не сказал приехавшему врачу о жирных гренках. Ему казалась постыдной возможность столь банального происхождения жестокой муки, и потому он с радостью согласился на незамедлительную госпитализацию.

Но сейчас Ян Ракосник понял, что режущая боль, от которой он рычал, как дикий зверь, ничто по сравнению с тем, что он ощутил сегодня утром при чтении копии письма Каплиржа. Письмо пришло по почте вместе с остальной корреспонденцией в неприметном конверте, на котором стояла большая печать — R — gekomando — заказное.

Ян Ракосник прочел и в первую минуту не поверил своим глазам! Но копия была подписана «Йозеф Каплирж». А директор очень хорошо знал этот каллиграфический почерк. Закурив трясущимися руками сигарету, он позвонил Каплиржу и попросил зайти к нему в кабинет. Автор письма не заставил себя ждать.

Он почтительнейшим образом поздоровался, но директор Ракосник, не отвечая, приподнял кончиками пальцев три страницы четкого текста и, держа на весу, словно мерзкую жабу, спросил:

— Это писал ты?

— Да, товарищ директор!

Мгновенное признание несколько озадачило Яна Ракосника.

— Чего ты этим добиваешься?

— Там все сказано! — ответил Каплирж, и лицо его при этом было каменным.

— Вот уж не ожидал, что ты станешь писать на меня... доносы! — Директор Ракосник немного поколебался, прежде чем произнести последнее слово.

— Доносом это называешь ты, товарищ директор!

— Иные способы тебе не известны?

— На иные ты не реагируешь...

— Почему ты не пришел ко мне? Почему никогда не обратил моего внимания на допущенные ошибки? — переспросил Йозефу Каплиржу директор.

— Тебе отлично известно, что я пытался это сделать!

— Неправда!..

Каплирж обдумывал каждое слово.

— Правда. Это могут подтвердить свидетели...

— А тебе не кажется, Йозеф, — директор обратился

к нему по имени, как делал это всегда, — что это недозволенный удар ниже пояса?

Каплирж вздернул голову так, что стал виден подбородок с едва заметной ямкой.

— Об этом пусть судят другие! Еще что-нибудь, товарищ директор? — спросил он строго и машинально взглянул на часы.

Директор с превеликим неудовольствием отпустил его.

И вот теперь явилась эта пара, чтобы взвесить сго, директора Яна Ракосника, заслуги и провинности. Они будут вершить суд наедине или потребуют присутствия жаждущей крови аудитории?

Гамза высказал пожелание, чтобы в разбирательстве приняли участие лишь члены партии, ибо в письме подвергнуты критике, кроме прочего, взаимоотношения между руководством школы и партийной организацией.

Директор Ракосник позвонил Анечке Бржизовой, и они договорились, что соберутся ровно в двенадцать. Если кто-то сможет и пожелает, пусть проведет урок истории в шестом классе вместо Франтишека Бенды. Гавелка заявил, что он обеспечит замену, и передал Божене Кутнаеровой, что эта приятная обязанность ложится на нее.

Значит, через час!

Оставшееся время начальство употребило на обычную проверку школьной документации. Все оказалось в полном порядке, впрочем, как обычно. Начальство оставило свои автографы и в школьной летописи.

Директору Яну Ракоснику было явно не по себе, потому что ни Гамза, ни школьный инспектор Гладил не сказали ему сейчас, когда они остались одни, ни слова ободрения. Ни единого словечка! Например, что письму не верят. Или хотя бы что-то подобное. Заведующий роно Гамза бесстрастно листал инвентарную опись и проверял расходы и инвестиции. После чего попросил характеристики учеников, оканчивающих в этом году школу, и углубился в их детальное изучение. Он справлялся лишь об отсутствующих документах. Инспектора же Гладила интересовали рационализаторские нововведения в школьной столовой. Директор Ракосник протянул ему многостраничный план-предложение.

На собрании присутствовали товарищи: Бенда, Гавелка, Бржизова, Ракосник, Раухова, Марешова, Каплирж, Влах и Выдра. А также товарищи Гамза и Гладил.

— Записывать? — спросила Иванка Раухова. Анечка в нерешительности бросила взгляд на заведующего роно Гамзу. Тот, однако, пребывал в задушевной беседе с Выдрой, с которым они были знакомы еще с тех времен, когда Выдра преподавал в тынецких школах.

— Я предлагаю, — раздался в тишине звучный голос Йозефа Каплиржа, — чтобы сегодняшнее собрание было целиком занесено в протокол!

— Никто и не собирается поступать иначе! — резко ответила ему председатель парторганизации Бржизова. Каплирж сидел с равнодушным видом, разложив перед собой на столе блокнот и футляр с письменными принадлежностями.

Бржизова открыла внеочередное партийное собрание и коротко поприветствовала гостей. Присутствующие еще более притихли. Она предоставила слово товарищу Гамзе.

Товарищ Гамза огляделся. Они сидели в полупустой учительской, из коридора доносились крики ребят, которые мчались в столовую. Кроме Выдры и Ракосника, Гамза был знаком еще и с Бржизовой. За прошедшие годы он раза два побывал на ее уроках чешского языка, знал о ее педагогических достоинствах и не жалел слов похвалы, ставя в пример молодым учителям продуманную, однако ненавязчивую методику преподавания, превосходную во всех отношениях. Естественно, Гамза был знаком также и с Гавелкой. Остальные лица ему были незнакомы. Не может же он, Гамза, знать сотни учителей, разбросанных по всему району. История Губерта Влаха ему известна, хотя встречаться с ним еще не доводилось. Теперь — этот Йозеф Каплирж! Когда они представились друг другу, Гамза посмотрел ему прямо в глаза, полагая, что увидит в них робость или по крайней мере смущение. Но наткнулся на маску. Отлично выполненную восковую маску. И даже рука, которую Гамза пожал, была холодной и сухой.

Гамза предельно кратко сообщил собравшимся, почему счел нужным просить председателя школьной парторганизации Бржизову созвать внеочередное партийное собрание, и протянул ей письмо, предложив зачитать текст вслух.

— Лучше ты, Иванка, — извинилась Бржизова, — я забыла в классе очки, — и она передвинула к пионервожатой по блестящей доске стола три скрепленные страницы.

— Хорошо!.. — сказала Раухова и стала спокойно читать.

Заведующий роно Гамза вел наблюдение за присутствующими. Каплирж, застыв, сидел на стуле и с безучастным видом смотрел в окно. Со своего места он мог видеть кромку леса, куда вели стопы всех школьных прогулок, а над лесом — серо-голубое небо с мазками желтоватых облаков, предвещающих весну. Директор Ракосник сидел, сцепив на столе руки, в руках он держал карандаш, лицо его было пепельно-серым. Дана Марешова нервно окидывала окружающих взглядом. Бенда удивленно цокал языком, заместитель директора Гавелка вертел головой, как радаром. На лице усатого, того, что сидел как раз напротив Гамзы, не отражалось ничего. Гамза мог поклясться, что мысли этого человека витают где-то далеко-далеко. Старый Выдра, этот неугомонный борец за справедливость, не успокоившийся и на пенсии — он охотно берется за любую общественную работу, от которой другие бегут, — сидел приставив рупором ладонь к левому уху. Последствия «внимания», проявленного к нему в концентрационном лагере, нет-нет да и сказываются, особенно сейчас, когда Выдре далеко за шестьдесят. Учительница, которая читает письмо, Гамзе — он и сам не знает почему — несимпатична. Будь объективен, одергивал себя Гамза, хоть ты и полагаешь, будто первое впечатление — самое верное, что касается этой бабенки — тут ты можешь ошибиться!

Ивана Раухова закончила чтение и вернула письмо Гамзе. Тот аккуратно его сложил. Стояла такая тишина, что был слышен шелест бумаги. Гамза на мгновение свесил голову на грудь, обдумывая, как начать, и вдруг заметил, что выпуклость живота скрывает от его глаз даже собственную ширинку! Пора, в конце концов садиться на диету, а не обжираться до безобразия — мелькнуло в голове. Он резко выпрямился, метнул взгляд в потолок и заговорил:

— Вы, товарищи, конечно, понимаете, что в письме содержится целый ряд серьезных обвинений, а если говорить откровенно, то оно ставит под сомнение характер

работы как директора школы, так и школьной партийной организации в целом. Мы будем очень рады, если вы выскажете мнение о содержании письма и поможете нам разобраться в этом вопросе. Прошу! — Он повернулся к Бржизовой, как бы передавая ей слово.

— Итак, товарищи... — призвала коллег к действию председатель школьной парторганизации.

Коллеги молчали, мучительно ощущая, что они должны, вернее, обязаны определить степень предполагаемой вины или полную невинность тех, кому предъявлено обвинение.

Анечка Бржизова терпеливо ждала, время от времени ободряюще улыбаясь присутствующим, но это не помогало.

Наконец решился Гавелка. Он потянул было вверх руку, но тут же, опустив ее, положил на стол. Гавелка сказал:

— Все перечисленное в письме не что иное, как искусственно подобранные и пригнанные друг к другу факты. Можно подумать, будто в нашей школе царит закон джунглей. Я не понимаю, Йозеф, — он резко повернулся к Каплиржу, — что заставило тебя поступить подобным образом? Тебе действительно так плохо живется среди нас?

Каплирж, словно зная, взметнул над головой руку, терпеливо ожидая, когда Бржизова предоставит ему слово.

— Товарищ Гавелка, очевидно, не принял во внимание окончание моего письма, где я очень четко поясняю, почему счел своим долгом об этих проблемах не только заявить, но поставить в известность вышестоящие инстанции и засвидетельствовать это в письменном виде.

— Стоит ли выносить сор из избы, — сокрушенно сказал Гавелка, — и позорить себя на весь район?

На этот «довесок» Каплирж не отреагировал.

Раскачался и встал Бенда.

— Не знаю, не знаю... — Он вертелся, оглядывал присутствующих и сопровождал каждое слово каким-то странным похохатываньем. — Возьмем хотя бы этот рояль! Рояль нам просто дали, и нигде не было ни указано, ни приказано, как нам с ним поступить. А вдруг бы школьный сторож его вообще сжег... могу привести такой пример...

Тут Бржизова остановила его, опасаясь рассказа о Вышних Ружбах.

— Это второй вопрос, не так ли, Франтишек?

Директор Ян Ракосник и заведующий роно Гамза кивнули.

— Все это чепуха и выдумки! — квалифицировала письмо Иванка Раухова. — Не мог же предположить директор Ракосник, что несколько метров этой ткани с фабрики — краденые. Товарищ Ракосник, насколько мне известно, не является сотрудником Скотленд-ярда!

— Надеюсь, — снова заговорил Каплирж, не прося слова, — что хоть кто-то из товарищей понял... — он подчеркнул слово «кто-то», чтобы столь тонкой иронией перечеркнуть выступление хромоногой Иванки, — ... что я критикую не только сам факт, но и безответственное к нему отношение со стороны директора Ракосника, а также и всей нашей партийной организации. Я решительно не согласен с методами, которыми разрешаются серьезные проблемы в нашей школе!

— Товарищ Выдра! — Бржизова предложила высказаться тому из присутствующих, кто еще не выступал.

Пенсионер Выдра дважды поправил спустившиеся на нос очки, подвинув их повыше к переносице, но не успел вымолвить и слова, как опять подал голос Каплирж.

— Мне кажется, что товарищ Выдра находится среди нас столь непродолжительное время, что навряд ли сможет объективно судить о создавшейся здесь ситуации. Как ты сам считаешь, товарищ Выдра? — обратился он к старшему коллеге.

— Пожалуй, ты прав, — согласился старик. И Каплирж не смог скрыть торжествующей улыбки.

Бржизова же в этом узрела желание пресечь дискуссию.

— Губерт Влах!

Губерт уставился взглядом под стол и поигрывал там связкой ключей. Бржизова назвала его имя, и он испуганно вздрогнул.

— Не знаю... — выдавил Влах неопределенно.

Анечке стало стыдно за него перед Гамзой и перед инспектором Гладилом.

— Чего ты не знаешь? Ты ведь должен иметь свое мнение о том, что слышал!

Губерт отрицательно покачал головой.

— Не должен!..— Он посмотрел на председательницу почти с провокационной дерзостью.

— Следовательно, ты согласен с содержанием письма?— настаивала Бржизова.

— Я не сказал «да»!

— Но мы не слышали и твоего «нет»!— резко бросила она. Иногда этот Влах своим подчеркнутым безразличием просто действует ей на нервы.

Директор Ракосник испытующе смотрел на Губерта. Кто он? Союзник или враг? Губерт Влах в крушетицкой школе почти два года. Всегда аккуратен и дисциплинирован. Отлично подготовленные уроки. В классе идеальная дисциплина, иногда даже слишком жесткая. У Прскавца — у того скорее палочная, достигнутая подзатыльниками и шлепками, у Губерта же Влаха — строгой и систематической требовательностью. Задав что-нибудь своим ученикам, он никогда не забывает проверить! Директор просматривал его тетради. Запись материала — проверка. Затем проверка после внесения поправок. Через неделю проверка всех поправок. Для учителя это работа нудная, кропотливая, задерживающая прохождение дальнейшего материала. Но Влах знает, что не столько объем знаний, сколько последовательность в их усвоении приносит неоценимые плоды. Пря таком методе даже самый посредственный ученик достигнет лучших результатов, нежели рассеянный «Эйнштейн». Иногда он, Ракосник, даже завидует этим качествам Влаха. Те, кто знал Губерта до перевода в местную школу, утверждают, что раньше он был, кроме того, еще веселым и общительным. Здесь же любой ценой стремится быть в стороне, ни за — но и не против... Дать великолепный урок — и поскорее домой! Те, другие, что остаются после занятий и тратят время на работу в методических объединениях, ведут кружки и занятия для отстающих, поначалу жаловались на него, но со временем привыкли. И никто не знает, какой же он, Губерт Влах, на самом деле. Способен на подлость или человек порядочный? Ответить на этот вопрос пока никто не может.

— Ну а ты, Дана?— вызвала Анечка Бржизова перепуганную Марешову.

— Я?..— выдохнула Дана неуверенно. Уже тогда, в классе, когда к ней явился Гавелка и сообщил, что будет внеочередное партийное собрание, Дана больше все-

го испугалась, что ей придется при всех высказывать свое мнение. Несколько дней назад она пообещала Каплиржу, что поддержит его. Дана думала, что понадобится лишь тихое проявление солидарности. Сказать сейчас «нет!» значило бы не только нарушить все принципы честной игры, но проявить черную неблагодарность! Ведь не кто иной, а именно Каплирж помог ей, когда она попала в столь ужасное положение! Не колеблясь, он тут же отправился домой и принес ей деньги! И даже намеком не выдал ее. Дана это понимает и потому сейчас не может пойти против него. Йозеф Каплирж по праву должен иметь в ее лице союзника! Хотя Дана ясно, что сильнее, чем благодарность, ею движет необъяснимый страх! Она не может отказаться и не высказывать своего мнения, как это сделал Губерт Влах. Тот свою позицию сумеет по крайней мере отстоять, она же этого сделать не в силах. Значит... Дана подняла голову и тут же наткнулась на пристальный взгляд Йозефа Каплиржа. Нет, ей никуда не уйти...

— ... Все то, что написал товарищ Каплирж,— правда!

Самое страшное уже позади, и теперь Дана может вздохнуть с облегчением!

Все или почти все смотрели на Дану. Губерт Влах удивленно поднял глаза на Иванку Раухову, как будто именно она должна объяснить ему причину столь неожиданного заявления. Но вместо ответа Ивана лишь с недоумением покачала головой.

Директор Ян Ракосник побледнел еще больше, а Гамза тщательно занес ответ в свои бумажки.

— Ты имеешь в виду — всё?.. — Анечка Бржизова хотела уточнить точку зрения Даны.

Теперь уже легче:

— Да, всё...впрочем, почти всё! — выкрикнула Дана.

Йозеф Каплирж наградил ее едва заметным кивком, словно давал понять, сколь высоко ценит ее твердую позицию.

Бржизова, все еще недоумевая, вдруг обнаружила, что не высказывались только она и директор Ян Ракосник. Она хотела выступить последней.

— Товарищ директор! — предложила Анечка.

Ян Ракосник едва заметно облизал сухой рот и против воли откашлялся. Ему не хотелось показывать сидя-

щим здесь, насколько он подавлен. Ян Ракосник старался говорить как можно спокойнее. Он тоже выделил в письме отдельные пассажи и высказал свое мнение о ряде замечаний, которые сделал Каплирж. Ян Ракосник объяснял, он взывал к памяти присутствующих, но видел по их лицам, что припоминают они весьма туманно. Дни, переполненные новыми впечатлениями и обязанностями, безжалостно закрыли прошедшие. Лишь иногда они кивали головой: да, мол, тот или иной факт действительно имел место... Это была ничтожная поддержка, и ее малость настолько подорвала его силы, что конец выступления директор Ракосник скомкал. Слова его были подобны гласу вопиющего в пустыне. Гамза взглянул на него с нескрываемым недоумением: оборона явно провалилась! Не обеспечен тыл, артподготовка ни к черту, полное отсутствие связи с резервом. За такое расплачиваются тяжелыми потерями!

— Я,— сказала Анечка Бржизова,— считаю, что наша парторганизация в своей работе не допустила никаких серьезных ошибок, и те случаи, о которых говорит в своем письме товарищ Каплирж, либо второстепенны, либо чисто производственного порядка и решать их должно руководство школы или профсоюзная организация, а не мы!

— Политическая работа — дело не второстепенное! — закричал вдруг Каплирж. — Я удивлен, товарищ Бржизова, что ты ее квалифицируешь именно так, и прошу, чтобы твое выступление было дословно занесено в протокол!

Бржизова, не отреагировав на его предложение, быстро, очень быстро, проговорила:

— Если то, что Камил Маржик на учительском балу по своему собственному разумению дал изломать старый рояль, ты квалифицируешь как серьезную ошибку в деятельности парторганизации школы, то извини, тут наши мнения расходятся!

— О том и речь! — ехидно изрек Каплирж. — Ты не можешь не понимать, что дело не только в рояле.

— А в чем же еще? — спросила Бржизова и притянула к губам тонкую прядь волос, выбившуюся из плотного узла на затылке.

— Как может партийная организация в школе поль-

зоваться авторитетом и уважением, если ее председатель ведет себя не так, как следовало бы?

Бржизова залилась румянцем.

— Что ты имеешь в виду?— спросила она.

— Очень, очень странно, что это замечаю лишь я, но пусть будет так, беру все на себя!— Теперь Каплирж протыкал пальцем воздух, словно желая этим жестом придать своим словам еще большую убедительность.— Вы знаете, что заявила Адамцева, когда сотрудники органов спросили ее, почему она взяла ткань? «А почему бы и не взять, если партийная председательница Бржизова тоже берет?!»— Каплирж попытался передразнить Адамцеву, и ему это удалось. Всем показалось, что они слышат, как обороняется толстая учительница.

Этот выпад Анечка не смогла отразить. Да, правда, она действительно взяла у Кутнаеровой ту тряпку, и ее не обеляет факт, что несколько дней назад она вернула ее обратно.

— Было такое, товарищ директор?— снова обратился Каплирж к директору Ракоснику.

— Да, да...— подтвердил тот неохотно.

— Анечка ведь тоже женщина!..— раздался вдруг возглас, и все оглянулись на Бенду. На его лице было написано, что уж он-то понимает инстинтивную причину его падения Бржизовой!

И опять руку тянет Каплирж.

Бржизова молча кивает.

— Я понимаю, что именно товарищ Бенда может найти смягчающие обстоятельства. Он снисходителен к людским недостаткам, не так ли?— Каплирж не упустил возможности ужалить.— И товарищ Бржизова при случае оплатит ему тем же!— Каплирж сделал многозначительную паузу и придвинул к себе поближе блокнот и футляр с письменными принадлежностями. Все непонимающе уставились на него.

— Что ты хочешь этим сказать?..— нарушила тягостное молчание Бржизова.

Каплирж полистал блокнот, нашел чистую страницу и перерезал ее четкой линией. После чего начал чертить синусоид, который окончил точно в конце страницы. Он стал заполнять верхнее и нижнее полукружья густыми штрихами, произнося при этом:

— Она, например, не заметит, что член партии посещает церковь.

— Ты это о ком?— закричала Бржизова.

Тактикой боя, подумал Гамза, сей борец за чистоту и нравственность владеет в совершенстве. Ему известно, что и пауза тоже есть оружие.

— О товарище Бенде!

— Это неправда!— откликнулся упомянутый.

— Правда!— изобличил его Каплирж.— Когда у тебя болел сын, ты ходил в церковь к священнику!— Каплирж обвел взглядом присутствующих, и рука его рубанула воздух.— И всем вам это тоже известно!

Никто не произнес ни звука. Бенда сгорбился, голова ушла в плечи, не поднимая глаз, он тихо произнес:

— Не я, товарищи! Это моя жена ходила молиться, когда наш Златко... — Ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы закончить фразу.— Ей казалось, что это поможет. Я этого не знал, но потом... я боялся мешать ей!

Все смотрели на Бенду растревоженными, влажными глазами. И даже Губерт Влах перестал играть ключами и спрятал связку в карман пиджака.

В учительскую вдруг ворвался мальчишка в синем свитере, хотел что-то сказать, но, увидев сидящих учителей, прихлопнул рот ладошкой и, стукнув дверью, скрылся.

— Трудно осуждать мать, Йозеф,— медленно произнес Гавелка,— у которой умирает ребенок!

Каплирж согласно кивнул головой.

— Конечно. Ты себе такого не мог бы позволить! Не то что я! Ты это хочешь сказать, да?

— Возможно!..— согласился заместитель директора Гавелка.

— Понимаю,— продолжал Каплирж с усмешкой.— Ввиду того что у меня детей нет, я в твоих глазах не человек и более того — бесчувственный упырь.

— Товарищи, товарищи!..— попытался усмирить их Гамза, ибо понял, что дискуссия принимает чересчур личный характер.

— Я ведь этого не сказал!..

— Товарищ Гавелка!— продолжал Каплирж.— Еще недавно я и моя жена — мы очень страдали оттого, что у нас нет детей! Меня это мучит по сей день. Но хочу тебе признаться, что иногда я говорю себе: нет худа без

добра! По крайней мере мне не приходится стыдиться их!

Такого удара Гавелка не ожидал. Он с трудом перевел дух и только тогда ответил:

— Ты, конечно, имеешь в виду моего сына!

Поведение Каплиржа и его слова были ужасающе жестоки и бессердечны. И все это понимали. Коллеги знали сына Гавелки, видели его... Мальчику исполнилось десять, но он по меньшей мере третий раз пытается переползти из первого класса в следующий. Мать ради него оставила работу, отличное место секретаря директора Центропала. Она пытается научить его, где лево, где право, сосчитать до пяти и прочесть хотя бы буквы алфавита. Ребенок, о котором мечтают, которого очень ждут, как правило, не становится счастьем для родителей. Гавелка и его жена твердо верят, что их сын, отсталый в умственном развитии, при терпеливом воспитании когда-нибудь выровняется...

— Товарищ Каплирж!.. — воскликнула вдруг Ивана Раухова, не обратив никакого внимания на робкий жест председательствующей, который должен был означать, что на собрании слова просят. — Товарищ Каплирж! Ты давишь нас аргументами, поучаешь, каким должен быть настоящий коммунист, а ведешь себя, извини, как самый последний хам!

— Но, товарищи... — попытался тактично усмирить хромую Иванку, обратившись к ней во множественном числе, представитель роно Гамза, — ... это уже слишком!

Каплирж, очевидно сообразив, что высказался не слишком ловко, никак не отреагировал на реплику пионервожатой, которую вполне можно было квалифицировать как личное оскорбление, и сказал уже спокойнее:

— Даю тебе честное слово, товарищ Гавелка, что я вовсе не имел в виду твоего мальчика!

— Кого же в таком случае? — добивался Гавелка. — Нашу Алену? — Все видели, что он, обычно спокойный, вышел из себя. — Тебе тошно, что никто не заявил, что моя дочь осталась где-то за границей? Что, несмотря на это, меня назначили заместителем директора? И ты еще даешь честное слово! Я тоже даю тебе честное слово, что отказался бы не только от этой должности, но от всего на свете, лишь бы Алена вернулась домой...

Каплирж улыбнулся.

— Охотно тебе верю, товарищ Гавелка! Но считаю, что все мы, находящиеся здесь, должны быть более принципиальными!..

Губерт Влах скривился в усмешке. Уж больно патетический тон! Каплирж заметил это.

— ... И прежде всего, когда дело касается политической работы, товарищ Влах!— обратился он прямо к Губерту.

— Да ну?..— Губерт снова скривил рот, теперь это видели все.— А я уже боялся, что до меня ты не доберешься, обойдешь, так сказать, вниманием!— Вытащив из кармана связку ключей в кожаном футлярчике, он стал перебрасывать их на коленях с руки на руку. Все, что здесь говорилось, Губерт Влах слушал вполуха, его мысли были далеко, он думал о Дагмар. Но теперь ему пришлось включиться.— Ты можешь сказать мне, когда я ее игнорировал?

— Скорее недооценивал,— поправил его Йозеф Каплирж.— Или это твоя обычная позиция?

— Итак?..— Губерт ждал, но всем было противно, что он играет, все время играет своими злосчастными ключами. Ивана еле сдерживалась, чтобы на него не прикрикнуть.

Каплирж с ответом не спешил, ожидая, когда председатель даст ему слово. Взяв в руки блокнот и надев на минутку очки, он что-то искал на первых страницах. И вдруг, захлопнув блокнот, заявил:

— Двадцать второго октября на педагогическом совете, где присутствовали и беспартийные, ты тоже занял резко отрицательную позицию в вопросе об организации зала революционных традиций!— Каплирж не мог не отметить, что сразил наповал сидящих в учительской не только самим фактом, но и точностью записи. Гамза стал о чем-то перешептываться с инспектором Гладилом.— От этого, товарищ Влах, тебе отпереться не удастся!

— И не собираюсь!— ответил Губерт Влах.

Каплирж перевел взгляд на заведующего роно Гамзу, ожидая, что тот выскажется по его сообщению. Но Гамза не был новичком в подобных делах, ни тем более жалким трусишкой, которого можно испугать первыми залпами гаубиц. Он просто отвел глаза, чтоб не встре-

чаться с говорящим взглядом Каплиржа, и стал ждать, что ответит тому Губерт Влаха.

— Я хотел бы лишь уточнить для тех, кто тогда на педсовете не был или забыл: дело в том, что я считаю пока нереальным в условиях нашей школы создание зала традиций: у нас есть неплохо организованный уголок традиций и, кроме того, отличная экспозиция в городском музее, куда...

— ... куда я несколько раз собирался пойти со своим классом — пусть подтвердит товарищ Лиemanова, и ты тоже скажи, товарищ Раухова, ведь ты просила ключи у директора Ракосника?.. — не дал договорить Губерту Влаху Каплирж. — У меня создалось впечатление, что товарищ Ракосник не проявил принципиального отношения к созданию зала традиций, поддавшись давлению со стороны товарища Влаха! О поведении остальных я и упоминать не хочу! — скороговоркой произнес Каплирж, словно у него не хватило дыхания.

И тут, взглянув на Анечку Бржизову, слова попросил Гамза, заведующий роно.

— Я коротенько: таким образом, товарищ Каплирж, по твоему мнению, ты единственный правильный человек в школе?

Каплирж растянул губы в вымученной улыбке.

— Безусловно, нет! Но, товарищ заведующий районным отделом народного образования, — он с выражением отчеканил название его должности, — могу я тебя кое о чем спросить?

Это было уже бестактно, но Гамзе пришлось согласиться.

— Пожалуйста!..

— Я хочу знать, считаешь ли ты позицию товарища Влаха и попавшего под его влияние товарища Ракосника по столь ответственному вопросу политически правильной?

Каплирж был серьезным противником. Он, конечно, отдавал себе отчет, что стоит один против большинства, но не боялся идти в атаку. Никто из присутствующих не отважился бы задать Гамзе подобного вопроса.

— Да, мы предложили создать зал традиций, но ни в коей мере не приказывали! — ответил Гамза уклончиво. — Мы не догматики, чтобы требовать исполнения

предложенного любой ценой! Там, естественно, где это невозможно!..

— И я не догматик, напротив, товарищ заведующий роно. Ты очень правильно понял, что я имею в виду: мы обязаны наконец искоренить схематизм в политической работе школы, не громоздить ошибку на ошибку, обязаны помнить о своей принадлежности к партии и в соответствии с духом времени быть самокритичными, уметь признавать свои ошибки!..

Гамза прищурил глаза, и его толстый двойной подбородок вдруг затрясся. Он не терпел, когда его перебивали, это могла позволить себе только его супруга, и никто больше.

Руку поднял Гавелка. Он уже немного успокоился.

— Ты нас, Йозеф, разбираешь одного за другим,— Гавелка взвешивал теперь каждое слово,— выискиваешь наши грехи и ошибки. Для чего ты это делаешь? Ты почему-то взял на себя смелость убеждать нас в том, что мы люди косные и чуть ли не враги партии. Я хочу кое-что сказать тебе: подобные разговорчики о современном понимании политики я уже слышал! Каждый из нас может ошибиться. Допускаю. Но я решительно возражаю против того, чтобы наши ошибки кто-то использовал против нас!

— Громкие слова! Фразы!— ухмыльнулся Каплирж.

— Возможно, допускаю и это,— произнес Гавелка, роясь в карманах в поисках носового платка,— я хочу извиниться перед присутствующими, но о некоторых вещах проще не скажешь!

Йозеф Каплирж на его намек не отреагировал.

Бржизова, увидав, что Губерт тянет руку, дала ему лово.

— Меня интересует одна деталь, если только товарищ Каплирж не откажется ее осветить...— произнес он чрезвычайно серьезно и сделал длинную паузу.— Какие на мне были носки, ну, скажем, четырнадцатого декабря?

Раухова прыснула, нагнула голову и стала что-то быстро чертить на бумаге, на которой писала черновик протокола.

Бржизова укоризненно посмотрела на Губерта. Она ведет собрание и должна держать аудиторию в руках. Собравшись было сделать Губерту замечание, она вдруг

заметила, что физиономия Каплиржа из красной стала бледно-зеленой. Гости тоже не оценили юмора, но их опередил старый Выдра.

— Ты бы, товарищ Влах, подумал, прежде чем такое нести! Не забывай, что ты находишься на партийном собрании!— Выдра произнес это тихо, но тон его не допускал никаких возражений. Влах презрительно хмыкнул и вернулся к своим ключам.

Но тут заговорил Йозеф Каплирж:

— Я требую, товарищ председатель, чтобы оскорбительный выпад товарища Влаха был внесен в протокол.

— Он же пошутил!..— подала реплику Раухова.

— Мы сюда собрались не для сомнительных шуточек!— сорвался на визг Каплирж.

— Губерт, извинись перед товарищем Каплиржем!— сказала Бржизова.

— И не подумаю!..— отрезал Влах.

Каплирж попросил слова. Ему дали.

— Я требую, чтобы мое предложение было поставлено на голосование.

Бржизова оглядела присутствующих, но не заметила, чтобы кто-нибудь проявил желание голосовать. Любой из посторонних, кто прочтет эту запись в протоколе, сочтет ее просто смехотворной.

— Я полагаю, Йозеф, что это не столь важно...— попыталась Бржизова урезонить его.

Но Каплирж, вскочив вдруг со стула, заорал:

— Ах, так! Ну, хорошо же! — Он задохнулся и сгорбатился:— В таком случае, я прошу только одного: запиши, товарищ Раухова, что я покинул это собрание...— и, резким движением указательного пальца приподняв рукав пиджака, он взглянул на часы,— ... в тринадцать часов двадцать минут! Ибо у меня нет гарантий, что со мной и далее обойдутся уважительно! И что за свои взгляды, которые я стремлюсь донести до общественности, я не буду публично ошельмован!— Каплирж сгреб блокнот и футляр с авторучкой и, сунув их в карман, в несколько шагов достиг двери. Он распахнул ее с такой силой, что все услышали, как отлетела в сторону прикрепленная с обратной стороны бумажка с надписью: «Не мешать. Идет собрание».

В спорте это называется «отдать игру».

Продолжать не имело смысла.

— Губерт!..

Губерт Влах услышал, как кто-то окликнул его в тот момент, когда он собирался вставить плоский ключик в замок своей старенькой «октавии». С утра он парковался на школьном дворе, потому что собирался купить в Крушетницах мешок овсянки — Губерт подмешивает крупу в корм своим норкам, тащиться же с мешком в Тынец автобусом, да еще в пятницу, не слишком удобно. Губерт повернул голову к двери, через которую попадали в школу со двора или из сада, и увидел запыхавшегося Выдру, поспевающего к нему, чтобы Губерт не уехал. Губерт, однако, распахнул дверцу машины.

— Погоди минутку!— еще издали кричал Выдра.

«Сдал, старик, сдал» подумал Губерт, наблюдая с каким трудом тот передвигается.

Где вы, где вы, золотые денечки, когда они вместе ездили на собрания. Выдра — преподаватель истории и географии в тынецкой гимназии, и Губерт, его ученик, не из самых, правда, лучших, позже ставший студентом естественного факультета. В те далекие времена Губерт говорил Выдре «вы» даже на партийных собраниях, и, только когда он стал учителем и они были уже коллегами, Выдра предложил перейти на «ты». Губерт принял предложение со смущением, поначалу избегал прямых обращений, но сейчас с наслаждением говорит ему просто «Индржих!» Было время, когда Губерта шокировала излишняя прямолинейность Выдры, она казалась грубой и бестактной. И лишь потом, много лет спустя, Губерт стал понимать, какая это была недюжинная смелость — во что бы то ни стало докопаться до сути проблемы и занять объективную позицию. Но сегодня старик мог бы и промолчать, там, в учительской! Одернул Губерта, как мальчишку!

Выдра подошел вплотную к Губерту и прислонился к машине.

— Если ты воображаешь, что я пришел извиняться, то...— старик тяжело дышал, но не скрывал улыбки,— то жестоко заблуждаешься!

Губерт стоял у открытой дверцы, портфель и пальто уже лежали на заднем сиденье, за ними виднелся мешок с овсянкой, которую он купил до начала занятий, успев еще побеседовать с родителями Гонзы Завеского, решивших во что бы то ни стало сделать из своего сына

автомеханика, хотя Гонзик учился из рук вон плохо и на уроках ручного труда доказал, что обе руки у него левые. Губерт наотрез отказался от запечатанного конверта и фазана, предложенного Завескими, разумеется, за положительную характеристику их бездарному парню, чтобы он мог сделать головокружительную карьеру директора автосервиса в Крушетицах. Губерт обрадовался, узнав, что и директор Ракосник тоже, конечно, не поддался соблазну ...

— А я не жду и не воображаю!— не слишком приветливо отозвался Губерт Влах.

— Не стану тебя задерживать, вижу, ты торопишься. Но свое мнение я должен тебе все-таки высказать. Это мой долг! Там, в учительской,— Выдра поднял брови и кивнул в сторону школы,— ты был недипломатичен, когда сказал... постой, дай договорить!— прервал он его, увидав, что Губерт собирается что-то сказать в свою защиту.— Иронией и шуточками ничего не добьешься, пора бы знать. А ты, Губерт, способен на большее, чем сомнительные остроты! Я хочу тебе признаться: на собраниях я приглядывался к тебе больше, чем к остальным. И ты, наверное, понимаешь, почему: ты мой ученик, а теперь уже коллега, и потому я имею на это право. Мы ведь с тобой уже кое-что пережили вместе, не так ли?— По лицу старика пробежала улыбка.— Ты очень изменился, Губерт!— заключил Выдра.

— Возможно,— неохотно согласился его бывший ученик Губерт Влах.— У меня для этого есть причины...

Выдра покачал головой:

— Нет, Губерт, причин нету. Когда с тобой стряслась та история — я считаю ее недоразумением,— ты счел себя насмерть оскорбленным, и даешь это всем понять, хоть и не вслух, но постоянно. За своей обидой ты не видишь, что рядом с тобой живут люди, или видишь все в кривом зеркале. Высмеиваешь Каплиржа, иронизируешь над ним! А как ты-то себя ведешь? Вокруг бушуют страсти, возникают проблемы! Правда борется с ложью, а ты поигрываешь ключами! Извини, что я все это говорю, но ты, из-за одной единственной административной кривды, против которой сам же не нашел смелости пойти, обиделся на весь мир. Опомнись, Губерт!

— У тебя все?..— с кислой миной спросил Губерт.

Выдра снял руку с капота машины, казалось, он хочет уйти.

— Да! Впрочем, нет, еще кое-что!— припомнил он.— Когда останешься наедине с собой и найдешь свободную минутку, попробуй задать себе вопрос: чего, собственно, добивается Каплирж? Может, обнаружишь любопытные вещи!

— Зачем?..

Выдра поправил шапочку, которая во время произносимой им тирады слегка сползла на затылок.

— *Principiis obsta. Sero medicina paratur. Cum mala per longas convaluere moras**. Не забудь, Губерт, — процитировал он скорее в шутку, как напоминание о тех временах, когда изводил Губерта подобными изречениями на уроках латыни. Выдра протянул Губерту руку и поспешно простился. Губерт, не дожидаясь пока старик пересечет двор и спустится по ступенькам из больших ворот на тротуар, уселся за баранку и включил мотор. Его задело, что Выдра обошелся с ним словно со школяром, который явился в школу с невыученными уроками.

Губерт ехал по городу, и гнев постепенно отступал. Его снова одолели мысли о жене, словно скорость прибавляла буйства разыгравшейся фантазии.

Со вчерашнего дня они с Дагмар обменялись лишь несколькими сухими фразами, да и то чтобы дети не прознали о случившемся. Но Яромир уже утром, во время завтрака, понял, что родители объявили войну и будут теперь обстреливать друг друга залпами молчания, пренебрежения и холодного равнодушия. И Романка тоже почувствовала, что между мамой и папой пробежала черная кошка. Дагмар делала вид, что все идет своим чередом, что ничего не произошло. Она провожала ребят в школу, готовила ужин и ровно в половине седьмого подавала его на стол.

В прачечной все так же рокотала по вечерам стиральная машина, и в шкафу у Губерта все так же висели на плечиках свежевыглаженные сорочки. Перед сном Дагмар читала, около десяти захлопывала книжку, щелкала выключателем на своем столе и, повернувшись к Губерту спиной, быстро засыпала.

* В самом начале болезнь пресеки — напрасны лекарства, Если успеет она вызреть в упущенный срок.

О в и д и й . Лекарство от любви. (Перевод М. Гаспарова.)

Именно сегодня утром Губерт проснулся немного раньше, на ночном столике еще не зазвенел будильник. Губерт приподнялся на локте и стал украдкой смотреть, как Дагмар спокойно дышит, видимо, в последние минуты сна ей что-то грезится. Обычно она рассказывала ему свои сны, собирая по крохам воспоминания. Дагмар спала, чуть приоткрыв рот, тонкие поздри слегка трепетали, на лоб спустились короткие каштановые кудряшки. С волосами она забот не знает: они слегка вьются. Губерт не мог не признать, что его жена, хоть и не красавица, однако привлекательна и очень моложава, чего не может не заметить и тот, другой, который возит ее в своей новенькой «симке» неизвестно куда! Губерта захлестнула волна ревнивого гнева. Ему хотелось оскорбить Дагмар, ударить по лицу! Тот, если он, конечно, существует на самом деле, пока еще не конкретен, он не имеет имени и недосыгаем.

Губерт резким жестом сбросил с себя одеяло, уперся босыми ногами в спинку кровати так, что она громко закрипела, встал и начал одеваться, стараясь производить как можно больше шума. Все ему мешало: и дверцы шкафа, и деревянные плечики, которыми он намеренно стучал по металлической перекладине шкафа, снимая свои брюки, и дверь в ванную.

Дагмар молча поднялась...

Сейчас, когда Губерт приближался к Тынцу, у него было одно-единственное желание, желание всех ревнивых мужей: поймать свою жену на месте преступления. Он и сам не знал, что значит «поймать». Поймать их в постели в пятницу днем — такое не приходило ему в голову! Ему хватило бы и ворованного поцелуя где-нибудь в подворотне! Тогда Губерт смог бы на них наброситься. И набить морду обоим! А того мужика, схватив булыжник, еще и отколошматить до крови!

Можно лишь удивляться, сколь часто — и это почти закономерность — исполняются подобные мечты!

Губерт решил не ехать домой или, как собирался раньше, на бойни. Сделав круг по площади, он подъехал к больнице, где работала Дагмар, с тыльной стороны. Поставив свою «октавню» под горкой, Губерт быстрым шагом, не запыхавшись, взобрался наверх. Проулок вывел его на площадь. И, вдруг замерев, Губерт остановился! У бровки противоположного тротуара стоя-

ла «симка», в которую садились двое. Какой-то мужчина и Дагмар! Смешная и неправдоподобная случайность, которая произошла, вероятно, потому, что он этого так желал! Свою жену Губерт, конечно, узнал тотчас же. Ошибки быть не могло. На ней был тот самый костюм с узким норковым воротником и манжетами, который она надела утром. Лица мужчины он не разглядел. Машина тронулась с места. Губерт сделал два-три быстрых шага вслед, чтобы рассмотреть хотя бы номер, но на таком расстоянии это оказалось невозможным. Машина шла на хорошей скорости и тут же исчезла на другой стороне площади.

Значит, все правда!

Дагмар изменяет ему...

Дагмар превратила его в посмешище...

Губерт с трудом передвигал ноги, словно шагал в водолазном костюме.

Как быть дальше! Пуститься вслед за ними? Бессмысленно! Зачем? Даже если он помчится как сумасшедший, то догнать все равно не сможет, ведь ему неизвестно, куда они направляются, он потеряет их из виду на первом же перекрестке. Отправиться домой?! Или надраться до беспамятства в каком-нибудь кабаке? Губерт никогда еще не решал своих проблем подобным, казалось бы, самым легким способом.

Ему страстно хотелось узнать про Дагмар все! Хотя, как правило, это бывает излишне.

Губерт никак не мог понять, как это Дагмар уехала сейчас, в третьем часу. Обычно она работает до трех.

Решительным шагом Губерт вошел в здание, где находилось противотуберкулезное отделение городской поликлиники. Длинный коридор был пуст, лишь на другом конце уборщица тряпкой, надетой на швабру, протирала пол. Губерт постучал в дверь кабинета. Ему открыла Марженка.

— Входи, входи, Губерт!— сказала она, поздоровавшись.

Он вошел в комнату, озаренную приятным солнечным светом. Все здесь казалось стерильно чистым.

— Где Дагмар?— спросил он, делая вид, что не видел жену с утра. И даже, найдя в себе силы, улыбнулся Марженке.

— Только что ушла... буквально несколько минут!..

Губерт сел на стул, на котором обычно сидела Дагмар, расстегнул пальто, кинул шапку на стол, где под стеклом красовались фотографии детей и две старые открытки.

— Она должна была работать до трех!..— возразил он.

— Да ... — ответила Марженка равнодушно и извинилась перед Губертом, что должна сбегать в фотолабораторию. Там в закрепителе лежат снимки, она сейчас вернется.

— Давай, давай!..— сказал Губерт и опять улыбнулся.

Он остался в кабинете один. Несколько секунд разглядывал знакомые предметы, которые находились здесь всегда, когда бы он ни зашел за женой. Потом, заметив на шкафчике с картотекой журнал прихода-ухода, поднялся и стал перелистывать его. В журнале значилось, что Дагмар уходит с работы в разное время. В прошлый четверг, например, она явилась домой около семи, а в журнале записан уход 14.15! Во вторник торчала здесь до половины шестого. Почему? Он все листал и листал в обратном порядке захватанную тетрадь. Подобных записей становилось все больше.

Губерт швырнул журнал на картотеку и сел обратно к столу. Слышно было, как Марженка чем-то гремит за дверью.

Губерт опустил глаза и, обнаружив, что может открыть ящики, стал их выдвигать. Торопливо порылся в верхнем. Какие-то ненужные бумаги, старые шариковые ручки, измятый платочек и коробочка с канцелярскими скрепками. Во втором — забытые перчатки, тюбик жирного крема, клей, пустой футляр от маникюрных принадлежностей, папка с документами, перепечатанные отчеты за месяц, список окрестных сел, которые обслуживает их отделение, проспект универсального проявителя «Панхромал» и квадратик твердой бумаги. Губерт перевернул его. Это была фотография незнакомого мужчины — 4 на 4, с белой полосой внизу. Такие прилагают к документам.

Это был ОН!

«Милой Дагмар — Иржи».

Губерт узнал бы ЕГО и без подписи! Он держал этот квадратик бумаги в руке и жадно разглядывал. Губерт

не мог судить, красив ли этот человек, привлекателен ли. Впрочем, мужчина, даже не ослепленный ревностью, не очень-то способен ответить на подобный вопрос. Губерту были ненавистны лишь тонкие самоуверенные губы незнакомца и небрежно расстегнутая рубашка. Так! Значит, Иржи.

Дагмар, конечно, произносит это имя нежно: Иржи... Губерт заскрежетал зубами. Иржи... играет Дагмар звуками «рж», когда тот, склоняясь над ней, во тьме ищет ее губы...

Губерт услышал, как Марженка шелкнула там, в лаборатории, выключателем и взялась за ручку двери. Он мгновенно спрятал фотографию в карман и коленом задвинул ящик.

— Так!..— Марженка вошла в кабинет и зажмурилась от яркого света. В руках у нее были два больших негатива на металлическом стоячке, которые она сразу же повесила на раму за дверь. Остальные уже сушились там. Подойдя к умывальнику, Марженка стала вытирать махровым полотенцем мокрые руки.

— Почему ушла Дагмар?— спросил Губерт.

— Не знаю...— ответила Марженка. Она стояла к нему спиной, он видел ее седеющие волосы и кривые ноги, которых не мог скрыть даже длинный халат.

— Дагмар опять уехала с ним, ведь это так, Марженка?!— выпалил Губерт без оковичностей.

Марженка медленно повернулась, продолжая тщательно вытирать руки.

— Меня, Губерт, это не касается! Ты должен понять!— сказала она серьезно.

— Гм...

Марженка не хочет быть ни прокурором, ни судьей, Губерт ее понимает.

— Это ваше дело. Твое и Дагмар. Я убеждена — ты не захочешь, чтобы кто-то посторонний усложнял ваши отношения.

— Она не говорила тебе,— сказал Губерт хрипло, сам не узнавая своего голоса,— почему так поступает?..

— О таких вещах женщина женщине не спрашивает.

— Ты знаешь, кто он?— продолжал Губерт свои настойчивые расспросы.

— Да.— Марженка повесила полотенце на металлический прут и села за стол напротив Губерта. Губерт с

Марженкой знают друг друга давно, с того самого дня, когда Дагмар начала здесь работать. Марженке было тогда около тридцати, и глаза ее были такими же мудрыми, как сейчас, через двадцать лет.

— Кто он?

— Не спрашивай меня.— Марженка, порывшись в картотеке, нашла две карточки, видимо относящиеся к снимкам, которые только что проявляла, написала на них какие-то цифры и снова поставила их туда, где торчали уголки соседних карточек.

— Дагмар тебе на меня когда-нибудь жаловалась?

— Нет,— ответила Марженка почему-то свысока.

Губерт передернул плечами и поднял воротник пальто.

— Или, может быть, когда-нибудь объясняла, почему она с ним... почему она с ним... путается?

Марженка, взглянув ему прямо в глаза, ответила:

— Нет, никогда. Но думаю, что я знаю сама...

— Так почему же?! — вскричал Губерт задрожавшим голосом.

Женщина в белом халате, придвинув к себе толстую тетрадь, принялась ее перелистывать и листала, пока не дошла до страницы, заполненной на одну треть. Она, видимо, обдумывала ответ и потому не спешила. Положив ладонь на чистую страницу и продолжая колебаться, неуверенно сказала:

— Потому что была одинока...

Губерт, воззрившись на нее остановившимся взглядом, вдруг разразился нервным хохотом.

— Одинока?.. Ну, ты, Марженка, даешь! Я от нее не отхожу ни на час, мы всегда вместе! Были по крайней мере,— поправил он себя,— у нее нет никаких причин поступать так! Добро бы я пил, обижал ее, бегал по бабам, как некоторые! Тогда еще понятно!..— все больше распалялся Губерт.

— Возможно, я ошибаюсь!..— согласилась Марженка.

Губерт пропустил мимо ушей ее попытку самокритики, он был слишком взволнован, чтобы выслушивать точки зрения, не совпадающие с его собственными.

— Тогда я сам тебе скажу, почему моя драгоценная супруга загуляла: она в том возрасте, когда женщина вдруг начинает понимать, что молодость пролетела, что

ей давно уже не двадцать, она боится, что ничего такого-эдакого еще не вкусила, не пережила любовных интрижек, и, чем дальше — ты только не обижайся, — все меньше надежды, что кто-нибудь ее захочет! Ведь вокруг двадцатилетних девчонок — пруд пруди, а они для мужиков соблазнительней! Ей страстно захотелось пережить любовную встряску! — выпалил Губерт одним духом. Потом, резко поднявшись, неуклюже, словно у него были не руки, а лапы, с угрозой сгреб свою шапку и крикнул: — И она ее переживет! — в ярости, даже не попрощавшись, он выбежал из кабинета.

Глава пятнадцатая

Каждый мужчина раз в жизни должен собрать свой чемоданчик и громко хлопнуть дверью. Не ждать, не колебаться, не писать прощальных писем. У Губерта назревало именно такое решение. Он не хотел скандалов, сцен с позиции силы, уговоров, угроз. Он не знал, как поступит завтра, послезавтра, что будет через неделю или через год. Знал лишь, как должен действовать сейчас, сегодня: ему надо уйти, потому что он — лишний.

Как ни странно, волнение улеглось еще по дороге домой. Он действовал с холодным умом и математическим расчетом. Когда Губерт еще студентом должен был сдавать экзамен по логике, ему казались излишними все эти силлогизмы, антитезы и тому подобная чепуха, никто не говорил, как их надо применять на практике. Теперь же он понимал, что, лишь рассуждая логически, пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию, он обретет драгоценное спокойствие.

Фотографию любовника Дагмар Губерт аккуратненько прислонил к лампочке на ее ночном столике. Потом залез на чердак и достал пыльный чемодан. В ванной он обтер его мокрой тряпкой и отправился в спальню. Что взять? Две пары трусов, три рубашки — сняв с плечиков, он сложил их кое-как, неаккуратно, — пять пар носков и носовые платки. Бритвенный прибор и одеколон. Стоя над распахнутым чемоданом, он размышлял, не забыл ли чего. Губерт слышал, как Яромир наверху играет на пианино, не подзревая, что отец уходит. Ах, да! Немного денег! Ему не хотелось брать тысячу крон из конверта, засунутого под простыни, где Дагмар обычно хранила семейные сбережения. Губерт кинулся в большую комнату, чтобы взять из книжного шкафа какую-нибудь одну книжку, припомнив вдруг тесты и анкеты, помещаемые иногда в газетах: «Какую книгу вы взяли бы с собой на

ей давно уже не двадцать, она боится, что ничего такого-эдакого еще не вкусила, не пережила любовных интрижек, и, чем дальше — ты только не обижайся, — все меньше надежды, что кто-нибудь ее захочет! Ведь вокруг двадцатилетних девчонок — пруд пруди, а они для мужиков соблазнительней! Ей страстно захотелось пережить любовную встряску! — выпалил Губерт одним духом. Потом, резко поднявшись, неуклюже, словно у него были не руки, а лапы, с угрозой сгреб свою шапку и крикнул: — И она ее переживет! — в ярости, даже не попрощавшись, он выбежал из кабинета.

Глава пятнадцатая

Каждый мужчина раз в жизни должен собрать свой чемоданчик и громко хлопнуть дверью. Не ждать, не колебаться, не писать прощальных писем. У Губерта назревало именно такое решение. Он не хотел скандалов, сцен с позиции силы, уговоров, угроз. Он не знал, как поступит завтра, послезавтра, что будет через неделю или через год. Знал лишь, как должен действовать сейчас, сегодня: ему надо уйти, потому что он — лишний.

Как ни странно, волнение улеглось еще по дороге домой. Он действовал с холодным умом и математическим расчетом. Когда Губерт еще студентом должен был сдавать экзамен по логике, ему казались излишними все эти силлогизмы, антитезы и тому подобная чепуха, никто не говорил, как их надо применять на практике. Теперь же он понимал, что, лишь рассуждая логически, пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию, он обретет драгоценное спокойствие.

Фотографию любовника Дагмар Губерт аккуратно прислонил к лампочке на ее ночном столике. Потом залез на чердак и достал пыльный чемодан. В ванной он обтер его мокрой тряпкой и отправился в спальню. Что взять? Две пары трусов, три рубашки — сняв с плечиков, он сложил их кое-как, неаккуратно, — пять пар носков и носовые платки. Бритвенный прибор и одеколон. Стоя над распахнутым чемоданом, он размышлял, не забыл ли чего. Губерт слышал, как Яромир наверху играет на пианино, не подозревая, что отец уходит. Ах, да! Немного денег! Ему не хотелось брать тысячу крон из конверта, засунутого под простыни, где Дагмар обычно хранила семейные сбережения. Губерт кинулся в большую комнату, чтобы взять из книжного шкафа какую-нибудь одну книжку, припомнив вдруг тесты и анкеты, помещаемые иногда в газетах: «Какую книгу вы взяли бы с собой на

необитаемый остров?» — и прочую чепуху. Не раздумывая, он достал «Восхождение на Эверест», которую всегда читал, когда болел и вынужден был лежать в постели или когда не мог уснуть, а иногда даже брал с собой в отпуск. В этой книге не таилось какой-то необыкновенной премудрости, не было ни рецептов, ни систематизированного руководства, как осуществить мальчишескую мечту. Каждый раз, дочитав ее до конца, Губерт приходил к убеждению, что с шерпой Тенцингом он тоже запросто достиг бы вершины, хотя ни разу в жизни не держал в руках ледоруба! Он бросил любимую книжку в чемодан. И вдруг за его спиной послышалось:

— Ты куда это, папа?

Губерт оглянулся. Это Романка вернулась из школы! Что ей сказать? Правду? Нет, нет, это ни к чему.

— Собираюсь уехать, мне надо!.. — улыбнулся он. Ответ явно не удовлетворил девочку.

— Куда? — настаивала Романка.

— На учебу, на курсы! — ляпнул Губерт первое пришедшее в голову и, закрыв чемодан, защелкнул оба замка.

— А когда вернешься?

— Не знаю, Романка... тебе уроки задали? — уводил он ее от опасной темы. И вдруг заметил, что девочка глядит на него с недоверием, словно понимает, что он ей лжет.

— Задали... — Она все еще стояла в дверях. Губерт достал выходное пальто и надел его. Привычным жестом проверил, лежит ли в кармане пиджака бумажник с документами и деньгами.

— Ступай занимайся, сделаешь уроки — и можешь играть! — разрешил он.

Дочка, казалось, не слышала его слов.

— А кто будет кормить норок?

Губерт за все это время ни разу не вспомнил про норок! Ни разу! Он был занят более важными проблемами.

— Мама, когда вернется... — успокоил он девочку и, взяв чемодан, двинулся к двери. Романка посторонилась, давая ему пройти, Губерт нагнулся и прикоснулся губами к ее волосам. Он делал все, чтобы уйти тихо, без ненужных сцен, и ограничился на прощанье лишь несколькими необходимыми словами.

— Возвращайся скорее, папуля! — крикнула Романка, и Губерту показалось, что дочкин бессильный жест рукой и несколько сказанных слов навязал ему автор какого-то сценария, чтобы растрогать зрителей.

С Яромиром он прощаться не стал, опасаясь, что сын мгновенно раскусит причину его неожиданного ухода в отсутствие матери. Романка, однако, проводила отца до самой калитки и долго смотрела вслед, пока он не скрылся за углом.

Губерт и сам не знал, куда идет. Более того, он не мог объяснить себе, почему не взял машину. Вероятно потому, что не хотел брать с собой много вещей.

По дороге к станции Губерт встретил своего бывшего ученика. Тот толкал перед собой коляску с малышом. Увидав Губерта, он что-то сказал жене и весело поздоровался.

Зал ожидания был неприветливым и грязным. Губерт подошел к окошку, поставил чемодан возле ног, и принялся разглядывать уходящие вдаль семафоры и подмаргивающие глазки сигнализационного табло. Через какое-то время нижняя форточка в окошке раскрылась, и женщина, загородив собой пространство, спросила, куда он едет. Губерт, все еще не решивший, куда направить свои стопы, явно колебался, и кассирша не слишком любезно повторила вопрос:

— Ну, давайте, давайте, куда вам?

— Прага, один!.. — выдавил наконец Губерт.

Кассирша, достав из кармана допотопные металлические щипцы, щелкнула и протянула Губерту билет. Губерт расплатился, взял чемодан и, спрятав билет в бумажник, отправился на перрон.

Судя по расписанию, висевшему между залом ожидания и туалетами, ждать придется не менее сорока минут. Стараясь не думать о том, что с ним стряслось, он купил в киоске две газеты и занялся спортивной рубрикой на последних полосах. И вдруг обнаружил, что не вчитывается в содержание, а снова и снова обдумывает цель своей поездки. И так — в Прагу! Почему? А куда — не в Крушетнице же и не к родителям! Начались бы расспросы о детях и бесконечные, утомительные догадки, почему не приехала Дагмар. Нет, он хочет испариться, исчезнуть, сбежать, как настоящий мужчина. А настоящие мужчины сбегают? — мелькнула вдруг мысль. До-

пустим, что да, сбегают! Друзей, таких, у которых можно остановиться, у Губерта в Праге нет, все однокашники разбрелись по городам и весям. Кроме того, явиться вот так, словно снег на голову? Нет, кланяться он никому не станет. День-другой проживет в гостинице, а там будет видно. Что касается еды, он не привередлив, ему хватит и порции кнедликов с томатной подливкой, как в былые, студенческие времена, когда от стипендии почти ничего не оставалось и талончики в институтскую столовку становились невообразимой роскошью. Или когда он возвращался поздно вечером после выступления с танцевальным ансамблем, голодный как волк...

Павла! Это имя вдруг сбормало нить воспоминаний и определило, хоть и совершенно неожиданно, цель поездки. Павла — единственный человек, у кого он может поселиться на какое-то время. Если, конечно, она опять не вышла замуж. Фантастика! До чего же глупо явиться к ней теперь, через столько лет! Ведь со студенческих времен они встретились всего два раза, и то случайно. Во второй раз с Губертом была Дагмар. Он их познакомил, Павла тогда еще носила траур по мужу. И все-таки Губерт поедет к ней! Теперь он знал это наверняка.

Подошел пражский поезд. Губерт влез в переполненное купе, к великому неудовольствию пожилой женщины, которой по его просьбе пришлось переложить свою умку с сиденья в сетку над головами пассажиров.

Губерт вышел в Праге на Главном вокзале и побрел телефонной будке. Фамилия Павлы в телефонной книге не значилась. Он попытался вспомнить название учреждения, где она работала. Набрал номер, но телефонистке фамилия Павлы была незнакома, впрочем, она оказалась столь любезной, что продиктовала ему два номера коммутаторов филиалов конторы. Еще одна двадцатипятигеллеровая монета исчезла в щелке автомата, и снова женский голос повторил комичное название учреждения, где должна, по мнению Губерта, работать Павла.

Да, да, Павла здесь служит, но сегодня пятница, и на работе ее уже нет.

— А домашний телефон? — спросил Губерт.

— Минутку!.. — ответила женщина, видимо что-то перелистывая, потому что в трубке послышался шелест

бумаги. — У меня его нету! — сказала она наконец. — Хотя погодите! — вспомнила телефонистка. — Есть номер телефона Бурешовой, они работают вместе, попробуйте позвоните ей! — Она терпеливо ждала, пока Губерт достанет карандаш и бумагу.

Затем поход в ближайший киоск за новой монетой и долгие объяснения с Бурешевой на тему, зачем ему нужна Павла. Более того, пани Бурешова задала ему несколько контрольных вопросов, чтобы выяснить, действительно ли он знает Павлу. И вот наконец Губерт обладатель семизначного номера!

— Почему же его нет в телефонной книге? — проворчал Губерт.

— Павла только недавно переехала в новый микрорайон, и телефон ей поставили всего несколько дней назад, — объяснила пани Бурешова. Губерт поблагодарил и стал тщательно набирать цифру за цифрой.

— Слушаю!.. — послышался голос на другом конце провода, и Губерт тотчас же узнал Павлу.

Он назвал себя и сказал: «Привет!»

— Это ты? — весело воскликнула Павла, и это Губерта чрезвычайно обрадовало. — Что ты делаешь в Праге?

— Павла, — сказал он серьезно. — Мне надо с тобой поговорить!

— Когда?

— Сегодня! Сейчас же!.. — И, почувствовав в ее голосе замешательство, спросил: — Ты... ты не одна?

Павла, поняв вопрос, заверила его, что замуж еще не вышла.

— Нет, мы с Алисой и бабушкой собрались на дачу! — объяснила она.

Губерт слышал голос Павлы и представлял ее до малейшей черточки. Павла наверняка не изменилась, она все та же, как в те далекие времена, когда они вместе танцевали в ансамбле. Губерт знал, что все это он напридумывал, ибо время неподкупно и беспощадно, оно ни для кого не делает исключения.

— Вы едете на машине?

— Да нет, — усмехнулась она, — автобусом от Флоренце.

— Ты должна ехать?

Павла, помолчав, ответила:

— У тебя такая спешка, что ты и в самом деле не можешь подождать?

— Да, Павла, да!

— А в чем дело?

Теперь Губерту потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и в одной фразе выразить все, что случилось за прошедшие дни и часы.

— Я ушел из дому... ушел от Дагмар... Понимаешь? Телефонная трубка онемела.

— Ты слышишь? — Губерт хотел убедиться, что Павла все еще там.

— Я провожу своих на автобус, а приеду к ним потом! Потом.

— Это здорово, Павла! Давай вместе поужинаем. Куда ты хочешь пойти?

— Не имеет никакого значения! — сказала она.

Губерт предложил погребок неподалеку от Флоренце. Павла пообещала быть к семи и, не прощаясь, повесила трубку.

Губерт Влах подхватил свой чемодан и понес его на вокзал, в камеру хранения. Положив квитанцию в бумажник, он шагнул в темноту, нарушаемую многоцветными вспышками неона. Оттенков было много, и все разные. Определить их Губерт не отважился.

Губерт сунул метрдетелю десять крон, и ему накрыли столик на двоих еще до прихода Павлы. Он заказал водки, выпил рюмку, закурил и стал рассматривать людей, сидящих за другими столами, лица которых слабо освещали колеблющиеся язычки свечей.

Появилась Павла, сопровождаемая метрдетелем, тот указал ей на стол, где сидел Губерт, видимо, Павла поблагодарила, потому что метрдетель поклонился, и она двинулась к Губерту. По тому, как Павла шла, можно было догадаться, что она не испытывает ни трепета, ни волнения. Губерт — просто мужчина, которому Павла охотно жертвует вечер, а утешив, погладит по головке и подует на «бобо».

Губерт поднялся ей навстречу.

— Какая же ты молодчина, что пришла! — сказал он, пожимая протянутую руку, и отодвинул стул, чтобы она могла сесть визави. Павла аккуратно положила узкую сумочку возле себя на угол стола и посмотрела на Губерта долгим взглядом.

511 — Не станем утверждать, что мы не стареем?

— Как тебе будет угодно, — согласился Губерт и спросил, что она будет пить, ибо уже чувствовал за спиной метрботеля. Павла выбрала кампари и открыла меню в кожаной папке. Она заказала свинину на вертеле, Губерт, не утруждая себя выбором, ткнул куда-то в середину столбца и сказал, что вспомнил, как они ходили в «Коруноу» и ели там томатный соус.

— Это было давно и неправда, — горько усмехнулась Павла.

— А что же тогда правда? — поймал ее Губерт на слове.

Павла, уставившись на рюмку, где коктейль, колыхнувшись, сотворил маленькую воронку, не торопясь с ответом.

— Наверное, то, что мы сейчас сидим вместе, — улыбнулась она. Пламя свечи колебалось и потрескивало. Губерт предложил ей сигарету, она, отрицательно покачав головой, поблагодарила. Губерт нагнулся к свече, зажимая сигарету в зубах, чтобы прикурить, и Павла поспешно схватила его галстук, который, выскользнув из-под пиджака, уже готов был вспыхнуть. Выпустив первое облачко дыма, Губерт неловко спросил:

— Почему мы с тобой не поженились, Павла?

Павла запила меланхолическую улыбку глотком терпкого кампари.

— Эвжен мне встретился раньше...

Губерт понял, что своим сентиментальным вопросом напомнил ей о трагической смерти мужа, и поспешил извиниться.

— Прости!..

— Ничего, — успокоила она его и попыталась шутить. — А вдруг сегодня ты сбжал бы от меня?

— Вполне возможно, — допустил он и заказал еще бутылку красного.

— Ну, выкладывай, что с тобой стряслось? — спросила Павла, когда официант исчез в мерцающем полумраке погребка. Губерт очень коротко рассказал ей о событиях последних двух лет, стараясь не вдаваться в подробности, и окончил находкой в рабочем столе своей супруги.

Павла ни разу не перебила его.

Официант принес жаркое и налил в высокие бокалы густого красного вина.

Они вооружились приборами и принялись за еду.

— Ну и что же ты хочешь от меня услышать? — спросила Павла, прожевывая ломтик мяса и обжаренную золотистую картошку.

— Не знаю, как мне быть дальше, — признался Губерт.

— Ты, конечно, убежден, что во всем виновата только она...

— Нет, я хочу понять почему...

Павла отрезала еще кусочек. Она ела красиво, могло даже показаться, что ее осанка, умение обращаться с приборами, ее жесты, манера есть — просто игра на публике. Только сейчас Губерт заметил, как Павла одета: водолазка, глухо закрывающая шею, цвета которой он и не пытался определить, короткий жилет и юбка из той же ткани. Женщины такой комплект называют костюмом. Поди разберись! Когда Павла нагнулась к тарелке, на шею блеснула цепочка с крохотным золотым брелочком-ключиком.

— Существуют лишь три причины, — продолжала Павла, — почему изменяет жена: муж пьет и колотит ее — это первая, вторая — муж из тщеславия заводит любовницу, и третья — муж свою жену не удовлетворяет! Можешь выбирать любую. Сам. — Она проглотила кусок, видимо, он был великоват, поперхнулась и запила его глотком вина. Улыбнувшись, извинилась и сказала: — Не думаю, чтобы ты пил больше, чем я сейчас! А что касается второй причины, неужели ты тщеславнее других мужиков твоего возраста? Ну-ну... — усомнилась она.

— Значит, ты полагаешь, что я импотент? — резко бросил Губерт.

Ужин был невкусным. Мясо жесткое, соус холодный, он ел лишь из солидарности с Павлой, кроме того, с детства привык съедать все, что кладут в тарелку, даже если еда ему не по вкусу. И запивал всю эту дрянь большими глотками вина, заметив вдруг, что опередил Павлу по меньшей мере на три рюмки.

— Что ты, что ты! Конечно нет! — успокоила его Павла. — Но остается еще одна причина — третья! Это грозит всем мужчинам, которые воображают, будто вполне

достаточно давать жене то, на что она имеет законное право: постель и кошелек! Мужчинам кажется, что женщине этого хватит! Ты и представить себе не можешь, Берт, — Павла назвала Губерта так, как называла когда-то, — насколько женщине этого мало!..

— У Дагмар было все... — возразил Губерт.

— Не имею права судить ни тебя, ни твою жену. Но ты хотел услышать мое мнение... — Она отодвинула прибор, вытерла без особой надобности губы бумажной салфеткой и бросила ее в пустую тарелку. — Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Домой в любом случае не вернусь. Я уже не смогу с ней жить. — Он не назвал жену по имени.

— Ты так считаешь? — усомнилась Павла и повернула голову — из глубины погребка послышались вкрадчивые звуки музыки.

Губерт взглянул туда и увидел трех музыкантов: скрипка, гитара и электроорган. Из-за соседнего столика поднялась молодая пара и пошла танцевать.

— Жить тебе негде, останешься без работы! Хочешь начать все сначала? — Павла перевела взгляд на Губерта.

— Где-нибудь на Шумаве найду и жилье и работу!

— А дети?.. — напомнила ему Павла.

Губерт пожал плечами:

— Она ведь тоже не задает себе этого вопроса!

— Гм...

Павла опять повернулась к танцующей паре, они покачивались на маленькой площадке в центре. Приглушенный свет был милосерден к их морщинкам, и они в этот вечер казались друг другу по меньшей мере привлекательными, а может быть, и красивыми... Губерт понял, что Павла хочет танцевать.

— Пойдем? — спросил он и протянул к ней через стол руку.

— С удовольствием! — ухватилась она за кончики его пальцев.

Губерт и Павла вышли на середину, и Губерт обхватил ее обеими руками за талию, как когда-то, когда они еще вместе отплясывали галоп. Павла поняла и засмеялась. Губерт, переменив позу, теснее прижался к партнерше, и они поплыли, уносимые музыкой. И вдруг Павла, отодвинувшись, сказала очень серьезно:

— Ты все равно вернешься, Берт!

— Почему? Ты считаешь меня таким ничтожеством?

Павла, полузакрыв глаза, отрицательно покачала головой.

— Нет, вовсе не считаю. Но только такие дела не для тебя!

Вид у нее был загадочный, она подпевала мелодии известного шлягера.

Когда Павла и Губерт сели обратно к столу, разговор их обратился к бывшим соученикам и к тем, кто вместе с ними танцевал в ансамбле. Губерт заказал еще вина.

Они танцевали опять и опять и старались больше не обращаться к семейным проблемам Губерта.

Около двенадцати Павла заявила, что устала.

Губерт расплатился, они вышли в туманную ночь, и Губерт, словно заботливый отец, поднял ей воротник.

Они стояли на краю тротуара. Надо прощаться.

— Куда ты пойдешь? — спросила Павла.

— Не знаю...

— Я думала, ты получил номер в гостинице.

— Как-нибудь перебыюсь на вокзале... не беспокойся. Мы провели прекрасный вечер! Благодаря тебе, Павла!

Павла носком туфли отшвырнула грязный бумажный шарик, что валялся на тротуаре, и, не поднимая глаз, сказала:

— Ты можешь переночевать у меня... если, конечно, считаешь это удобным! — И только теперь подняла на него взгляд, словно желая увидеть нечто большее, чем изумление.

— Конечно! С радостью, Павла! — Губерт взял ее под руку, и она легко оперлась на нее.

Они успели сделать всего несколько шагов, как Павла вдруг остановилась.

— У тебя с собой ничего нет?..

— Чемодан в камере хранения на вокзале, ты считаешь, что надо?..

— Нет, нет!.. — перебила она его, и они двинулись дальше. Молча добрались до автобусной остановки. Павла открыла сумку, достала две кроны, одну протянула Губерту, предполагая, что мелочи у него нет и быть не может. И снова повисла на его руке, и ему было прият-

но, что к нему прижимается красивая женщина. Прошло столько лет, но Павла все еще хороша собой...

— Кофе хочешь?.. — спросила Павла, когда они уже были дома. Она жила на седьмом этаже новой панельной башни в трехкомнатной квартире.

Одну комнату занимала ее мать, во второй была спальня Павлы и дочери. Губерта она ввела в не слишком большую гостиную, окрашенную какой-то ядовитояркой клеевой краской.

— Очень... — признался он и уселся в удобное кресло.

Павла поспешила в маленькую кухоньку. Было слышно, как она наливает воду и ставит на плиту кастрюльку. Губерт оглядел комнату и не обнаружил никаких признаков стесненности в средствах. За стеклом секретера стояла фотография молодого мужчины, очевидно ее покойного мужа. Губерт не захотел утруждать себя и не стал подниматься, чтобы рассмотреть ее вблизи. После длинного дня он чувствовал себя утомленным. Впрочем, Эвжена Губерт помнил еще с тех пор, когда тот ждал Павлу у спортзала после репетиций ансамбля.

— Павла... — позвал он и, когда Павла появилась в дверях с банкой кофе в руке, спросил бестактно: — Ты почему не выходишь замуж?

— Исключительно из корыстных побуждений! — драматическим тоном ответила она.

Губерт не понял.

— Меня лишат пособия на Алису!

— Только поэтому?..

— Теперь уже только...

— А раньше?.. — Губерт хотел знать все.

— И раньше, может быть, тоже... — ответила Павла, помолчав.

— Не станешь же ты утверждать, что у тебя никого нет?!

— Не стану. Есть!

Губерт умолк. Существование этого «кого-то» было ему неприятно, хотя, по существу, должно быть вполне безразлично.

— И вы с ним давно... — он постарался задать вопрос как можно деликатнее, — ... давно знакомы?

Павла вернулась в кухню, но ее ответ был слышен ясно.

— Три года. Он разведенный, платит алименты. Во-

семь сотен. И двадцать тысяч должен за машину, которую год назад разбил. Я не хочу выходить за него замуж, не хочу брать его вместе с его заботами, хотя он парень хороший и Алиса его любит.

— Почему же его здесь нет?

Павла уже несла на маленьком подносике свежесваренный кофе и сахарницу.

— Потому что здесь ты, Берт!

Губерт не понял, что она имеет в виду, и счел, что это шутка. Заметив на подносе лишь одну чашку, он спросил:

— А ты не будешь?

— Нет... пока ты выпьешь, я приму душ. Не соскучишься?

— Иди, иди! — успокоил ее Губерт и опустил в чашку квадратик сахара.

Павла ушла в ванную. Он слышал, как она раздевается, как чем-то гремит. Потом зашумел душ. Губерт представил себе ее, совсем нагую, стоящую всего в нескольких метрах от него под горячим дождичком душа. Его прекрасная партнерша! Ему так хотелось кипнуть к ней, но он, как обычно, хорошо владел собой. Камил, например, тот ворвался бы в ванную не моргнув глазом! Губерт же был из поколения тех, кто не утратил стыдливости, даже перед самим собой. Он отхлебывал остывающий кофе и курил, стряхивая пепел на блюдце, потому что нигде не обнаружил пепельницы. Губерт зажег торшер, стоявший за его спиной, щелкнув выключателем, погасил люстру, ярко освещавшую комнату, и с удовлетворением отметил, что ему удалось создать интимную обстановку. В комнате воцарился полумрак.

Из ванной вышла Павла в оранжевом махровом халате.

Обнаружив перемены, она улыбнулась и неожиданно спросила:

— Ты не голоден?

Губерт вскочил с кресла, еще не разогнувшись, придал в блюдце сигарету и, подойдя к ней, воскликнул:

— Угадала! Голоден! Я хочу тебя! — Он положил ей руки на плечи и увидел, что на ней, кроме халата, ничего нет. Поцеловав ее легким поцелуем в ямку на шее. Губерт ощутил давно позабытую им нервную дрожь.

— Ты хочешь отомстить своей жене на ее же ма-

нер? — съязвила Павла и щелкнула Губерта пальцем по кончику носа.

— Нет, — ответил Губерт, расстегивая пуговицы ее халата. — Главное, что мы сейчас вместе. Лишь в этом истина! — повторил он недавно сказанное ею, хоть и не слово в слово. Он мягко снял с нее халат. Павла, скрестив перед собой руки, загородила локтями маленькую грудь. Губерт обнял ее и, словно изголодавшись, впился в ее повлажневший рот долгим поцелуем. Павла обвила руками его шею, и тогда, прервав поцелуй, Губерт поднял ее, собираясь нести в постель. Дверь в спальню осталась незакрытой.

Резко подавшись вперед, Губерт вдруг вскрикнул от острой боли: ему показалось, что кто-то всадил ему в спину нож. Он, не разгибаясь, опустил обнаженную Павлу на пол. Естественно, никто и не собирался покушаться на его жизнь! В пояснице что-то хрустнуло, и Губерт так и остался в этой неловкой позе, скрючившись, громко рыча, словно раненый зверь.

— Что с тобой?.. — ужаснулась Павла, кинувшись к сброшенному на пол халату.

— Не знаю... что-то оборвалось в пояснице... страшная боль... — стонал Губерт, стараясь не двигаться с места.

Павла, уже одетая, протянула ему руку.

— Пойдем, приляг по крайней мере!

— Нет... не тронь меня!.. — оттолкнул ее Губерт, согнувшись в три погибели.

— Не можешь же ты так стоять до утра?

— Не... знаю!.. — чуть не плача, отвечал Губерт.

— С тобой уже случалось такое? — спрашивала Павла, стараясь говорить серьезно, хотя ей с трудом удавалось сдерживать смех.

— Было два раза... Простыл возле норок!

Павла не смогла упустить момент и лишить себя удовольствия:

— Кара за попытку изменить жене! Такое иногда бывает!

Губерт, укоризненно поглядев на нее, простонал:

— Ах, оставь! — и громко заохал. — В таком случае половина человечества ходила бы сторбленной!

Павла, оценив, что он, несмотря ни на что, не утратил чувства юмора, предложила вызвать врача.

— Сделает укол, — успокаивала она Губерта; — и сразу полегчает!

— Пока он доберется!.. — засомневался Губерт и сделал попытку приблизиться к креслу. Из этого ничего не вышло: боль, видимо, была сильнее воли.

Павла начала действовать сама. Она побежала в переднюю к телефону и набрала номер «Скорой», вернулась и стала уверять Губерта, что врач будет вот-вот. Потом, осторожно взяв его под руку, энергично приказала:

— Пошли!

Губерт был готов ударить ее.

— Тебе нужно добраться до постели! — уговаривала его Павла, пытаясь усадить в кресло.

Губерт осторожно опустился на ковер и медленно пополз к дверям спальни.

Павла, разобрав супружескую постель, принялась раздевать его, Губерт орал, будто с него живьем сдирали кожу.

Она достала из шкафа мужскую пижаму и помогла Губерту влезть в нее. Пижамы была не новой — когда-то ее, наверное, носил муж Павлы. Пижамы после покойного! — мелькнуло в голове у Губерта, впрочем, сейчас ему было безразлично, главной заботой оставалось желание улечься поудобнее.

— Не устраивай сцен! — заметила вдруг Павла и подтолкнула его к кровати. Издав трубный звук, подобный слоновьему реву, он очутился на животе. Постель пахла совсем иначе, чем дома. Губерт из последних сил старался не думать о боли, а Павла, заботливо укрыв его, убежала, чтобы поскорее одеться.

Минут через двадцать, хотя Губерту они показались вечностью, приехал врач и сделал укол.

— До утра должно отпустить, — объявил он Павле, — но если не станет легче, привозите супруга в клинику!

— Спасибо! Большое спасибо, пан доктор, — сказала Павла, пожимая руку врачу, и проводила его на лестницу. Когда она вернулась обратно, Губерт уже лежал на спине, уставившись в потолок.

— Ну как ты?

— Кажется, лучше...

Павла зажгла светильник над его головой, достала из-под подушки ночную рубашку и стала переодеваться,

совсем его не стесняясь. Губерт, не поворачивая головы, чтобы не спровоцировать боли, тем не менее косился на ее тело, такое желанное и такое обещающее. Ему казалось, что в этой прозрачной рубашке Павла стала еще притягательней, чем в халате, когда пришла из ванной.

Собственное бессилие так и толкало его брякнуть какую-нибудь гадость. Что-нибудь вроде... «не бойсь — отработаю в другой раз», но он сдержался.

Павла нырнула под одеяло, натянула его до самого подбородка и повернулась к Губерту.

— Ну как, неистовый любовник? — улыбнулась она и нежно поцеловала его в щеку.

— Полная задница радостей! — не утерпел он, ему было просто необходимо выругаться.

— Вот и хорошо!.. — успокоила его Павла. Касаясь его голой рукой, она выключила ночную лампу. Спальня погрузилась во мрак. Через какое-то время глаза Губерта привыкли к темноте, и он начал различать отдельные предметы, слегка выделяющиеся в неверном свете уличных фонарей.

Губерт знал, что и Павла тоже глядит на высветленный квадрат потолка.

— Павла, ты спишь?..

— Нет, — тихо ответила она.

— Можно тебя кой о чем спросить?..

— Давай!

— Мне не хотелось бы обидеть тебя... — заколебался Губерт.

— Ты сейчас человек больной, и тебе надо все прощать. — Павла все еще пыталась шутить.

Губерт, вытянув руки поверх одеяла, смотрел на мелкие брызги света, трепещущие на люстре.

— Как себя чувствует женщина, которая осталась одна?..

Павла ответила не сразу. Помолчав, сказала скептически и без наигрыша, напоминая шахматиста, обдумывающего следующий ход:

— Плохо! Трудно, Берт, особенно сначала!.. — Павла начала рассказывать о себе — видимо, темнота и мужчина рядом, который лишен возможности двигаться, придавали ей смелости, избавляя от неловкости. Она начала со взрыва у Эвжена на предприятии и похорон, к которым оставалась безучастной, оглушенная транкви-

лизаторами. Потом полгода лечилась без особой надежды на успех. Она любила Эвжена, ей недоставало его, каждая пустяковая вещь, каждая мелочь напоминали о нем. Все, к чему он недавно прикасался, все, что они вместе выбирали в универмаге: новая люстра, коляска для Алисы — все это после его смерти стало терниями, больно ранившими Павлу. Она очень исхудала. «Вы должны решить, — сказал ей через какое-то время лечащий врач, с носом как у де Голля, — будете изводить себя воспоминаниями об умершем муже либо жить для себя и своего ребенка! Я рекомендую вам вторую альтернативу». Павла пересилила себя, попыталась как-то жить: ей удавалось, хотя и с трудом, думать об Алисе и о своей работе. Еще были родители, ее и Эвжена. Они старались помочь ей, чем могли. Свекровь раньше, чем сама Павла, поняла, что молодая женщина не может жить монашкой, отдавая бесполезный долг ее уже умершему сыну. Она сказала об этом Павле. Ее слова, видимо, стали решающими. Павла, словно слепец палкой, начала ощупывать камушки будничных радостей. Нашла в себе силу улыбаться, а позже и смеяться. Они жили вдвоем с дочкой там, на другом конце Праги, обе понемногу привыкали к уединению. Павла большей частью не замечала одиночества. Но оно стучалось к ней в дверь в самые трудные моменты. Было страшно, когда заболела Алиса... Ведь своими заботами и болью человеку необходимо поделиться. Павле же делиться было не с кем. Ее яркая внешность привлекала внимание мужчин. Павле казалось странным, что некоторых ее вдовье положение отпугивает, она не могла понять почему, другие, наоборот, липли больше, чем прежде, когда был жив муж. Кое-кто пытался выказать серьезность своих намерений, но это было притворством. Тот, кто ее любил по-настоящему, был женат, к тому же страдал малодушием. Не мог ни на что решиться. Ревнив до умопомрачения, не понимал, что Павла — женщина свободная, обязательств ни перед кем не имеет и может вести себя с мужчинами, как ей заблагорассудится. Им пришлось расстаться — впрочем, не без драматических сцен.

Три года назад она встретила Зденека. Похоже, он ее любит. Но жениться они не будут. Павла привыкла к определенному жизненному стандарту; его алименты, долги и то, что она перестанет получать пособие на Алису, —

слишком сильные аргументы в пользу того, что ей разумнее оставаться лишь подругой. Почему бы ей не воспользоваться правом, предоставляемым законом? Павле уже не двадцать, она видит все в истинном свете. Глаза не застит любовь.

Павла умолкла, словно исчерпанная историей собственной жизни, поведенной каким-то странным полупшепотом. Губерту не хватало находчивости, и он не сумел сказать что-нибудь подходящее. Он так и лежал, уставившись в потолок. И только после долгого молчания произнес:

— Значит, ты счастлива...

Павла не ответила.

— Слышишь?.. — Губерт, превозмогая боль, чуть-чуть повернулся на бок и взглянул на нее. Лицо ее было видно в профиль, одеяло на груди ритмично вздымалось. Слабый свет давал возможность разглядеть обнаженное плечо. Павла заснула, на удивление быстро и неожиданно, словно ребенок посреди игры. Губерт занял прежнюю, наиболее безболезненную сейчас позу.

Ощущение, будто его разбило параличом, не отпускало, но боль уже не была такой острой, лекарство, введенное врачом, начало действовать. Пришло и чувство стыда за крики и стоны, которых он не мог сдерживать. Трус! Более того, экспортированный экземпляр слабака! Ни с кем и ни с чем не способен бороться! Обычно, когда Губерт подвергался тестам, выходило, что он — спортивный тип, азартный игрок. На самом же деле он — просто тряпка. Жена путается с другим, а он не в состоянии набить ему морду! Не умеет! Впрочем, а помогло бы? Видимо, его, Губерта, просто перевели в третий сорт, как во время ужина говорила Павла. Может, стоит записать? Любовник? Ну, это подтвердит женщина, лежащая рядом и тихонько посапывающая! Остается лишь третья альтернатива. Каков же он, Губерт, в постели? В силах ли сам мужчина оценить себя в этом деле? Раньше, когда у них с Дагмар бывали гости, приходили друзья и Дагмар выпивала больше нормы, она в шутку говорила о нем: «Губерт как вино: чем старше, тем лучше». Давно он не слыхивал от нее такого. Только потому, что к ним перестали ходить его бывшие коллеги и соученики со своими женами? Наверное, почувствовали, что отнимают у Губерта драгоценное время, которое он должен посвя-

тить норкам! Нет, он убежден, что Дагмар было с ним не хуже, чем другим женам с их мужьями. Губерт делал все, чтобы их любовный акт и через двадцать лет супружеской жизни не стал простой обязанностью, он старался, чтобы им обоим это доставляло радость. Времени для жены у него действительно не было. Это единственное, чего в последние годы он не мог ей дать. Его время принадлежало норкам. Губерт знал, как их ненавидит Дагмар, отказывается ходить к ним, кормить, ее уже не прельщают даже шкурки, похожие на морской жемчуг. Ненависть к норкам Дагмар, видимо, перенесла и на него. Между норками и своим мужем она поставила знак равенства. И если ее спросят, Дагмар наверняка ответит: «Нет, мы не занимаемся любовью, не отдаемся друг другу — мы спариваемся!»

Она готовила ему не еду, а жратву. Или что-то в этом роде! Если рассуждать логично, то она голодна и идет к тому, кто дает ей хлеб. А хлеб — это время, предназначенное лишь ей. Как может он, Губерт, не видеть истинной, хотя и столь примитивной, причины ее неверности?

Он не замечает ничего вокруг, отгородившись высокой стеной оскорбленного, гипертрофированного высокомерия! И дома, и в школе. Он вечный борец против серой унылости будней, так похожий прежде на своего старого учителя Выдру, — и вдруг сдался, пал духом, избрав как самозащиту равнодушие! Искусственно выстроенные им философские принципы стали со временем его позицией! Превратились в поступки. Впрочем, это было чрезвычайно легко. Более того, не требовало даже больших усилий. Достаточно сжечь за собой мосты прежней кипучей активности, и окружающие привыкнут. В школе Губерт все больше помалкивал, на партийных собраниях воздерживался от голосования.

И вдруг понял — он уже не коммунист, он только состоит в партии, он просто носит в кармане партийный билет! — как сказал пьяненький Баштил! И Губерту нечего было возразить ему, нечем защищаться. Губерт не пресек и того, второго типа, посмеявшегося бесстыдно заявить, будто все партийцы — бестии! Его реакцию, его сугубо личное отношение к грубому администрированию, к необоснованному понижению в должности и переводу в другую, провинциальную школу такие, как «Оппи» и

еще многие, стали объяснять его, Губерта, отрицательным отношением к системе, к обществу! И он, Губерт, даже не попытался их переубедить. Ему следовало бы помочь Бржизовой, чтобы и она, председатель их партийной ячейки, более принципиально и не столь снисходительно судила о школьных проблемах. Почему он не пошел к директору Ракоснику и не заявил, что не согласен с тем, как тот единолично распределяет новогодние премии? Разве он не член партийной организации, задача которой — забота о человеке? И, в частности, о тех людях, которых будут награждать перед лицом коллектива? Почему он, Губерт Влах, допустил, чтобы директор выдвинул Пудилову, хотя знал, что многие члены партии имеют к ней претензии? Действительно ли директор Ракосник так убежден в ее заслугах и принципиальности? Губерт давно понял, что директор Ян Ракосник мгновенно, как мушкетер, хватается за оружие и бьет без промаха, не различая важности проблемы, хотя и понимает, что результаты такой поспешности могут быть чреваты последствиями... Директор Ракосник не создает ореола вокруг своей личности, нет, он лишь боится потерять авторитет и потому демонстрирует, будто для него принять решение — раз плюнуть! А потом неуклюже лавирует, обдирая себе локти и набивая синяки и шишки.

Губерту ясно как божий день, что Каплирж вовсе не борется за ликвидацию пробелов в работе школы. Каплирж ведет бой не против недостатков, а против их предполагаемых виновников. Он преследует определенную цель — ему подавай некое новое понимание партийной работы. Гавелка правильно почувствовал опасность в его выступлении. И старый Выдра тоже. Что он сказал на прощанье? *Principiis obsta. Sero medicina paratur. Cum mala per longas convalere moras!* Так ведь это же строфа из Овидия! Помнит ли Губерт сейчас перевод? Ну-ка: «В самом начале болезнь пресеки — напрасны лекарства, если успеет она вызреть в упущенный срок». Интересно, прошло столько лет, а он еще не забыл! Да, Губерт обязан был встать и высказать свое мнение, а не иронизировать! Ведь выступление Каплиржа таило в себе не только дерзость, но и зло. Каплирж с ненавистью крушил и тех, кто никогда не нанес ему никакой обиды, тех, кто хорошо работает в партии и привержен ей: раз-

ве виноват Гавелка в том, что у него дефективный сын? Что потерял взрослую дочь, оставшуюся где-то там, за границей? Ведь Гавелка не знает даже, жива ли она. И Бенда не сумел защитить свою несчастную, отчаявшуюся жену! Пошла в церковь! Разве Бенда стал из-за этого плохим коммунистом? Большинство присутствующих на собрании наверняка не согласны с мнением Каплиржа. Пожалуй, одна только Дана Марешова. Трудно понять, почему она вдруг встала на его сторону? Они вроде бы никогда не были друзьями... У Каплиржа в блокноте записаны грехи и промашки всех учителей. Возможно, там живет и ее, Даны, грех!

Но зачем, зачем ему все это?

Почему Каплиржа не мучает, что он перешел уже границу допустимого, когда видимость критики якобы в интересах всего коллектива становится просто орудием необъяснимой личной мести? А если Каплирж на следующем собрании заявит, что партийная организация в школе вообще не нужна? Не пытается ли он просто проташить свою точку зрения, служащую совсем иным, неизвестным целям, к которым он стремится? Не вознамерился ли он воспользоваться их успокоенностью и утерей бдительности? Не повлияет ли он и на остальных? «В самом начале болезнь пресеки — напрасны лекарства, если успеет она вызреть...» Но ведь и сам Губерт Влах перестал различать, где правда, а где ложь. Где белое, где черное. Нет у него радости от алого цвета и от зеленого цвета жизни, он не видит ни одной из этих красок, освещавших прежде его дни. Он дальтоник!

Губерту казалось, что он начинает прозревать. Нет! Он не смеет больше допускать, чтобы зло в нем и вокруг него торжествовало. Нельзя терять ни минуты! Губерт Влах обязан вступить с ним в борьбу, ибо только в борьбе против зла он вернет все то, что потерял. А это не так уж мало.

Еще не поздно!

Губерт попытался сдвинуться с места и повернуться на бок. Получилось. Он осторожно поднял левую ногу — удалось и это. Боль отступила.

Теперь Дагмар была, пожалуй, даже рада, что дома наступила необычная тишина. По крайней мере не приходилось по вечерам что-то объяснять, если Губерт почему-либо не шел к своим норкам, а валялся на диване и вместе с Яромиром смотрел вечернюю сказку для детей. Пятница, конечно, не самый подходящий день для свидания. Но Иржи вчера пришлось ехать куда-то под Брно, он вернулся поздно ночью и если б не позвонил сегодня около восьми утра, то на этой неделе они вообще бы не встретились. В прошлый раз у него тоже оказались как не-то дела. А Дагмар необходимо хотя бы слышать его голос. Не так уж много! Когда Иржи сказал, что приедет за ней, Дагмар от радости чуть не задохнулась! Договорилась с Марженкой, что уйдет на час раньше, та лишь молча кивнула в ответ: Марженка домой не торопится. До двух время тянулось мучительно медленно. Дагмар старалась владеть собой, не раздражаться, не покрикивать на старичков из Дома престарелых, которые ссорились в коридоре из-за очереди; раза три варила кофе, чего раньше с ней не бывало. Ей, некурящей, хотелось поклянчить у Марженки сигарету. Но это уж слишком! Дагмар казалось, что душа ее, обледеневшая за долгую зиму, дрожит и оттаивает на весеннем солнышке его слов. И тут она вдруг услышала знакомые гудки машины. Дагмар бросилась к окну, не обращая внимания на удивленные взгляды Марженки, внизу стоял ее Иржи, тот единственный, кто старается понять ее! Дагмар знала, что может потерять его каждую минуту. Знала, что ни одна женщина не может соперничать с молодостью. Перед свежестью шелковистой кожи и обольстительной доверчивостью не устоит ни один мужчина! Дагмар страстно желала, чтобы та рука, что поднимется навстречу машине, в которой за рулем сидит ее Иржи, появилась в его жизни как можно позже. Да и жена может догадаться о причинах неожиданных командировок. Ворвется сюда и при всех набьет Дагмар физиономию. И обзовет последними словами, потребовав, чтобы Дагмар оставила в покое ее мужа! Дагмар была к этому готова.

«Все претензии — к супругу, пани!» — скажет она, свалив всю тяжесть адюльтера на Иржи, потому что уж он-то под тяжестью не согнется. Выдержит!

Дагмар прижала ладонь к холодному стеклу и усмехнулась.

Иржи увидал ее и жестом показал, где будет ждать.

Дагмар торопливо оделась, кое-как побросала вещи в сумку, стол запирать не стала, положила ключи в карман пальто, крикнула Марженке «Привет!» и кинулась сломя голову вниз по лестнице.

Дагмар поцеловала Иржи в щеку, только когда они выехали из города, от неожиданности он отпрянул и чуть не врезался в идущую навстречу машину.

— Разобьемся!.. — сказал он, выравнивая руль.

Дагмар положила голову ему на плечо.

— Ну и пускай, лишь бы вместе! — вздохнула она мечтательно. Ей было хорошо. Но на дачу они не поехали: у Иржи не было уверенности, что там не объявится его «моторизованная» невестка.

Значит, поедem в наш кабачок, туда ведет извилистая лесная дорога, там время стоит на месте и часы на стене всегда показывают половину двенадцатого.

Иржи положил руки перед собой на стол, и Дагмар прикрыла их своими ладонями.

— Я хочу тебе что-то сказать, Дагмар! — поднимая глаза от ее узких ногтей, покрытых лаком, медленно произнес он.

У Дагмар была красивая улыбка.

— Что-нибудь грустное? — спросила она, все еще прижимая ладонями его руки.

— Не думаю... — пробормотал он неуверенно.

— Серьезное?..

Он кивнул головой.

Дагмар сняла свою руку и притронулась пальцами к его губам.

— Ничего такого не хочу сегодня слышать! — сказала она угрожающе, всем видом показывая, что в противном случае его ждет суровое наказание.

— А надо бы... — заметил он.

Дагмар заткнула уши, изображая капризную девочку.

— Нет, нет и нет!.. — твердила она.

Им принесли кофе. Иржи наклонился над чашкой, задумчиво разорвал пакетик с сахаром и стал смотреть, как его содержимое исчезает в густой коричневой пене. Поведение Дагмар приводило его в замешательство, хо-

тя она не отдавала себе в этом отчета. Дагмар принялась болтать, перескакивая с пятого на десятое, ибо чувствовала потребность выговориться. Иржи делал вид, будто слушает ее, иногда улыбался, хотя не был вполне уверен, к месту ли. Но в потоке ее слов он, как ни старался, не мог выделить главного, она с тем же успехом способна была распространяться об уровне воды в чешских реках, как и о голоде в Индии, о том, что ненавидит его или любит, даже не подозревая, что в глазах Иржи она сейчас не более чем болтливая стареющая женщина...

— Мне пора... — прервал он поток ее слов и повернул к ней запястье левой руки с часами. Половина четвертого.

— Так быстро?.. — вздохнула Дагмар.

Иржи со всей возможной деликатностью объяснил ей, что вечером уезжает с семьей на дачу и должен сложить вещи. Они простились в какой-то боковой улочке у тынцевой площади.

Через распахнутое окно комнаты Яромира — рехнулось что ли, еще не так тепло, чтобы проветривать, до первых весенних дней еще добрая неделя! — рвалась на улицу громкая, как на ярмарке, музыка. В кухне за столом делала уроки отличница Романка — не иначе уже на вторник! Дагмар увидела дочку из передней, когда снимала пальто.

— Привет! — сказала Дагмар весело и поправила волосы. — Папа у порок? — поинтересовалась она.

— Не-а... — ответила Романка и, как подобает отличнице, провела в тетради по линейке аккуратную черту.

— А где?..

— Он взял чемодан, рубашки, трусы и уехал...

— Куда?.. — ахнула Дагмар, и предчувствие беды сжало ей горло. Она услышала громкий стук своего сердца.

— На курсы... — отвечала хорошо осведомленная дочь.

— Он сказал, когда вернется?

— Не-а...

Дагмар вбежала в спальню, посмотреть, что взял с собой Губерт, резким движением распахнула шкаф, и сквознячок от дверок смел с ночного столика у ее кро-

вати какую-то бумажку. Подняв ее, Дагмар обнаружила, что держит в руке фотографию Иржи.

Ах, вот оно что!..

Дагмар опустила на красиво застланную постель, ее сын наверху, прокрутив магнитофонную ленту, снова наигрывал на пианино ту же мелодию. Она слышала, как он пытается вклинить в слаженную игру ансамбля.

Кто же ее продал? Марженка? Нет, только не она! Исключено! Хотя об Иржи знала все. Иржи несколько раз ждал Дагмар в приемной, развлекая их обенх неизвестно где подхваченными анекдотами. А впрочем, разве это имеет значение?

Губерт ушел.

Может быть, он просил что-нибудь передать?

Дагмар вскочила с кровати и помчалась в кухню. Романка ничего не знала. Дагмар искала письмо или хотя бы записку. Увы! Единственное, что Губерт оставил, была фотография Иржи. Дагмар вдруг заметила, что держит ее в руках. Оказывается, она так и мечется с ней по дому.

И тут на нее накатила волна вздорной самоуверенности.

Ничего, побеждает и явится обратно! Это всего лишь поза. Говорят, мужики иногда такое выкидывают.

Это, пожалуй, могло бы ее успокоить. Да, конечно, его уход можно было бы считать позой, если б Губерт оставил лишь ее и детей! Но ведь он бросил норок! Свою тень и свое солнце. Если звери не получают мяса, то через два дня начнут пожирать друг друга! А потом передохнут. И ему это отлично известно.

Нет, Губерт не вернется.

Привычными движениями Дагмар начала готовить ужин и прибираться в доме. Романкины бесконечные вопросы выводили ее из себя.

Она вышла в сад и увидела, что Губерт норок не кормил. Дагмар попросила Яромира пойти и приготовить им мясо.

— Еще чего! Стану я возиться с такой гадостью! — заявил сын со свойственной ему деликатностью. У Дагмар не было желания препираться с ним. Она надела спецовку Губерта и спустилась в подвал. В холодильнике стояли две канистры и ведро, полные говяжьих внутренностей. Дагмар поставила ведро на столик, который сюда

притащил Губерт. Ей было тошно притрагиваться к мясу голыми руками. Она принесла из прачечной резиновые перчатки, и все равно ее выворачивало, когда первый кусок легкого пришлось затолкнуть в грохочущую мясорубку. Вспомнив, что в эту мясную кашу муж добавлял витаминную смесь, Дагмар насыпала туда порошка из картонной коробки.

Губерт не вернется, он упрям. Уйдет. Место найдется в любой школе, учителей-мужчин не хватает. И где угодно ему с радостью предоставят приличную, уже меблированную квартиру.

Дети остаются с матерью!

Он подаст на развод? Наверняка! Потому что был обманут. (Почему, почему он так долго оставлял ее одну?)

Причина развода? Измена жены!

Однажды, когда у них еще бывали друзья, кто-то на вечеринке пошутил: «Измена — прекрасна, но, когда о ней узнают, она, мои дорогие, превращается в страшное свинство!»

Сейчас любая шутка не к месту, Дагмар это понимала.

Губерт ушел.

А она? Как ей жить дальше?

Иржи ни разу не обмолвился и словечком о том, что несчастлив со своей женой. Вопрос «почему мы так поступаем?» он всегда оставлял без ответа. Иногда, чтобы ее успокоить, говорил: «Потому что я тебя люблю!» И этого Дагмар было достаточно.

Дагмар отнесла ведро с кровавой кашей в сад и стала половником накладывать эту мерзость на верхние крышки клеток. Зверьки, учуяв мясо, метались в своей проволочной тюрьме, словно бешеные. По одному половнику! Чтоб хватило всем. Норки, потеряв страх, накинулись на пищу и, мгновенно сожрав свою порцию, стали кидаться к соседям.

Иржи от своей жены не уйдет. Мужчины не в силах принести на алтарь любви столь великую жертву! На такое способна лишь женщина! Иржи стал бы с холодным рассудком прикидывать, сколь велика необходимость лишиться квартиры, где у него есть свое место за столом, свои дети, которых он, конечно, любит и гордится их успехами в школе. Бросить все это, вот так сразу?! Тысячи незначительных мелочей, в своей совокупности созда-

жизни тихий остров обычного супружества! А разве может каждая семья, чью-либо супружескую жизнь назвать нормальной? Почему? Меньше ссор, меньше конфликтов, больше внимания и такта, проявляемого партнерами друг к другу? Возможно!

Нет, Иржи этого не сделает, потому что и он обычный, нормальный человек.

Иржи, так же как и любой другой мужчина, должен опеть к такому поступку принужден.

Если его собственная жена не взялась за кнут, Дагмар это не под силу.

Дагмар благодарна ему за многое. У Иржи было для нее время, он смотрел на нее понимающим взглядом. Он выслушивал ее до последнего словечка. Если она звонила, он вешал трубку не раньше, чем Дагмар говорила: «Ну, пока!»

Сегодня впервые он взглянул на часы. Что-то хотел ей сказать. Что-то важное, но она помешала.

Собирается покончить с их отношениями? Но почему?

Она стали для него обременительными? «Приезжай! — просила она. — Позвони!»

С какой рабской покорностью Дагмар давала ему понять, как благодарна за каждую секунду, уделенную ей.

Дагмар паразитировала на его первоначальном, извечном стремлении мужчины завоевать женщину. Она выигрывала от их отношений намного больше, чем Иржи, хотя вполне вероятно, что он сам так не считал.

Знает, Иржи все понял? Видимо, да. Мужчины рассуждают хладнокровно, они способны провести четкую грань между своими чувствами и своим долгом. И только когда в борьбу с долгом вступает вторая молодость, лишь перед ней они отступают. Иржи до этого еще далеко. Дагмар вернулась домой, оставив спецовку на кухне, и пошла в ванную мыться.

— Что это с тобой стряслось, мама? — спросил сын за ужином. Она увидела, что рядом с его тарелкой лежит открытая книжка и он читает во время еды. В другой раз она бы расшумелась, сегодня не было сил сделать что-нибудь.

— Ничего... — сказала она с отсутствующим видом, но, не в силах притворяться, будто у нее хорошее настроение. Будет тебе, продемонстрировала перед детьми, что

значит съесть все до последней крошки, оставив тарелку чистой. Дети наблюдали за ней с недоверием.

Итак, теперь четвертое место за столом будет пустовать. Через неполных два года сын окончит техникум, уедет, и они с Романкой останутся совсем одни. Сейчас, сегодня дети наверняка не понимают, до чего она довела их отца, но настанет час, когда они упрекнут ее в этом. Яромир непременно! Детям будет не хватать Губерта. «Я всегда была одинока!» — крикнет она им в самообороне. «Ты эгоистка, мама!» — осудит ее сын. И она, мать, не сможет, не посмеет сказать, что женщина тоже имеет право думать о себе, а не только о тех, кому гладит рубашки, готовит по воскресеньям обед и сует под мышку градусник, когда к их постели подкрадывается болезнь. Какой ценой она сможет оплатить свой эгоизм?

Дагмар тихо вымыла посуду и ушла в спальню, оставив детей у телевизора. И, вдруг поняв, что постель возле нее так и останется неразобранной, стала думать о своем муже. Какой он, Губерт?

Душит газом норок. Невнимателен к родным детям. Он, который всегда так дорожил званием члена партии, не в состоянии теперь опровергнуть иные заблуждения сына. Раздражен тем, что его увлечение норками превратилось в каторгу. Но Губерт — человек, несомненно, трудолюбивый, упорный. От своих обязанностей не отступится ни на шаг. Не самодоволен, скромн. Дагмар могла бы назвать еще тысячу его прекрасных качеств.

Губерт просто невнимателен, безразличен к своей жене.

Он подобен норкам, ведь те могут преспокойно отгрызть собственный язык. Они жестоки и бесчувственны. Губерт тоже растерял свои чувства среди звериных клеток и даже не заметил этого.

Но жить без него?

Такая жизнь подобна езде в тоннеле, пока на другом конце не блеснет надеждой даже крохотная подковка света...

Дагмар со всем своим женским эгоизмом желала, чтобы Губерт вернулся!

Губерт проснулся от аромата свежесваренного кофе. Открыв глаза, он тут же вспомнил, где провел ночь. Он поднялся, поясницу все еще ломило, но боль не была столь нестерпимой, как вчера. Без больших усилий Губерт поднялся и в пижаме покойного Эвжена вошел в кухню. Павла накрыла стол для двоих. На ней был халат, запомнившийся ему со вчерашнего вечера.

— Кофе будешь? — сказала Павла вместо приветствия и улыбнулась.

Он кивнул и стал кружить по маленькой кухне в поисках туалета. Павла показала ему, где найти выход из затруднительного положения. Когда Губерт вернулся из ванной, умытый и одетый, Павла позвала его к столу.

Губерт молча мазал масло на хлеб. Он никогда еще не завтракал вот так, с чужой женщиной (ибо настоящие мужчины уходят перед рассветом).

Губерт был рад, что Павла молчит.

Но наконец она все-таки спросила:

— Что ты будешь делать? — тот же вопрос, что она задала ему вчера. Тогда он ответил уклончиво. На сей раз, стряхнув крошки, застрявшие в бороде, твердо сказал:

— Вернусь! — и выжидательно посмотрел на Павлу. Она спокойно запивала свой бутерброд забеленным кофе и молчала, хотя Губерту так хотелось слышать ее мнение.

— По-твоему, я смешон, не так ли?! — попытался он расшевелить ее.

Павла продолжала есть и, держа в одной руке хлеб с джемом, в другой — веселенькую пеструю кружку, заматала головой.

— Нет, Берт, что ты! Вовсе нет! Я это знала еще вчера.

Больше они к этой теме не возвращались.

Губерт надел в передней пиджак и пальто.

— Итак, опять только друзья!.. — с горечью усмехнулся он, стоя в дверях. Павла протянула ему руку на прощанье.

— Что же тут плохого? — Она уже успела одеться, в обтягивающих фигуру брючках и свитере Павла выглядела совсем молодой. — Даже лучше. Для нас обоих! — уточнила она.

— Мне хотелось бы тебя поцеловать... на прощанье! — сказал Губерт, не выпуская ее руки.

Павла мягко отстранилась.

— Нет, Берт. Не люблю сантиментов и позы. — Она произнесла это так, что обидеться он не мог.

— Тогда до свидания!

Вместо ответа Павла ободряюще подмигнула, она стояла в распахнутых дверях, провожая его взглядом, и смотрела, как он сбегает вниз по лестнице. Лифт почему-то опять не работал.

Губерт поставил чемодан за дверь в подвале и надел старое пальто. Он слышал, что холодильник стучит, но открывать его не стал.

Когда он снова вышел во двор, солнце ослепило его. Он любил такие утра в преддверии весны. Утра? Дагмар скоро позовет детей обедать. Через раскрытую калитку Губерт вышел в сад, к навесу с клетками. Увидал, что кто-то уже покормил зверьков. К чему?

Из ящика, прикрытого досками, он достал кожаные перчатки, надел их и выволок тачку, на которой обычно возил навоз. Потом подошел к первой клетке, приподнял крышку и, схватив норку за шею у самой головы, сжал кулак и резко повернул его. Послышался слабый хруст. Губерт свернул норке шею и швырнул обмякшее тельце в грязную тачку.

Губерт обошел клетку за клеткой, все до одной. Он уничтожал норок систематично, без какого бы то ни было волнения, зная, что избавляется от заразы равнодушия, от бацилл, всей опасности которых ранее не осознавал. По мере того как тачка наполнялась, Губерта все больше охватывало приятное чувство освобождения. Это, конечно же, не имело ничего общего с атавистической жадной убийства. Он вверг себя в тысячный убыток, чего ни один зверовод не простил бы ему, но ни на мгновение не хотел сопрягать сладкое чувство свободы рук и души с зелеными стокронными купюрами!

Губерт отвез тачку с мертвыми норками в дальний угол сада, где у него хранилось удобрение. Перевернув ее, он прикрыл трупики толстым слоем старой соломы, набросав сверху навоза и земли, чтобы не растащили кошки.

Губерт поставил тачку на место, снова взглянул на распахнутые дверцы пустых клеток..

Теперь он может идти к жене!

Губерт убрал в ящик кожаные перчатки и снял в подвале старое пальто.

Впрочем, чемодан он на всякий случай оставил пока на лестнице...

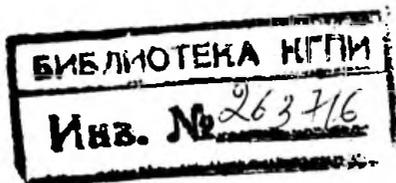
Станислав Рудольф

ДАЛЬТОНИК

Роман

ИБ № 11158

Художник *Г. И. Сауков*
Художественный редактор *А. П. Куцов*
Технические редакторы *В. П. Перминова,*
В. А. Юрченко
Корректор *В. Ф. Пестова*

Сдано в набор 16.01.82. Подписано в печать
25.05.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Услови. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,62. Тираж
доп. 50 000 экз. Заказ № 990. Цена 2 р. 30 к.
Изд. № 31533

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной
торговли.

Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Владимирская типография «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7